

Романовы в дороге

Путешествия и поездки
членов царской семьи
по России и за границу

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Романовы в дороге

Путешествия и поездки
членов царской семьи
по России и за границу

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2016

УДК 93/94
ББК 63.3(3)
Р69

Ответственные редакторы:

доктор исторических наук *М.В. Лескинен*,
доктор исторических наук *О.В. Хаванова*

Рецензенты:

доктор исторических наук *Е.Н. Марасинова*,
кандидат исторических наук *С.С. Лукашова*

Р69 Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу: Сб. статей / Отв. ред. М.В. Лескинен, О.В. Хаванова. — М.; СПб. : Нестор-История, 2016. — 320 с.
ISBN 978-5-4469-0665-9

В сборнике научных статей представлены материалы конференции, посвященной 400-летию юбилею династии Романовых. Поездки и путешествия российских самодержцев и членов их семьи с XVII по XX вв. рассматриваются с точки зрения разновидностей и целей, исходя из жанровой специфики источников (заметки самих участников, корреспонденция, репортажи, публикации в газетах и журналах, мифологемы массового сознания и т. п.), а также в контексте формирования имперских церемоний и этикетных норм коммуникации. Проанализированы некоторые методологические и теоретические вопросы изучения и интерпретаций высочайших путешествий по России и за границей, — в частности, язык, приемы и риторика их репрезентаций для разных аудиторий. Сборник предназначен для историков, филологов, специалистов по истории и культуре Российской империи, а также для широкой гуманитарной аудитории.

The volume includes proceedings of the conference dedicated to the 400-year anniversary of the Romanov dynasty. Travels and journeys of the Russian tsars and their family members from the seventeenth to the early twentieth century are considered from the point of view of their variety and purpose, with regard to the genre of the sources used (notes of the travellers themselves, correspondence, reports, periodicals, mythologies of mass consciousness and so forth), as well as in the context of emerging imperial ceremonial and etiquette norms of communication. Authors pay attention to methodological and theoretical issues of research and interpretation of monarchic travels in Russia and abroad, such as language, ways and rhetoric of their representation for different audiences. The volume is addressed to historians, philologists, scholars studying the history and culture of the Russian Empire and to all those interested in the humanities.

**УДК 93/94
ББК 63.3(3)**

В оформлении обложки использован фрагмент картины Н. Е. Сверчкова «Николай I в санях». На обороте — гравюра Гоппе «Дорожный возок Екатерины II»

ISBN 978-5-4469-0665-9

9 785446 906659

© Коллектив авторов, 2016
© Институт славяноведения РАН, 2016
© Издательство «Нестор-История», 2016

Содержание

Предисловие.....	6
------------------	---

Место путешествий в придворном церемониале

К. Штеттан

Романовы как «экскурсоводы»: поездки с австрийскими дипломатами к достопримечательностям молодой Российской империи (20-е годы XVIII в.).....	13
---	----

Н. Ю. Болотина

Последний путь царевны Прасковьи Ивановны: церемониал похорон члена императорской фамилии Романовых.....	23
--	----

Г. В. Ибнеева

Екатерина II и дворянство в церемониале императорских путешествий.....	33
--	----

Е. В. Беспалая

Последний путь странствующего императора Александра I.....	49
--	----

Н. М. Филатова

Варшавская коронация Николая I в 1829 г.: русский и польский взгляды.....	63
---	----

История одного путешествия

И. Шварц

О поездке Петра Великого в Пресбург.....	83
--	----

О. В. Хаванова

Пребывание Павла Петровича в Вене в 1781–1782 гг.: «умное» путешествие просвещенного цесаревича.....	94
--	----

<i>Л. А. Кирилина</i>	
Александр I на Лайбахском конгрессе 1821 г.	110
<i>В. П. Тотфалушин</i>	
Саратовский эпизод «Венчания с Россией» цесаревича Александра Николаевича.	121
<i>М. Э. Клопова</i>	
Николай II во Львове и Перемышле. Весна 1915 г.	130

В дороге, в пути, в движении

<i>А. В. Топычканов</i>	
Кремлевская резиденция vs подмосковные резиденции: зоны конфликта во второй половине XVII в.	145
<i>И. В. Меркулов</i>	
Отечественная война 1812 года и Заграничные походы Русской армии в Записках и переписке государственного секретаря А. С. Шишкова.	158
<i>О. С. Каштанова</i>	
Путешествия великого князя Константина Павловича в системе военно-политических и династических интересов Российской империи.	177
<i>Ф. И. Мелентьев</i>	
О. Б. Рихтер — летописец путешествий по России цесаревича Николая Александровича.	192
<i>О. В. Соколовская</i>	
В гостях у королевы эллинов Ольги: вторая половина XIX — начало XX вв.	204
<i>Л. В. Кузьмичева</i>	
Семья великого князя Константина Константиновича Романова на балканских дорогах.	219
<i>Н. Г. Струнина-Бородина</i>	
Великокняжеские семьи Петра и Николая Николаевичей Романовых в дороге.	234

**Символика
монарших путешествий**

М. В. Лескинен

«Императорский миф» о пребывании Романовых
в Финляндии: верноподданнические, историографические
и фольклорные воплощения 253

Е. Е. Левкиевская

Юбилейное путешествие Романовых 1913 г. на фоне
имперских юбилеев: метафора пути 268

**Приложение.
Не только Романовы в дороге**

К. Кульчар

Маршруты европейских государей... Типология путешествий
XVIII в. на примере поездок герцога Альберта Саксен-
Тешенского и эрцгерцогини Марии Кристины 283

К. Клевинг, М. Джокич

Монаршие путешествия как путешествия власти:
эмпирический опыт о владениях Иосифа II и Франца II (I)
Габсбургов, 1768–1835 299

Сведения об авторах, редакторах, переводчиках и рецензентах. 313

Список упоминаемых в тексте

исторических географических названий. 315

Список сокращений. 316

Предисловие

В год 400-летия династии Романовых было проведено много научных симпозиумов, выставок, юбилейных мероприятий. Мы выбрали для конференции тему «Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу», объединив, таким образом, две актуальные в последнее десятилетие исследовательские проблемы: анализ путешествий как концепта и жанра и историю царской (императорской) династии Романовых. В сборнике представлены статьи участников конференции, проведенной в Институте славяноведения 12–14 ноября 2013 г. в рамках II Всероссийского совещания славистов¹, а также работы специально приглашенных авторов. В результате исследователи представляют пять стран (Россию, Австрию, Венгрию, Германию и Сербию) и четыре российских города: Москву, Санкт-Петербург, Казань и Саратов.

В новейшей отечественной историографии, обращающейся к изучению феномена имперского российского самодержавия, его идеологического толкования, значительную роль сыграла книга американского историка-русиста, профессора Колумбийского университета США Ричарда Уортмана «Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии», переведенная на русский язык в 2002–2004 гг.² Она не только вызвала широкий резонанс в среде историков и культурологов, но и открыла новую страницу в изучении имперского периода российской истории с точки зрения реализации символических и мифологических функций власти и различных (вербальных, визуальных, коммуникативных) способов ее репрезентации. Можно по-разному оценивать значимость исследования Уортмана для российской историографии³ — пишут как о «уртмановском повороте»⁴ в исторических дисциплинах, так и о неоправданной «уртмании» отечественных

гуманитариев⁵. Но так или иначе оно повлияло на целое междисциплинарное направление, в котором своеобразие российского самодержавия как политической формы и социокультурной модели реконструируется через его средства идентификации. Таковыми можно считать идеологию и метафорику Царской / Императорской власти, которая представляет особенную значимость на этапе формирования имперского и «народного» самосознания периода «строительства» современных наций.

Одним из аспектов взаимодействия патримониальной монархии в лице «отца» народа (народов) и «детей»-подданных становится путешествие в широком значении слова — как целенаправленное и ставшее объектом описания или рефлексии перемещение в пространстве⁶. В высочайших путешествиях (даже к месту последнего упокоения) важна именно архаическая связь властителя, сакрализуемого актом помазания, и пространства, им «окормляемого»; личности, олицетворяющей государство, со всеми своими подданными, цельный образ которых воплощен в представителях каждого из слоев социума. Известно, что в раннесредневековых европейских и азиатских монархиях поездки правителей по подвластным им территориям реализовывали несколько задач одновременно, однако важнейшей из них была собственно символическая функция единоначальной власти — ее зримое присутствие среди подданных, появление монарха перед ними, позволяющее им видеть и признавать своего реального властителя. Освоение территорий государства через путешествие должно было означать при-своение их, оно закрепляло эту реально-экономическую и символическую связь. И в раннее Новое время, и в начале XX в. (как убедительно показано в статьях сборника) актуальным в период путешествия оставалось «знакомство» монарха с народом и узнавание, «опознание» государя подданными. Мало что менялось и в сфере ожиданий: правитель должен был реализовать свои сакральные функции, в том числе и через одаривание — как вещественное (подарки, деньги и т. д.), так и через «милости»: награждения, принятие прошений, участие в судьбах конкретных людей и т. д. В имперскую эпоху путешествия цесаревичей и других детей самодержца выполняли кроме этого важную образовательно-педагогическую задачу — независимо от того, по России или за границей они совершались.

Неизменным результатом (предполагаемым или реализованным) любого венценосного путешествия по своей стране или за ее пределами

следует считать создание идеального образа — Царя, Власти, Отечества, Народа, а также идеи их гармоничного сосуществования. В общении с представителями разных социальных, этнокультурных и конфессиональных групп полиэтнической и поликонфессиональной Российской империи Государь выступал воплощением регулятора сбалансированных отношений всех сословий, племен, вероисповеданий, — и во время прямого или делегируемого контакта эту модель возможно было представить ярко и впечатляюще. Поездки за границу, введенные Петром I, помимо репрезентативной функции нередко имели познавательную компоненту: государи и наследники знакомились с церемониалом и нравами принимающих дворов, учились сравнивать, грамотно перенимать опыт, достойно представлять свое Отечество перед союзниками. Не случайно, что часто такие вояжи осуществлялись под вымышленными именами, что освобождало от необходимости соблюдать лишние условности и гостей, и хозяев.

По материалам исследований можно проследить и изменение церемониалов, сопровождавших официальные и неофициальные выходы императоров, которые пришлось разрабатывать хотя и довольно поздно по европейским меркам, но все же не «с нуля» (как полагают некоторые исследователи), а в очевидной опоре на предшествующие традиции русских князей и царей. Отчетливо прослеживается тенденция, особенно ясно сформулированная в период правления Александра III (ее символическим заключительным аккордом можно считать знаменитый костюмированный бал «в русском стиле» в феврале 1903 г.), — к воссозданию исторических традиций и внешних форм доимперской «русскости», в том числе и в церемониалах, ритуалах приветствий, подношений, дворцовом этикете и т. п. Однако это касалось главным образом «внутрироссийского» стиля и образа жизни. В общении с венценосными европейскими родственниками, иностранными дипломатами и т. д. реализовывалась иная модель поведения.

Важную роль играл и сам язык описаний высочайших травелогов — ведь основная масса сохранившихся свидетельств оставлена наблюдателями, придворными, участниками и организаторами поездок. Именно их вербальные и визуальные репрезентации становились главными информационными источниками и долгое время рассматривались современниками и потомками как «высочайше утвержденные». В них, как показано в некоторых статьях сборника, формируются те речевые лексические стандарты и нормы «политкорректности»,

которые определяют способы и формы изложения деяний царственных властителей России и обстоятельств их личной жизни для «простых людей» – т. е. в официальных отчетах и «журналах», в средствах массовой информации, популярной литературе «для народа» и т. п.

Обращаются исследователи и к источникам личного происхождения, анализ которых позволяет во многом преодолеть складывавшиеся на протяжении длительного времени не только в российской (советской), но и зарубежной историографии XX в. стереотипные взгляды на членов правящей династии Романовых как на представителей «правлящей верхушки» (разница проявлялась лишь в оценках). Дневники путешествий, переписка, индивидуальные впечатления конкретных людей, облеченных властью, дают возможность осветить не столько «репрезентационные стратегии», сколько личностное восприятие, понимание долга и ответственности, отношение к собственному народу и его судьбе – в границах, определяемых целями поездки и маршрутом.

Авторы коллективного сборника рассмотрели сюжеты, относящиеся не только к трем столетиям романовской Империи (1721–1918), но и более ранние, включая период правления царя Алексея Михайловича. Композиция книги обусловлена не хронологическим, а проблемным принципом: открывается она статьями, в которых реконструируются путешествия и поездки как часть придворного церемониала (экскурсии Петра I, ритуалы прощания с покойными членами царской семьи и их погребения, «встречи с народом» и коронации). Затем следует раздел, авторы статей которого подробно анализируют отдельные индивидуальные поездки государей Петра I, Павла I, Александра I, будущего Александра II, Александра III и Николая II. Третья часть посвящена организации подготовки и аргументации (в том числе и риторической) различных перемещений императоров и членов их семей, включая официальные и неофициальные визиты и встречи с родственниками. В двух статьях представлена реконструкция символики монарших путешествий, как создаваемая и реализуемая их организаторами и участниками, так и не рефлекслируемая современниками. Завершает ряд исследований «Приложение», в котором публикуются статьи о путешествиях супружеской четы – Альберта Саксен-Тешенского и эрцгерцогини Марии Кристины Габсбургской, и поездках по своим обширным владениям двух императоров – Иосифа II и Франца II (I). Читатель найдет в них немало тематических

перекличек с основными статьями, познакомится с методикой изучения сходного круга проблем на примере других стран.

Примечания

¹ С тезисами докладов, прозвучавших на конференции, можно ознакомиться по адресу: http://www.inslav.ru/images/stories/pdf/2013_Romanovy_v_doroge.pdf (дата последнего посещения 31.III.2015). Обзор конференции см.: *Клопова М.Э.* Конференция «Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу» // *Славяноведение*. 2014. № 4. С. 121–124.

² *Wortman R.S.* Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Princeton Univ. Press, 1995–2000. Vol. 1–2. В русском переводе см.: *Уортман Р.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. М., 2002–2004.

³ Укажем некоторые отклики российских рецензентов: *Домнина И.И.* Рец. на: *Wortman R.S.* Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. 1. Princeton Univ. Press, 1995 // *Вопросы истории*. 1997. № 12. С. 161–162; *Долбилов М.Д.* Рец. на: *Wortman R.S.* Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. 1. Princeton Univ. Press, 1995 // *Отечественная история*. 1998. № 6. С. 177–181; *Он же.* Рец. на: *Wortman R.S.* Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. 2. Princeton University Press, 2000 // *Отечественная история*. 2001. № 5. С. 178–181.

⁴ «Как сделана история». Обсуждение книги Р. Уортмана «Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии». Т. 1. М., 2002 // *Новое литературное обозрение*. 2002. № 56. С. 42–66.

⁵ *Эрлих С.Э.* Уортмания. Восприятие идей Р. Уортмана в России // *Эрлих С.Э.* «Россия колдунов». СПб., 2006. С. 225–244.

⁶ В последнее десятилетие концепт пути и дефиниция путешествия находятся в центре внимания ученых-гуманитариев, но к общему и единому определению исследователи не пришли. См., в частности: *Культурное пространство путешествий. Тезисы форума 8–10 апреля 2003.* СПб., 2003; *Путешествие как историко-культурный феномен // Одиссей*. 2009. М., 2010. С. 5–266. Теоретическое введение в: *Толстиков А.В., Кошелева О.Е.* Предисловие // *Номо viator. Путешествие как феномен культуры*. М., 2010. С. 5–10; *Власть Маршрута: путешествие как предмет историко-культурного и философского анализа.* Конференция РГГУ и Крымского геополитического клуба (Москва, 2012). С материалами конференции можно ознакомиться по адресу: http://kogni.ru/news/annotacii_k_konferencii_vlast_marshruta/2012-11-10-1573 (дата последнего посещения — 31.III.2015). О ней см.: *Сид И.* «Власть маршрута». Постановка проблемы (<http://www.russ.ru/Mirovaia-povestka/Vlast-Marshruta-.Postanovka-problemy> — дата последнего посещения 31.III.2015); X Конгресс этнологов и антропологов России. Москва, 2–5 июля 2013. Тезисы. Секция «Феномен путешествий». М., 2013. Конференция «Литература путешествий в свете компаративности. РГГУ, «Белые чтения». 17–19 октября 2013 г. Программу см.: ruthenia.ru/konf/belye_chtenija_2013.docx (дата последнего посещения 31.III.2015). См. также: *Золотой век Grand Tour. Путешествие как феномен культуры / Сост. и общая редакция В. П. Шестакова.* СПб., 2012.

**Место путешествий
в придворном
церемониале**

Романовы как «экскурсоводы»: поездки с австрийскими дипломатами к достопримечательностям молодой Российской империи (20-е годы XVIII в.)*

В начале 20-х годов XVIII в. австрийско-русские отношения вышли из серьезного межгосударственного кризиса. Причиной напряженности был конфликт, вызванный бегством царевича Алексея в 1716 г. в Вену, что привело к временному прекращению дипломатических отношений между императором Священной Римской империи Карлом VI (1711–1740 гг.) и русским царем. Только при дипломатическом посредничестве генерала Иоганна Вейсбаха и графа Павла Ивановича Ягужинского при венском дворе межгосударственные отношения сдвинулись с мертвой точки. Русским представителям удалось убедить цесаря (императора) в необходимости «восстановления дружеских отношений» между двумя дворами¹.

Обстоятельства, при которых это примирение должно было быть достигнуто, звучат для современного наблюдателя довольно странно. В начале 1720 г. Петр I отправил Ягужинского в Вену с предложением, чтобы обе стороны посредством договора «стерли» и «забыли» все прежние «недопонимания» и «разногласия» и больше об этом не вспоминали. Венские министры ответили в таком же духе и написали в своем отзыве, что установление «постоянной дружбы» и вероятное заключение союза возможны в случае, если они забудут «все прошедшие смуты». Эти взаимные обещания не были пустыми словами. Уже в следующем году император отправил графа Штефана Вильгельма Кинского (1679–1749) в Россию с целью заключения союзного договора².

Сразу после его приезда в Санкт-Петербург и последовавших церемониальных приемов в начале октября 1721 г. Петр I выказал

* Статья написана при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-31-01003а1.

готовность к возобновлению дружеских отношений и уже в том же месяце пригласил посланника Священной Римской империи на совместную экскурсию в Кронштадт. Это приглашение можно назвать хорошим примером неформального общения русского государя с иностранными послами. Не зная об этих характерных чертах Петра I, Кинский расценил царский жест как необычное доказательство благосклонности. Мнение Кинского об уникальности этого события только подтвердилось в ходе самого мероприятия³.

В день отъезда из Санкт-Петербурга Петр отправил царскому дипломату «красивую шляпку» для самостоятельной переправы в Кронштадт. Прибыв в главный порт русского флота, Кинский увидел уже находившегося там государя вместе с Ягужинским. Они пригласили его на прогулочный корабль царя, и тот лично показал гостю не только весь порт, но и провел через корабли флота, фортификации и другие достопримечательности города. Подробные описания императорского посла содержат ценную информацию о состоянии русского флота в Кронштадте в начале 20-х годов XVIII в. По словам дипломата, там находилось более двадцати кораблей, большинство из которых было вооружено 60 пушками. Некоторые из них имели на вооружении даже 100 пушек. С точки зрения Кинского, сама фортификация была очень красиво построена и хорошо укреплена. Таким образом, вражеским кораблям предстояло бы преодолеть двойной ряд более чем из ста пушек, чтобы продвинуться внутрь крепости. Несмотря на то, что морская болезнь царского спутника, Ягужинского, омрачила совместную экскурсию, Петр I остался доволен очевидным восторгом Кинского и несколько раз справлялся у дипломата о его впечатлениях⁴. Продолжая дружеский тон разговора с царем, Кинский ответил на эти вопросы шуткой: «Хотя я не водяной, но ничего не имею против этих мероприятий в присутствии столь великого государя»⁵.

После морской экскурсии австрийского посла пригласили на маскарад в дом князя А. Д. Меншикова, где царь в присутствии всех русских министров продолжил расспрашивать дипломата о его впечатлениях: «Вы можете себе представить, что все это было построено во время тяжелой войны?» На этот раз представитель императора решил польстить самодержцу, сказав, что со дня своего приезда в Россию только и замечал такие военные достижения. По мнению Кинского, эти слова также понравились Петру, и довольный царь пожал послу руку. Все эти выражения почета и особенно тот факт, что царь

оставил всех остальных иностранных дипломатов в Петербурге, убедили Кинского: эта экскурсия была организована исключительно в его честь. Кроме того, после совместного путешествия государь изволил дать Кинскому совет — всегда находиться подле его особы⁶.

Неудивительно, что австрийский эmissар был этим весьма польщен и в очередной реляции истолковал это приглашение как очевидный знак сближения с русским государем⁷. Однако от чувства превосходства не осталось и следа, когда в том же месяце царь устроил такую же экскурсию для французского посла Жан-Жака Кампредона, который прибыл в Санкт-Петербург через пару недель после Кинского. Доклад Кампредона о совместном путешествии с царем свидетельствует о том, что программа осмотра достопримечательностей оказалась подозрительно похожей на экскурсию для цесарского посланника. Роль экскурсовода во время водной прогулки с французским представителем опять взял на себя сам Петр. Он показал гостю не только корабли русского флота, но и провел по другим достопримечательностям Кронштадта. В конце экскурсии государь выпил рюмку водки за здоровье Кампредона и велел французцу вернуться в столицу самостоятельно⁸. Узнав о реакции на экскурсии с царем среди иностранных послов в Петербурге, Кампредон писал в приписке к своему донесению: «Капитан фрегата приехал сюда, так что я могу прибавить (к предыдущему), что, вернувшись вчера вечером, узнал, как Кинский встревожен моим прибытием и почестями, оказанными мне Царем. Он [цесарский дипломат] сильно хлопочет о самом тесном союзе между своим государем и Царем, который, однако, не так-то скоро решится на это»⁹.

Злорадные слова французского дипломата служили намеком на то, что они с Кинским были соперниками. Это впечатление усиливается при рассмотрении целей французской миссии. Кампредон приехал в Санкт-Петербург в качестве первого постоянного посланника и полномочного министра при петербургском дворе после того, как Франция с успехом выступила в роли посредника между Россией и Швецией в рамках Ништадтского мира (1721). При таком характере межгосударственных отношений французский представитель старался с самого первого дня добиться от новой великой державы подписания союзного договора. Русско-французский союзный договор был заключен в Амстердаме в августе 1717 г., но касался в первую очередь налаживания широких торговых связей между двумя странами и французского посредничества на заключительном этапе Северной войны. Все

попытки Петра, направленные на дальнейшее сближение с Францией были, однако, отвергнуты в Версале. Главным препятствием были отказ французов от брачного проекта с Россией, их нежелание признать императорский титул Петра I и разделить сферы влияния в Польше. Несмотря на это, Кампредон старался добиться дальнейшего политического сближения с Россией, так как являлся горячим сторонником крепкого политического союза с русским двором. Между тем, смерть герцога Орлеанского в 1723 г. и воцарение достигшего совершеннолетия Людовика XV имели следствием утрату в Версале всякого интереса к России. 1721–1726 годы — это время упущенных возможностей в русско-французских отношениях¹⁰.

Петр был готов к серьезному сближению с французским двором, но в данный момент, видимо, хотел оставить двери открытыми. Экскурсии с обоими претендентами на его дружбу прекрасно служили цели публично показать временную равноудаленность Кампредона и Кинского. Таким образом, царь дал иностранным представителям понять, что он в принципе готов к сотрудничеству с обоими дворами. Но он также показал дипломатам, что им придется соревноваться за его дружбу.

Что касается Кинского, он выбыл из борьбы довольно скоро. Причина заключалась в том, что в конце 1721 г. Петр I принял императорский титул. Этот его шаг сделал сотрудничество с венским двором практически невозможным. Несмотря на то, что Кинский и в дальнейшем стремился к сближению с Россией, из-за конфликта о титулатуре Петра I император Священной Римской империи велел своему эмиссару покинуть миссию в Санкт-Петербурге. Уже во второй половине 1722 г. Кинский, ссылаясь на мнимые проблемы со здоровьем, простился с российским императором. В столице новой Империи в качестве официального представителя Карла VI и информатора для венского двора остался секретарь посольства Себастиан Гохгольцер¹¹.

Несмотря на отъезд посланника императора Священной Римской империи, Гохгольцер сумел заменить Кинского при русском дворе, в том числе в качестве гостя на придворных мероприятиях и торжествах. Так, российский император пригласил его в августе 1723 г. на совместную экскурсию со всеми иностранными представителями в Петергоф. В докладе о приглашении, поступившем от русского государя, Гохгольцер подчеркнул, что Петр хотел бы показать этот замок лично¹². О значении Петергофа как архитектурной гордости молодой

Российской империи рассказывается в одном из более ранних донесений. В мае 1723 г. Гохгольцер сообщал, что Петр I лично наблюдал за строительными работами в летнем дворце. В отчете о приглашении на совместные экскурсии секретарь посольства констатировал: «Это здание, наверное, является одним из самых известных в Европе»¹³.

В донесении для французского двора Кампредон отзывался о дворце в сходных выражениях, причем его описания оказались гораздо подробнее, чем у Гохгольцера. Он начинал с детального описания системы каналов от моря до дворцового фонтана. При этом дипломат упоминал даже технические особенности, которые касались, например, подачи воды в канал через шлюз. Сам дворец он называл сравнительно маленьким и еще недостроенным, но отмечал художественное оформление интерьеров голландскими, итальянскими и китайскими картинами. Именно эту коллекцию он хвалил в своем докладе, хотя дворец в целом показался ему не более чем «маленьким и уютным». За подробным описанием здания следовало впечатление француза о дворцовом саде. Особое внимание он уделил большому фонтану, находившемуся в самом центре парка. По словам Кампредона, вода производила приятный шум, что делало прогулку особенным удовольствием. Реляция француза не оставляет сомнений в репрезентативном характере групповой экскурсии для иностранных дипломатов, проведенной самим русским государем. Так, Петр I спросил у Кампредона, поскольку французы всегда славилась безупречным чувством прекрасного, что тот думает обо всем увиденном. Государь хотел знать, нашел ли он в Петергофе что-либо примечательное. Кампредон предпочел дать дипломатичный ответ: все, что было построено во время долгой войны и при таком климате, заслуживает внимания как «великолепный объект»¹⁴. В целом донесения Гохгольцера и Кампредона показывают, что европейские дипломаты не только следили за политическими событиями при иностранном дворе, но и вели работу в сфере культурного посредничества.

Экскурсия в Петергоф нашла живой отклик в европейской прессе. Основываясь на разных дипломатических донесениях и статьях из других газет, немецкий журнал «*Europäische Fama*» (можно перевести как «Европейская молва») опубликовал большую статью о совместной экскурсии российского самодержца с иностранными посланниками. Петр I прекрасно знал инструкции, даваемые европейским дипломатам по поводу содержания их реляций своим дворам. По этой причине экскурсия имела прежде всего репрезентативный характер,

направленный на повышение престижа молодой Российской империи в глазах западноевропейских дворов. И этой цели российский государь, несомненно, достиг. В заключительном сравнении дворцовых культур России и Запада «*Europäische Fama*» констатировал, что показанные новые достопримечательности Российской империи не только хорошо продуманы, но и построены с чрезвычайным вкусом¹⁵.

Кроме подробностей статьи о совместном путешествии Петра I с дипломатами любопытным аспектом репортажа являются оценки, данные журналом культуре при русском дворе. В то же время у издателей нашлись и нелицеприятные слова о придворной культуре России. Это находилось в тесной связи с общей тенденцией обсуждения русского двора в этом журнале, который издавался с 1702 по 1735 гг. в Лейпциге и отличался от обычных ежедневных газет того времени тем, что не только комментировал, но и критиковал важные события на континенте. Основными источниками для журнала служили ежедневные немецкоязычные газеты, издававшиеся под патронатом разных немецких дворов, и неофициальные источники информации. Этот печатный орган можно по праву назвать одним из немногих «критических голосов» европейской прессы XVIII века. Современные исследователи не случайно называют его «историко-политическим печатным органом»¹⁶.

Главной тенденцией его информационной политики было положительное отношение к Петру I, который, с точки зрения журнала, своими реформами заложил основу для превращения страны из «варварской Московии» в «цивилизованную Российскую империю». По мнению «*Europäische Fama*», главным препятствием для курса реформ являлся отсталый русский народ, который для завершения цивилизационного процесса нуждался в жестком управлении¹⁷.

Эта тенденция прослеживается и в статье об экскурсии Петра I с иностранными дипломатами в Петергоф. После подробного описания дворца и программы экскурсии по дворцовым покоям следовала общая оценка культурных достижений русского двора. В ней во всей полноте проявилась суть информационной политики «*Europäische Fama*». Несмотря на то, что журнал писал о наличии «каких-то развлечений» и «великокняжеских увеселений» в России, эти мероприятия, по мнению автора, не были так хорошо оформлены и подготовлены, как при дворах иных христианских государей. С одной стороны, констатировалось, что даже при русском дворе существует традиция отмечать

не только дни рождения и тезоименитств монархов, но и праздники в честь святых покровителей царских орденов или в память о ратных победах и заключении мирных договоров. Кроме того, журнал уделял особое внимание страсти царя к придворным маскарадам¹⁸. Все события, которые в течение первых двух десятилетий XVIII в. стали важными элементами придворной жизни в России, причислялись к приметам европеизации русского двора в целом и праздничного календаря в частности. В этом, кстати, с наблюдателями XVIII в. согласны авторы современных научных трудов¹⁹. С другой стороны, несмотря на положительную характеристику русской придворной культуры, «*Europäische Fama*» не мог поставить эту высокую оценку без унижительного комментария об отсутствии культуры в русском народе в целом. В конце концов, авторы приходили к выводу, что во всех помпезных мероприятиях находят отражение и прежние вкусы, которые, конечно, не могли считаться европейцами изысканными. Здесь журнал возлагал надежду на Петра I: его понимание европейской культуры было не только хорошей основой для ее восприятия в среде простого народа, но и являлось отправной точкой для дальнейшего развития стиля придворной жизни в России²⁰.

Реляции европейских дипломатов со всей очевидностью повлияли и на общественное мнение о России на Западе. Последующие отчеты императорских эмиссаров свидетельствуют о том, что именно эти первые экскурсии с русским государем произвели неизгладимое впечатление на венский двор. Когда посол граф Амадей Рабутин в 1726 г. по приглашению Екатерины I побывал в Кронштадте и Петергофе, он отослал читателей своего отчета к более ранним донесениям Кинского и Гохгольцера. Несмотря на подробное описание, уже данное предшественником, Рабутин еще раз упомянул военно-стратегическое значение Кронштадта. Императорский посол назвал положение порта особенно выгодным, так как небольшая глубина моря и окружающие скалы делали его практически недоступным для врага. Кроме того, узкий вход в порт был настолько хорошо защищен от возможного захватчика, что русскому флоту там было нечего бояться. Помимо удачного укрепления порта он отметил хорошее качество конструкции и снаряжение русских кораблей, которые удивили не только его, но и всех присутствовавших шведских офицеров — более опытных экспертов в морском деле. Что касается Петергофа, Рабутин похвалил только «водопады» как самую впечатляющую достопримечательность дворцового парка²¹.

Краткость описания Рабутина не должна удивлять, так как во время пребывания в Петергофе произошли еще и другие важные события, которые легли в основу серьезных политических изменений в рамках системы международных отношений в Европе. Когда австрийский дипломат вместе с другими путешественниками уже сидел за столом, пришло сообщение о заключении в Вене союза между его государем и Екатериной I²². По словам Рабутина, российская императрица оказалась «тем более довольна» этой новостью, что теперь она могла «без всяких сомнений доверять дружбе цесаря», и ей не нужно было более «сомневаться в тесной связи» между двумя империями²³. После такой явной демонстрации дружбы со стороны Екатерины I враги сближения между двумя дворами выразили в своих донесениях недовольство этим событием. Француз Жан Маньян, например, утверждал, что русский и голштинский дворы пришли в большой восторг по поводу заключения союза, потому что ожидали больших выгод от этого альянса²⁴. Итак, совместная экскурсия Екатерины с иностранными дипломатами стала сценой публичного сближения дворов Вены и Санкт-Петербурга.

Приведенные примеры дипломатических путешествий показали, что Романовы по разным причинам брали на себя роль экскурсоводов при иностранных посланниках. Таким дипломатическим путешествиям придавалась функция индикатора взаимоотношений между приглашающим монархом и двором приглашенного дипломата. В то же время, экскурсии были призваны предьявить дипломатическому корпусу достопримечательности Российской империи, что свидетельствует о политическом характере культурных мероприятий при дворах раннего Нового времени. Поскольку эти события долгое время незаслуженно рассматривались как мелочи на фоне масштабных дипломатических событий, их подробный анализ помогает глубже проникнуть в суть политической культуры и коммуникации в XVIII столетии.

Примечания

¹ Подробнее см.: *Никифоров Л. А.* Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир. М., 1959. С. 214–250; *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого: в 8 т. СПб., 1858–1863. Т. 6. Царевич Алексей Петрович. СПб., 1859. С. 118–235; *Флоровский А. В.* Русско-австрийские отношения в эпоху Петра Великого. Прага, 1955. С. 24–30; *Pilss F.* Die Beziehungen des kaiserlichen Hofes unter Karl VI. zu Russland bis zum Nystädter Frieden (1711–1721). Phil. Diss. Wien, 1949 (рукопись).

² Подробнее см.: *Höfler C.* Fragmente zur Geschichte Kaiser Karl's VI. Nach geheimen brandenburgischen Archivalien und Aufzeichnungen des Grafen Stefan Kinsky bearbeitet // Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Classe. 1868. Bd. 60. S. 417–453; *Steppan Ch.* Akteure am fremden Hof. Politische Kommunikation und Repräsentation kaiserlicher Gesandter im Jahrzehnt des Wandels am russischen Hof (1720–1730). Phil. Diss. Innsbruck; Bologna, 2014. S. 130–166 (рукопись).

³ *Steppan Ch.* Akteure. S. 166–174.

⁴ Ш. В. Кинский — Карлу VI, Санкт-Петербург, 20.X.1721, см.: ÖStA. HHStA. StA. Russland. RU. I. Kt. 26. Russica 1719–1721. Fol. 267r–267v.

⁵ Ibid. Fol. 267v.

⁶ Ibid. Fol. 267v–268r.

⁷ Ibid. Fol. 269r.

⁸ Ж. Кампредон — Г. Дюбуа, Санкт-Петербург, 29.X.1721 // Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 40: Дипломатическая переписка французских послов и посланников при русском дворе (годы с 1719 по 1723). Ч. 2. С. 285–287. Текст доступен по адресу: <https://archive.org/stream/sbornik54obshgoog#page/n15/mode/2up> (дата последнего посещения 31.III.2015)

⁹ Там же. С. 288–289.

¹⁰ *Черкасов П. П.* Двуглавый орел и королевские лилии. Становление русско-французских отношений в XVIII веке. 1700–1775. М., 1995. С. 22–23.

¹¹ Подробнее см.: *Steppan Ch.* Akteure. S. 192–232.

¹² С. Гохгольцер — Карлу VI, Санкт-Петербург, 16.VIII.1723, см.: ÖStA. HHStA. StA. RU. I. Kt. 28. Russica 1723. Fol. 193r–193v.

¹³ С. Гохгольцер — Карлу VI, Санкт-Петербург, 10.V.1723, см.: ÖStA. HHStA. StA. RU. I. Kt. 28. Russica 1723. Fol. 79r.

¹⁴ Ж. Кампредон — Ш. Ж.-Б. Флёрю графу Морвиллю, Санкт-Петербург, 3.IX.1723 // Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 49: Дипломатическая переписка французских послов и посланников при русском дворе. Ч. 3. С. 370–374.

¹⁵ *Europäische Fama, welche den gegenwärtigen Zustand der vornehmsten Höfe entdecket* (далее — *Europäische Fama*). 1723. Theil. 270. S. 498–499.

¹⁶ Подробнее см.: *Gestrich A.* Absolutismus und Öffentlichkeit. Politische Kommunikation in Deutschland zu Beginn des 18. Jahrhunderts. Göttingen, 1994. S. 183–193 (Kritische Studien zur Geschichtswissenschaft. Bd. 103); *Kirchner J.* Das deutsche Zeitschriftenwesen. Seine Geschichte und seine Probleme. Teil 1. Von den Anfängen bis zum Zeitalter der Romantik, Wiesbaden, 1958². S. 32–33; *Wilke J.* Grundzüge der Medien- und Kommunikationsgeschichte. Von den Anfängen bis ins 20. Jahrhundert. Köln; Weimar; Wien, 2000. S. 94–114; *Würgler A.* Medien in der Frühen Neuzeit. München, 2009. S. 43–49.

¹⁷ Подробнее см.: *Blome A.* Das deutsche Rußlandbild im frühen 18. Jahrhundert. Untersuchungen zur zeitgenössischen Presseberichterstattung über Rußland unter Peter I. Wiesbaden, 2000. S. 121–122 (Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 57); *Fissahn B.* Faszination und Erschrecken: Die Russlandberichterstattung der «Europäischen Fama» in der nachpetrinischen Ära // *Russen und Rußland aus deutscher Sicht*. 18. Jahrhundert: Aufklärung / Hrsg. von M. Keller. München, 1987. S. 136–152 (West-östliche Spiegelungen. Bd. 2); *Korzun S.* Heinrich von Huyssen (1666–1739). Prinzerzieher, Diplomat und Publizist in den Diensten Zar Peters I, des Großen. Wiesbaden, 2013. S. 57–58 (Jabloniana. Quellen und Forschungen zur europäischen Kulturgeschichte der Frühen Neuzeit. Bd. 3).

¹⁸ *Europäische Fama*. 1723. Theil 270. S. 495–498.

¹⁹ Подробнее см.: *Агеева О.Г.* Европейские образцы и церемониалы русского императорского двора XVIII в. // *Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия* / Под ред. А.В. Голубева: в 5 т. М., 2000–2008. Т. 3. М., 2006. С. 249–269; *она же.* Императорский двор России. 1700–1796 годы. М., 2008. С. 19–51; *Hughes L.* The Courts of Moscow and St. Petersburg, c. 1547–1725 // *The Princely Courts of Europe. Rituals, Politics and Culture under the Ancien Régime 1500–1750* / Ed. by J. Adamson. London, 1999. P. 295–338.

²⁰ *Europäische Fama. 1723. Theil 270. S. 498–499.*

²¹ А. Рабутин — Ф. К. Шёнборну, Санкт-Петербург, 31.VIII.1726, см.: *ÖStA. HHStA. StA. RU II. Kt. 2. Berichte 1726 VII–XII. Fol. 183r–183v.*

²² Подробнее см.: *Некрасов Г.А.* Роль России в европейской международной политике 1725–1739 гг. М., 1976. С. 82–104; *Нелипович С.Г.* Союз двуглавых орлов. Русско-австрийский альянс второй четверти XVIII в. М., 2010. С. 21–33; *Kliwar J.* Der österreichisch-russische Bündnisvertrag des Jahres 1726. Phil. Diss. Wien, 1921 (рукопись); *Leitsch W.* Der Wandel der österreichischen Rußlandpolitik in den Jahren 1724–1726 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 1958/1959. Jg. 6. S. 33–91.*

²³ А. Рабутин — Ф. К. Шёнборну, Санкт-Петербург, 31.VIII.1726, см.: *ÖStA. HHStA. StA. RU II. Kt. 2. Berichte 1726 VII–XII. Fol. 183v–184v*; *Брукнер А.* Австрийские дипломаты в России. По документам венского архива // *Вестник Европы. 1893. Т. 28. № 12. С. 512.*

²⁴ Ж. Маньян — Ш. Ж.-Б. Флёрю графу Морвиллю, Санкт-Петербург, 31.VIII.1726 // *Сб. РИО. СПб., 1888. Т. 64: Донесения французских посланников и поверенных в делах при русском дворе. Ч. 6. С. 401.*

Последний путь царицы Прасковьи Ивановны: церемониал похорон члена императорской фамилии Романовых

В настоящее время церемониалы дома Романовых XVIII в., в том числе и нововведения этого периода в организации последнего пути императоров и членов их фамилий, находятся в поле зрения историков¹. При этом основное внимание уделяется порядку погребения царствующих монархов, менее изученными остаются церемониалы других представителей императорского дома.

До начала XVIII в. организацией заупокойных служб по членам царской фамилии занимался Панихидный приказ в составе одного дьяка и одного подьячего², а денежные расходы казны на поминовение умерших государей и их родных осуществлялись Государевой мастерской палатой, о чем сохранились документальные свидетельства в фонде 396 «Архив Оружейной палаты» в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). С петровских времен работу по финансовой и церемониальной подготовке похорон стали проводить специально создаваемые после смерти монарха так называемые «Печальные комиссии», материалы которых отложились в фонде Сената в РГАДА. Здесь же в коллекции «Исторические и церемониальные дела» (Ф. 156), происходящей из архива Коллегии иностранных дел, и в Разряде № 2 бывшего Государственного архива Российской империи хранится ряд интересных документов, связанных с разработкой порядка похорон членов императорской фамилии Романовых. Это специально составленные схемы шествий погребальных процессий с графическими, иногда в красках, изображениями гробов, императорских регалий, орденов, знамен и т. д. Как правило, в последний путь Романовых сопровождали их родственники — представители царствующего дома, гвардейские и армейские полки, придворные, высшие военные и гражданские чины.

Основу церемониала похорон членов императорской фамилии заложил порядок погребения Петра Великого. Церемония похорон

была составлена ближайшим сподвижником императора Я. В. Брюсом по образцу французских, немецких и шведских королевских погребений. Похоронный кортеж стал демонстрацией имперских свершений первого российского императора и вызвал необычайный интерес иностранных дипломатов. 24 марта 1725 г. австрийский посланник Себастиан Гохгольцер сообщал императору Священной Римской империи Карлу VI: «Иностранные министры не были приглашены на похороны, но здешнее министерство не только им, но и мне сообщило о том, что было приготовлено приличное место для иностранных министров в церкви, куда они могли бы по желанию собраться; но поскольку они намного больше хотели наблюдать похоронный ход и всю процессию, никто, в том числе и я, не пришел в церковь»³.

Вскоре после похорон Сенат опубликовал «Описание порядка державного при погребении блаженная высокославныя и вечно достойнейшия памяти [...] Петра Великого» (в Санкт-Петербурге вышло из печати в 1725 г., в Москве — в следующем, 1726 г.). В РГАДА сохранилось схематичное изображение погребальной процессии Петра I в виде свитка с указанием последовательности шествия и рисунками его элементов: гроба, регалий, орденов, штандартов, мечей, орденских знаков и др.⁴ По этому образцу также в форме свитка был составлен и план церемонии погребения его внука императора Петра II в феврале 1730 г.⁵

Меньше внимания исследователей привлекали церемониалы похорон нецарствующих женщин из рода Романовых — жен, сестер, дочерей. Здесь также Петром I были приняты нововведения уже при погребении его тетки царевны Татьяны Михайловны, скончавшейся в Москве 24 августа 1709 г. Тело усопшей было выставлено на ложе, покрытом красным сукном, на гробе лежал золотистый атлас с разводами. Уже на следующий день состоялось погребальное шествие из Кремлевского дворца к месту упокоения в Вознесенский монастырь. Во главе процессии шли священники с хоругвями, с каждой стороны гроба — дьяконы с кадилами, дворяне несли крышку гроба. В последний путь Татьяну Михайловну провожали члены царствующего дома — царевич Алексей Петрович, царицы Марфа Матвеевна и Прасковья Федоровна, царевны. Все были в траурной одежде⁶.

В январе 1716 г. уже в Петербурге состоялись похороны второй супруги царя Федора Алексеевича царицы Марфы Матвеевны⁷. Умерла она 31 декабря 1715 г., но похоронена была только 7 января 1716 г.

в соборе Петропавловской крепости. Сохранилось несколько мемуарных описаний церемонии, в разработке которой участвовал лично Петр I. Торжество отличалось масштабностью: все-таки хоронили вдовствующую царицу, хотя и была она на троне всего 71 день. В знак высокого положения Марфы Матвеевны генерал-ревизор В. Н. Зотов «нес герб российской и имя умершей резное золотое в зеленостях цветов на высоком жезле»⁸.

В погребении принимали участие сам Петр I, царевич Алексей Петрович, царица Екатерина Алексеевна, вдовствующая царица Прасковья Федоровна, сестры и племянницы царя, а также более 500 человек во главе с высшими иерархами церкви. Царица Марфа Матвеевна стала последним членом Дома Романовых, чье отпевание и погребение были проведены по старинным традициям с плачем и причитаниями над гробом усопшего. 25 января 1716 г. Петр I издал указ «о запрещении старинного русского обряда печалования по умершим».

Особой пышностью отличались похороны в 1723 г. вдовствующей царицы Прасковьи Федоровны — супруги брата Петра I Иоанна V Алексеевича. Ее император уважал и ценил. Он был восприимником племянниц Марии, Феодосьи и Екатерины, заботился об их благополучии и даже использовал их в своих династических проектах. Погребение состоялось 22 октября 1723 г. в Благовещенской церкви Александро-Невской лавры. Для прощания с Прасковьей Федоровной открытый гроб стоял на катафалке под балдахинем, на котором были вышиты государственный герб, шифр покойной с императорской короной, скипетром и державой наверху. В погребальном шествии участвовали высшие военные и гражданские чины, придворные дамы, гвардейцы, унтер-офицеры и солдаты; процессия двигалась по столице более двух часов. В последний путь Прасковью Федоровну провожали дочери — герцогиня Мекленбургская царевна Екатерина Ивановна и царевна Прасковья Ивановна и императорская чета (Петр I и Екатерина Алексеевна)⁹.

Младшая дочь Иоанна Алексеевича и Прасковьи Фёдоровны Салтыковой, племянница императора Петра I царевна Прасковья Ивановна (1695–1731) упоминается в литературе довольно редко, как правило, в связи с именами ее родителей. О ней пишут как о болезненной и некрасивой женщине. Испанский посол при русском дворе герцог де-Лириа писал о царевне, что вторая сестра царицы «очень дурна лицом и худощава, здоровья слабого [...], глупа и имеет такую же склонность

к мужчинам, как и сестра»¹⁰. Вот как (используя описание из дневника Ф. В. Берхгольца) описывает царевну биограф царицы Прасковьи Федоровны М. И. Семевский: «Бледная, растрепанная, с выдававшимися скулами, осунувшимся лицом; она по обыкновению в дезабилье»¹¹. Он же пишет о пренебрежительном отношении матери к вечно хворой Прасковье Ивановне, которая неразлучно жила с вдовствующей царицей и привыкла к рабскому подчинению ее воле.

После смерти матери царевна Прасковья Ивановна, по свидетельству иностранных писателей, с согласия императора Петра I обвенчалась с генерал-аншефом Иваном Ильичом Старшим Дмитриевым-Мамоновым (1680–1730), происходящим из древнего русского рода Рюриковичей, утратившего княжеский титул¹². В октябре 1724 г. у них якобы родился сын, который умер в младенчестве около 1730 г. Недолго после этого прожила и царевна. Прасковья скончалась в Москве 9 октября 1731 г. «по полуночи в 1-м часу во 2 минуте» в возрасте 36 лет и 14 дней.

Церемониал погребения царевны Прасковьи Ивановны был учрежден согласно нововведениям Петра I и очень близок к организации прощания с царицей Прасковьей Федоровной. Организацией похорон руководил генерал-губернатор Московской губернии граф Г. П. Чернышев. В РГАДА сохранилось дело, содержащее «Юрнал от дня преставления Ея высочества блаженныя памяти государыни царевны и великия княжны Параскевии Иоанновны» и описание порядка похоронной процессии, составленные в Кабинете императрицы Анны Ивановны, сестры покойной. Эти документы позволяют подробно рассмотреть порядок шествия царевны в последний путь, элементы церемониала и круг лиц, в том числе Романовых, сопровождавших гроб Прасковьи Ивановны.

Сразу после кончины царевны у ее тела началось пение Псалтыри. На следующий день 10 октября в доме Прасковьи Ивановны был поставлен караул из 70 гвардейцев во главе с капитаном. 11 числа царевна была вынесена из комнаты, в которой она скончалась, в другую, где ее, одетую в шлафрок и юбку из серебряной парчи, положили на кровать под балдахин с завесами «малинового штофу з золотными травами»¹³. В головах на стене располагался герб, вышитый золотом, комната была убрана шпалерами красного бархата. С этого дня было учреждено дежурство у тела в сутки по 8 кавалеров и дам в траурных одеждах, священники начали чтение Евангелия, у дверей стояли на карауле гвардейцы.

12 октября состоялся указ сестры покойной императрицы Анны Иоанновны о выделении 3 000 рублей на организацию похорон, а на следующий день определен порядок траура императрицы, царевны Екатерины Ивановны, цесаревны Елизаветы Петровны и принцессы Анны Леопольдовны (первые шесть недель — ординарное платье из тонкого черного сукна, на голове убор черный с шнипом и с длинным капором). Траур распространялся и на придворных дам и кавалеров.

14 октября печатные объявления-однолистки о назначении шестимесячного траура были разосланы министрам и генералитету, а также в Московскую полицмейстерскую канцелярию для «публикации в народ»¹⁴. С этого времени началась рутинная работа Печальной комиссии по приему траурных вещей, изготовлению траурной одежды для придворных служителей, убранству парадного зала. 20 октября оберцеремонимейстером был определен московский генерал-полицмейстер М. Т. Греков, к нему в помощь — полковник Бухгольц и сенатский обер-секретарь Авраам Сверчков.

За три дня до похорон 28 октября 1731 г. тело царевны было положено в гроб из дубовых досок, оклеенный внутри и снаружи серебряной парчой, который вынесли в зал в ее московском доме на Знаменке (затем на этом месте был построен знаменитый Пашков дом) и поставили посредине на специально изготовленном троне. Трон состоял из трех ступеней, был обит малиновым бархатом и имел покров из серебряной материи, обложенной «золотным позументом» и бахромой. Над головой царевны располагался балдахин из серебряной травчатой материи, украшенный также «золотным позументом» и бахромой, вышитый монограммой покойной и императорской короной. При выносе гроба в зал присутствовали высшие духовные иерархи, духовник царевны Родион Никитин и императорские певчие.

По сторонам гроба было прикреплено 8 «блях», на одной в головах была сделана надпись: «Благоверная государыня царевна державнейше Всероссийской императрицы Анны Иоанновны сестра родная Параскева Иоанновна по долговременных болезнях на вечный неразрушаемого живота покой с великим на милость Божию упованием переселилась»¹⁵. На остальных бляхах находились монограммы царевны. 6 скоб и ножки гроба в виде 4 фигур были вызолочены, крышка оклеена серебряной парчой и выложена золотым позументом, на котором была изображена серебряная вызолоченная корона, у крышки располагался орден св. Екатерины (им царевна была пожалована по праву

принадлежности к царствующему дому). Шлейф платья Прасковьи на три аршина спускался из гроба, края платья были украшены «самыми тонкими брабанскими кружевами».

Зал, в котором стоял гроб царевны Прасковьи Ивановны, был обит серебряной парчой. На стенах в виде двадцати столбов были нашиты травы из золотного позумента, из него же сделали поперек в два ряда широкие полосы. Подзоры изготовлены были из золотной парчи с горностаевой опушкой, а на них нашиты российские гербы из черного атласа. На стене против дверей размещалась мантия императорской фамилии из золотной ткани, подбитой горностаевым мехом, а на ней российский герб под короной: «дека того герба резная фигурами и корона деревянные вызолочены, а герб изображен черною краскою»¹⁶. Под гербом «на широкой пунсовой ленте» был прикреплен орден св. Екатерины.

По стенам зала помещались написанные золотом монограммы покойной царевны, завесы из белой тафты, а также живописные изображения на досках: образ Иисуса Христа, смерти, одетой в черные одежды, образы «девы сетующия», «девы в синей одежде», «девы в одеянии пунсовом», «девы в белом одеянии».

На троне в головах гроба и на второй ступени стояли обитые серебряной материей табулеты, на которых на подушках из золотной парчи были помещены украшенные бриллиантами и драгоценными камнями корона и орден св. Екатерины. Вокруг трона стояли золоченые и серебряные перила с четырьмя дверями, на них 12 подсвечников с белыми свечами. Зал освещали шесть паникадил под потолком и 16 подсвечников по стенам. В траурное облачение были убраны и все остальные комнаты в доме скончавшейся царевны, перила и стена около ворот на улице.

С 28 октября был открыт доступ к телу Прасковьи Ивановны, как объявлялось через полицмейстерскую канцелярию, «дабы всякого чина люди для должного Ея высочеству блаженныя памяти государыне царевне поклонения и прошения приходили во дворец Ея высочества поутру от 9 часа до 12, а пополудни от 2-го до 5-го часа»¹⁷. Такой порядок прощания с представителем дома Романовых стал значительным нововведением, ранее подобного не случалось. За 28–31 октября во дворец было допущено 28 160 человек, причем большинство в последний день — 16 620. С учетом количества жителей Москвы в это время — порядка 130 000, получается, что каждый пятый москвич пришел к гробу царевны Прасковьи. Следует предполагать, что

в первую очередь это были придворные, высшие военные и гражданские чины, представители московского и губернского дворянства, купечества.

Спустя почти месяц после кончины, только 1 ноября 1731 г., состоялись похороны царевны. В этот день была запрещена вся торговля в Москве, и особенно продажа «питей» в кабаках. В 8 часов утра все назначенные для проводов в последний путь представителя дома Романовых собрались по сигналу ракеты и после трех залпов из пушек на Красной площади выстроились в установленном порядке. Новый сигнал в 9 часов утра оповестил о начале траурной процессии. Третий прозвучал, когда был поднят гроб, и по нему началась «минутная стрельба с большарков» у Боровицкого моста.

Описание траурного церемониала последнего путешествия царевны Прасковьи Ивановны из своего дома на Знаменке к месту вечного упокоения, сохранившееся в РГАДА, представляет собой уникальное изображение похоронной процессии, на котором имеются схематичные изображения ее участников, гроба Прасковьи Ивановны, хоругвей, креста, ордена св. Екатерины и императорской короны, а также перечень персон сопровождавших царевну к месту захоронения. В отличие от церемониалов Петра I и Петра II документ выглядит не как столбец, а имеет тетрадную форму.

Вдоль всего пути процессии стояли солдаты общим количеством 3 340 человек, образуя две шеренги по правой и левой сторонам, причем в одной шеренге были солдаты с ружьем, в другой — с факелами. Катафалк с гробом сопровождали лакеи с факелами. Перед процессией шли гренадеры, литаврщики и трубачи, за ними верхом шталмейстер и гоф-фурьер. В первых рядах процессии — камергеры, пажи, придворные кавалеры, синодальные и придворные певчие, затем священнослужители всех рангов, за ними военные — генералитет и офицеры.

Последний путь царевны Прасковьи Ивановны по родной Москве пролегал от Знаменки на Тверскую и в Воскресенские ворота на Красную площадь. Напротив Главной аптеки процессия была остановлена, из здания вышли и присоединились к ней ближайшие родственницы покойной — принцесса Анна Леопольдовна и цесаревна Елизавета Петровна со своими ассистентами. Они заняли место в центре процессии вместе с московским генерал-губернатором Г. П. Чернышевым в окружении «ассистентов генеральского ранга», за ними шли статдамы и фрейлины:

«За ними обер-маршал генерал и ковалер и Московской губернии генерал-губернатор Григорий Петрович Чернышев.

№ 19. За оным изволила итти Ея высочество государыня принцесса, при Ее высочестве два ассистента генеральского ранга действительной тайной советник и ковалер граф Андрей Иванович Остерман, генерал-фельдцейхмейстер и ковалер господин граф фон Миних, шлейф несли 3 ковалера придворных, а прочие Ея двора придворныя ковалеры шли по обеим сторонам Ея высочества.

№ 20. За Ея высочеством изволила итти Ея высочество государыня царевна Елисавет Петровна, при Ея высочестве два ассистента генеральского ранга генерал и ковалер граф Павел Иванович Ягушинской, действительной тайной советник и ковалер князь Алексей Михайлович Черкасской, шлейф несли 3 ковалера придворных, а прочие Ея двора ковалеры шли по сторонам Ея высочества»¹⁸.

По неизвестным причинам Анна и Екатерина не провожали свою сестру в ее последнем путешествии, хотя императрица вместе с двором и высшими государственными учреждениями переехала из Москвы в Санкт-Петербург только в 1732 г. Иностранные дипломаты наблюдали за погребальным шествием «из дому, где имеется библиотека, что у Спасского мосту»¹⁹.

В то время как гроб с телом царевны Прасковьи Ивановны проносили через Воскресенские ворота, рядом с бастиона опять прозвучала минутная стрельба. Она была остановлена сигналом ракеты только тогда, когда гроб с телом царевны внесли в Воскресенский женский монастырь, расположенный около Спасской башни слева почти вплотную к кремлевской стене. Воскресенский монастырь был местом последнего упокоения представительниц московского великокняжеского рода и царского рода Романовых (разрушен в 1929 г., белокаменные саркофаги с останками перемещены в подземную палату южной пристройки Архангельского собора).

В монастыре была совершена литургия, после которой началась «духовная погребательная церемония», сопровождавшаяся стрельбой на Красной площади из 39 пушек и беглым огнем из мелкого ружья. Слово над телом Прасковьи Ивановны говорил знаменитый проповедник Феофан Прокопович. Он поэтически определил место царевны Прасковьи Ивановны в российской истории: «Великого древа золотая ветвь, царствующего дому дражайший бисер: от зачатия и рождения своего высочайшую славу получившая. Порфирородная девица, монаршая дочь и внучка и правнучка и племянница и сестра

благоверная государыня царевна и великая княжна Параскева Иоанновна скончала жизнь свою. О, коль горестный всем слух сей!»²⁰.

При опускании гроба вновь зазвучали пушки и ружья на площади. Он был поставлен в высеченный из одного камня саркофаг и покрыт каменной плитой, а сверху была сложена гробница из кирпича и накрыта покровом из красного бархата, вокруг располагалась решетка, выкрашенная зеленой краской, столбики и репы покрыты золотом. Погребальная церемония закончилась в три часа дня. До 18 ноября в Воскресенском монастыре при гробнице царевны Прасковьи Ивановны дежурили придворные кавалеры и дамы. На милостыню в монастыри было роздано 459 руб.

Сохранившиеся в РГАДА схемы погребальных процессий императоров и членов дома Романовых, в том числе и обделенной вниманием историков царевны Прасковьи Ивановны, являются интересным визуальным источником, позволяющим наглядно представить всю последовательность процедуры шествий, их основные элементы и расположение действующих лиц. Позволим себе высказать предположение о том, что исследуемые документы составлялись до похорон с целью предварительного планирования траурной церемонии.

Примечания

¹ См.: *Агеева О.Г.* Петербургский траурный церемониал дома Романовых в начале XVIII в. // Феномен Петербурга: Труды Второй Международной конференции, состоявшейся 27–30 ноября 2000 г. во Всероссийском музее А.С. Пушкина. СПб., 2001. Вып. 2. С. 491–505; *Алексеева М.А.* Изображения коронационных и погребальных церемоний XVIII в.: изданные и неизданные альбомы // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Т. 26. СПб., 1998. С. 232–240; *Логунова М.О.* Траурный церемониал в Российской империи в XVIII–XIX вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2010 (в диссертации представлена подробная историография проблемы, но источниковая база не включает материалы РГАДА).

² Государственность России. Словарь-справочник. М., 2001. Кн. 3. С. 291.

³ ÖStA. HHStA. StA. Russland I. Kt. 29. Berichte 1725 – Mai 1729. Fol. 162v.

⁴ РГАДА. Ф. 156. Д. 41. Л. 23. М. А. Алексеева в указанной статье высказала предположение о том, что этот свиток был составлен для подготовки погребального альбома. Позволим себе не согласиться с этой версией. По нашему мнению, документ был создан в ходе планирования церемонии.

⁵ Там же. Д. 51.

⁶ Чин погребения царицы Татьяны Михайловны // *Древняя Российская вивлиофика*. М., 1774. Ч. 4. С. 352–367; Описание погребения блаженной памяти императора Николая I с присовокуплением исторического очерка погребений царей и императоров всероссийских. СПб., 1856. С. 5.

⁷ О сохранившихся описаниях похорон царицы Марфы Матвеевны см.: *Агеева О.Г.* К истории траурного церемониала Романовых петровского времени: редкий рисунок погребения представительницы царской семьи (из ОР РНБ) // Петровское время в лицах — 2007: Материалы научной конференции. СПб., 2007. С. 6–7; *Наумов В.П.* Повседневная жизнь Петра Великого и его сподвижников. М., 2010. Текст доступен по адресу: http://statehistory.ru/books/Povsednevnaia-zhizn-Petra-Velikogo-i-ego-spodvizhnikov/37#nt_pt_3_35 (дата последнего посещения 31.III.2015); *Погосян Е.* Петр I — архитектор российской истории. СПб., 2001. Текст доступен по адресу: http://www.ualberta.ca/~pogosjan/peter/paragraf1_1_3.html (дата последнего посещения 31.III.2015).

⁸ РГАДА. Ф. 2. Дела, относящиеся до императорской фамилии. Оп. 1. Д. 181. Л. 1.

⁹ См. подробное описание церемонии: *Семевский М.И.* Царица Прасковья. М., 1989. С. 172–174.

¹⁰ *Лирия, де.* Записки о пребывании при императорском российском дворе в звании посла короля испанского. Текст доступен по адресу: <http://www.vostlit.info/Texts/rus6/Lirijskij/text2.phtml> (дата последнего посещения 31.III.2015).

¹¹ *Семевский М.И.* Царица Прасковья. С. 103.

¹² См., например: *Кедров Н.* Приключение с племянницей Петра Великого царевною Прасковьею Иоанновной // Русский архив. 1887. Кн. 3. Вып. 10. С. 180–181.

¹³ РГАДА. Ф. 2. Д. 48. Л. 1об.

¹⁴ Учреждение о трауре см.: Там же. Ф. 2. Д. 44.

¹⁵ Там же. Д. 48. Л. 4об.

¹⁶ Там же. Л. 6.

¹⁷ Там же. Л. 8об.

¹⁸ Там же. Л. 20об. –21.

¹⁹ Там же. Л. 9об.

²⁰ Там же. Л. 24об.

Екатерина II и дворянство в церемониале императорских путешествий

Статья посвящена взаимодействию императрицы Екатерины II с российским дворянством в ходе высочайших путешествий. Изучение данной проблемы позволяет, с одной стороны, обозначить пространство легитимации власти в церемониале встреч императрицы с российским дворянством, с другой — показать приоритеты ее политики в отношении первенствующего сословия.

Церемониал императорских путешествий — это не только совокупность церемоний, но и процесс коммуникации монарха и населения, легитимирующий власть монарха. В этом отношении церемониал путешествий императрицы по стране свидетельствовал о значимости дворянства для верховной власти. Встреча Екатерины с первенствующим сословием начиналась уже на границе наместничества или губернии¹. Въезжая в губернский город, как правило, она выстаивала службу в местном соборе, посещала дом губернатора или здание дворянского собрания, где встречалась с дворянством, бывала на балах. После этого она уже принимала приглашение городского общества, встречалась с инородцами, если таковые прибывали к моменту ее приезда в город.

В церемониальных мероприятиях с императрицей дворянство участвовало постоянно, сопровождало ее из города в город, присутствовало и прислуживало ей во время обеда². В этом, конечно, отражается особая честь — привилегия для первого сословия. Понятно, что за обеденным императорским столом и вблизи августейшей путешественницы находились преимущественно служилые чины губернии и уездов первых шести классов Табели о рангах³. Это подчеркивало высокий статус служилого дворянства, его первенство перед не служившим.

Приезд императрицы давал импульс для составления речей, од, хвалебных слов, которые озвучивались представителями дворянства в момент встречи с ней. Понимая, что за этим творчеством могли быть

определенные ожидания, все же следует отметить, что данные тексты являют собой пространство легитимации власти. Один из ее аспектов — установление преемственности существующей власти с предшествующими монархами. В этом отношении наиболее часто встречающийся тезис в этих речах — в Екатерине воплощен образ Петра Великого, продолжательницей дел которого она является, — был для нее весьма актуален. Екатерина, узурпировавшая российский престол, особенно нуждалась в подтверждении своей идейной наследственности от Петра I: она является законной преемницей не по родству, а по духу и идеологической мощи преобразований.

Причем сравнение императрицы с Петром, и тем самым ее возвеличивание появляется уже в самом начале царствования, когда реформы еще только подготавливались и не были проведены. Так, в Ярославле 25 мая 1763 г. речь лейб-гвардии капитана Н. И. Тишинина отразила этот момент: «Вы обновили его [Петра] присутствие здесь, Вы подтвердили своею особою нам то, что уже памятно отцами нашими сказываемые о том слова: мы теперь видим великого Петра, в тебе, Великая Екатерина, подражательница дел его, всевожденнейшая государыня»⁴. Преемственность власти подчеркивается лексикой, устанавливающей родственную связь между монархами: Екатерина называется «правнукой» Петра, сам же Петр — «отцом», иногда «дедом»⁵.

Екатерина, безусловно, понимала символическую важность причастности к династии и посещала значимые для династии места. Пребывая в Костроме во время путешествия по Волге (1767), она посетила Ипатьевский монастырь, который символизировал легитимность и преемственность ее царствования в династическом плане, поскольку именно отсюда начался путь фамилии Романовых на российский престол. Осознание императрицей этой ассоциативной связи проявляется и в ее письме к Н. И. Панину от 15 мая 1767 г.: «Я пишу в Ипатском монастыре, который прославлен в истории нашей тем, что из него Царь Михайло Федорович на Царство веден к Москве, и истинно сие место и видом, и богатством украшений в церквах почтенно»⁶. Очевидно, что и у дворянства присутствует это понимание: в речи местного предводителя дворянства говорилось, о том, что «время старалось сберечь для приема государыни то самое царское место, на котором был избран благочестивый царь Михаил Федорович». Тем самым воспроизводилось символическое воссоединение Екатерины с Михаилом Романовым⁷. Этот мотив прослеживался и в изобразительном ряде

триумфальных ворот, построенных к приезду Екатерины в северной стене Старого города: на аттике находилось живописное панно с изображением Екатерины II и Михаила Федоровича. Над въездом был помещен вензель императрицы⁸.

Одно из оснований легитимности власти в XVIII в. состояло в том, что целью власти провозглашалось общее благо всех подданных — их телесное и духовное благосостояние, лучшее земное устройство и общий мир. В речах предводителей дворянства концепт «общее благо» отражен и связан с личностью государыни. Это представление об императрице как попечительнице об «общем благе» определяется испытаниями тяжестей самого путешествия, что подчеркивается и выбранной риторикой: монархиня предпринимает путешествия в отдаленные от столицы места в «зной солнечный», в «бурную непогоду» «единственно для пользы подданных»⁹.

Встречи Екатерины с дворянством вызывали чувство единения: она консолидирует вокруг себя первенствующее сословие. Дворяне выступают монолитной общностью, связанной едиными интересами, культурными запросами, сословными нуждами. Временами это впечатляет как императрицу, так и ее окружение. Не случайно И. Г. Чернышев, возглавлявший императорскую флотилию в путешествии по Волге, в Костроме был до слез растроган встречей с местным дворянством. Как пишет Екатерина Н. И. Панину, «он весь обед проплакал от здешнего дворянства благочинного и ласкового обхождения»¹⁰. Понятно, что сохранившиеся документы личного происхождения отражают идиллическую, елейную картину отношений власти и господствующего сословия. Однако в присутствии императрицы иначе и быть не могло. В рассматриваемых нами источниках отражается традиционно сложившаяся социально-психологическая связь монарха и дворянства, которая регулировалась не законом, а чувством преклонения перед авторитетом монархии.

Внимание императрицы было обращено не только на губернское дворянство: она встречалась и с уездным небогатым шляхетством, часть которого стекалась в города, куда прибывала высочайшая особа. Некоторые из уездных дворян в момент остановок императорского кортежа на различных станциях также могли присоединиться к этому «спектаклю счастья», обмениваться с государыней чувствами привязанности. С. Н. Глинка, сын небогатого дворянина, капитана-исправника, вспоминая о небольшой остановке царицы в 1780 г. в их Холмянской

деревне Духовщинского уезда, отмечал ее способность найти общий язык с разными поколениями, подходящее доброе, ласковое слово для каждого¹¹.

Р. Уортман, изучая церемониал российских монахов, отмечал, что Екатерина использовала церемониальные возможности поездок, показывавшие попечение монарха о своих подданных и их демонстративное одобрение ее забот¹². Радение о первом сословии выражалось в ее особом внимании к детям дворянства. Так, императрица принимала участие в крестинах дворянских детей. В Смоленске 15 января 1787 г. она благоволила «быть восприемницей [...] младенца женского пола, рожденного от господина губернского предводителя [...] Степана Юрьевича Храповицкого»¹³. 15 мая 1787 г. Херсоне она «принимала от купели новорожденную дочь генерал-поручика А. Н. Самойлова»¹⁴. Понятно, что это были дети представителей высшей местной бюрократии. Однако ее чуткость проецируется на детей различных страт дворянства.

Одним из средств показать свое благоволение к первому сословию страны являлось «высочайшее» пожалование дворянским детям либо чина, либо определения в кадетский или пажеский корпус. С. Н. Глинка писал о том, что он и его младший брат были записаны Екатериной в Сухопутный кадетский корпус. Старший же брат — в Пажеский корпус. Подобное внимание вызвало у членов семьи «душевное восхищение» и искреннее выражение личной преданности¹⁵. Данный факт был, конечно же, не единичным. Представление сценария счастья и взаимной привязанности, реализуемого в ходе путешествий императрицы, выражало завершенность союза благодарного дворянства и благожелательного монарха, который понимал их нужды¹⁶. Не только в силу статусного мышления господствующего сословия, но и небольших денежных и материальных средств, для мелкого и среднего шляхетства это было действительно значимо.

В деле модернизации государства особая роль принадлежала первому сословию. Именно оно должно было управлять страной, из его среды, прежде всего, рекрутировались кадры для функционирования местных учреждений. Поэтому другим важным вопросом, занимавшим Екатерину в ее поездках по стране, была проблема образования и обучения детей дворянства. В России довольно долгое время отсутствовала единая система государственных учебных заведений (на общеобразовательном уровне). Эти заведения подчинялись учреждавшим их различным ведомствам, были разобщены в организационном

и методическом плане¹⁷. В силу этого правительство Екатерины II находилось в процессе поиска образовательной модели, соответствующей условиям Российской империи¹⁸. Поэтому во время путешествий по стране императрица обращает внимание на учебные заведения. Во время ее проезда через города должностные лица по повелению Екатерины посещали учебные заведения. Так, 31 мая 1767 г. директор Академии наук граф В. Г. Орлов вместе с придворными императрицы побывал в Казанской гимназии. Во время путешествия Екатерины в Крым инспекции учебных заведений проводил генерал-адъютант граф Ф. Е. Ангальт¹⁹.

В условиях отсутствия общегосударственной системы образовательных учреждений императрица приветствует инициативу дворянства в этих вопросах. Так, во время пребывания в Смоленске в 1787 г. она с воодушевлением приняла известие о том, что у судьи Совестного суда С. Ю. Храповицкого есть домашнее училище для бедных дворян. Екатерина побывала в его доме и посетила учебную комнату, где шел урок по русской истории. Конечно, Екатерина еще не могла убедиться в результатах своих усилий в области повышения культуры населения. Однако, для нее, как человека деятельного, была ценна сама инициатива дворянства в деле открытия образовательных учреждений. В этом, возможно, она видела и поддержку своим собственным начинаниям. Ведь для нее проблема образования, как исповедовали просветители, была сопряжена с идеей всеобщего благоденствия: просвещение должно способствовать более гармоничной организации общества и стремлению к всеобщему благу. Находясь в доме Храповицкого, она высказала пожелание, чтобы и «другие достаточные помещики для пользы бедных подражали его примеру»²⁰.

Одной из важнейших задач, которую ставила верховная власть, являлось повышение культурного уровня дворянства. Императрица, общаясь с представителями господствующего сословия, делает для себя определенные выводы относительно его культурного уровня, образования, светскости. Так, в письме к Н. И. Панину она положительно отзывается о костромских дворянах, которые приехали приглашать ее в Кострому: «Дворянство [Костромы] делает великие приготовления к моему завтрашнему приему, к чему они меня пригласили особливymi двумя депутатами, кои то исполнили *весьма изрядным комплиментом* (здесь и далее курсив мой. — Г. И.)»²¹. Данное письмо свидетельствует о том, что Екатерина желала видеть в первенствующем сословии.

Поскольку на него императрица возлагала особую роль (оно должно было активно участвовать в управлении страной, в деле предстоящего реформирования общества и государства), то для нее было важно увидеть, что в российской провинции есть дворянство достаточно цивилизованное, соблюдающее правила культурного поведения — правила «людкости» — в терминологии того времени. Очевидно, что изящество приглашения костромичей, их вежливость и ловкость в обращении с государыней и были ею замечены.

Следует заметить, что и прием в Костроме был ею особенно отмечен именно в силу культурного уровня принимающего дворянства. Костромских дворян можно было смело представить иностранным министрам, находившимся в ее свите. Последние же должны были сделать рекламу за границей о том, что в России тоже есть цивилизация. Так, в письме к А. А. Вяземскому государыня писала: «Господа костромичи во всем себя отменно вели в приеме, в провожании и в прощании и ото всех похвал достойную получили; и не стыдно было министрам [т. е. иностранным послам. — Г.И.] показать всю их весьма пристойныя поступки и распоряжения»²².

Императрица понимала необходимость для российского общества «смягчения нравов». Для нее «цивилизованное поведение» включало в себя и повышение общей культуры, и умение соответственно вести себя в обществе. В частности, театральные представления в гимназии она рассматривала как одно из средств цивилизовать дворянское население. Во время высочайших обедов говорилось не только о делах, но велись беседы и о культуре. Например, 29 мая 1767 г. в Казани за императорским столом беседовали о театральных спектаклях и о тех комедиях, которые представляли тогда в российских театрах. Августейшая особа с похвалой отозвалась о Расине и Корнеле, а также и о «российском театральном стихотворце господине Сумарокове». В разговоре она заметила, что ей известно, что и в Казанской гимназии ученики представляли комедии и трагедии данных авторов²³. Тем самым Екатерина дала понять, что это примечательный факт, и она оценивает это как благо.

Известно, что директор местной гимназии Юлий Иванович Каниц с самого начала своего приезда в Казань убеждал учеников принимать участие в постановке пьес, а почтеннейших жителей Казани бывать на них. В Рождество, Масленицу, Пасху и каникулы в гимназическом зале давались представления. При чем директор не жалел собственных средств для их организации. Театральные пожертвования (платы

за вход) давали возможность поддержать материально нуждающихся учащихся гимназии. Учениками разыгрывались известные пьесы — комедия «Школа мужей» Мольера, трагедия «Синав и Трувор» А. П. Сумарокова; прологи и балеты, сочиненные самим Ю. И. Каницем²⁴.

Узнав, что театральные зрелища прекратились по причине сложных отношений между губернатором и директором гимназии, Екатерина выразила по этому поводу сожаление Квашнину-Самарину: «То весьма сожальительно, что таковые представления в городе Казани оставлены и господину губернатору должно таковые предметы поддерживать и об улучшении их заботиться»²⁵. В разговоре с губернатором она отметила, что не только малолетних учеников, но и само дворянство необходимо привлекать к этому делу. Обосновывала она это тем, что «сим оные научаются приятности в поведении и обращении, которые не токмо в столицах, но и в разных провинциях российского государства видеть желательно»²⁶. По сути, императрица подавала губернатору мысль о необходимости возобновления данных спектаклей²⁷.

Очевидно, что подобные внушения монарха имеют большое значение. Е. Н. Марасинова отмечала, что «на уровне обыденного сознания законом являлась высокая воля ея императорского величества, а законопослушанием» — исполнение ее «ничего не разбирая» и «не щадя сил и самой жизни»²⁸. Дворянское общество Казани осуществило пожелание императрицы. Фон Каниц впоследствии представил реляцию о торжествах, проводимых в Казанской гимназии, в Московский университет. 10 апреля 1771 г. в Казанской гимназии представляли «Синава и Трувора»²⁹.

В некоторых городах, в которых пребывала императрица, дворянским обществом давались спектакли, что должно было свидетельствовать о его высоком культурном уровне. В Смоленске 3 июня 1780 г. дворянством была представлена российская комедия с хором. Во время бала в зал вступила «кадрилия», которая танцевала «сделанный для нее [государыни] нарочно контртанец». Екатерина пожаловала всем участвовавшим в спектакле и кадрили подарки³⁰. В Орле 17 июня 1787 г. в спектакле принимали участие представители избранного орловского общества: были сыграны две пьесы — «Соломон II, или три султанши» и комическая опера «Ворожея». По окончании спектакля хор исполнил концерт, сочиненный на случай прибытия в Орел Екатерины³¹. Таким образом, дворянство выбирало определенную модель поведения — модель культурного просвещенного сословия. В этом

заметно его желание показать, что оно соответствует культурным запросам императрицы и является в силу этого подлинной опорой трона. Культурное пространство объединяло дворянство и императрицу общностью интересов.

Анализируя тексты, представляющие прием высочайшей особы, следует отметить отсутствие в них, как правило, сюжетов, способствующих омрачить настроение императрицы. Прежде всего, это касается официальных источников и большей части документов личного происхождения. Тем более представляется важным выявить источники, свидетельствующие о том, что российская монархия не проходила мимо проблем, касавшихся жизни дворянского общества. В письме к А.А. Вяземскому от 3 июня 1767 г. Екатерина писала, что столкнулась в Казани с *проблемой самоуправления* казанского дворянского общества. В этом городе она с удивлением обнаружила раздоры как в среде местной администрации, так и между местной властью и дворянами. К моменту ее приезда здесь продолжалась ссора между казанским губернатором А.Н. Квашниным-Самариным и большинством дворянства, вдохновляемого губернским прокурором П. Есиповым. Последний распускал слухи, порочившие личность губернатора, и тем самым отгалкивал от представителя власти местное население³².

Данная ситуация отразила характерный тип отношений губернатора и губернского прокурора того времени: они были довольно сложны. С одной стороны, губернаторы были склонны смотреть на прокурора, чиновника ниже себя рангом, жалованием и положением, как на своего подчиненного. В то же время теоретически власть проводила линию на то, что прокуроры являются независимыми от губернаторов и воевод. По действовавшим законам они наблюдали за закономерностью действий губернской администрации и были подчинены генерал-прокурору Сената. Вместе с тем, для тех же прокуроров были обычными противозаконные действия, как-то: взяточничество, превышение власти, пользование этой властью в своих интересах, брань, буйство, драки, нередко в пьяном виде. К рассматриваемому времени определяется концепция императрицы относительно компетенции губернской власти. Как отмечал Ю.В. Готье, «Наставление» (1764) делает губернатора «поверенным монарха»: он «есть ответственное и в то же время доверенное лицо государя». Ему, истинному опекуну своей губернии, подчиняются (за исключением столичных губерний) все местные учреждения, дотоле от него независимые³³. В черновом наброске

к «Наставлению» подчеркивалось, что губернатору следовало быть хозяином в своей губернии. В его обязанность входит «смотреть, всякий исполняет ли свою должность и законы; в противном случае он понуждать власть имеет»³⁴. Екатерине было особенно неприятно, что Есипов портил имидж представителю коронной власти, в результате чего тот уже «не мог отправлять дела» так, как это было необходимо³⁵.

Разумеется, этот конфликт подлежал немедленному разрешению. Отметим те средства, которые использовались властью для смягчения ситуации. Императрица была в курсе тех сплетен, которые «суть более с бабьей стороны», как отмечалось ею в письме к Вяземскому. Она действовала не напрямую, а через своих приближенных. По ее приказу увещевания были обращены к обеим сторонам: «Я за благо нашла налить с обеих сторон воду в вино, дабы вырозуметь, а не сказать, что то делается по моему приказанию»³⁶. Особое внимание было обращено на вдохновителя ссоры — П. Есипова. Губернскому прокурору было внушено, что в силу своего поведения он может не только потерять свое место, но и вовсе лишиться возможности проживать в Казанской губернии, как человек, «не любящий мира и тишины». На следующий день по ее указанию к Есипову обратились с советом помирить всех и тем самым изменить мнение о нем самом. Он взялся за примирение после первого же увещевания³⁷.

Обо всем этом императрица писала А. А. Вяземскому. Видимо, мысли о «сих распрях» продолжали ее беспокоить, и она решила принять дополнительные меры для прекращения вражды. Вяземскому было рекомендовано написать губернскому прокурору письмо от себя (т. е. от имени генерал-прокурора, непосредственного начальника), в котором было бы отмечено, что о нем, Есипове, говорят как об источнике ссоры, в то время как желание императрицы состоит в том, «чтобы тишина везде сохранялась». Однако вместе с данными внушениями должна была быть подтверждена и его должность³⁸.

В целях предупреждения повторения конфликта внутри дворянского общества, Екатерина пыталась выяснить причины враждебного отношения к губернатору. Очевидно, не последняя роль принадлежала здесь жене губернатора, поскольку императрица пишет Вяземскому, что ей «уже вымыли голову». Высокомерное поведение губернаторши стало одним из источников неприязни дворянского общества к губернатору и явилось предметом разговоров в городе. Жене губернатора через сторонних лиц дают совет, чтобы она была приветливее

и ласковее с людьми³⁹. В этом деле можно отметить средства погашения конфликта в дворянском обществе Казани. В отличие от ситуации в Ярославле, где власть энергично воздействует на городскую общину (там наблюдался раздрай между купцами первых двух гильдий, заседавших в городском магистрате), где воевода города отстраняется от должности, в отношении к дворянству Екатерина действовала более тонко. Возмутитель спокойствия Есипов не лишился места: ему было сделано внушение через ближнее окружение императрицы, хотя, как должностное лицо, он мог быть и устранен. В этом сказалось особое отношение монархини к дворянству как опоре трона. С другой стороны, будучи человеком деятельным и рациональным, она понимала, что любую ситуацию можно переломить, направить в нужное русло. Это был знак новой наступившей эпохи, в которой решающая роль в процессе преобразований отводится воспитанию не только человека, но и общества в целом. В деле воспитания дворянского общества методы убеждения и внушения преобладали над административными мерами.

Как власть воспринимала проблемы, стоявшие перед дворянским населением? Сохранившиеся официальные документы, в том числе актово-законодательный материал, позволяют выявить хозяйственно-экономические потребности дворянства. Одна из проблем, которая волновала дворянство, — *межевание земель*⁴⁰. Как известно, в первой половине XVIII в. хаотичное состояние земельного права вело к яростным конфликтам между землевладельцами, приводившим к повсеместному захвату земель. Еще в царствование Елизаветы Петровны в 1754 г. вышел указ о генеральном межевании, которое должно было отделить частновладельческие земли от государственных и удовлетворить права на землю их владельцев. Елизаветинское межевание было приостановлено в связи с нехваткой средств, а также необходимостью пересмотреть принцип его организации, изложенный в «Инструкции межевщикам» 1754 г. (обязательное требование от землевладельцев подлинников документов на право владения)⁴¹.

Екатерина II возобновила дело Елизаветы Петровны. Манифест 19 сентября 1765 г. показывал, что целью межевания являлось государственное и «народное спокойствие». В манифесте содержались новые подходы к межеванию, отделявшие обмер и описание земель и их продукции от вопросов о правах собственности. Главным принципом межевания служили не права собственности землевладельца, а установление размеров и границ земли, принадлежавшей той или иной

деревне, независимо от количества ее владельцев или принадлежности его государству⁴².

Межевание проходило постепенно, не одновременно. Поэтому данная мера оставалась насущной для целого ряда внутренних российских губерний и в 80-е годы XVIII в. Проезжая через Псковскую губернию в Белоруссию (1780), Екатерина услышала просьбу дворян и жителей о скором введении межевания. О том, что власть быстро на это реагирует, свидетельствует указ от 17 ноября 1780 г., информирующий население о намечаемых правительством мероприятиях. В документе отмечалось, что еще указом от 13 апреля 1778 г. было предписано перевести Тверскую Межевую контору в Псковскую губернию. Поскольку императрица не имела сведений о том, закончит ли в следующем году свою работу данная контора, она повелела учредить особую Межевую контору «с довольным числом партий землемерных». В данном документе утверждалось, что межевание в Псковской губернии непременно начнется весной 1781 г. В силу этого дворяне губернии должны быть осведомлены об этом событии, чтобы наготове встретить землемеров: приготовить поверенных с надлежащими по форме «верующими письмами», на случай же споров представить «крепости»⁴³.

Как известно, вследствие активной внешней имперской политики России, в результате ее участия в первом разделе Польши, 70-е годы XVIII в. ознаменовались включением в состав России белорусских земель. Шел процесс интеграции этих земель в институциональные структуры империи. Внимание Екатерины проецируется и на шляхетство недавно присоединенных земель. В Белоруссии проблема межевания являлась также актуальной. Вопрос о межевании, как средстве прекращения частных споров, поднимался в Полоцке и Могилеве. Императрица обещала там ввести межевание после того, как оно будет проведено в ближайших губерниях⁴⁴. Таким образом, власть довольно оперативно реагирует на просьбы дворянства, связанные с межеванием земель.

Императрица, конечно, желала видеть в жителях присоединенных территорий верных подданных. Однако, в отношении населения западных губерний необходимо было сочетать политику кнута и пряника. Власть пользовалась желанием местной шляхты получить российские чины, поскольку одним из средств интеграции края являлось участие дворян в местном управлении, в работе государственных учреждений. А. А. Безбородко, побывав в Белоруссии вместе с императрицей, писал о поляках: «Они довольно не дики стали. Вся же амбиция простирается

к получению чинов российских и к записке детей в гвардию»⁴⁵. У Екатерины присутствует понимание этих нехитрых желаний. Как свидетельствует современник Г. Добрынин, она, пребывая в Белоруссии, приказала генерал-губернатору З.Г. Чернышеву подать ей список всех дворянских служащих, находившихся на выборных должностях, и пожаловала их чинами тех степеней, какие они «по выбору» занимали. Таким образом, отмечает мемуарист, «не одному хорунжему или простому шляхтичу досталось в ранг подполковника», т. е. в надворные советники⁴⁶. Так власть укрепляла свои позиции в среде дворянства присоединенных территорий.

* * *

Помимо вопросов образования и повышения культурного уровня дворян, императрицу заботили мысли о *дворянском благополучии*. Она с чуткостью относилась к тому, что касалось дворянских судеб: не оставляла без внимания врученные ей прошения от дворянства. Во время пребывания в Казани в 1767 г. ей подали челобитную родственники казанского помещика отставного майора Льва Молоствовова. После смерти жены на его попечении остались малолетние дети от второго брака: трое сыновей и одна дочь. Позже, когда глава семейства лишился ума, детей отдали родственникам. Видимо, попечение было не особо хорошим, поскольку другие родственники обратились к высочайшей особе за помощью. Так или иначе, она повелела казанскому губернатору А.Н. Квашнину-Самарину детей от родных отобрать и подумать, как лучше устроить их воспитание, о чем и представить на высочайшее рассмотрение⁴⁷.

Характерно, что Екатерина не отдавала все на откуп местной администрации, а взяла это дело под свой личный контроль и требовала определенной отчетности. Сохранились рапорты казанского губернатора А.Н. Квашнина-Самарина, свидетельствующие о том, как это повеление выполнялось⁴⁸. Ситуация с семейством Молостловых высвечивала и проблему состояния дворянской экономии, в том числе и крестьянского хозяйства, крепость которого являлась основой состоятельности, благополучия дворянской семьи. Вниманием к этой истории императрица формировала и укрепляла понимание ценности человека, гражданских и юридических прав отдельной личности.

В ходе последующих поездок Екатерины по стране дворяне обращались к ней со своими семейными проблемами, и она не оставляла их без внимания. Характерно, что даже в решении этих вопросов она апеллировала к основанным ею учреждениям — Совестному суду.

Совестный суд, созданный учреждениями 1775 г., являлся всесловным органом, сочетавшим в себе функции суда по малозначительным делам, третейского суда и прокуратуры. Такой суд учреждался в каждой части города и состоял из одного или более судей и нескольких присяжных. Отдавая эти прошения в Совестный суд, Екатерина была уверена в скором решении этих дел. В Киеве в 1787 г. она дает поручение генерал-губернатору Малороссии П. А. Румянцеву употребить все возможные, законами позволенные, средства убедить «совестью» надворного советника Михаила Губчица помириться с женой или назначить ей из своего имения содержание. Румянцев распорядился Новгород-Северскому Совестному суду решить этот вопрос⁴⁹.

На первый взгляд, взаимодействие российской императрицы с дворянством носило церемониальный характер. Харизматический образ императрицы, представленный в церемониале путешествия, отражал ее попечение, заботу о населении, в том числе о дворянстве. Однако эти встречи и консолидировали дворянское общество вокруг монаршей особы, и отражали значимость для верховной власти первого сословия страны. Дворянство публично заявляло о своей лояльности и преданности, что отражалось и в церемониальных текстах. Возможности церемониала путешествий позволили императрице укрепить связь с опорой трона — первенствующим сословием страны. Таким образом, коммуникация Екатерины II и российского дворянства в церемониале путешествий способствовала легитимации императорской власти и тем самым усилению ее политического ресурса.

С другой стороны, политическая практика императорских путешествий определяла для власти приоритетные задачи в дальнейшем развитии дворянского сословия, связанные с улучшением экономического, материального положения господствующего сословия, а также с повышением его культурного и политического уровня. Таким образом, практика поездок императрицы опровергает суждение М. М. Щербатова о том, что, путешествуя по стране, Екатерина «видела и не видала»⁵⁰, т. е. ей была представлена лишь та картина процветающей империи, которую она хотела видеть. Даже в ее общении с первенствующим сословием страны не чувствовалось полного благополучия: императрица столкнулась и с проблемами самоуправления дворянского общества, и с вопросами, касающимися земельных отношений; ей подавались и челобитные, касающиеся нелегких судеб отдельных дворянских семей.

Примечания

¹ Церемониал, по которому во время высочайшего шествия ея императорского величества в Тульском наместничестве исполнить надлежит // ЧОИДР. 1865. Кн. 2. С. 77–85; План дворянских должностей во время шествия через губернию Новгород-Северскую в собрании уездных предводителей учиненный (6 ноября 1786 г.) // ЧОИДР. 1865. Кн. 2. С. 86–90.

² Камер-фурьерский журнал 1767 года. СПб., 1856. С. 141.

³ Дневная записка путешествия Ея Императорского Величества чрез Псков и Полоцк в Могилев, а оттуда обратно чрез Смоленск и Новгород (далее — Дневная записка) // Сб. РИО. СПб., 1867. Т. 1. С. 418. Текст доступен по адресу: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/9374-t-1-1867#page/1/mode/grid/zoom/1> (дата последнего посещения 31.III.2015).

⁴ Описание торжественных вшествий Ея Императорского Величества, Благочестивейшая самодержавнейшая великой государыни императрицы Екатерины Алексеевны в Ростов и Ярославль // Ежемесячные сочинения и известия об ученых делах. 1764. Январь. С. 61. В фокусе рассмотрения данного исследования — следующие путешествия Екатерины II: в Ростов (12.05–1.06.1763), по Волге (2.05–15.06.1767), в Белоруссию (9.05–17.06.1780), в Южную Россию (7.01–11.07.1787).

⁵ Описание торжественных вшествий. С. 61.

⁶ Екатерина II — Н. И. Панину. Кострома, 15.V.1767 // Сб. РИО. СПб., 1872. Т. 10: Бумаги Императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном Архиве Министерства Иностранных Дел. Ч. 2 (годы с 1765 по 1771). С. 191. Текст доступен по адресу: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/9410-t-10-1872#page/1/mode/grid/zoom/1> (дата последнего посещения 31.III.2015).

⁷ Протасьев Н. Н. Пребывание Екатерины II в Костроме // РВ. 1810. Ч. 9. № 2. С. 82.

⁸ Разумовская И. М. Кострома. Л., 1989. С. 27–28.

⁹ Речь, говоренная черниговского наместничества губернским дворянства предводителем, надворным советником, Андреем Полетиною, на всевысочайшее пришествие ея императорского величества в границы Черниговской губернии, при публичной аудиенции в губернском городе Чернигове // ЧОИДР. 1865. Кн. 2. С. 91.

¹⁰ Екатерина II — Н. И. Панину. Кострома, 15.V.1767. С. 191.

¹¹ Глинка С. Н. Записки. М., 2004. С. 35–37.

¹² Уортман Р. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. В 2-х тт. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002. С. 168.

¹³ Камер-фурьерский церемониальный журнал 1787 года. СПб., 1886. С. 40.

¹⁴ По матери он приходился родным племянником кн. Г. А. Потемкина. См.: Есупов Г. В. Путешествие императрицы Екатерины II в Южную Россию в 1787 г. // КС. 1891. Т. 34. С. 248.

¹⁵ Глинка С. Н. Записки. М., 2004. С. 35–37.

¹⁶ Уортман Р. С. Сценарии власти. С. 191.

¹⁷ Артамонова Л. М. Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII–XIX вв.: (Юго-восточные губернии Европейской России). Самара, 2001. С. 27.

¹⁸ Только во второй половине 80-х годов XVIII в. в России станут создаваться народные училища. См.: Высочайше утвержденный Устав народным училищам в Российской империи, 5 августа 1786 г. // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. 22. № 16421. С. 646–662.

¹⁹ Граф Федор Евстафьевич (Астафьевич) Ангалът (1732–1794) — генерал поручик, генерал-адъютант императрицы Екатерины II, директор Сухопутного Шляхетского корпуса.

²⁰ Глинка С.Н. Записки. М., 2004. С. 75.

²¹ Екатерина II — Н.И. Панину. 13.V.1767. // Сб. РИО. Т. 10. С. 190.

²² Екатерина II — А.А. Вяземскому. 17.V.1767 // ЖМЮ. 1915. № 10. С. 14.

²³ Пребывание императрицы Екатерины II в Казани в 1767 году [По материалам рукописного сборника конца XVIII в.] // РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Ед. хр. 2318. Л. 8 об.

²⁴ *Владимиров В.В.* Историческая записка о 1-й Казанской гимназии. Казань, 1867. Ч. 1. С. 112.

²⁵ Пребывание императрицы Екатерины II в Казани в 1767 году. Л. 9.

²⁶ Там же.

²⁷ К слову сказать, 31 мая 1767 г. после ужина, который давал губернатор, состоялся маскарад. Как отмечалось в «Санкт-Петербургских ведомостях»: «Благопристойность поведения и искусство в танцовании ясно свидетельствовали, что дворяне Казанские в благонравии и воспитании ни мало живущим в престольных городах не уступают». См.: Прибавление к № 58 // Санкт-Петербургские ведомости. 1767.20.VII.

²⁸ *Марасинова Е.Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. (По материалам переписки). М., 1999. С. 66.

²⁹ См.: *Владимиров В.В.* Историческая записка о 1-й Казанской гимназии. С. 114, 116.

³⁰ Дневная записка. С. 412.

³¹ *Барышников Н.* Императрица Екатерина II в Орловской губернии. Орел, 1886. С. 27.

³² Екатерина II — А.А. Вяземскому. 3.VI.1767 // ЖМЮ. 1915. Декабрь. № 10. С. 197.

³³ *Готье Ю.В.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины I: в 2 т. Т. 2. Органы надзора. Чрезвычайные и временные областные учреждения. Развитие мысли о преобразовании областного управления. Упразднение учреждений 1727 г. М.; Л., 1941. С. 185.

³⁴ Собственноручные поправки Екатерины II в Наставлении губернаторам, а также замечания ея об этой должности, вошедшие потом в это Наставление // Сб. РИО. СПб., 1871. Т. 7. С. 353.

³⁵ Екатерина II — А.А. Вяземскому. 3.VI.1767. С. 197.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Межевание — определение на местности и юридическое оформление границ земельных владений. См.: Межевание // Отечественная история. Энциклопедия: в 5 т. М., 1994–2000. Т. 3. М., 2000. С. 524.

⁴¹ См.: *Герман И.Е.* История русского межевания. М., 1910.

⁴² Об учреждении Комиссии о государственном межевании. 5.III.1765 // ПСЗ РИ. Т. 17. СПб., 1830. № 12347. С. 82–83.

⁴³ Об учреждении Межевой конторы для межевания Псковской губернии. 17.XI.1780 // ПСЗ РИ. Т. 20: С 1755 по 1780. СПб., 1830. № 15086. С. 1015.

⁴⁴ Дневная записка. С. 402.

⁴⁵ А.А. Безбородко — А.Р. Воронцову, Ляды, 1.VI.1780 // Сб. РИО. СПб., 1879. Т. 26: Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени (годы с 1747 по 1787). С. 372. Текст доступен по адресу: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/10286-t-26-1879#page/1/mode/grid/zoom/1> (дата последнего посещения 31.III.2015).

⁴⁶ *Добрынин Г.* Истинное повествование или жизнь Гавриила Добрынина, им самим писанная в Могилеве и Витебске. СПб., 1872. С. 211.

⁴⁷ Рапорт казанского губернатора А.Н. Квашнина-Самарина. 18.I.1767 // РГАДА. Ф. 16. Д. 720. Л. 56–57

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Донесения П. А. Румянцева — Екатерине II. 26.IV.1787 // РГАДА. Ф. 16. Д. 742. Ч. 2. Л. 397.

⁵⁰ М.М. Щербатов проявил скептицизм по отношению к путешествию Екатерины II в Крым в 1787 г.: «Монархия видела и не видала, и засвидетельствование и похвалы ее суть тщетны, самым действием научающие монархов не хвалить того, чего совершенно сами не знают». См.: Разные сочинения М.М. Щербатова // ЧОИДР. 1860. Т. 1. С. 80.

Е. В. Беспалая

Последний путь странствующего императора Александра I

Двадцатичетырехлетнее правление Александра I, — наиболее загадочного, по мнению современников и историков, представителя дома Романовых, — сопровождалось многочисленными путешествиями. Вступив на престол, император на протяжении «четверти века почти ежегодно предпринимал длительные вояжи [...] Он исколесил Россию от Архангельска на севере до Севастополя на юге и Златоуста на востоке. Западные ее пределы — со шпагой ли военачальника, с портфелем дипломата — он множество раз пересекал во время зарубежных поездок»¹. Необходимость совершения венценосным правителем поездок в пределах огромной страны была вызвана рядом причин, в числе которых было желание ознакомиться с состоянием дел в Москве, российской глубинке и во вновь присоединенных территориях — Бессарабии, Польше и Финляндии с тем, чтобы «ускорить своим присутствием исполнение сделанных распоряжений».

Путешествия монарха за пределы империи в период противостояния России и наполеоновской Франции были обусловлены стремлением участвовать в военных кампаниях. Первоначальная попытка Александра I взять под свой контроль действия верховного командования русской армии, которой в 1805 г. под Аустерлицем противостояла армия Наполеона, обернулась горьким разочарованием из-за поражения русско-австрийского военного альянса. Но в результате военной кампании 1813–1814 гг., в которой царь принял активное участие и сыграл важную роль, была одержана победа над Наполеоном. В наступившую «эпоху конгрессов» в 1815–1822 гг. по окончании общеевропейской войны возникла необходимость присутствия монарха победившей державы на многих международных конгрессах, проходивших в Вене, Ахене, Троппау, Лайбахе и Вероне. Российский император совместно с монархами союзных держав — Австрии, Пруссии

и Англии, — создавал новый миропорядок в Европе, а затем и принимал меры к его сохранению.

В промежутках между заседаниями конгрессов Александр I в сопровождении узкого круга доверенных лиц совершал визиты частного характера в Лондон, Брюссель, Париж, Берлин. Длительное отсутствие Александра I в стране не мешало ему заниматься государственными делами. По прибытии курьеров из Петербурга, царь в присутствии начальника Главного штаба князя П. М. Волконского, которого в 1823 г. сменил на этом посту генерал-адъютант И. И. Дибич, знакомился с корреспонденцией, писал распоряжения и указы, а затем отправлял их по назначению.

Стремление императора к «беспрестанной перемене мест» было вызвано не только соображениями государственной целесообразности. По мнению историка Н. К. Шильдера, оно порождалось желанием Александра I заглушить новыми впечатлениями то мрачное мистическое настроение, которое овладело им по окончании войны с Наполеоном, борьба с которым потребовала огромного напряжения сил. С годами светская жизнь в столице вследствие перенесенных утрат и разочарования в жизни все меньше привлекала монарха. В то же время «нескончаемые путешествия» помогали бороться с тоской и обрести душевное равновесие. Обязательной частью путешествий было общение с народом, посещение храмов и больницы, участие в церемониях по закладке храмов и открытию памятников².

Однако эти путешествия несли в себе и риск для жизни императора, о чем сообщал в своих письмах генерал-адъютант князь П. М. Волконский, неизменный спутник царя во многих поездках. В ноябре 1818 г. перед отъездом из Ахена в Брюссель был раскрыт заговор, организованный французскими офицерами, «изгнанными из страны», которые намеревались арестовать царя и, «приставя пистолет ко лбу, заставить Государя подписать декларацию в пользу Бонапарте и его сына». Были приняты меры по обеспечению безопасности проезда императора и «так сокрыты были удачно, что Государь» не догадывался о них на всем пути в Брюссель и обратно. Двумя годами позже в поездке из Троппау в Вену в декабре 1820 г. коляска с императором на полной скорости ударилась на повороте «в самых воротах городских» и «была отброшена в другую сторону», едва удержавшись на ходу. По словам князя, их «сам Бог спас». Возмущенный неосторожной ездой немецких извозчиков, он с опаской думал о предстоящей поездке из Вены в Лайбах,

дорога в который была еще хуже, «и ужасно гористо, а от морозов и снега очень скользят экипажи, от чего легко можно быть в канаве»³.

Не менее сложным и опасным было путешествие по Финляндии, которую император посетил летом 1819 г. Путь по реке и озеру в финский город Каяни едва не обернулся бедой. Шлюпки шли на полных парусах, когда поднялась буря, и волны стали подниматься «так высоко, что ничего не было видно», заполняя шлюпку. Промокший, но внешне спокойный царь, «спросил у капитана по-английски: не опасно ли?» и услышал ответ, что нет никакой опасности. Однако вскоре шквал сломал ручку руля, путешественников «спасла запасная ручка, которую капитан успел надеть вместо сломанной». Обрато возвращались по совету князя Волконского «сухим путем», по узким гористым тропам и болотистой труднопроходимой местности пешком или верхом на лошадях⁴.

Длительные поездки, требовавшие от Александра и его окружения хорошей физической подготовки, заканчивались иногда трехчасовым ночлегом, а затем путешественники вновь отправлялись в путь. «Ночь в дороге император проводил по-спартански — на походной кровати, на жестком сафьяновом матраце, который набивался сеном»⁵. В осеннюю погоду добирались нередко по размытым дорогам, зимой на саях. При этом монарх «предпочитал открытые экипажи, хотя зимой это было чревато обморожением». В «студеном декабре 1812 года», выехав в город Вильно к армии, «император пять дней провел в открытых саях», за что, по его словам, «пришлось поплатиться кончиком носа»⁶. Метель и вьюга не пугали путешественников, если уже был назначен маршрут поездки. В конце ноября 1822 г. по дороге из Вероны в Россию в десятиградусный мороз около Падуи «государя застигла страшная вьюга, и мороз усилился до 16 градусов». Некоторые спутники «поморозили пальцы на руках и ногах», но император проследовал дальше. «И только 20-го января 1823 г. прибыл на ночлег в Царское Село. Дорогой мороз доходил до 26 градусов, но, несмотря на стужу, государь все время ехал в открытых саях»⁷.

В весеннее время Александр, не задерживаясь в ожидании хорошей погоды, мог отправиться в путь при полном разливе рек, по снегу. По воспоминаниям участника поездки лейб-хирурга Д. К. Тарасова, царь отправился в Варшаву 4 апреля 1825 г. на открытие польского сейма⁸. Дорога через Витебск, Оршу и Брест-Литовский оказалась не из легких. Таяние снега и льда приводило к необходимости вырубать лед

для переправы парома через реку Двину, а затем вытаскивать увязшие в грязи экипажи, при этом царь выходил из коляски и шел пешком. Двадцатидневное пребывание в Варшаве было заполнено парадами, смотрами войск и изучением протоколов заседаний сейма, а также недолгой поездкой в западные воеводства Царства Польского. Возвратившись из Калиша в Варшаву, Александр I 1 июня выступил с торжественной речью на заключительном заседании сейма, а уже на следующий день, покинув польский край (как оказалось, навсегда), отправился в Царское Село.

Взяв курс на Ковно, император прибыл в город 4 июня. После ночлега он начал осмотр тех мест, «где в 1812 году Наполеон переправил свою огромную армию и того исторического холма», на котором была разбита палатка «грозного повелителя Европы», наблюдавшего за движением своей армии, вступающей в пределы России⁹. Открывшаяся перед глазами императора панорама, вероятно, напомнила о прошедших ранее событиях. О том тяжелом времени, когда, казалось, с приходом в Москву врага так мало осталось шансов на благополучный исход военной кампании. Но проявленная им непреклонная воля продолжать борьбу, опиравшаяся на неизменную поддержку супруги Елизаветы Алексеевны, привела к славе русского оружия.

Еще до отъезда Александра I в Варшаву врачи сообщили ему, что из-за ухудшения состояния здоровья императрица нуждается в немедленной смене сырого петербургского климата на более мягкий и благоприятный. Вскоре после возвращения императора в Царское Село возникла необходимость решить этот вопрос. «Но довольно долго не был разрешен вопрос: отправиться императрице за границу, в чужие края, или южную часть России, и в какое именно место?», — писал Д. К. Тарасов. Лечащие врачи предлагали Крым, природа и климат которого схожи со средней Италией. Однако царь медлил в нерешительности¹⁰. В письме к матери, маркграфине Амалии Баденской, императрица сообщила некоторые подробности. Созвали «секретный комитет» в составе царственных супругов и лечащих врачей, на котором рассматривались разные варианты: «юг Франции, Пиза и Рим», но не «юг Германии», о котором не упоминали. Остановились на юге России: «было предложено три места, и Император выбрал самое отдаленное, Таганрог, портовый городок на Азовском море». С выбором супруга она согласилась, царь при этом намерен был сопровождать её до Таганрога, после чего планировал посетить «Астрахань, а затем возвратиться в Петербург»¹¹.

Слух о том, что «государь намеревается ехать внутрь России» дошел и до возвращавшегося из Франции князя П. М. Волконского, который, по его словам, надеялся на время отсутствия в столице монарха погостить в своем подмосковном имении Суханово. Однако Александр I поручил ему сопровождать императрицу на весь период ее пребывания в Таганроге, «куда Государь изволит ехать 1-го сентября наперед для обозрения сего места и устройства жилища для Императрицы, которая отправится туда 3-го сентября». Перспектива отправиться в Таганрог, покинув свое «семейство и расстроенные дела, жить в уединении, почти как в ссылке», не привлекала князя, но он счел «невозможным отказаться от сего предложения» из-за болезненного состояния императрицы¹².

В день отъезда Александр I, покинув Каменноостровский дворец, заехал не как обычно в Казанский собор, а в Александро-Невскую лавру, чтобы помолиться перед «ракою святого Александра Невского». В общении с митрополитом Серафимом и схимником Алексеем император искал душевного утешения. Впервые за всю историю его долгих странствий цель поездки была вызвана столь печальными обстоятельствами. Он опасался за жизнь больной жены. Об этом свидетельствует тот факт, что царь взял с собой церемониал погребения Екатерины II. Покидая лавру, он просил монахов: «Помолитесь обо мне и о жене моей»¹³.

Выехав из Царского Села по Белорусскому тракту, Александр I на границе с Псковской губернией повернул через Торопец на Тульский тракт. Монарх и его свита, избегая встреч и проводов, передвигались довольно быстро, и на всем пути «нигде не было ни военных смотров, ни парадов, ни маневров». Вслед за царственным супругом 3 сентября 1825 г. с небольшой свитой отправилась в путь и Елизавета Алексеевна. Все внимание императора было обращено к больной супруге: «он писал ей письма и записочки, самые трогательные и задушевные, случайно дошедшие до нас после императрицы и уцелевшие от сожжения. Больная государыня, ехавшая с остановками и ночлегами, была особенно тронута таким отношением к ней мужа и уже на пути чувствовала нравственное облегчение, будучи в восторге, что, наконец, она могла выбраться из Петербурга»¹⁴.

Когда до Таганрога дошли слухи, что город «избран для восьмимесячного пребывания» царственных особ, и ожидается прибытие из Одессы генерал-губернатора М. С. Воронцова со своим придворным

штатом, то его жители «совсем потеряли голову в ожидании столь неожиданного и необычайного события». Вскоре пришло известие от генерал-адъютанта И. И. Дибича, что «Государю угодно остановиться» в том же доме, «где он останавливался в первый раз» в мае 1818 г., и на «исправление» которого «было прислано 25 тысяч рублей»¹⁵. По распоряжению градоначальника тотчас приступили к проведению ремонтных работ всех казенных и городских строений.

После прибытия монарха со своей свитой в Таганрог 13 сентября в доме-дворце, ставшем царской резиденцией, к приезду императрицы помещения готовились под личным руководством царя. Комнаты были меблированы без всякой роскоши и богатства, но «прилично». Елизавета Алексеевна со свитой, добираясь «малыми перегонами, с частыми отдыхами», прибыла в город 23 сентября. Встретившиеся супруги посетили греческий Александровский монастырь, а затем, после благодарственного молебна, прибыли во дворец. «По приезде императрицы государь окружил её самой нежной заботливостью, предупреждал ее малейшие желания и старался доставлять ей всевозможные развлечения, чтобы пребывание в городе для нее сделать приятным». «Таганрогское уединение возобновило между ними прежние узы, ослабленные на первых порах рассеянной молодостью, а потом заботами государственными. Они вели здесь жизнь тихую, уединенную, свободную от всякого придворного этикета. Елизавета Алексеевна, под влиянием этой нежной любви, стала оживать, здоровье её видимо поправлялось; через несколько дней она окрепла физически и морально»¹⁶.

Царственные супруги часто гуляли пешком или добирались на коляске до крутого берега, с которого открывался прекрасный вид на Азовское море. Императрица ежедневно посещала сад, который прилегал к дому, и где она любовалась фазанами, привезенными из Кавказа. Под руководством петербургского почт-директора К. Я. Булгакова была учреждена экстрата почта между Таганрогом и Петербургом «через города: Москву, Тулу, Орел, Курск, Харьков и Бахмут»¹⁷, и Елизавета Алексеевна имела возможность вести переписку с матерью. Однако её огорчали мысли о предстоящей разлуке с супругом, о чем она писала матери 8 октября. «Попросила его недавно сказать мне, когда он рассчитывает вернуться в Петербург, потому что я хотела бы знать, чтобы приготовиться к мысли о его отъезде, как к операции. Он ответил мне: “Как можно позже, я еще посмотрю: но, во всяком случае,

не раньше Нового года”. Это привело меня в прекрасное расположение духа на весь день»¹⁸.

Как видно из письма императрицы, царь не торопился возвратиться в северную столицу. «А между тем, возникли два обстоятельства, которые могли бы принудить государя вернуться в Петербург», — пишет великий князь Николай Михайлович. Речь идет о драме, случившейся «в Грузии, где умертвили любовницу Аракчеева, после чего граф, убитый горем и разъяренный против крестьян, не стал более заниматься государственными делами; а потом получились такие донесения, которые не оставляли больше сомнения в существовании заговора среди офицеров»¹⁹. Император, часто гостивший у графа А. А. Аракчеева в Грузино, в письмах выражал ему сочувствие, звал в Таганрог и просил вернуться к исполнению своих обязанностей. Наличие заговора офицеров требовало принятия неотлагательных мер.

Вместе с тем 11 октября император совершил поездку в Землю войска Донского, посетив Новочеркасск, Нахичевань, Ростов. 15 октября он уже возвратился в Таганрог, отказавшись, видимо, совершить «более обширное путешествие в Уральск». Об этом в своих воспоминаниях упоминает сотрудник квартирмейстерской части Главного Штаба Н. И. Шениг, который писал о том, что 31 августа 1825 г. ему было поручено доставить предписание саратовскому генерал-губернатору А. Д. Панчулидзеву, чтобы узнать, что представляет собой дорога «от Саратова через Вольск, Овсяной Гай или Мосты до Уральска и есть ли способ выставить по сему тракту нужное число лошадей для проезда Государя Императора». Получив сведения, Шениг доставил их в Таганрог и лично вручил генералу Дибичу до 20 сентября 1825 г.²⁰

О намерении Александра I отправиться на юг России, упоминаемом ранее в письме императрицы, сообщал также и московский почт-директор А. Я. Булгаков. Он в письме к брату Константину писал 6 октября 1825 г., что «здесь была эстафета из Астрахани в 5 суток. Государь будет там 10-го числа. Александр Петрович Ермолов ожидает уже там государя. Сказывают, что императрица оттуда изволит ехать в Саратов. Отсюда отправлено множество припасов и в Астрахань, и в Саратов»²¹. В следующем послании от 21 октября речь уже шла о поездке царя в Крым: «это царское путешествие, будет, точно, очень полезно для тамошнего края, который авось-либо государю направится»²².

В это время гостивший в Таганроге новороссийский генерал-губернатор М. С. Воронцов пригласил Александра I посетить Крым,

«уверяя, что можно еще вернуться обратно до наступления дождей и холода». Графу Воронцову хотелось показать императору край, в котором уже начали строить каменные дороги и «много было сделано в его генерал-губернаторство». Желание императора «отложить столь желанное прежде путешествие в Крым» по настойчивой просьбе Воронцова «переменило Его намерение», и он обещал графу объехать Крым и сдержал свое обещание²³. Поскольку здоровье Елизаветы Алексеевны шло на поправку, царь поручил генералу Дибичу составить маршрут путешествия, который после представления монарху был по его требованию сокращен. Окончательный вариант поездки был рассчитан на семнадцать дней.

20 октября 1825 г. Александр I в сопровождении небольшой свиты взял курс на Крым. Это путешествие оказалось последним в его жизни. Первые дни проходили благополучно, «государь был очень весел и разговорчив». Переночевав в Мариуполе, он вместе с графом Воронцовым проследовал до Симферополя, куда прибыл 24 октября. На следующий день царь продолжил путь к южному берегу полуострова «и проскакал 35 верст верхом», добравшись до Юрзуфа «по чрезвычайно трудным дорогам и усеянными камнями тропинкам». «Экипажам было велено ожидать Государя в Байдарах», отчего монарх принимал «несовершенно сходную с обыкновенно употребляемую» пищу. Это было, по мнению «доктора Виллие, главною причиною болезни Государя»²⁴. Продолжив путешествие, Александр I посетил Никитский сад, имение Ореанду, которое приобрел у графа Кушелева-Безбородко. Рядом с Ореандой в Алушке находилось поместье графа Воронцова, здесь «Государь обедал». Затем он отправился 27 октября в путь, «проехав оттуда более сорока верст по дурной горной дороге» и «прибыл в Байдары, где его ожидали царские экипажи»²⁵.

Из Байдар в Балаклаву Александру I пришлось добираться «через горы, на вершине которых дул холодный ветер, а при подошве был сильный жар», что «заставляло Его Величество часто открывать и покрывать голову. Этот внезапный переход от холода к жару, — писал Н. И. Шениг, — предрасположил его к болезни. На пути к Севастополю он почувствовал изнеможение»²⁶. Несмотря на это монарх вместе с генералом Дибичем по прибытии в Балаклаву стал осматривать греческий батальон, а затем, отправив свиту в Севастополь, верхом на коне в одном мундире без шинели направился в Георгиевский мужской монастырь. «День был теплый и прекрасный, — пишет

Н. К. Шильдер, — но к вечеру подул северо-восточный ветер и настал чувствительный холод. Не подлежит сомнению, что император Александр простудился во время этой неосторожной и несвоевременной поездки в Георгиевский монастырь и, таким образом, утомительные переезды 27-го октября послужили исходной точкой поразившего его вскоре смертельного недуга»²⁷.

Отчего здоровый организм Александра I, привыкший за долгие годы к трудным и долгим путешествиям, в поездке по южному берегу Крыма дал сбой и не справился со смертельным недугом? Отправляясь в путешествие, император был обеспокоен состоянием здоровья императрицы и нежеланием Аракчеева заниматься государственными делами при известии о существовании заговора. Осенняя поездка оказалась особенно трудной и опасной для здоровья царя из-за «дурных горных каменистых дорог», частой смены погоды и посещения тех мест, где «господствовала лихорадка». К тому же царь, не обращая внимания на нездоровье, тратил много времени и сил на смотры. Два дня пребывания в Севастополе 28 и 29 октября были в основном посвящены обозрению укреплений, кораблей, казарм, госпиталей, в которых воздух «был чувствительно сыр и холоден». В Бахчисарае, несмотря на нездоровье, он посетил расположенный на высокой скале Чуфут-Кале и на обратном пути — Успенский мужской монастырь.

Оказавшись в начале ноября в Евпатории (Козлове), а затем в Перекопе, монарх, болезненное состояние которого усиливалось, продолжал посещать церкви, мечети, синагоги, казармы и госпитали. И уже на обратном пути он «стал более задумчив и менее прежнего разговорчив». В Мариуполе, куда государь со свитой прибыл 4 ноября, лейб-медик Я. В. Виллие нашел, «что у Него сильная лихорадка; ногти Его были сини, а в теле озноб и дрожь». Врач предложил царственному пациенту остаться в городе, но он не согласился: «Его Величество спешил для свидания с императрицей, ожидавшей его прибытия в назначенное время, т. е. 5-го ноября»²⁸. Утомленный и ослабевший, царь в закрытой полости коляске отправился из Мариуполя в Таганрог, куда прибыл в шесть часов вечера.

Вид вернувшегося в Таганрог императора обеспокоил князя Волконского, который спросил монарха, как его здоровье. Царь ответил: «Я чувствую маленькую лихорадку, которую схватил в Крыму, несмотря на прекрасный климат, который нам так восхваляли. Я более чем

когда-либо уверен, что, избрав Таганрог местопребыванием для моей жены, мы поступили в высшей степени благоразумно»²⁹. В Таганроге болезнь монарха стала усиливаться, он слег в постель. За супругом заботливо ухаживала Елизавета Алексеевна, стараясь не оставлять его. Окружающие заметили, что Александра I что-то беспокоит. Князь Волконский полагал, что огорчение монарха было вызвано поведением графа Аракчеева, отказавшегося под благовидным предлогом приехать в Таганрог и вернуться к делам.

Болезнь императора стала принимать необратимый характер. Князь Волконский также не отходил от царя. Он писал своему другу А. А. Закревскому: «Во время болезни Государевой я не покидал его, ухаживал за ним, оказывая все пособия, какие только были нужны, и к несчастью моему все труды были тщетны. Всевышнему Творцу угодно было ниспослать на нас гнев свой, лишивши нас столь драгоценного Монарха. Одним утешением остается мне то, что я еще при конце его мог оказать ему последний долг»³⁰.

Наступил роковой день 19 ноября 1825 г. Было пасмурное, мрачное утро, «площадь перед дворцом вся была покрыта народом, который из церквей, после моления об исцелении государя, приходил толпами ко дворцу, чтобы получить весть о положении императора»³¹. Вскоре стало известно, что в 10 часов 50 минут великий монарх отошел в вечность. До Петербурга весть о кончине императора Александра I дошла восемь дней спустя — 27 ноября. Извещал об этом князь Волконский, организовавший сразу же после смерти императора Чрезвычайную комиссию. По его распоряжению в столицу был отправлен медицинский акт о кончине монарха и письмо о состоянии дел. Сообщение о смерти Александра I повергло царственную семью — вдовствующую императрицу Марию Федоровну и великого князя Николая Павловича в крайне печальное и трудное положение.

28 ноября было проведено заседание Комитета министров, на котором было принято решение учредить Печальную комиссию в составе 30 человек, назначив ее верховным маршалом князя А. Б. Куракина. Впервые за всю историю русского императорского двора его глава умер вдали от места, где ему предстояло быть погребенным, поэтому перед Печальной комиссией стояла основная задача: «распорядить всю церемонию с подобающим Царской особе уважением и составлять обряды тому сообразные, представить оные на высочайшее усмотрение»³². Сама же Печальная комиссия ничего не решала. Все дела

ежедневно докладывали Николаю I, и он каждый день рассматривал их, накладывая свои резолюции.

6 декабря в Таганрог князю Волконскому были высланы церемониалы 1796 и 1801 гг. «для определения порядка шествия в Петербург». Церемониал императорских похорон, разработанный Петром I, стал традицией ритуальной культуры при русском дворе. Изменения допускались лишь в особых случаях³³. Таганрогская комиссия, занимаясь устройством траурной церемонии, испытывала большие трудности в сложившемся междуцарствии, получая распоряжения из Петербурга и Варшавы. В доме, где скончался Александр I, устроили траурный зал и катафалк. «11 декабря тело монарха было перевезено в Троицкий собор Александровского монастыря и установлено в порфире и золоченой короне на высоком о 12 ступенях катафалке под балдахин, поддерживаемом четырьмя колоннами, вокруг были расставлены канделябры с многочисленными свечами»³⁴.

Несмотря на имевшиеся трудности в организации и проведении церемонии погребения Александра I, вызванные огромным расстоянием в две тысячи верст, Печальная комиссия и Таганрогская Чрезвычайная комиссия детально разработали сложнейший церемониал императорских похорон. На 40-й день кончины императора, 29 декабря, было назначено начало траурного шествия из Таганрога в Петербург. В строгом соответствии с разработанным церемониалом торжественная процессия переноса тела «странствующего монарха» в северную столицу медленно направилась через Харьков, Белгород, Курск, Орел, Тулу в Москву, привлекая внимание окрестных жителей. Это был последний путь просвещенного монарха по огромным просторам России.

По словам Н.И. Греча, «Александр был враг всякой пышности, всяких торжественных слов», но шествие «Государя от Таганрога до Санкт-Петербурга было величественнейшем торжеством для усопшего»³⁵. «На всем пути, даже в степных местах, стекались жители большими массами, чтобы оплакать своего незабвенного монарха. Но в городах, особенно губернских, это стечение народа простиралось до неимоверно обширных размеров и представляло самую умиленную и трогательную сцену уважения и благоговения к покойному императору»³⁶, — писал Тарасов. «Все ночлеги были в селах или городах, так что гроб всегда ночевал в церквях. Усердием жителей сооружались великолепные катафалки. В каждой епархии на границе встречал архиерей с духовенством всего уезда и сменяли духовенство

предшествующей губернии [...] У колесницы народ нередко отпрягал лошадей и вез ее на себе. Переезды были обыкновенно не более пятидесяти верст. На границе каждой губернии останавливались в поле, и губернатор одной губернии передавал церемониал губернатору другой, которые и провожал процессию через свою»³⁷.

Последняя остановка на ночлег перед Москвой была в Коломне. А на следующее утро, 3 февраля 1826 г., состоялось торжественное вступление в Москву «при повсеместной тишине и спокойствии». В это время в Петербурге шли усиленные приготовления к встрече печального шествия и устройству государственного ритуала похорон Александра I. Церемониал состоял из трех этапов: въезда в Царское Село, затем перенесения тела в Чесменский дворец, от которого должно было начаться торжественное вступление в столицу. Затем в Казанском соборе 7 дней народ мог проститься с усопшим, и, наконец, должны были состояться проводы к месту погребения в соборе Петропавловской крепости.

28 февраля дорожный траурный кортеж подошел к Царскому Селу. Последняя остановка перед этим была в Новгороде в Софийском соборе, который был убран в траур на средства А. А. Аракчеева. 6 марта 1825 г. процессия двинулась в Петербург. «С 8 часов утра в районе Чесменского дворца участники стали выстраиваться в церемониальную процессию. Путь предстоял долгий: до Московской заставы, по Обуховскому проспекту, через Сенную площадь и Садовую улицу, мимо Гостиного двора на Невский проспект и Казанскому собору. Здесь состоялись две службы — одна общая, другая для членов императорской семьи. Затем целую неделю вход в собор был открыт с 8 до 19 часов для всех желающих попрощаться с усопшим государем. Каждый день город объезжали герольды и извещали о последнем акте Печальной процессии, который должен был состояться 13 марта и начаться в 10 часов утра от Казанского собора»³⁸.

Наконец, наступил день 13 марта, с утра «до начала шествия, все отделения Печального кортежа расставлялись в нужном порядке и в определенном для каждого месте. В кортеже участвовал весь гвардейский корпус, все военные и гражданские власти, все сословия жителей столицы. В его строгом построении четко обозначился государственный и общественный статус участников, иерархия чинов, социальное построение общества. Город погрузился в глубокий траур и словно вымер»³⁹. Наконец траурная процессия направилась к Петропавловскому собору. Каждую минуту раздавался выстрел из пушки, в церквях

звонили колокола. Как только кортеж подошел к усыпальнице, гроб внесли и поставили в Петропавловском соборе на катафалк, после чего была отслужена Божественная литургия и совершено отпевание, а затем гроб был опущен в могилу, расположенную по правую сторону от алтаря, рядом с могилой Павла I. «В три часа дня тремя пушечными выстрелами» Петербург и вся Российская империя извещались о свершении «последних мгновений блеска и славы Александра Благословенного»⁴⁰.

Елизавета Алексеевна стойко перенесла жестокий удар судьбы, выпавший на её долю. Но здоровье императрицы стало ухудшаться, поэтому она не могла проводить в последний путь царственного супруга. Таганрог она покинула вместе со свитой во главе с князем П. М. Волконским 21 апреля 1826 г., а уже 4 мая 1826 г. недалеко от Калуги в городе Белёв императрицы не стало. И вновь печальная процессия спустя некоторое время потянулась в Петербург, где 14 июня жители города стали свидетелями торжественного шествия Печального кортежа Елизаветы Алексеевны. В соответствии с церемониалом Елизавета Алексеевна была погребена 22 июня рядом с супругом. По словам великого князя Николая Михайловича, ей суждено было стать не только «скромной тенью августейшего супруга, но и повторить его последний путь»⁴¹.

Примечания

¹ *Файбисович В. М.* Александр I — человек на троне // Александр I. «Сфинкс, не разгаданный до гроба...». Каталог выставки. СПб., 2005. С. 78.

² *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый, его жизнь и царствование: в 4 т. СПб., 1897–1898.

³ П. М. Волконский — А. А. Закревскому. Вена, 21.XII.1820 // Сб. РИО. СПб., 1890. Т. 73: Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского : Ч. 1 С. 34. Текст доступен по адресу: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/11619-t-73-1890#page/1/mode/grid/zoom/1> (дата последнего посещения 31.III.2015).

⁴ *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый. Т. 4. СПб., 1898. С. 164. Текст доступен по адресу: <http://www.runivers.ru/bookreader/book428051/#page/1/mode/1up> (дата последнего посещения 31.III.2015).

⁵ *Файбисович В. М.* Александр I. С. 81.

⁶ Там же. С. 78.

⁷ *Шильдер Н. К.* Александр I. Его жизнь и царствование: иллюстрированная история. М., 2010. С. 366.

⁸ *Тарасов Д. К.* Император Александр I. Последние годы царствования, болезнь, кончина и погребение: По личным воспоминаниям лейб-хирурга Д. К. Тарасова. Пгт., 1915. С. 151.

⁹ Там же. С. 160.

- ¹⁰ Там же. С. 165.
- ¹¹ Елизавета и Александр. Хроника по письмам императрицы Елизаветы Алексеевны. 1792–1826 (Бумаги Дома Романовых) / Сост., пер. с франц. яз. и коммент. Д. В. Соловьева и С. Н. Исколюя. М., 2013. С. 255.
- ¹² П. М. Волконский — А. А. Закревскому. Санкт-Петербург, 1.IX.1825 // Сб. РИО. Т. 73. С. 93.
- ¹³ *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый. Т. 4. С. 355.
- ¹⁴ Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I: биография. М., 2010. С. 292.
- ¹⁵ История города Таганрога / Сост. П. П. Филевский в память двухсотлетнего юбилея города 1698–1898. М., 1898. С. 125.
- ¹⁶ *Шильдер Н. К.* Александр I. С. 393.
- ¹⁷ История города Таганрога. С. 132.
- ¹⁸ Великий князь Николай Михайлович. С. 293.
- ¹⁹ Там же. С. 293.
- ²⁰ Воспоминания Николая Игнатьевича Шенига // РА. 1880. Кн. 3. № 1. С. 267.
- ²¹ Братья Булгаковы. Письма: в 3 т. / Под ред. А. Танчаровой. М., 2010. Т. 2. Письма 1821–1826 гг. С. 545.
- ²² Там же. С. 546.
- ²³ Последние дни жизни незабвенного монарха, в Бозе почивающего Государя Императора Александра I / Издано И. Заикиным. СПб., 1827. С. 14.
- ²⁴ Там же. С. 16.
- ²⁵ *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый. Т. 4. С. 370.
- ²⁶ Воспоминания Николая Игнатьевича Шенига. С. 292.
- ²⁷ *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый. Т. 4. С. 370.
- ²⁸ Там же. С. 373.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ П. М. Волконский — А. А. Закревскому. Таганрог, 21.XI.1825 // Сб. РИО. Т. 73. С. 96.
- ³¹ *Тарасов Д. К.* Император Александр I. С. 201.
- ³² *Миралобова Г. А.* Последний путь // Александр I. «Сфинкс, не разгаданный до гроба...». С. 160.
- ³³ Там же. С. 160.
- ³⁴ Там же. С. 165.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ *Тарасов Д. К.* Император Александр I. С. 208.
- ³⁷ *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый. Т. 4. С. 435.
- ³⁸ *Миралобова Г. А.* Последний путь. С. 176.
- ³⁹ Там же. С. 177.
- ⁴⁰ Там же. С. 179.
- ⁴¹ Там же. С. 181.

Н. М. Филатова

Варшавская коронация Николая I в 1829 г.: русский и польский взгляды

Приступая к освещению данной темы, нельзя не прояснить два важных момента, относящихся к царствованию императоров Александра I и Николая I. Во-первых, в рассматриваемую эпоху «путешествием называли любую поездку императора, будь то военные действия, дипломатические переговоры или смотр войск»¹. Это не в последнюю очередь было связано с длительностью поездок, с единственно возможным тогда — конным — средством передвижения, доставлявшим немало бытовых трудностей и сулившим множество опасностей даже окруженным многочисленной свитой царственным особам.

К примеру, Александр I, о котором недаром сложили поговорку «провел всю жизнь в дороге», не раз становился жертвой непогоды, в том числе на пути в польские земли. Так, в 1813 г. он, преодолев расстояние от Петербурга до Вильно за три дня в открытых санях, отморозил себе кончик носа². В другой раз, при возвращении из Варшавы в начале зимы 1815 г. ему также пришлось претерпеть неудобства из-за недоразумения: на одном из участков пути, не зная, что император поедет в санях, с дороги смели снег и заполнили канавы щебнем и соломой³. А в 1823 г. на объединенных учениях польских и русских войск под Брест-Литовском Александра I лягнула в бедро лошадь польского генерала В. Красиньского, в результате чего император надолго заболел рожистым воспалением.

Николай I, осуществлявший в течение года множество поездок по России, в основном с целью смотра войск, также любил стремительно передвигаться. Современники писали, что в дороге он по несколько дней питался одними лишь чаем и сыром. Знаменательным стал случай, произошедший с Николаем I в 1836 г. по дороге из Пензы в Тамбов под уездным городом Чембаром, где коляска императора опрокинулась, а сам он получил перелом ключицы⁴. Таким образом, любое

путешествие, особенно далекое, в том числе в Царство Польское или Западные губернии России, требовало от монарха определенных личных усилий, что было одной из причин, по которой оно воспринималось как особенно значимое событие.

Во-вторых, прежде чем остановиться на одном из наиболее важных визитов Николая I в Царство Польское (в польской традиции именуемое Королевством), следует вспомнить о находящихся в том же историко-семантическом поле визитах туда императора Александра I. Ведь недаром они были достаточно многочисленны. Одну только Варшаву Александр I в качестве конституционного короля Царства Польского посетил 9 раз (по подсчетам И.Г. Попруженко, в общей сложности ни в одном из русских столичных городов он не жил так подолгу⁵). Свою польскую столицу император посещал почти каждый год: 31 октября (12 ноября) — 21 ноября (3 декабря) 1815 г., когда им была подписана конституция королевства, а затем в 1816, 1818, 1819, 1820, 1821, 1822, 1823 и 1825 гг. Подобная частота визитов российского самодержца и польского короля в одном лице в Варшаву даже вызывала недовольство у его российских подданных. В разговорах с Александром I не раз звучали ревнивые замечания по поводу его польской политики. «Государь! Зачем Вы ездите к полякам? Зачем пишете такие благодарственные манифесты?» — спрашивал его А.Ф. Орлов, добавляя: «Кто может любить Вас так, как русские?»⁶

Путешествия Александра I в Королевство Польское являли собой особый тип саморепрезентации императорской власти, которая должна была, ориентируясь на польское и западноевропейское общественное мнение, демонстрировать иное лицо, отличное от традиционного образа самодержавных императоров, предназначенного для российских подданных. Продолжателем этого типа саморепрезентации власти (хотя и без особого рвения, и, как показала история, на короткое время — до польского восстания 1830 г.) должен был стать Николай I, получивший в наследство от брата титул польского короля.

Однако, став императором, Николай Павлович, еще в бытность великим князем навещавший в Варшаве старшего брата цесаревича Константина — главнокомандующего польской армией, не спешил посетить свои польские владения. Его первый визит в столицу Царства Польского имел место лишь в 1829 г. и был приурочен к коронации (второй раз Николай I в качестве конституционного монарха побывал в Варшаве в мае — июне 1830 г., чтобы открыть и закрыть последний сейм Королевства Польского).

* * *

При создании в 1815 г. конституционного Царства Польского под скипетром Александра I в польской конституции было записано: «Все наши наследники по престолу Царства Польского обязаны короноваться Царями Польскими в столице согласно обряду, который будет нами установлен, и приносить следующую клятву: “Обещаюсь и клянусь перед Богом и Евангелием, что буду сохранять и требовать соблюдения Конституционной Хартии всею Моею властью”»⁷.

Александр I, придававший большое значение своему статусу польского конституционного короля, отличного от статуса самодержавного российского императора, и — как показывают польские тексты различных жанров — воспринимавшийся польскими современниками в отрыве от России, как наследник Пястов и Ягеллонов (польских королевских династий)⁸, тем не менее уклонился от обряда коронации. Однако архивные материалы показывают, что в начале 1820-х годов рассматривалась возможность коронации Александра I в соответствии с польским церемониалом (последний раз так в 1764 г. короновался Станислав Август Понятовский)⁹. Правительственная Комиссия внутренних дел Королевства Польского интересовалась описанием церемониала коронации польских королей. Тогда же правительство пыталось выяснить и судьбы польских корон, хранившихся ранее в сокровищнице Вавеля. Однако эти короны не сохранились, якобы вывезенные во время разделов пруссаками¹⁰.

Счел необходимым выполнить означенный параграф польской конституции и Николай I, который, однако, в частной переписке с братом Константином Павловичем не скрывал своего скептического отношения к этой процедуре. Ведь, как и другие российские императоры, Николай был уже коронован в Успенском соборе Московского Кремля по православному чину венчания на царство (соединенно-му с миропомазанием) 22 августа 1826 г. Переписка свидетельствует о разногласиях братьев по поводу места польской коронации и самого обряда. Дело осложнялось тем, что православный монарх должен был короноваться как король католической страны — поэтому вариант коронации в католическом кафедральном соборе был сразу же отвергнут как неприемлемый. Местом проведения церемониала Николай I определил Королевский замок в Варшаве. Он решительно отказался также от произнесения присяги конституции, ссылаясь на то, что формула присяги уже была включена один раз в манифест о восшествии

на престол и повторять присягу царю не подобает. Вместо этого, он, преклонив колено, по-французски произнесет молитву, в которой однако будут слова: «Да сподобюсь царствовать для блага моих народов, [...] по учредительной грамоте, дарованной Моим Августейшим Предшественником, и *уже утвержденной мною присяге*» [Здесь и далее курсив мой. — Н.Ф.]¹¹. Так перевели текст молитвы русские издания. В польском же варианте — в брошюре «Обряд коронации Его Величества Николая I, императора Всероссийского, Короля Польского в столице королевства Варшаве»¹² — акценты были расставлены несколько иначе: император обращался к Богу с мольбой дать ему силы «править для счастья моих народов [...] в соответствии с *Конституционной Хартией*, дарованной Моим Августейшим предшественником, *которой я уже принес присягу*»¹³.

Это малозаметное, на первый взгляд, расхождение в формулировках говорило о стремлении в тексте, адресованном полякам, подчеркнуть факт присяги нового короля конституции и, напротив, завуалировать в глазах россиян все, связанное с конституционными обязательствами монарха. О том, что поляки ждали именно во всеуслышание произнесенной клятвы соблюдать конституцию 1815 г., говорят хотя бы воспоминания В. Шокальского. Он довольно точно описав церемонию коронации, отметил, что император в молитве «вспомнил об уже принесенной *присяге конституции*»¹⁴.

Под давлением Константина Павловича государь согласился на проведение в рамках коронации торжественного богослужения в католическом кафедральном соборе Варшавы. Продуманный братьями церемониал должен был, таким образом, обозначив непоколебимую приверженность самого царя к православию, «подчеркнуть уважение Николая I к традициям Королевства и вере большинства его тамошних подданных»¹⁵.

При этом император проявил настойчивость: корона в империи и Царстве Польском должна быть одна и та же — в знак вечного соединения царства с империей. Он ссылаясь при этом на то, что «Королевство Польское навсегда присоединено к Российской империи: в этом основа существующего ныне положения вещей. Монарх один, а потому символ его власти должен быть един для обеих стран. Монарх, пересекая границу, считается королем: корона с прибытием в эту страну, является короной короля; принадлежа империи, она тем самым принадлежит и Королевству, поскольку тот, кто говорит об одном из этих

поступлении его на службу к наследнику, чтобы учить его — как будущего польского короля — польской истории и языку²¹. Цесаревич с воспитателем осматривал достопримечательности Варшавы и ездил в Виллянов, где публично восхищался посаженными Яном III деревьями.

12 (24) мая в Королевском замке Варшавы состоялась коронация. Опубликованный в варшавской прессе и отдельным изданием «Обряд коронации...» предусматривал все детали церемонии: «Короны, скипетр, держава и другие коронационные регалии будут привезены из Петербурга обер-церемонимейстером под охраной четырех кавалергардов вплоть до границы Королевства Польского, куда прибудет церемонимейстер польского двора вместе с четырьмя конными егерями, и разместившись напротив регалий, привезет их в Варшаву, где они будут сложены в Королевском замке в Тронном зале. [...] В день коронации инсигнии будут процессией перенесены в костел св. Яна специально назначенными лицами в следующем порядке:

Гвардейское подразделение кавалеристов в пешем строю под командованием офицера,

Два глашатая,
Два церемонимейстера,
Орден Белого Орла,
Печать Королевства,
Знамя,
Меч,
Королевская мантия,
Держава,
Скипетр,
Корона,
Обер-церемонимейстер,

Гвардейское подразделение кавалеристов в пешем строю под командованием офицера,

Все представители власти, долженствующие присутствовать при коронации.

Подразделения гвардии остановятся перед костелом св. Яна. Регалии будут приняты у дверей костела примасом во главе высшего духовенства. Эти регалии будут возложены на специально приготовленный стол, покрытый ярко-красным бархатом с золотыми позументами. Примас отслужит мессу Святого Духа, после чего регалии будут освящены и в том же самом порядке отнесены обратно в Замок, где будут

положены в Тронном Зале». В установленный час Его Величество Император и Король, украшенный Орденом Белого Орла, отправится вместе с императрицей, уже надевшей корону и королевскую мантию, в Тронный зал. Далее процессия двинется в коронационный зал, высшие сановники понесут регалии, а саму корону — председатель Сената Королевства Польского с двумя ассистентами. В инструкции прямо говорилось, что во время коронации, после того как примас подаст королю мантию (порфиру), «Его Величество Император и Король повелит подать ему корону. Сановник, который ее нес, возьмет ее со стола и передаст примасу, который ее подаст Его Величеству на подушке, говоря: “Во имя Отца и Сына, и Святого Духа!”». Император и король наденет корону на голову»²².

Во время церемониала была использована корона царицы Анны Иоанновны, выполненная мастером Дункелем (в России императоры, начиная с Екатерины II, короновались Большой короной Российской империи). Корону Анны Иоанновны в Варшаву привез церемонимейстер польского королевского двора Я. Жабоклицкий. Он пользовался в Варшаве репутацией чудака, поэтому в некоторых польских воспоминаниях торжественное путешествие российской короны описывалось иронически, что свидетельствует одновременно и об отсутствии должного почтения к ней в польском обществе. В подобном ключе, например, вспоминал обо всей процедуре Леон Сапега: «По окончании турецкой войны был назначен срок коронации императора Николая польским королем. Для этой церемонии хотели найти корону, которой короновались польские короли. Но все поиски были напрасными. Ни в Варшаве, ни в Кракове от нее не осталось и следа. И вот было принято решение привести из Москвы царскую корону. Это стало поводом для ропота многих, которые увидели в этом желание показать, что Польша является лишь придатком России. За этой короной послали в Москву церемонимейстера Жабоклицкого [...] Он был невероятно горд этой столь важной в его глазах миссией, тем, что ехал придворной каретой, и что на каждой почтовой станции ему, а вернее короне, отдавали воинские почести»²³.

Согласно предписанному порядку сначала все королевские регалии, включая и корону, были перенесены польскими сановниками из Королевского замка в католический кафедральный собор, где они были освящены. Затем регалии были возвращены обратно в Королевский замок — в зал Сената, где специально для них воздвигли алтарь

с распятием — и расположены на специальном столе. Императрица Александра Федоровна к началу церемонии уже имела на голове корону, выполненную одним из варшавских ювелиров.

Церемонию освящал примас (глава католического духовенства Королевства Польского) Ян Павел Воронич. Он, прочитав молитву, подал царю порфиру, которую Николай I сам надел на себя, затем, благословив корону, подал ее императору, который и ее надел на себя сам соответственно русскому православному обряду венчания на царство. (Этот жест стал потом предметом польских комментариев). Император принял из рук примаса цепь Белого Орла и возложил ее на грудь императрицы, а потом получил от священника скипетр и державу. Затем примас трижды провозгласил «*Vivat Rex in aeternum!*»*, что сопровождалось 101 пушечным выстрелом и колокольным звоном по всей Варшаве. После этого были прочитаны молитвы — сначала новым польским королем, затем Вороничем.

Таким образом, обряд сочетал в себе российскую традицию коронации со специально изобретенными ради этого случая и ранее не практиковавшимися элементами церемониала. Рассмотрим, каковы были последующие комментарии к этой церемонии — как русские, так и польские.

На страницах русской прессы специально подчеркивалось фигурирование в церемониале российской короны. Так, официальный российский взгляд на происшедшее выражали «Отечественные записки». «Спешу сообщить вам описание события важного, коего я был свидетелем, — говорилось в статье «О коронации его императорского величества», подписанной инициалами Н. Б., — события, достойного Истории не только отечественной, но и всемирной; [...] *Коронация Царя Польского в стенах Варшавских Короною Российскою, — сим священным символом соединения навеки неразрывным узлом дружбы и согласия двух соплеменных, славных народов*»²⁴. Это соответствовало рескрипту, присланному Николаем I военному генерал-губернатору Петербурга 13 мая 1829 г. и опубликованному в российских газетах. В нем говорилось о том, что он, Николай I, согласно воле покойного брата, короновался 12 мая в своем столичном городе Варшаве, возложив на голову свою, семейную, собственную императорскую корону всея России. В документе подчеркивалось, что этим торжественным актом на все

* «Да здравствует король вечно!» — лат.

времена было подтверждено и определено положение Царства Польского, навсегда нераздельного с Российской империей²⁵. «Северная пчела» Ф. В. Булгарина также выражала ликование по поводу «торжественного коронавания», которым «запечатлен неразрывный союз двух соплеменных народов: корона России на голове польского царя есть символ благотворного соединения! Она знаменует, что два народа, разные именем, составляют отныне одно семейство под сенью одной отеческой власти»²⁶.

Присутствовавший при церемониале А. Х. Бенкендорф выражал типичную российскую точку зрения, когда так комментировал происхождение: «В доказательство того, что обе страны находятся под одним и тем же правительством, государь велел привезти из Петербурга императорскую корону»²⁷. Интересно в связи с этим замечание также бывшего свидетелем коронации поэта В. А. Жуковского, записавшего в дневнике телеграфным стилем: «День коронации, место между нунциями [...] Чтение молитвы. *Неприличие благословения короны*»²⁸. Очевидно, у апологета российского самодержавия и воспитателя наследника престола вызвало неприятие благословения короны православных императоров — по сути православной святыни — католическим священнослужителем.

Взгляд русских, вспоминая позднее о польской коронации Николая I, кажется сосредоточенным на настроениях поляков и рассуждениях о том, искренними ли являлись их верноподданнические чувства. Одновременно, рассматривая это событие сквозь призму произошедшего вскоре восстания 1830 г., мемуаристы порой проявляют избыточную критичность в оценке русско-польских отношений в 1829 г.

Так, Бенкендорф отмечает внешние проявления радости поляков: «Войско и народ продолжали встречать государя радостными кликами; дамы у окон и на балконах махали платками и казались в восторге от красоты императора, от бесподобного личика его сына, от приветливых поклонов и всей очаровательной осанки императрицы; словом, глаз самый наблюдательный не открыл бы в варшавской встрече ничего, кроме радости и привязанности верного своему монарху народа. Таким сей последний нам представился; таков он был и в сущности, по крайней мере относительно массы». Но в то же время видимая радость поляков омрачается в его глазах неудовлетворенностью русских. Бенкендорф пишет, что слух о предстоящей коронации «оживил

новыми надеждами жителей возвращенных от Польши губерний и не порадовал русских». «В соборе, — продолжает он, — под древними сводами которого столько королей воспринимали корону и столько поколений поклонялись своим владыкам, поляками не могло не овладеть некоторое самодовольство при виде потомка Петра Великого, отдающего почеть вероисповеданию их края, и католическое духовенство не могло не ощущать странного чувства, вознося молитвы о возведенном на престол православном царе. На нас, напротив, все это произвело какое-то тягостное впечатление, как бы предзнаменовавшее ту неблагодарность, которую этот легкомысленный и тщеславный народ оплатит со временем за доверие и честь, оказанные ему русским императором»²⁹.

Стремление подчеркнуть всеобщее ликование поляков, диссонирующее с их последующей «черной неблагодарностью», налицо у других очевидцев коронации — П. А. Колзакова и А. Ф. Львова. «Народ везде изъявлял особенную радость, и каждый хотел иметь кусок сукна, которым был покрыт помост, устроенный для шествия Их Величеств. В этот торжественный день был при дворе обед, за которым пили за здоровье всего царского дома, верноподданных и за благоденствие царства при пушечных выстрелах и звуке труб. Вечером город был иллюминирован, и Их Величества ездили в открытой карете по главнейшим улицам и всюду были сопровождаемы радостными восклицаниями народа. 14 числа было общее поздравление, а 16 народный праздник, на который собралось до 80 тысяч человек; после общего угощения начались увеселения, карусели и гимнастические игры, везде расставлены были кушанья и напитки», — пишет композитор А. Ф. Львов. И заключает: «После всего этого кто бы мог вообразить, что те же знатные поляки, которые под личиною преданности с таким усердием участвовали в этих пышных церемониях, они же возбудят народ к бунту и сами примут управление царством и командование войсками?»³⁰

Колзакову важно, что Николай I подтвердил свое расположение к полякам, демонстративно закрепив статус польского короля. В частности, он пишет: «Когда государь стал на свое место, то примас прочел молитву и провозгласил его *королем польским*. При сем последнем слове началась пальба из пушек, после чего примас поднес государю порфиру, которую начали надевать на государя придворные, первые сановники, затем корону, скипетр и державу, — все это с молитвою подносило было примасом. Государь поднесенную ему корону надел

сам себе на голову; потом двое великих князей подвели к нему императрицу, которая стала на колена и Он надел на нее цепь Белого Орла и корону, и она стала с ним рядом у трона»³¹.

Реакция поляков на происшедшее была разнородна. С одной стороны, на приезд нового короля надеялись, ожидая от него как закрепления конституционных гарантий по отношению к Королевству Польскому, так и благотворного влияния на напряженную политическую обстановку, вызванную процессом по делу Патриотического общества и раздражением поляков против великого князя Константина и Н. Н. Новосильцева. В. Шокальский, например, полагает, что «разыграв эту горькую драму с Сеймовым Судом, Николай I явно одумался, желая постепенно изгладить из памяти ужасное впечатление, которое само по себе с течением времени отнюдь не сглаживалось»³². Когда весной как гром среди ясного неба разнеслось «наименее всего ожидаемое известие» о будущей коронации, «изумление и радость были повсеместны, и о всем, что тому предшествовало на какой-то момент забыли». Мемуарист с удовлетворением отмечает: «Все время пребывания императорского двора в Варшаве Николай I был весел, вел себя непринужденно, и, казалось, что ему хорошо среди нас. Раза два я встретил его идущим с одним лишь адъютантом. От Лазенок до Королевского замка он сам ездил верхом. Император отдалил от себя полицию, говорил по-польски и недвусмысленно выказывал нам свою симпатию»³³.

Другой очевидец событий, принимавший в них непосредственное участие, — старший сержант роты Его Императорского и Королевского Величества Первого полка конных егерей Ю. Пательский также вспоминает о торжествах как о «радующих глаз и трогающих сердце». Явно радостные чувства у него вызвал вид императорской семьи — как при въезде в Варшаву («Никогда не забуду вида красивой, импозантной фигуры императора Николая I на чудесном коне вместе с одиннадцатилетним наследником престола великим князем Александром [...], на маленькой лошадке следующим за отцом, и великолепной, запряженной восьмеркой лошадей кареты, везущей симпатичную польскую королеву Александру»), так и во время коронации («Только фигуры императора в мундире польского генерала и императрицы в королевской мантии со шлейфом [...] сохранились у меня в памяти [...] Впрочем, все прошло строго согласно объявленной ранее программе, в серьезной атмосфере и при полном спокойствии»)³⁴.

Весьма характерны расхождения в якобы виденном и слышанном в те дни представителей разной политической ориентации. Вот один из примеров: Пательский пишет, что «в казармах группа недовольных и революционные агитаторы, которых тогда было предостаточно в рядах армии и в Школе подхорунжих, с негодованием нашептывали нам, что император Николай перед костелом францисканцев не спешился и тем самым не отдал дань уважения ксендзу-примасу, представителю польского межкоролевья, несшему ему вместе с кропилом Божие благословение, и тем самым оскорбил весь польский римско-католический народ»³⁵. В то же время Шокальский, утверждавший, что лично видел все происходившее в окно, свидетельствует: «Император слез с коня, поцеловал распятие, поднесенное затем Ее Величеству, и процессия двинулась дальше»³⁶.

Как верно пишет польский историк М. Гетка-Кениг, коронация, как и сейм 1830 г., была последним свидетельством «независимости единственного островка польской государственности после трагедии разделов» и, добавим, явно говорила о намерениях нового польского короля открыто позиционировать себя как такового и соблюдать конституцию. «Нигде более в XIX в., даже в автономной Галиции, у поляков не было шансов ощутить в полной мере королевскую славу»³⁷. «С провозглашением коронации с Варшавы спала хмурая пелена, которая накрыла ее, начиная с Сеймового Суда. Каждый надеялся вздохнуть вольным воздухом, все мы приветствовали зарю лучшей доли»³⁸, — вспоминала Наталия Кицкая. Подобное восприятие коронации как свидетельства сохранения польской государственности и даже открытия ее новой страницы порой позволяло не заметить и одной из главных деталей церемонии — использования российской короны. Впрочем, официальная Варшава ее особо и не подчеркивала. В сочиненных по случаю торжественного события стихах символически фигурировала корона польских королей. Например, официозный автор Л. Дмушевский украсил свой балкон стихами, в которых говорилось, что Николай I:

Zasiadł na Piastów i Jagiełłów tronie

W polskiej koronie.

(Воссел на Пястов и Ягеллонов троне

*В польской короне)*³⁹.

Богуслава Маньковская (дочь создателя польских легионов наполеоновского генерала Я.Х. Домбровского) всерьез писала о том, что

у тех, «которые это видели, без сомнения в сердце зародилась национальная гордость, которая всю жизнь будет звучать, словно повторяющееся эхо, которое напоминает о том, что гордый, могущественный царь, властелин половины Европы, представитель гордых Романовых, склонил голову, дабы на нее в Варшаве возложили корону польских королей»⁴⁰.

С другой стороны, беспокойная политическая атмосфера в Королевстве Польском, слухи о нелюбви к полякам Николая I, чье вступление на престол ознаменовалось расправой над декабристами, давали о себе знать. В. Шокальский, например, рассматривая праздничное убранство Варшавы в день въезда туда императора, отмечает некий неуловимый «понурый оттенок», присутствовавший и в облике города, и даже в, на первый взгляд радостных приветствиях горожан⁴¹. «Когда монарх, возложив на голову императорскую корону, провозгласил себя коронованным польским королем, ни одно сердце не забилося сильнее, ни одна слеза не пролилась; весь этот обряд казался холодным театральным зрелищем, спектаклем, но не реальностью»⁴², — вспоминал впоследствии А. Козьян.

В том, что новый король сам надел корону себе на голову, а не предоставил это сделать польскому священнослужителю, многие увидели символ узурпации власти. Характерно и различие в интерпретации тишины, которой был встречен возглас примаса, прославляющий нового польского короля. Известно, что отсутствие бурных выражений народного ликования было запланировано организаторами церемонии. Вот что пишет по этому поводу Ю. У. Немцевич: «После коронации, когда примас Воронич провозгласил *vivat rex in aeternum*, всеобщее молчание. Никто не повторил этого возгласа, таков был приказ. Любимый голос народа, пусть даже радостный, неприятен деспотам»⁴³. А вот как комментирует это Л. Салега: «Тогда примас короновал императора, последний же надел корону на голову императрицы. После этого примас произнес речь, которую закончил словами: “Теперь воскликнем единогласно: “Да здравствует король!” и три раза провозгласил “Vivat!” Но ни один голос не отозвался. Императорская чета переглянулась, на их лицах видна была растерянность»⁴⁴.

Однако в основном в явно негативном ключе высказывались те мемуаристы, чье видение предшествующих польскому национально-освободительному восстанию 1830 г. событий определялось тем переворотом, который оно произвело в умах. Это негативное видение

«последней польской коронации» (выражение М. Гетки-Кенига) было связано не только с тем, что после детронизации Николая I, когда он перестал быть польским королем, поляки были избавлены от необходимости высказывать свою лояльность. Оно сформировалось в повстанческой и эмигрантской публицистике, когда гласности были преданы свидетельства не только непосредственных участников революционного выступления 29 ноября 1830 г., но и лиц, близких к так называемому «коронационному заговору», составленному в 1829 г. с целью покушения на царя.

О масштабе заговора и составе его участников историки спорят до сих пор⁴⁵. Но характерно, что один из его инициаторов Винцентий Смагловский в признаниях Следственной комиссии указал, что целью заговора было воспрепятствовать этому акту, ибо коронация «противоречила священным польским обычаям». Она нарушала исторически сложившийся церемониал, согласно которому помазание и возложение короны на польских королей осуществляли польские архиепископы. «Во времена короля Сигизмунда Россия была покорена гетманом Ходкевичем. Польша не была завоевана царем Николаем, который должен был короноваться. Славной памяти император Александр не короновался, но, думаю, покори нас ничем иным как своими благодеяниями. Как же коронация, столь противоречившая священным обычаям и церемониям, могла состояться, если во времена, когда Россия была завоевана, Владиславу навязали необходимость короноваться по образцу, практикуемому в России?»⁴⁶

В сознании непосредственных очевидцев, воспроизводивших пережитое без последующих тенденциозных наслоений, истинное происхождение короны и ее «польскость» довольно мирно уживались. Пательский, например, пишет о том, как военные салютовали короне, «*vulgo** называемую польской»⁴⁷.

«Чужое» происхождение короны выступило на первый план в повстанческих и эмиграционных публикациях. Об этом свидетельствует, например, следующая цитата из анонимной брошюры, изданной во время восстания 1830 г.: «какой бы энтузиазм возбудил бы он [Николай I], если бы надел не императорскую, а настоящую польскую корону, этот памятник Болеслава Храброго, Батория и Августов»⁴⁸. В глазах патриотов, вспоминавших о коронации, решение Николая I

* Везде, повсеместно, всенародно — *лат.*

короноваться русской короной дискредитировало акт коронации, который означал уже не обретение Польшей «своего», принимающего польские «правила игры» правителя, а подчинение ее враждебной самодержавной династии. О том, что Николай I «возложил на свою голову непольскую корону и посмел уравнивать скипетр прекраснейшего славянского племени с астраханским и сибирским», писал участник заговора подхорунжих А. Лаский⁴⁹.

Окончательно закрепила образ русской короны как символа чужой власти польская художественная литература. Коронация Николая I как польского короля в Варшаве в 1829 г. удостоилась в драме Ю. Словацкого «Кордиан» (написана в 1833 г., годом позже вышла из печати) отдельной художественной интерпретации. Этот сакральный акт в драме десакрализован. Об этом свидетельствует избранная точка зрения на эту церемонию: зритель видит ее глазами толпы, отпускающей по адресу царя колкие шутки. В драме коронация ознаменована несчастьем — гибелью ребенка, и бесчинствами толпы, рвущей на части сукно, покрывающее торжественный помост для зрителей (последнее, кстати, было исторически достоверно). В драме Словацкого все это, с одной стороны, лишает событие торжественности, с другой — являет недобрые предзнаменования, сопутствующие вступлению российского императора на польский престол. Мотив фальшивой, неосвященной национальной традицией «чужой» короны, символизировавшей правление императора Николая I в Польше, прослеживается и в другом произведении Ю. Словацкого — драме «Балладина» (написана в 1834, опубликована в 1839 г.)⁵⁰.

Безусловно, права Е. М. Болтунова, утверждающая, что «коронация, проведенная в светском пространстве, была лишена в глазах как русских, так и польских участников самой основы, которой являлось постулирование сакральности монаршей власти»⁵¹. Однако, камнем преткновения стал здесь не столько вопрос веры как таковой, сколько расхождение в традициях восприятия верховной власти. Расхождение проявилось в разных смыслах, придаваемых этой церемонии русскими — с гораздо более глубокой традицией сакрализации царской власти — и поляками, желавшими вписать нового польского короля в собственный историко-культурный контекст.

Тем не менее разногласия в русских и польских откликах на коронацию 1829 г. еще не дают нам повода разделить тезис Н. К. Шильдера о том, что польская коронация Николая I стала «разрывом между

поляками и династией». Коронация (и различные способы ее репрезентации) были попыткой сгладить противоречия между властью и обществом в Царстве Польском, рассчитанной в основном на польскую аудиторию. Вот почему варшавская коронация Николая I прочно вошла в историческую память поляков (в отличие от русских, которыми она до сегодняшнего дня была забыта⁵²). Последующий явно негативный ореол, которым это событие было окружено, обусловлен взглядом на него сквозь призму польского восстания 1830 г. и романтической историографии, надолго определившей стереотипы польского исторического сознания. Выводы, которые можно сделать из исследования русских и польских текстов различных жанров (прессы, мемуаристики, художественной литературы), посвященных коронации 1829 г., связаны скорее с различиями самих этих жанров в качестве исторических источников и с метаморфозами исторического сознания.

Примечания

¹ Булгакова Л.А. Император путешествует // Николай I: Личность и эпоха. Новые материалы / Отв. ред. А.Н. Цамутали. СПб., 2007. С. 431.

² Шуазель-Гуфье С. Исторические мемуары об императоре Александре и его дворе / графини Шуазель-Гуфье, урожд. графини Фитценгауз, бывшей фрейлины при российском дворе / Пер. Е. Минович, вступ. статья А.А. Кизеветтера. М., 2007. С. 90.

³ Там же. С. 154.

⁴ См. об этом: Булгакова Л.А. Император путешествует. С. 432.

⁵ Из архива Н.Н. Новосильцова. «В чайнии монарших милостей», 1816–1818. (Прощения поляков) / Собрал И.Г. Попруженко // РА. 1910. Т. 3. С. 161.

⁶ Свидетельство М.Н. Грибовского. Цит. по: Бокова В.М. Эпоха тайных обществ. М., 2003. С. 326.

⁷ Конституционная хартия Царства Польского // Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского 1815–1830 / Отв. ред. С.М. Фалькович. М., 2010. С. 530.

⁸ Подробнее об этом см.: Филатова Н.М. Польские литераторы об Александре I // Славяноведение. 2011. № 1. С. 3–17.

⁹ По сообщению Е.М. Болтуновой описание церемониала коронования короля Станислава Августа хранится в Российском государственном архиве древних актов. См.: Болтунова Е.М. Варшава и Санкт-Петербург в церемониальном пространстве друг друга (конец XVIII – первая треть XIX вв.) // Sztuka Europy Wschodniej. Искусство Восточной Европы. Т. 1. Польша – Россия: искусство и история. Польское искусство, российское искусство и польско-российские художественные контакты до начала XX века / Под ред. Е. Малиновского, И. Гавраш и Н. Мизернюк-Роткевич. Warszawa-Toruń, 2013. С. 164.

¹⁰ Gutkowski J. Ceremoniał koronacji Mikołaja I na króla polskiego w Warszawie // Kronika zamkowa. 1987. N 6 (14). S. 8.

- ¹¹ [H. Б.] О коронации Его Императорского Величества // Отечественные записки. 1829. Ч. 38. № 110. С. 428–429.
- ¹² Obrzęd koronacji Najjaśniejszego Mikołaja I, Cesarza Wszech Rosyyi, Króla polskiego w stolicy Królestwa w Warszawie. Warszawa, 1829.
- ¹³ Цит. по: *Gazeta Warszawska*. 1829. 13.V. N 128. S. 1176.
- ¹⁴ *Szokalski W. F.* Wspomnienia z przeszłości / Z rękopisu wydał i przedmową opatrzył A. Wrzosek. T. 1 (1819–1837). Wilno, 1921.
- ¹⁵ *Думин С. В.* Россия. История коронаций. М., 2013. С. 344.
- ¹⁶ Николай I — цесаревичу Константину, Санкт-Петербург, 19.IV (1.V).1829 // Сб. РИО. СПб., 1910. Т. 131: Переписка Императора Николая Павловича с Великим Князем Константином Павловичем : Т. 1: 1825–1829. С. 335–336.
- ¹⁷ *Gazeta Warszawska*. 1828. 1.III. № 59. S. 531.
- ¹⁸ Цит. по: *Высочков Л. В.* Николай I. М., 2006. С. 263.
- ¹⁹ *Prążmowski A.* Kazanie miane przed zaczęciem sejmu w kościele metropolitalnym warszawskim św. Jana dnia 28 maja 1830 r. Warszawa, 1830. S. 13.
- ²⁰ *Skarbek F.* Królestwo Polskie od epoki początku swego do rewolucji listopadowej // *Skarbek F.* Dzieje Polski. T. 2. Poznań, 1877. S. 268.
- ²¹ Письмо В. А. Жуковского к неизвестному лицу о преподавании покойному государю Александру Николаевичу сведений про бывшую Польшу // РА. 1884. Кн. 3. № 5. С. 118–119.
- ²² *Gazeta Warszawska*. 1829. 13.V. № 128. S. 1173–1176.
- ²³ *Sapieha L.* Wspomnienia (z lat od 1803 do 1863) / Z przedmową St. hr. Tarnowskiego / Wydał, wstępem i wyjątkami z korespondencji zaopatrzył B. Pawłowski. Kraków-Warszawa, 1912. S. 96.
- ²⁴ [H. Б.] О коронации. С. 418.
- ²⁵ *Gazeta Warszawska*. 1829. 14.VI. № 157. S. 1516.
- ²⁶ Отрывок письма из Варшавы // Северная пчела. 1829. № 63.
- ²⁷ *Бенкендорф А. Х.* Император Николай I в 1828–1831 годах // Николай Первый. Молодые годы. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2008. С. 254. (Полностью издано в: Император Николай I в 1828–1829 годах: Из записок А. Х. Бенкендорфа. Сообщ. и коммент. Н. К. Шильдер // РС. 1896. Т. 86. № 6. С. 471–510; Т. 87. № 7. С. 3–27. Император Николай I в 1830–1831 годах: Из записок А. Х. Бенкендорфа // РС. 1896. Т. 88. № 10. С. 65–96).
- ²⁸ *Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М., 1999–2014. Т. 13. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804–1833. М., 2004. С. 308.
- ²⁹ *Бенкендорф А. Х.* Император Николай I. С. 251, 253, 255.
- ³⁰ [Львов А. Ф.] Записки композитора Алексея Федоровича Львова (1797–1837) // РА. 1884. Кн. 2. № 4. С. 242–243.
- ³¹ [Колзаков К. П.] Воспоминания К. П. Колзакова о пребывании русских в Польше и революции в Варшаве. 1815–1830 // РС. 1873. Т. 7. № 4. С. 451.
- ³² *Szokalski W. F.* Wspomnienia z przeszłości. S. 179.
- ³³ *Ibid.* S. 182.
- ³⁴ *Patelski J.* Wspomnienia wojskowe z lat 1823–1831 / Wydał i przypisami opatrzył Bronisław Gembarzewski. Wilno, 1921. S. 70, 71, 74.
- ³⁵ *Ibid.* S. 71.
- ³⁶ *Szokalski W. F.* Wspomnienia z przeszłości. S. 180.
- ³⁷ *Getha-Kenig M.* Ostatnia «polska» koronacja // Mówią wieki. 2009. № 10. S. 25.

³⁸ *Kicka N.* Pamiętniki / Wstęp i przypisy J. Dutkiewicz / Oprac. T. Szafranski. Warszawa, 1972. S. 159–160.

³⁹ Цит. по: *Zajewski W.* Uwagi historyka nad monografią o Kordianie // *Przegląd Humanistyczny*. 1963 (R. 7). N6. S. 82.

⁴⁰ *Mańkowska B.* Pamiętnik Bogusławy z Dąbrowskich Mańkowskiej. Poznań, 1880. T. 1. Cz. 1. S. 31.

⁴¹ *Szokalski W.F.* Wspomnienia z przeszłości. S. 180.

⁴² *Koźmian A.E.* Wspomnienia. Poznań. 1867. T. 2. S. 138–139.

⁴³ Цит. по: *Bizan M., Hertz P.* Głosy do «Kordiana» // *Słowacki J.* Kordian. Warszawa, 1972. S. 239.

⁴⁴ *Sapieha L.* Wspomnienia. S. 98.

⁴⁵ *Głębocki H.* Ofiara z Imperium. Spisek koronacyjny 1829 roku — historia prawdziwa (?) w świetle nieznanych źródeł // *Ofiary imperium. Imperia jako ofiary. 44 spojrzania* / Red. A. Nowak. Warszawa, 2010. S. 183–213.

⁴⁶ См. *Bizan M., Hertz P.* Głosy do «Kordiana». S. 285.

⁴⁷ *Patelski J.* Wspomnienia wojskowe. S. 70.

⁴⁸ *Rozmowa między dwoma obywatelami o powodzeniu i skutkach dzisiejszej rewolucji.* Warszawa, 1830. S. 13.

⁴⁹ Цит. по: *Bizan M., Hertz P.* Głosy do «Kordiana». S. 251.

⁵⁰ Подробнее о сюжете короны и коронации в польской романтической литературе см.: *Филатова H.M.* Корона в польском историческом сознании: реалии и художественный вымысел // *Концепт вещи в славянских культурах*. М., 2012. С. 116–131.

⁵¹ *Болтунова Е.М.* Варшава и Санкт-Петербург. С. 164.

⁵² В последние годы заметен явный интерес специалистов — не только польских, но и российских — к этой полузабытой теме. Наряду с цитированными выше работами см. также: *Каутанова О.С.* К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год) // *Славяноведение*. 2013. № 5; *Getka-Kenig M.* Anonimowa scena Koronacji cesarzowej Aleksandry na królową Polski (1829–1830). Malarska wizja narodowego odrodzenia, czyli o dwóch wymiarach iluzji // *Rocznik Muzeum Narodowego w Warszawie*. Nowa seria. 2. 2013. S. 371–387.

История одного путешествия

И. Шварц

О поездке Петра Великого в Пресбург*

В последние годы в общественном мнении России растет популярность Петра Великого. Личность царя и эпоха его реформ пользуются особой симпатией и популярностью. Это не только традиционная любовь к сильной личности, к хозяину, который сам наводит порядок в своем доме, но и к его безупречной репутации государственного деятеля. Его нельзя упрекнуть в том, что он заботился только о своем благе, о славе и наградах, ибо прежде всего царь думал о государстве¹. Евгений Анисимов — признанный российский исследователь петровской эпохи — считает, что в этой любви к первому императору «видна тоска, сожаление о потускневшем блеске империи, об ее утраченном огромном пространстве, которое в России всегда было символом могущества и силы»². И хотя уже три столетия в русском обществе и в исторической науке продолжается полемика о наследии Петра Великого, неоспоримо то, что его реформы положили начало превращения России в европейскую державу.

В этой связи не случайно, что с 2009 г. в Петербурге, в рамках масштабной историко-культурной программы «Путь Петра Великого», ежегодно проводятся конгрессы петровских городов, а в феврале 2010 г. был учрежден научный Институт Петра Великого. В его программу входит публикация наследия Петра Великого, составление свода музейных, мемориальных и исторических памятников, которые находятся в России и в Европе и связаны с деятельностью

* В основу статьи положен доклад, зачитанный 5 октября 2010 г. при открытии выставки «Петр I в Братиславе» в Российском центре науки и культуры в столице Словакии. Выражаю глубокую благодарность научному сотруднику Института истории Словацкой академии наук Татиане Ивантышиновой, которая рекомендовала мне работы словацких авторов, использованные в данной статье.

царя-реформатора, а так же культурное объединение петровских городов. К таковым относятся населенные пункты, которые Петр посещал во время своих путешествий по России и Европе, а также основанные лично Петром или имеющие отношение к его реформам и политике. К этому списку по праву принадлежит и современная столица Словакии — Братислава. Возникает закономерный вопрос, почему, откуда такой интерес к этому городу и чем он привлек царя? Ведь Петр I во время путешествия Великого посольства по дороге в Вену даже в «золотой Праге» не остановился, а проехал мимо!

Как известно, столица современной Словакии официально носит имя «Братислава» лишь с 1919 г. В Средние века и Новое время город имел немецкое название — Пресбург (по-венгерски — Пожонь), и с 1526 по 1848 гг. сначала фактически, а затем и юридически имел статус столицы Венгерского королевства в рамках владений Австрийского дома. Именно в Пресбурге императоры Священной Римской империи из династии Габсбургов короновались венгерскими королями, как это в 1655 г. сделал принимавший Петра в Вене император Леопольд I (1658–1705 гг.). Помимо соображений верности исторической правде, немецкое название Пресбург будет иметь ключевое значение в наших поисках ответа на вопрос, почему Петр Великий посетил этот город.

В историографии почти не уделялось внимания пребыванию Петра в Пресбурге. В известной работе М. М. Богословского встречается только короткое описание: «Из Бадена Петр, вероятно, 6 июля проехал в венгерский город Пресбург, лежащий на левом берегу Дуная в 60 верстах ниже Вены. С половины XVI в. этот город (по-венгерски *Pozony*) был столицей Венгерского королевства, и в его старинном, построенном в XIII в. готическом соборе венгерские короли венчались короною св. Стефана. 7 июля царь вернулся в Вену»³. Другой знаток проблематики, Н. В. Устрялов, лаконично сообщал, что Петр «ездил в Пресбург, столицу Венгрии»⁴, а в новом капитальном труде Дмитрия и Ирины Гузевич о путешествии Великого посольства по Европе визит царя в Пресбург упоминается только как «челночная поездка из Вены»⁵.

Из словацких авторов следует сослаться, прежде всего, на исследование Андрея Шаша о пребывании Петра в Пресбурге⁶. Публикация основана на солидном материале, предлагает детальный анализ политической обстановки конца XVII в., воссоздает маршрут путешествия Великого посольства по Европе и анализирует причины приезда царя

в столицу Венгерского королевства, но, к сожалению, в работе немало спорных заключений. Например, вызывает сомнение утверждение Шаша, что Петр вместе с венгерским графом Яношем Палфи охотился в лесах в его имении Ступава*. Во-первых, у царя не было времени для охоты (в Пресбурге он провел всего один день), а, во-вторых, к охоте Петр был равнодушен, его волновали вопросы делового характера и, прежде всего, работа верфи или строительство в Пресбурге новых кораблей. Ошибочна также датировка пребывания монарха в городе. Шаш относит ее к 18–20 июня⁷, а по свидетельствам источников, — например, судя по записке русского «Юрнала», Петр Первый посетил город в июле, причем 7-го числа уже вернулся в Вену**. Из словацких авторов следует также упомянуть Игоря Янота, который, впрочем, основывается на работе Шаша и повторяет его ошибочную датировку пребывания Петра в Пресбурге⁸.

Кстати, большой популярностью сюжет пребывания Петра в Пресбурге пользуется у драматургов. Словацкий писатель Ян Солович сочинил по этому историческому сюжету пьесу в стиле *commedia dell'arte* под названием «Петр и Павел». В ней воссозданы нравы, царившие в Пресбурге в конце XVII в., когда город инкогнито посетил русский царь⁹. В 1988 г. по этой пьесе был создан игровой фильм, который время от времени повторяет словацкое телевидение.

Обратимся к источникам. Мои изыскания в австрийских архивах, и прежде всего в венском Архиве императорского дома, двора и государства (*Haus-, Hof- und Staatsarchiv*), не увенчались успехом. В дипломатической переписке с Россией (фонд «*Russland I*»), церемониальных протоколах (*Zeremonialprotokolle*) и иных церемониальных актах (*Ältere Zeremonielakten*) записей о пребывании царя в Пресбурге не сохранилось. Это объясняется тем, что он был в городе инкогнито, и особый церемониал во время поездки не соблюдался. В депешах венецианского посланника при императорском дворе Карло Рудзини, хранящихся в фонде «*Dispacci di Germania*», упоминается только

* Автор статьи следует принятой в словацкой исторической науке норме давать современные словацкие топонимы для периода, предшествовавшего образованию Чехословакии. В рассматриваемый период населенный пункт находился на территории Венгерского королевства и назывался Штомфа. См. также Список исторических географических названий в конце тома. — (*Прим. ред.*)

** Дата в «Юрнала» дана по старому стилю.

неожиданный отъезд царя в Пресбург с целью осмотреть новые корабли на Дунае, но не указывается, когда это было и сколько дней он там оставался¹⁰.

Изучая протоколы и акты венского Придворного военного совета (*Protokolle des Wiener Hofkriegsrats*) за период пребывания Великого посольства в Вене (напомним, это было в июне–июле 1698 г.), а также документы Архива Придворной казенной палаты (ныне — часть Объединенного архива администрации, финансов и Придворной казенной палаты, *Allgemeines Verwaltungs-, Finanz- und Hofkammerarchiv*), мне удалось найти запись от 12 июня 1698 г., касающуюся финансовых аспектов проезда Великого посольства по территории Моравии. Представители сословно-представительного органа этой земли — ландштанда (*Landstand in Mähren*) — сообщали, какой провиант и какая денежная сумма предположительно нужны на время проезда Великого посольства через Моравию, и доносили о том, что русский царь инкогнито находится в составе посольства¹¹. Иными словами, еще в начале июня было известно о предстоящем приезде Великого посольства в Вену, но в документах нет прямых указаний на ожидание Петра в Пресбурге или свидетельств о каких-либо приготовлениях к этому событию.

В русских источниках пребывание Петра в Пресбурге упоминается в так называемом «Юрнале»¹². Это походный журнал с короткими примечаниями, который велся во время поездки, и по нему можно проследить весь путь Великого посольства. Здесь мы читаем, что 3 июля «Десятник изволил ездить в Теплицы»¹³. Имеется в виду знаменитый своими целебными серными источниками курорт Баден, расположенный в 25 км от Вены. Из «Расходных книг» Придворной казенной палаты известно, что Петр поехал туда вместе с А. Д. Меншиковым, а день спустя, 4 июля, в Баден приехали первый и второй послы — Франц Лефорт и Ф. В. Головин¹⁴. Видимо, царь находился здесь до 5 июля. Далее в «Юрнале» упоминается, что 7 июля он приехал домой и был в *Прештурке*. Дата 7 июля дана по юлианскому календарю, поэтому для уточнения дня возвращения Петра из Пресбурга по григорианскому календарю надо добавить 10 дней: иными словами, Петр вернулся в Вену 17 июля.

Нам известно, когда вернулся, но нет прямых указаний на то, когда уехал и сколько дней был в Пресбурге. Ответ на этот вопрос дает нам реляция папского нунция Андреа де Санта Кроче кардиналу Ф. Спада.

Нунций информировал Ватикан, что Петр присутствовал в среду вместе с императором Леопольдом I на службе кардинала Л. Колонича, обедал с патером Вольфом (Фридрихом Вольфом фон Людингхаузеном) у иезуитов и сразу после этого уехал в Пресбург. Целью поездки был осмотр строящихся новых кораблей¹⁵.

Если подсчитать, что по григорианскому календарю среда была 16 июля, а вернулся Петр, по свидетельствам источников, 17 июля, то поездка в Пресбург длилась всего два дня и была неожиданным и очень быстрым демаршем¹⁶. Вполне возможно, что он переночевал не в городе, а в гостях у князя Пала Эстерхази в его резиденции, известной в историографии под своим немецким названием Киттзее, о чем подробно рассказано ниже. Благодаря информации из уже упомянутых депеш нунция А. де Санта Кроче и венецианского посла К. Рудзини нам известно, что Петра в поездке в Пресбург и Киттзее сопровождали Ф. Лефорт и известный иезуит патер Вольф.

Вернемся к вопросу о том, откуда такой интерес к Пресбургу? Какие были у русского царя основания приехать сюда? Их было несколько. Первое связано с детством Петра. В 1684 г. в селе Преображенское на левом берегу Яузы по приказу юного царя была построена деревянная крепость, названная Пресбургом. Наверное, по имени знаменитой в то время императорской крепости, о которой он слышал либо от своего учителя, немецкого капитана Симона Зоммера, либо от строителей потешной крепости. Зоммер поступил на русскую службу в 1682 г. и обучал молодого Петра ружейной стрельбе, но вполне возможно, что прежде он служил в императорской армии¹⁷. В 60–70-е годы XVII в., в ожидании новых военных столкновений с Османской империей, началась модернизация фортификационной системы Габсбургской монархии. Под руководством военного инженера Йозефа Приама планировалось строительство современной оборонительной системы города Пресбурга, которая должна была выдержать и выстрелы вражеских пушек, и осаду противника. Однако в действительности к 1674 г. удалось построить только новые бастиины и Леопольдовы ворота¹⁸. Наверно, в переустройстве фортификационной системы были заняты мастера, которые потом участвовали в строительстве крепости под Москвой. Вполне вероятно, что и сам капитан Зоммер служил в Пресбургской крепости и это объясняет, почему петровская потешная крепость носила название Пресбург (Прешбург, Прешпурх).

Под Пресбургом на Яузе появились и первые потешные суда — большая шняка* и струг с лодками. Со временем крепость стала столицей всех потешных полков царя, приобрела грозный и неприступный вид. Здесь назначались заседания Думы, учения войск, велось следствие во время стрелецких бунтов и заговоров против царя. Миниатюры к работе Петра Крекшина «Повесть о зачатии и рождении Петра Великого» являются одним из важнейших источников о юности царя и учениях потешных полков в крепости Пресбург / Прешпурх¹⁹.

Подмосковный Пресбург был не только «неприступной крепостью», но и местом увеселений. Во главе потешного сообщества стоял один из самых близких Петру людей — князь Ф. Ю. Ромодановский, получивший потешный титул «князь-кесаря, парижского и *пресбургского короля* [здесь и далее курсив мой. — И. Ш.]»²⁰. С 1691 г. в Пресбурге собирался и так называемый «Всешутейший и всепьянейший собор», на котором председательствовал дядька Петра — Никита Зотов, под именем «всешутейший отец Ионникий *Пресбургский*, Кокуйский и Всеяузский патриарх»²¹. Члены «собора» устраивали пародийные шествия, организовывали кощунственные пьяные оргии. Из всего сказанного видно, что юность Петра, его военные забавы и потехи были связаны с потешным городом на Яузе, поэтому неудивительно, что, приехав в Вену, он захотел увидеть и настоящую крепость Пресбург.

Однако в первую очередь за намерением Петра поехать в Пресбург стояло желание увидеть императорский Дунайский флот. Ни в Голландии, ни в Англии у него не было возможности познакомиться со строительством речного галерного флота. Поездка в Венецию была впереди, а в венском Арсенале ему довелось осмотреть только старый тип галер и полугалер. Зато в Пресбурге ему представлялся шанс посетить верфь, где в это время строили новые корабли. Мы полагаем, что Петр не только хотел узнать, как идет строительство новых галер, но и завербовать специалистов для своих кораблей. Английский путешественник Эдуард Браун в описании придунайских стран (1669/1670) отмечал, что на пристани в Пресбурге видел множество лодок и других судов²². Тамашнее Братство св. Николая славилось своим умением водить корабли, но вопрос о том, поехали ли люди из братства в Россию, остается открытым.

* Шняка — парусно-гребное рыбацкое судно.

Для Габсбургской монархии год 1697 был роковым. Особенно после победы армии Евгения Савойского при Зенте в Придворном военном совете шли ожесточенные споры о необходимости поменять тактику войны в бассейне Дуная, для чего нужно было строить новый флот. Адмиралом действующей Дунайской флотилии был выходец из Голландии Людвиг фон Ассембоург. Забегая вперед, скажем, что, получая деньги для строительства нового флота, он использовал их в своих личных интересах, за что в 1703 г. его приговорили к отрезанию носа и ушей²³. Приговор, впрочем, не был приведен в исполнение, так как Ассембоургу удалось вовремя бежать²⁴. Протокольные записи и документы архива Придворной казенной палаты содержат сведения как о строительстве и ремонте кораблей, так и о протестах, связанных со скандальными действиями этого адмирала.

Новый императорский Дунайский флот, состоял из флотов швейцарца вице-адмирала Ф.-Л. Сент-Сафорина и адмирала барона Ф Дильхера фон Альтана. По предложению Сент-Сафорина нужно было усовершенствовать галеры так, чтобы они передвигались быстрее. Для этого они должны были иметь в длину 33, а не 44 м, и ширину — 9 м. Далее, новые корабли были плоскодонными, чтоб не оседать в мелких водах, и имели на борту не 40, а всего лишь 20 пушек. Размер этих галер сопоставим с двойными чайками*, и, хотя они не отличались особой маневренностью, вполне годились для защиты понтонных мостов, а при необходимости накрывали Дунай артиллерийским огнем²⁵. Придворный военный совет не был согласен с проектом Сафорина, но патер Вольф проявил исключительный дипломатический талант и успел убедить императора в необходимости строительства новых кораблей. В декабре 1698 г. он сообщал графу Штарембергу, что уже передал деньги барону Альтану для строительства галер²⁶. Выходит, к моменту приезда Петра работа над строительством новых галер уже шла, и неудивительно, что Петр хотел увидеть мастерство кораблестроителей.

Петра могла заинтересовать в Пресбурге и новинка армии принца Евгения Савойского — понтонные мосты из медных листов (*Kupfer-Pontonen*). Это открытие пришло через Голландию из Франции. Уже в 1672 г. французы имели 110 таких понтонных мостов при Намюре во Фландрии²⁷. Каждый из них мог выдержать 4,5 т груза. Понтонный

* Чайка — беспалубный плоскодонный челн.

мост собирался из 1,6-миллиметровых медных листов, крепившихся на деревянные каркасы²⁸. Они имели малый вес и их можно было легко транспортировать. В практике строительства понтонных мостов до этого преобладали конструкции из дерева. Была ли у Петра в Пресбурге возможность увидеть эти новые мосты — трудно сказать.

Не исключено, что в Пресбурге царь кроме верфи осмотрел и иные достопримечательности города, как делал это во время путешествия посольства — ознакомился с фортификационной системой, зашел в кафедральный собор св. Мартина, где короновались венгерские короли²⁹. Императоры Священной Римской империи из династии Габсбургов обладали венгерской короной, но проживали не в Пресбурге, а в главном городе своих обширных владений — Вене. Европейская модель преемственности и разделения власти, ее параметры и атрибуты интересовали Петра не с точки зрения церемониала, а в контексте ее легитимности и законности. Как известно, после основания Петербурга новый город стал столицей империи, но венчания на царство проводились до конца династии Романовых в старой столице государства, Москве. Таким образом, не всегда столичный город становился коронационным центром. Иначе говоря, хотя центр власти переносился из одной резиденции в другую, традиция, связанная с коронацией, сохранялась и являлась подтверждением законности власти.

На обратном пути Петр побывал в гостях у князя Пала Эстерхази в Киттзее, с которым, по всей вероятности, познакомился еще до этого в Вене. О пребывании в Киттзее царя свидетельствует белая фаянсовая кружка из экспозиции этнографического музея. Она украшена русским двуглавым орлом и надписью — «1698». Предполагается, что это был специальный заказ венгерского князя — подарок для царя³⁰. Не исключено, что тогда изготовили сразу несколько кружек, но одна из них разбилась и осталась в подвале дворца. Этот экспонат представляет интерес с точки зрения техники изготовления фаянса и ставит вопрос о возможности найма таких специалистов в Россию. Ведь одной из основных задач посольства было приобретение умений и знаний, а также наем мастеров на русскую службу. Голландская керамика была очень дорога, но идея привлечь специалистов из Пресбурга, которые могли бы наладить производство фаянса в России, казалась вполне осуществимой. Полвека спустя, во времена правления дочери Петра Первого — Елизаветы Петровны — мастера из окрестностей Пресбурга

переселились в Черниговскую область, где начали производство так называемой габанской керамики* («*Habaner Keramik*»)³¹.

Необходимо обратить внимание на еще одну деталь, связанную с поездкой Петра. Вместе с ним в Пресбург поехал известный иезуит, патер Вольф, приближенный к императору Леопольду I, выступивший инициатором создания католического университета в Бреслау (1702). (В честь императора этот университет был назван «Леопольдина».) Вольф был тонким дипломатом и финансовым гением, который умудрялся в самой тяжелой ситуации найти средства для осуществления военных планов и ведения боевых действий. Его с полным правом можно назвать «серым кардиналом» и де-факто финансовым министром императора. Так, во время похода против турок (июнь 1696 г.) ему удалось погасить конфликт, внезапно возникший между саксонским курфюрстом Фридрихом Августом I и австрийскими генералами. Считается также, что он сыграл ключевую роль в попытках убедить Фридриха Августа I перейти в католицизм. В одном из писем он обратился к нему словами: «Светлейший курфюрст! Милостивый государь! Почти король!» (*Durchlauchtiger Kurfürst! Gnädiger Herr! Beinahe König!*)³², намекая, видимо, на его будущее избрание на прусский престол, а, вполне возможно, и на обретение польской короны. Близко сошедший с царем иезуит получил перед отъездом в подарок «сорок соболей в 260 рублей, сорок — в 200 рублей и четыре косяка камок**», чуть ли не самый щедрый подарок за все время путешествия посольства³³. Это ли не свидетельство того, что Петр был доволен не только «*инженерскими инструментами*», которые патер Вольф преподнес ему в подарок, но и результатами совместной поездки в Пресбург.

В заключение можно констатировать, что Великое посольство преследовало конкретную политическую цель — активизировать деятельность «Священной лиги», укрепить союзнические связи и заручиться поддержкой европейских стран в борьбе против Османской империи и Крымского ханства. После взятия Азова, при более интенсивной поддержке европейского альянса, Россия могла рассчитывать на осуществление своих внешнеполитических планов по расширению

* Габаны — название моравских братьев, выселившихся в начале XVII в. из Богемии в соседние комитаты Венгерского королевства. Славилась своим трудолюбием, особенно мастерством в изготовлении изделий из глины.

** Камка — шелковая узорчатая ткань.

границ до Черноморского побережья. Но Великое посольство преследовало и другие цели: получение кредитов, приглашение на русскую службу специалистов; заказ и закупку военных материалов, вооружений, обучение. Именно с этими целями и интересами было связано короткое пребывание Петра в Пресбурге.

Примечания

¹ *Анисимов Е. В.* Петровские реформы и их исторические последствия для России // <http://window.edu.ru/resource/456/38456/files/spr0000002.pdf> (дата последнего посещения 31.III.2015).

² Там же.

³ *Богословский М. М.* Петр I. Материалы к биографии: в 4 т. Т. 2. Первое заграничное путешествие. Ч. I–II (9.III.1697 – 25.VIII.1698). М., 1941. С. 504.

⁴ *Устрялов Н. В.* История царствования Петра Великого: в 8 т. Т. 3. Путешествие и разрыв с Швециею. СПб., 1858. С. 136. Текст доступен по адресу: <http://www.runivers.ru/bookreader/book58014/#page/1/mode/1up> (дата последнего посещения 31.III.2015).

⁵ *Гузевич Д., Гузевич И.* Великое посольство: Рубеж эпох или Начало пути (1697–1698). СПб., 2008. С. 377.

⁶ *Sas A.* Návšteva cára Petra Velkého v Bratislave // *Slovanská Bratislava*. 1948. I. S. 230–252.

⁷ *Ibid.* S. 244.

⁸ *Janota I.* Slavni ludia v Bratislave. Bratislava, 2007. S. 63–65.

⁹ *Solovič J.* Peter a Pavel. Bratislava, 1985.

¹⁰ «Come però casualmente successe che egli insieme con il primo degli ambasciatori era in quell' hore partito verso Presburgo a veder nel Danubio alcuni legni di nuova invention». См.: Деша К. Рудзини, 25.VII.1698 // *ÖStA. HHStA. Dispacci di Germania*. Bd. 179. Опубликовано в: *Шмурло Е. Ф.* Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого. Т. I. 1693–1700. Юрьев, 1903. С. 491–493.

¹¹ *ÖStA. FHKA. ANK, HFÖ.* 1698. Index. Expedit. S. 402. 12.VI.1698.

¹² Текст «Юрнала» см.: *Устрялов Н. В.* История царствования Петра Великого. Т. 3. С. 589–620.

¹³ Там же. С. 612.

¹⁴ *Бакланова Н. А.* Великое посольство за границей в 1697–1698 гг. (его жизнь и быт по приходу-расходным книгам посольства) // Петр Великий. Сборник статей / Под ред. А. И. Андреева. Москва; Ленинград, 1947. С. 26. Ср.: *Posselt M.* Der General und Admiral Franz Lefort. Sein Leben und seine Zeit. 2 Bde. Frankfurt a. M., 1866, Bd. 2. S. 494.

¹⁵ «Havendo per inteso il Czar di Moscovia, che mercondi mattina doveva celebrarsi una messa cantata dal sig. Card. Colonitz nella chiesa de' P. P. Giesuiti della casa professi, in adempimento d' una fondazione fatta dall' imperatrice Eleonora di gl. m. mostrò gran desiderio d' intervenire alla funzioni, et havendolo fatto dire a Sua Maestà Cesarea fu preparata per il medesimo Czar la tribuna, dove assiste Sua Maestà alle funzioni sacre, quando si porta alla sudeta chiesa [...] Terminato questo discorso, passò al refettorio de' P. P. Giesuiti, e vi desinò, tenendo a tavola il P. Preposito et il P. Wolff [...] e subito terminato il pranzo se n' andò a Presburgo a veder i preparamenti dell' armamento navale, che deve partire fra pochi giorni». См.: А. де

Санта Кроче — кардиналу Ф. Спада, 26.VII.1698 // *Шмурло Е. Ф.* Сборник документов. С. 497. Текст доступен по адресу: <http://www.knigafund.ru/books/51109/read#page543> (дата последнего посещения 31.III.2015).

¹⁶ См.: Gregorianischer Kalender. 1698. Текст доступен по адресу: <http://calendar.zoznam.sk/gregoriancalendar-de.php?hy=1698&x=0&y=0> (дата последнего посещения 31.III.2015).

¹⁷ *Брикнер А. Г.* Иллюстрированная история Петра Великого. М., 2000. С. 101; *Погодин М. П.* Семнадцать первых лет в жизни императора Петра Великого (1672–1689). М., 1875. С. 102–109. Ср.: *Храмов В. Ю.* Петровские военные забавы и потехи 1683–1694 гг. как опыт проведения военных игр и манёвров // Военный журнал. 2014. Кн. 6. Текст доступен по адресу: <http://history.milportal.ru/2014/04/petrovskie-voennye-zabavy-i-potexi-1683-1694-gg-kak-opyt-provedeniya-voennyx-igr-i-manyovrov/> (дата последнего посещения 31.III.2015).

¹⁸ *Markovich A., Huttanová J.* Příbeh hradu Bratislava. The Story of the Castle in Bratislava. Bratislava, 2007. S. 70.

¹⁹ *Krekšín P.* Peters des Grossen Jugendjahre. Stuttgart, 1989. (Quellen und Studien zur Geschichte des Östlichen Europa. Bd. 30).

²⁰ *Суздальев В. Е.* Петр I в Коломенском и Преображенском // Петр Великий и Москва. Каталог выставки / Под ред. Н. С. Владимировой и др. М., 1998. С. 44.

²¹ Там же.

²² *Sas A.* Návšteva cára Petra Velkého. S. 240.

²³ *Schaefer K.* Historische Schiffe in Wien. Wien, 2012. S. 30.

²⁴ *Aichelburg W.* Kriegsschiffe auf der Donau // Militärhistorische Schriftenreihe. 1982. Heft 37. S. 15.

²⁵ Ibidem.

²⁶ ÖStA. FHKA. ANK. HFÖ. 1698. Index. Expedit. S. 801.

²⁷ Österreichische militärische Zeitschrift. Wien, 1873. Bd. 2. S. 170.

²⁸ *Aichelburg W.* Kriegsschiffe. S. 16.

²⁹ *Holčík Š.* Krönungsfeierlichkeiten in Preßburg/Bratislava 1563–1830. Bratislava, 1992.

³⁰ См.: *Mais A.* Der Kellerfund von Kittsee. Kittsee, 1981.

³¹ *Шварц И.* Собирался ли Петр I привлекать в Россию специалистов из Австрии для производства «голландской» керамики? // Россия — Нидерланды: Диалог культур в европейском пространстве. Материалы V Международного петровского конгресса / Сост. А. В. Кобак, О. Л. Кувалдина. СПб., 2014, С. 413–421. <http://ipv.spb.ru/upload/medialibrary/bb4/bb4e0e733fb50704cc0752a48f58dae9.pdf> (дата последнего посещения 31.III.2015).

³² *Schimmelpfennig A.* Lüdinghausen, Friedrich Wolff von // Allgemeine Deutsche Biographie. Herausgegeben von der Historischen Kommission bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. 1884. Bd. 19. S. 381–383. Текст доступен по адресу: http://de.wikisource.org/w/index.php?title=ADB:L%C3%BCdinghausen_genannt_Wolff,_Friedrich_von&oldid=1707124 (дата последнего посещения 31.III.2015).

³³ *Бакланова Н. А.* Великое посольство. С. 17.

Пребывание Павла Петровича в Вене в 1781–1782 гг.: «умное» путешествие просвещенного цесаревича*

Немецкий историк Н. Конрадс подсчитал, что между 1577 г., когда Австрийский эрцгерцог Матиас отправился в путь под видом слуги, и 1982 г., когда императрица Зита смогла посетить Австрийскую республику под именем герцогини Барской, в европейской истории 41 государь путешествовал инкогнито, т.е. под вымышленным именем¹. Россия представлена в списке одним лишь царем Петром Алексеевичем (1682–1725 гг.), открывавшим для себя Европу как Петр Михайлов. Сам автор признает, что список далеко не полный. В самом деле, там нет упоминания не только о кратковременном пребывании шведского короля Густава III (1771–1792 гг.) под именем графа Готланда при Санкт-Петербургском дворе, но и о весьма продолжительном путешествии по Европе графа и графини Северных (*von Norden*)², за которыми скрывались цесаревич Павел Петрович (1754–1801) с супругой Марией Федоровной (1759–1828).

Этот вояж стал первым со времен «Великого посольства» длительным и насыщенным путешествием членов российского правящего дома за рубеж. Граф и графиня Северные отправились в путь 19 (30)** сентября 1781 г. и вернулись в Петербург лишь в конце 1782 г. Побывав в Польше, они ступили на подвластные Австрийскому дому земли во вновь приобретенной Галиции, проехали по Моравии, где их в Троппау встретил Иосиф II (1780–1790 гг.), вместе с ним отправились

* Статья написана при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-31-01003а1.

** Здесь и далее даты даются по старому и новому стилю. В случаях, когда речь идет о письмах иностранцев из России на первом месте стоит число по григорианскому календарю, в случаях писем россиян из-за границы на первом месте число по стилю юлианскому.

в Вену, где отпраздновали Рождество и Новый год. Далее их путь лежал через Нижнюю Австрию, Каринтию и австрийское Приморье с бурно отстраивавшимся тогда Триестом, в Венецию, принадлежавшую Габсбургам Тоскану, затем в Рим и Неаполь. Обозрев красоты Италии, супруги побывали в Австрийских Нидерландах (Бельгии), провели несколько недель в Париже и отправились в обратный путь, чтобы в сентябре 1782 г. снова ненадолго остановиться в Вене, и далее — уже известным путем — поспешить в Петербург. На всем протяжении пути по особому настоянию венского двора граф и графиня тщательно избегали только одной европейской столицы — Берлина, где правил заклятый враг Габсбургов — Фридрих II (1740–1786 гг.).

Дипломатическая сторона этого ответного, по сути, визита к императору Священной Римской империи Иосифу II, ранее в том же году посетившему Россию, описана, например, в монографии М. А. Петровой³. Там же подробно говорится о важной подоплеке поездки — встрече великой княгини Марии Федоровны в Вене с родителями — герцогами Вюртембергскими. Они также путешествовали инкогнито, как граф и графиня Грёнинген в сопровождении сына и младшей дочери Елизаветы (1767–1790), которую Иосиф — для укрепления связи между Веной и Петербургом — прочил в жены племяннику, будущему императору Францу II (I). Между тем, у путешествия была насыщенная, продуманная и весьма разнообразная культурно-просветительская программа, о которой редко вспоминают современные исследователи⁴. Этот недостаток отчасти восполняет данная статья.

Нахождение Павла Петровича в Вене документировано в источниках различного происхождения: донесениях посла князя Дмитрия Михайловича Голицына (1721–1793) из Вены, реляциях графа Иоганна Людвига Йозефа Кобенцеля (1753–1809) из Санкт-Петербурга и его переписке с императором Иосифом II⁵, в письмах императрицы Екатерины II к австрийскому императору⁶, сыну и невестке⁷, в газете «*Wiener Zeitung*»⁸, наконец, в актах и счетах Венской придворной казенной палаты. Из них, с одной стороны, создается картина, каковы были церемониал и содержание культурно-ознакомительной программы для членов правящих домов, находящихся в австрийской столице с визитами. С другой стороны, предоставляется возможность воссоздать интересы и предпочтения самих царственных гостей, а также проследить влияние, которое вояж в дальнейшем оказал на их вкусы и круг интересов. К сожалению, самый, может быть, ценный

источник — путевые дневники, которые каждый день педантично вела великокняжеская чета, по сведениям ученых не сохранились⁹. Как не сохранились и их письма к императрице.

В историографии давно и подробно описано, какие интриги плелись вокруг предстоящего вояжа. Однако у ученых нет однозначного ответа, действительно ли цесаревич желал пуститься в странствия, чтобы духовно возмужать, своими глазами увидеть достижения европейской цивилизации, свести знакомства с дружественными европейскими дворами. Возможно, он покорился воле матери, вознамерившейся таким образом упрочить сближение с Австрией и держать сына подальше от главного сторонника ориентации на Пруссию — фактического министра иностранных дел Никиты Ивановича Панина (1718–1783). Каково бы ни было подлинное положение вещей, австрийская сторона была уверена, что в намерения российской самодержицы входит как можно более долгое отсутствие сына в столице. В августе 1782 г., в канун второго визита великокняжеской четы в Вену, Кобенцель писал государственному канцлеру Венцелю Антону Кауницу (1711–1794): «Мне тайно дали понять, впрочем, из весьма надежного источника, что императрица не станет возражать, если пребывание у нас царственных путешественников и их возвращение домой будет отложено настолько, насколько это только возможно»¹⁰.

Поначалу Павел надеялся, что ему представится возможность захватить в Берлин, чтобы лично засвидетельствовать свое уважение Фридриху II, с которым был лично знаком с 1776 г.¹¹ Одно время Мария Федоровна лишь укрепляла его в этом желании: ведь при прусском дворе служили ее братья. Реляции Кобенцеля в конце лета — начале сентября говорят о той озабоченности, которую проявлял венский двор в связи с возможными изменениями маршрута. За всеми интригами мерещился воспитатель цесаревича граф Панин. Страшные подозрения разделял и британский посол Джеймс Гаррис (1746–1820)¹²: «До тех пор пока граф Панин оставался здесь, настроение и расположение их императорских высочеств были подвержены постоянным переменам. Всякий раз как курьер из Вены привозил им письма от императора, они были на стороне Австрии и восхищались мыслью о своем путешествии; но после свидания с графом Паниным, который преподавал им правила, предписанные ему из Потсдама, чувства их изменялись, они едва говорили с графом Кобенцелем, и, казалось, чрезвычайно

сожалели, что им предстояло уехать из Петербурга. По отъезде графа Панина зрелище переменялось»¹³.

Павел Петрович отправился в далекое, беспрецедентно долгое путешествие в канун своего двадцать седьмого дня рождения, супруге его шел двадцать второй год. Молодую мать страшила разлука с сыновьями, тем более что им недавно привили оспу, и обычное в таких случаях недомогание стало причиной отсрочки отъезда. О трогательной сцене прощания Кобенцель писал: «Они собрали всю свою челядь, которая не удостоилась милости сопровождать их, обратились к ним с самыми сердечными выражениями и попросили прощенья за невольные обиды. Когда их императорские высочества расставались с императрицей и детьми, великая княгиня трижды падала без чувств, так что пришлось ее в обморочном состоянии отнести в карету¹⁴. Момент отъезда являл собой весьма трогательную картину. Собравшиеся не сдерживали слез, а теснившийся вокруг народ, который был явно недоволен отъездом и длительным отсутствием цесаревича, громко роптал к немалому неудовольствию императрицы»¹⁵.

Австрийская сторона начала готовиться к приему гостей за несколько месяцев. В конце июля 1781 г., в бытность свою в Версале, император через канцлера Генриха Блюмегена (1715–1788) отдал распоряжение губернатору Галиции графу Йозефу Бригидо (1733–1817) принять все необходимые меры. Таковых оказалось немало. Предстояло рассчитать, в какие дни, через какие почтовые станции будет пролегать маршрут, и держать там достаточное число лошадей. Нужно было заблаговременно проверить состояние дорог и мостов, запастись соломой и фашины в местах, где дороги размыты или разбиты, (чтобы залатать ими лужи или сгладить колдобины непосредственно перед проездом высоких гостей). В расчет принималось и то обстоятельство, что, когда путешественники въедут в Моравию, где качество дорог несравненно лучше, чем в Галиции, скорость передвижения возрастет. В середине каждого дня пути предусматривалась остановка для обеда. В качестве ночлега следовало избирать лучшие из замков, епископские резиденции, монастырские подворья или дворцы на балансе императорской казны¹⁶. Поскольку высокие гости путешествовали инкогнито¹⁷, они выразили желание самостоятельно оплачивать свои трапезы. Хозяевам же полагалось позаботиться о достаточном количестве «мяса, вина, пива, хлеба и дичи». Их застолья нигде не должны были привлекать внимания, на всем пути следования запрещались иллюминации,

фейерверки и воздвижение триумфальных арок. Разрешались только бал-маскарады (редуты), куда по бесплатным билетам допускались бы лучшие граждане из всех сословий, а также неутомительные спектакли и камерные концерты¹⁸.

В Бродах гостей встретил приставленный к ним камергер граф Иоганн Рудольф Хотек (1748–1824), сопровождавший их затем вместе с супругой на протяжении путешествия по Австрийским владениям, вплоть до самой Венеции. Желая сделать приятный сюрприз и тем самым оказать знак особого внимания, Иосиф II лично выехал им навстречу в Троппау. Хозяин и гости почти не разлучались: вечером удостаивали присутствием организованные в их честь спектакли и балы, днем передвигались в одной карете. 21 ноября по новому стилю, во второй половине дня, российские гости въехали в Вену. В императорском дворце Аугартен состоялась трогательная встреча Марии Федоровны с родителями, сестрой и братом.

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова (1743/1744–1810) называла такие заграничные поездки с образовательными целями «умными» путешествиями¹⁹. С первых дней пребывания в австрийской столице русские гости не имели ни одной свободной минуты. Приемы при дворе сменялись экскурсиями по городу. Едва отдохнув от продолжавшихся всю ночь балов и маскарадов, они шли в библиотеки, картинные галереи, на производственные предприятия. Проведя вечер в опере, граф и графиня Северные отправлялись в гости к кому-либо из вельмож, а наутро они снова спешили в университет, библиотеку, картинную галерею. Великая княгиня повсюду, за исключением охоты, военных маневров и осмотра казарм, следовала за супругом, внимательно слушая и запоминая все, что им рассказывали в больницах, странноприимных домах, сиротских приютах. Вспоминал ли цесаревич в те дни слова, которые пару лет назад обронил в разговоре с имперским послом Йозефом Клеменсом Кауницем (1743–1785) по поводу пребывания в Петербурге графа Готтланда? Дипломат писал тогда в Вену: «Великий князь никак не возьмет в толк, как можно находить удовольствие в том, чтобы не ложиться спать всю ночь и валяться в постели целое утро»²⁰.

Впоследствии, когда пребывание великокняжеской четы в Вене подойдет к концу, Иосиф II в письме к брату Леопольду (1747–1792), великому герцогу Тосканскому, даст совет: «Желательно было бы устроить все так, чтобы они не были поставлены в необходимость

выезжать ранее 9 или 10 часов утра, а в особенности, чтобы они могли к 10 или 11 часам вечера удалиться к себе, так как значительную часть утра и даже вечера они уделяют на занятия и переписку». И далее: «Все предметы действительно замечательные по своей древности, редкости, размеру или великолепию сооружения, чрезвычайно их занимают, поэтому не следует утомлять их внимание обозрением нескольких предметов в один день, а напротив, нужно дать им возможность осмотреть в подробности все любопытное и замечательное»²¹. Впрочем, пока Павел Петрович и Мария Федоровна гостили в Вене, сам их радушный хозяин, казалось, сделал все, чтобы не следовать собственным советам. Дни графа и графини Северных были расписаны по часам. Они поздно ложились спать, а утром спешили к бюро, чтобы записать в дневник мысли и впечатления.

С первых минут нахождения на территории Австрийской монархии Павел Петрович и Мария Федоровна вели жизнь «заправских туристов». Не успели они пересечь границу, как тут же отправились осматривать знаменитые, разработывавшиеся с XIII в. соляные копи. Узнав об этом из писем, Екатерина II одобрительно заметила: «Описание посещения Вами соляных копей в Величке поистине интересно. Неудивительно, что вы устали, спускаясь и особенно подымаясь на тысячу ступенек. Сделав, однако, это, вы можете похвастаться тем, что видели вещь до сих пор единственную в этой части земного шара»²². Уже в Вене не отличавшийся крепким здоровьем цесаревич 28 ноября поднимался на колокольню собора св. Стефана²³ и спускался на специальном лифте в крипту Капуцинской церкви, где захоронены члены Габсбургского семейства²⁴. 1 декабря он лазал по крепостным стенам²⁵, 10 декабря гулял по открытому в 1766 г. первому в Австрии общедоступному парку — Пратеру²⁶. Однако на первом месте стояло знакомство с венским двором. Для удобства общения, великокняжескую чету поселили в одном из флигелей Хофбурга — Амалиенхофе. Российский посол Д. М. Голицын докладывал императрице: «Приготовленные в сем дворце покои [...] столь величественно [...] убраны, что для смотрения оных на сих днях начали в великом множестве приезжать и приходиться не токмо всякого звания здешние жители, но и министры иностранные, и знатные обо-его пола персоны»²⁷.

На другой день по приезде графу и графине пришлось выдержать довольно утомительное, растянувшееся на несколько часов знакомство

с придворным обществом. Иосиф II и князь Голицын сменяли друг друга, представляя их императорским высочествам «знатнейших особ обою пола, також и других из здешнего дворянства и иностранных министров»²⁸. 25 ноября по новому стилю был дан великолепный бал-маскарад в Шёнбрунне²⁹. Его красочность и искрометность можно вообразить, если вспомнить третье действие балета «Лебединое озеро» П. И. Чайковского, где друг друга сменяют венгерский, русский, испанский, неаполитанский и польский танцы. В Шёнбрунне молодые придворные специально в честь великокняжеской четы разучили три контрданса, которые представили в итальянских, венгерских и татарских костюмах, и завершили действо танцем голландских матросов «матлот». Граф и графиня Северные покинули празднество в 2 часа пополудни, гости же веселились до 8 часов утра³⁰. По всей видимости, отзывы об оказанном им приеме были самыми лестными, потому что Екатерина II, спеша закрепить успех, писала детям в ответном письме: «Радость, выказанная вам венской публикой, утверждает меня во мнении, которое я всегда имела об ней, а именно, что народ австрийский любит русских»³¹.

До отъезда из австрийской столицы русским гостям еще не раз приходилось участвовать в подобных забавах, не говоря уже о том, что в их покоях чуть ли не каждый день обедали по восемь-десять высородных гостей. Время от времени их императорские высочества посещали дома первейших аристократов монархии. Они дважды, 16 и 30 декабря, были во дворце вдовствующей княгини Лихтенштейн (по всей вероятности, речь идет о Марии Леопольдине (1733–1809)³²), неоднократно навещались к государственному канцлеру Кауниц-цу³³, 15 декабря почтили визитом обер-гофмейстера 84-летнего графа Генриха Ауэрсперга (1697–1783)³⁴, 21 декабря – Марию Терезию Коловрат (1741–1805), дочь покойного обер-гофмейстера князя Иоганна Иосифа Кевенхюллера (1706–1776) и супругу президента Придворной казенной палаты графа Леопольда Коловрата (1727–1809)³⁵, 23 декабря – президента Придворного военного совета графа Андреаса (Андраша) Хадики (1710–1790)³⁶. 28 декабря они навестили Д. М. Голицына, прикупившего себе участок земли в местечке Дорнбах и построившего там импозантную виллу³⁷. Картина не будет полной, если не упомянуть участия в таком аристократическом досуге, как охота³⁸. Впоследствии великий герцог Тосканский писал старшему брату, что был поражен осведомленностью русских гостей, которые удивили

его своими «сведениями о Вене, обо всех гражданских и военных чинах, о семейных отношениях, об отдельных личностях и проч.»³⁹.

Важнейшим аспектом визита было знакомство с опытом организации военного дела. Позднее австрийский император напишет брату в Тоскану: «Военное и морское дело, конечно, составляют один из любимейших предметов их занятий, равно как и торговля, промышленность и мануфактуры»⁴⁰. Граф Северный осмотрел столичный арсенал, казармы кавалерийского полка, побывал в Инженерной академии, военном госпитале и, что не менее важно, ветеринарной лечебнице. (В XVIII в. ветеринария не в последнюю очередь обслуживала нужды армии). 11 декабря он вместе с Иосифом II выезжал в Зиммеринг на военные маневры⁴¹, 27 декабря — отправился в Клостернойбург, где понтонёры на глазах у высоких гостей возвели мост через Дунай⁴². Иосиф не преминул предъяснить своим гостям достижения столичных мануфактур: 3 декабря — фарфоровой и 29 декабря — канительной (производство золотых нитей). По дороге в Италию великокняжеская чета из-за недомогания Марии Федоровны была вынуждена дольше запланированного задержаться в Винернойштадте, где находилась главная военная академия монархии. Не теряя времени даром, цесаревич все свободное время проводил в учебных классах, наблюдая, как и чему учат будущих австрийских офицеров.

Не менее важным аспектом визита было изучение системы государственного управления — сферы, в которой российской бюрократии было чему поучиться у австрийских коллег. В один из первых дней император пригласил будущего русского самодержца в свой рабочий кабинет. Позже Екатерина II писала Иосифу: «Граф Северный гордится доверием, которое ваше императорское величество изволили оказать ему, введя в ваш рабочий кабинет, познакомив с распределением в оном ваших бумаг и беседуя с ним о делах государственного правления»⁴³. 15 декабря граф и графиня Северные в сопровождении вюртембергской родни побывали в Венгерской королевской канцелярии. Весь персонал ведомства во главе с канцлером графом Францем (Ференцем) Эстерхази (1715–1785) выстроился на парадной лестнице, чтобы встретить высоких гостей. Их торжественно поприветствовали в зале совещаний, затем провели по «канцеляриям», рассказали о принципах ведения делопроизводства, показали тома протоколов и регистрационные книги⁴⁴. По той же схеме 21 декабря прошли визиты в Чешско-Австрийскую

придворную канцелярию, Придворную казенную палату, на Монетный двор и в Берг-коллегию.

Трудно переоценить воздействие, которое на великокняжескую чету оказало знакомство с состоянием науки и образования. Павел Петрович оказался внимательным, вдумчивым и любознательным слушателем и собеседником. Он совершил протокольные по своему характеру визиты в придворную библиотеку и привилегированную дворянскую Терезианскую академию⁴⁵, где обучались новые поколения государственных мужей, в том числе будущие дипломаты⁴⁶. 30 ноября Павел Петрович нашел время побывать в нормальной школе Игнаца Фельбигера (1724–1788), чья так называемая саганская метода обучения чтению, письму и счету позволила распространить грамотность на беднейшие слои населения. Через пару лет в Россию приедет последователь педагога-реформатора Федор Янкович (1740/1741–1814), прежде успешно усовершенствовавший систему начального образования для православных сербов Венгерского королевства. Наконец, 22 декабря цесаревич ознакомился со школой для глухонемых⁴⁷. Весть эта заинтересовала Екатерину II, которая по возвращении сына хотела доподлинно знать, как венские учителя добиваются успеха (императрица слышала, что в парижской школе для глухонемых несчастных нещадно мучали⁴⁸).

Иосиф II унаследовал от отца, Франца Лотарингского (1708–1765), любовь к естественным и точным наукам. 8 декабря он повел гостей в естественнонаучный и физико-математический кабинеты Хофбурга, где им продемонстрировали «пишущие машины», на глазах гостей напечатавшие короткие фразы на латинском и французском языке⁴⁹. 15 декабря наследник российского престола провел несколько часов в Венском университете, где заинтересованно беседовал с придворным астрономом Максимилианом Хеллом (1720–1792), недавно совершившим экспедицию в Лапландию, о языке, на котором говорят лопари. Великий князь поднялся на вершину башни, где располагалась университетская обсерватория, и только сильная облачность помешала ему насладиться видом звездного неба над Веной. В продолжение визита в университет гости осмотрели музей анатомии и анатомический театр⁵⁰. 20 декабря цесаревичу показали придворную типографию Иоганна Томаса Траттнера (1717–1798)⁵¹. 1 января у графа Северного состоялось знакомство с лейб-медиком, голландским физиком и химиком Яном Ингенхаузом (1730–1799), который поведал цесаревичу о своих опытах над растениями⁵².

Хозяева очень хотели поразить гостей чем-то необычным. Еще в октябре 1781 г. у советника Венгерской казенной палаты, а в свободное время изобретателя — Вольфганга Кемпелена (1734–1804)⁵³ — поинтересовались, не затруднит ли его продемонстрировать высоким русским гостям свой знаменитый шахматный автомат⁵⁴. Чудо техники представляло собой ящик, за которым восседала фигура турка, двигавшего фигуры. Лишь годы спустя обнаружится, что хитроумный инженер предварительно сажал в ящик опытного шахматиста. Визит в дом Кемпелена состоялся 17 декабря. Газета «*Wiener Zeitung*» не сообщала, была ли сыграна партия, и кто вышел победителем⁵⁵.

Особое внимание уделялось благотворительным и богоугодным заведениям: 5 декабря гости осмотрели больницу для бедных, странноприимный дом, дом инвалидов, сиротский приют⁵⁶. 22 декабря великокняжескую чету познакомили с принципами работы вдовьей кассы придворных певцов⁵⁷. Именно в тот год Иосиф первым в Европе ввел всеобщий принцип назначения пенсий для подданных своей империи. Однако более ранние институты социальной защиты, в том числе вдовьи кассы, продолжали существовать и обеспечивать небольшую прибавку к скромной пенсии. Несомненно, Мария Федоровна, самоотверженно всю жизнь занимавшаяся благотворительностью, внимательно слушала и перенимала новый для нее опыт.

Наконец, не было недели, чтобы Павел Петрович и Мария Федоровна не соприкасались с искусством. Едва приехав в Вену, они осмотрели богатую коллекцию предметов искусства в Бельведере⁵⁸ (великая княгиня побывала там, по меньшей мере, дважды), затем последовали 15 декабря — Академия изящных искусств⁵⁹, 23 декабря — Музыкальная академия⁶⁰. 26 декабря в покоях великой княгини небольшой концерт для избранных гостей сыграл Йозеф Гайдн (1732–1809), за что получил из рук восторженной Марии Федоровны шкатулку, усыпанную бриллиантами⁶¹. Каждый третий день австрийский император и его русские гости бывали в театре. Великой княгине был представлен престарелый композитор Пьетро Метастазιο (1698–1783), а Павел Петрович исполнил свою давнюю мечту — познакомился с великим Кристофом Виллибальдом Глюком (1714–1787)⁶². Его оперу «Орфей и Альцеста» гости прослушали не менее пяти раз. По воспоминаниям графини Хотек, однажды вечером Павел Петрович и император Иосиф во время совместной вечерней трапезы «пропели дилетантами» одну из арий⁶³.

В первую неделю января шестинедельный «венский марафон» подошел к концу. Выдержать его было непросто: в Петербурге не стихали слухи, что Павел Петрович и Мария Федоровна были готовы на исходе второй недели пребывания в Вене двинуться в дальнейший путь. Екатерина в письмах постоянно напоминала, что приняли их очень хорошо, а издержки, сделанные для их приема, громадны, поэтому не следовало огорчать внезапным отъездом ни хозяина, ни венскую публику⁶⁴. Проходило несколько дней, и она снова спрашивала: «Вы мне о том ни слова не говорите, сколько времени вы останетесь в Вене? Будете ли там, когда прибудет это письмо, или к тому времени оставите город и куда уедете. Не скрываю от вас, что обо всем этом в городе ходят самые разнообразные слухи»⁶⁵. Еще через несколько недель государыня ободряла детей: «Довольство ваше пребыванием в Вене, которое вы продолжаете высказывать мне, ласки и вежливости, которыми вас осыпает хозяин ваш, полезное, которое вы видите и знакомства, делаемые вами, были бы способны убедить меня, если бы я еще не была в том убеждена, что не совсем то дурно попутешествовать немного по свету»⁶⁶.

Благожелательный тон писем никого не должен был вводить в заблуждение. Екатерина желала быть в курсе любых событий, настроений и планов, поэтому переписка самой великокняжеской четы и их свиты нещадно перлюстрировалась. Императрица поручила оберпочтдиректору Матвею Матвеевичу фон Экку (1726–1789) не оставлять без внимания ни одного письма от цесаревича и его окружения. В историографии широко известно следствие по делу флигель-адъютанта императрицы Павла Александровича Бибикова (1764–1784), неосмотрительно написавшего своему другу Александру Борисовичу Куракину (1752–1818), сопровождавшему цесаревича в путешествии, критические строки о положении дел в государстве и армии. Незадачливый юнец был арестован, подвергнут строгому допросу и, в конце концов, освобожден и сослан в Астрахань.

Меньше известно о тех уловках, к которым, если верить графу Кобенцелю, прибегали Павел Петрович и оставшийся в Петербурге граф Панин, чтобы обмениваться доверительными посланиями. Один из информаторов австрийского посла рассказывал: для начала кто-нибудь из путешествовавших с великокняжеской четой слуг писал письмо такому же простому человеку и вкладывал в него письмо от другого слуги к такому же адресату-простолюдину, и так шесть раз. Только

седьмое письмо в этой эпистолярной матрешке оказывалось посланием цесаревича к бывшему наставнику. Но, несмотря на все ухищрения, заветное послание было обнаружено и легло на стол императрицы. Оно не содержало ничего, кроме общих сведений о своем добром здравии и заверений в искренней дружбе и доверии. Тем не менее, это лишь укрепило императрицу в худших подозрениях, что именно Панин отговаривал ее сына от европейского турне⁶⁷.

Что касается упомянутых Екатериной «издержек» венского двора, еще летом Иосиф II поставил президента Казенной палаты в известность, что «приезд в Вену русского великого князя с великой княгиней потребует незапланированных расходов [...] посему информирую вас заранее, чтобы вы обеспечили глав Чешско-Австрийской придворной канцелярии и Придворного военного совета кредитом в достаточном объеме»⁶⁸. Сводную ведомость всех расходов обнаружить не удалось, но и сохранившиеся в архиве Придворной казенной палаты счета, расписки и квитанции дают некоторое представление о затраченных суммах. Граф Хотек получил из казны 500 дукатов, из которых 38 по окончании миссии сдал под расписку обратно⁶⁹. Обер-гофмейстеру графу Францу Розенбергу (1723–1796) было выписано в общей сложности 36 тыс. гульденов. (К сожалению, в документах отсутствует спецификация расходов.) После отъезда русских гостей Казенная палата еще в течение нескольких месяцев возмещала расходы местному населению (главным образом, за изъятых лошадей)⁷⁰.

4 января гости покинули Вену, чтобы через Винернойштадт, Грац и Триест отправиться в Италию. Впереди их ждало долгое и утомительное путешествие. Они вернутся в Вену в октябре 1782 г., объехав пол-Европы. Казалось, что их больше ничего не могло удивить в этом городе: ни картины в Бельведере, ни оперы Глюка в Национальном театре. Великий князь и великая княгиня спешили к сыновьям, жаждали отдохнуть от бесконечной череды приемов, балов, визитов, увеселительных прогулок.

Важнейшим внешнеполитическим итогом пребывания наследника престола в австрийской столице была новость о том, что несколькими месяцами ранее в Петербурге его мать заключила с Иосифом II тайный оборонительный союз⁷¹. Хотя как это могло быть для Павла секретом, если в подписании альянса участвовал Н. И. Панин. Цесаревич не пытался скрывать, что не согласен с внешнеполитической доктриной матери. Позднее Леопольд напишет старшему брату о беседах

с русским гостем: «Он не скрыл своего неодобрения [...] всякому увеличению монархии и без того очень обширной и нуждающейся в попечении о ее внутренних делах. По его мнению, стоит оставить в стороне все бесполезные мечты о завоеваниях, которые служат только к приобретению славы, не доставляют истинных выгод, а только ослабляют государство»⁷².

Во время пребывания великокняжеской четы в Терезианской академии их приветствовали стихами, в которых русско-австрийские отношения представлялись как цепь братских объятий монархов: от Петра I с Леопольдом I до Павла Петровича с Иосифом II. В заключение выражалась надежда, что когда-нибудь Александр и Константин продолжат дружеское общение с потомками австрийского императора⁷³. Однако, как известно, между цесаревичем и Иосифом не установилось дружеских, доверительных отношений⁷⁴, в XIX же столетии два двора, преследовавших противоположные интересы, не раз разделяли недоверие и подозрительность.

Незабываемым впечатлением в умах и сердцах русских гостей осталась та уникальная познавательная и культурная программа, которую для них подготовил их новый союзник. Мария Федоровна внимательно осматривала сады и оранжереи дворцов и парков, отсылала на родину для украшения милого ее сердцу Павловска семена редких растений, которые ей охотно дарили хозяева⁷⁵. Но главное, она сделала ценные наблюдения и перенимала опыт организации благотворительности — призвания, которому останется верна всю жизнь. Впоследствии Е. Г. Хилкова (урожденная Волконская, 1800–1876) записала в воспоминаниях: «В отношении благотворительности императрицу можно было назвать ненасытимой. Она была просвещенной покровительницей всех сословий и матерью всем несчастным и неимущим. Ни один из голосов, взывавших к ней, не был отвергнут ею»⁷⁶. Есть все основания полагать, что в этом была заслуга и венского путешествия.

Примечания

¹ *Conrads N.* Das Incognito. Standereisen ohne Konventionen // Grand Tour: Adeliges Reisen und europäische Kultur vom 14. bis zum 18. Jahrhundert. / Hrsg. von R. Babel, W. Paravicini. Paris, 2000. S. 591–608.

² Австрийский посол Л. Кобенцель в начале августа писал: «Еще не решено, под каким именем будут путешествовать их императорские высочества». См.: Л. Кобенцель — В. А. Кауниц. Санкт-Петербург, 3.VIII.1781. ÖStA. HHStA. Staatenabteilungen.

Russland II. Kt 57. Berichte August–September 1781. Fol. 116v. Е. С. Шумигорский писал, что имена великокняжеской чете выбрала лично Екатерина II. См.: *Шумигорский Е. С.* Императрица Мария Федоровна. Ее биография // РА. СПб., 1890. Кн. 2. С. 31.

³ *Петрова М. А.* Екатерина II и Иосиф II: формирование российско-австрийского союза, 1780–1790 гг. М., 2011.

⁴ Д. Ф. Кобеко по реляциям Д. М. Голицына восстановил хронологическую канву пребывания графа и графини Северных в Вене, однако не подверг программу систематическому анализу. См.: *Кобеко Д. Ф.* Цесаревич Павел Петрович (1754–1796). СПб., 1882. С. 201–205.

⁵ Joseph II. und Graf Ludwig Cobenzel. Ihr Briefwechsel / Hrsg. von A. von Arneth. Wien, 1901. 2 Bde.

⁶ Joseph II. und Katharina von Russland. Ihr Briefwechsel / Hrsg. von A. von Arneth. Wien, 1869; Переписка Екатерины II с германским императором Иосифом II-м. 1774–1790 // РА. 1880. Кн. 1. С. 210–355.

⁷ Письма императрицы Екатерины II великому князю Павлу Петровичу и великой княгине Марии Федоровне во время путешествия их императорских высочеств в 1781 и 1782 гг. // Сб. РИО. СПб., 1872. Т. 9. С. 64–117.

⁸ Номера газеты доступны на сайте Австрийской национальной библиотеки: <http://anno.onb.ac.at/cgi-content/anno?aid=wrvz> (дата последнего посещения 31.III.2015).

⁹ *Шумигорский Е. С.* Мария Федоровна. С. 32–33. О том же, возможно, опираясь на Шумигорского, пишет Р. Макгрю, ср.: *McGrew R. E.* Paul I of Russia, 1754–1801. Oxford, 1992. P. 117.

¹⁰ Л. Кобенцель — В. А. Кауницу. Санкт-Петербург, 11.VIII (31.VII).1782, см.: ÖStA. HHStA. StA. Russland II. Kt.58. Fol. 238v.

¹¹ *Кобеко Д. Ф.* Цесаревич. С. 141.

¹² Ср.: *Madariaga I., de.* Britain, Russia and the Armed Neutrality of 1780. Sir James Harris's Mission to St. Petersburg during the American Revolution. London, 1962.

¹³ Дж. Гаррис — лорду Стормонту. Санкт-Петербург, 3.X (21.IX).1781 // РА. 1874. Кн. 11. Ст. 808–809.

¹⁴ Об этом также пишет Гаррис. См.: Там же. С. 800.

¹⁵ Л. Кобенцель — В. А. Кауницу. Санкт-Петербург, 9.X (27.IX).1781, см.: ÖStA. HHStA. StA. Russland II. Kt. 57. Fol. 26r.

¹⁶ Русский посол сообщал: «Для ночлегов их императорских высочеств назначены лучшие дома, и оные велено снабдить мебелью и всем, что принадлежит до удобства покоев». (АВП РИ. Сношения с Австрией. Ф. 32. Оп. 6. 1781. Д. 639. Д. М. Голицын — Екатерине II. Вена, 21.VIII (1.IX).1781. Л. 25 об.)

¹⁷ Инкогнито ни для кого не было секретом. Газеты называли их «русские императорские высочества, господин великий князь и госпожа великая княгиня, известные под именами графа и графини Северных» (WZ. 1781.24.XI. N94). Псевдонимы служили, прежде всего, целям избегания излишней помпезности, в том числе для снижения представительских расходов.

¹⁸ Иосиф II — Г. К. Блюменгену. Версаль, 31.VII.1781, см.: ÖStA. FHKA. Österreichisches Camerale. Fasz. г. Nr. 1618. Subd. 3. N 568 ex Aug. 1781. Fol. 388v–392r.

¹⁹ *Лозинская Л.* Во главе двух академий. Е. Р. Дашкова. М., 1978. С. 67.

²⁰ Й. К. Кауниц — В. А. Кауницу. Вена, 22 (10).VII.1777, см.: ÖStA. HHStA. StA. Russland II. Kt. 53. Berichte Juni–Dezember 1777. N 28. Fol. 101r.

²¹ Цит. по: *Шумигорский Е. С.* Мария Федоровна. С. 36.

²² Екатерина II — Павлу Петровичу и Марии Федоровне. Санкт-Петербург, 3(14). XII.1781 // Сб. РИО. СПб., 1872. Т. 9. С. 94–95. Текст доступен по адресу: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/9409-t-9-1872?page/1/mode/grid/zoom/1> (дата последнего посещения 31.III.2015).

²³ WZ. 1781.1.XII. N96.

²⁴ Ibidem.

²⁵ Ibidem. 1781.5.XII. N97; 29.XII. N 104.

²⁶ Ibidem. 1781.12.12. N99.

²⁷ АВП РИ. Ф. 32. Оп. 6. 1781. Д. 639. Д. М. Голицын — Екатерине II. Вена, 23.X.(3. XI).1781. Л. 119.

²⁸ АВП РИ. Ф. 32. Оп. 6. Д. 640. Д. М. Голицын — Екатерине II. Вена, 17(28).XI.1781. Л. 57.

²⁹ Кстати, Екатерина II в письмах просила раздобыть для нее через князя Голицына экземпляр плана дворцово-паркового комплекса Шёнбрунн. См.: Екатерина II — Павлу Петровичу и Марии Федоровне. Санкт-Петербург, 10(22).XII.1781 // Сб. РИО. Т. 9. С. 99.

³⁰ АВП РИ. Ф. 32. Оп. 6. Д. 640. Д. М. Голицын — Екатерине II, Вена, 17(28).XI.1781. Л. 61.

³¹ Екатерина II — Павлу Петровичу и Марии Федоровне. Санкт-Петербург, 1(12). XII.1781 // Сб. РИО. Т. 9. С. 92.

³² WZ. 1781.19.XII. N 101; 1782.2.I. N 1.

³³ Ibid. 1781.29.XII. N 104; 1782.2.I. N 1.

³⁴ Ibid. 1781.19.XII. N 104.

³⁵ Ibid. 1781.22.XII. N 102.

³⁶ Ibid. 1781.26.XII. N 103.

³⁷ Ibid. 1781.29.XII. N 104.

³⁸ Ibid. 1781.28.XI. N95.

³⁹ Леопольд — Иосифу II. Флоренция, 5.VI.1782. Цит. по: *Шумигорский Е. С.* Мария Федоровна. С. 47.

⁴⁰ Там же. С. 39–40.

⁴¹ WZ. 1781.12.XII. N99.

⁴² Ibid. 27.XII. N 104.

⁴³ Екатерина II — Иосифу II. Санкт-Петербург, 1.XII.1781 // РА. 1880. Кн. 1. С. 266–267.

⁴⁴ WZ. 1781.19.XII. N 101.

⁴⁵ Ibid. 28.XI. N95.

⁴⁶ *Хаванова О. В.* Заслуги отцов и таланты сыновей: венгерские дворяне в учебных заведениях монархии Габсбургов, 1746–1784. СПб., 2006.

⁴⁷ WZ. 1781.22.XII. N 102.

⁴⁸ Екатерина II — Павлу Петровичу и Марии Федоровне. Санкт-Петербург, 27.XII.1781 (7.I.1782) // Сб. РИО. Т. 9. С. 105.

⁴⁹ WZ. 1781.12.XII. N99.

⁵⁰ Ibid. 19.XII. N 101.

⁵¹ Ibid. 22.XII. N 102.

⁵² Ibid. 1782.2.I. N 1.

⁵³ *Raininger A.* Wolfgang von Kempelen: eine Biographie. Wien, 2007.

⁵⁴ ÖStA. FHKA. ÖC. Fasz. r. Nr. 1618. Subd. 3. N 75 ex 1781. Fol. 430r.

⁵⁵ WZ. 1781.19.XII. N 101.

⁵⁶ Ibid. 1781.8.XII. N98.

⁵⁷ Ibid. 22.XII. N102.

⁵⁸ Ibid. 28.XI. N95.

⁵⁹ Ibid. 19.XII. N101.

⁶⁰ Ibid. 22.XII. N102.

⁶¹ Ibid. 26.XII. N103.

⁶² АВП РИ. Ф 32. Оп. 6. 1781. Д. 640. Д. М. Голицын — Екатерине II. Вена 20.XI (1.XII).1781. Л. 69.

⁶³ Выдержки из старой записной книжки (начатой в 1813 году) // РА. 1873. Кн. 2. Ст. 1970–1971.

⁶⁴ Екатерина II — Павлу Петровичу и Марии Федоровне. Санкт-Петербург, 1(12). XII.1781 // Сб. РИО. Т. 9. С. 95; *Кобеко Д. Ф.* Цесаревич. С. 205.

⁶⁵ Екатерина II — Павлу Петровичу и Марии Федоровне. Санкт-Петербург, 7(18). XII.1781 // Сб. РИО. Т. 9. С. 98.

⁶⁶ Екатерина II — Павлу Петровичу и Марии Федоровне. Санкт-Петербург, 21.XII.1781 (1.I.1782) // Сб. РИО. Т. 9. С. 103.

⁶⁷ Л. Кобенцель — В. А. Кауницу, Санкт-Петербург, 28(17). I.1782, см.: ÖStA. HHStA. StA. Russland II. Kt. 58. Fol. 107r–110v.

⁶⁸ Иосиф II — Л. Коловрату. Версаль, 31.VII.1781, см.: ÖStA. HHStA. FHKA. ÖS. Fasz. r. Nr. 1618. Subd. 3. N 683 ex Aug. 1781. Fol. 403r.

⁶⁹ Ibid. N 615 ex Sept. 1781. Fol. 426r; N 389 ex Nov. 1781. Fol. 454r.

⁷⁰ Ср.: Ibid. N 242 ex Febr. 1782. Fol. 526r; N 24 ex Mar. 1782. Fol. 557r.

⁷¹ Екатерина II — Иосифу II. Санкт-Петербург, 3.I.1782 // РА. 1880. Кн. 1. С. 267–268.

⁷² Цит. по: *Шумигорский Е. С.* Мария Федоровна. С. 56.

⁷³ Freudebezeugung der k. k. vereinigten thesianisch-savoyischen Ritterakademie, als sie mit einem Besuche der kaiserlichen russischen Hoheiten begnadet wurde. Wien, 1781.

⁷⁴ Напротив, с представителями младшей линии Габсбург-д'Эсте великокняжеская чета обменивалась короткими дружескими посланиями по возвращении в Петербург. См.: HHStA. Habsburg-Lothringisches Familienarchiv. Estensisches Familienarchiv. Parte III. Kt. 34. Konv. 5.

⁷⁵ *Витязева В. А.* «Благосклонный к вам Павел...»: Переписка графа и графини Северных с К. И. Кюхельбекером. 1781–1782 // Наше наследие. 2003. № 66. С. 174–205.

⁷⁶ Воспоминание об императрице Марии Федоровне // РА. 1873. Кн. 7. Ст. 1126.

Л. А. Кирилина

Александр I на Лайбахском конгрессе 1821 г.

Приезд российского императора и его свиты в Лайбах (или, как иногда писали в русских документах — Лейбах) для участия в работе конгресса европейских держав, организованного «Священным союзом», — одна из многих зарубежных поездок Александра I по Европе в годы, последовавшие за разгромом армии Наполеона Бонапарта и перекроившие политическую карту Европы. О ней писали биографы Александра I, печатались сообщения в австрийской и русской прессе. Сведения, опубликованные в газетах, имели в основном официальный характер, они касались внешней стороны деятельности императора — когда и куда он приехал, в каких официальных мероприятиях принял участие, с кем провел встречи. В 2000 г. словенским историком Э. Хольц впервые были изданы также чисто информативные дневниковые записи о Лайбахском конгрессе словенского историка и политика (в то время еще молодого чиновника) Х. Косты¹, в которых российскому императору было уделено немалое внимание. О словенской возлюбленной русского царя подробно рассказывается в очерке словенского писателя Я. Трдины «Две возлюбленные»², написанном на основании сведений, собранных Трдиной в 1858 г. Дневниковые записи Косты и люблянского учителя Ф. К. Рихтера³ широко использовал словенский политик и писатель И. Тавчар при написании романа «За кулисами конгресса»⁴, действующими лицами которого стали и Александр I, и князь Волконский. Ряд интересных сведений по этой теме содержится в монографиях И. В. Чуркиной⁵ и в недавно опубликованном сборнике «Русско-словенские отношения в документах. XII в. — 1914 г.»⁶

На основании этих источников, не углубляясь детально в хитросплетения проходивших на конгрессе политических переговоров, мы попытаемся осветить ряд сюжетов, связанных с публичной стороной

жизни Александра I и его свиты в Лайбахе: их участие в различных мероприятиях, устраивавшихся в городе. Прежде всего нас будут интересовать контакты с местным словенским населением и впечатления от них.

«Священный союз», заключенный в 1815 г. между российским императором Александром I, австрийским императором Францем I и прусским королем Фридрихом Вильгельмом III (позже к нему присоединились Великобритания, а затем и Франция), стал ядром европейской политики в период Реставрации. Международная система, созданная Венским конгрессом, основывалась на принципе равновесия сил и стремлении к сохранению «статус-кво», сложившегося в Европе после победы над Наполеоном, одной из ее целей была взаимопомощь союзных государств в борьбе против всех проявлений «революционного духа». Утвердилась она на последовавших вслед за Венским конгрессом (1815) конгрессах в Аахене (1818), Троппау (1820), Лайбахе (1821) и Вероне (1822). На конгрессе в Троппау, созданном по инициативе К. Меттерниха, главным вопросом стало подавление восстания в Неаполе, угрожавшего австрийскому владычеству в Ломбардии и Венеции. Здесь было принято решение о праве европейских монархов, входивших в Священный союз, на военную интервенцию в случае восстаний в другой стране⁷.

Изначально предполагали, что император Александр вернется из Троппау в Петербург в конце декабря 1820 г.⁸ Однако в связи с революцией, вспыхнувшей в Пьемонте, для проведения переговоров с итальянскими монархами заседания конгресса было решено перенести ближе к Италии. Сначала раздумывали о проведении конгресса в Гёрце (престарелому неаполитанскому королю доехать до него было удобнее, климат тоже был благоприятным), но оказалось, что там недостаточно жилых помещений, чтобы разместить все делегации. Поэтому решено было собраться в Лайбахе. Вообще для проведения конгрессов Священного союза выбирали небольшие города. Это делалось по двум причинам: во-первых, чтобы монархов не отвлекали от дел слишком многочисленные светские обязанности; а, во-вторых, чтобы не отдавать предпочтения ни одному из крупных европейских городов, который мог бы чересчур усилить свое влияние⁹.

Лайбах впервые на некоторое время стал центром, в котором вершилась европейская политика. Он был небольшим провинциальным

городом. Согласно статистике, в 1788 г. там насчитывалось около 20 тыс. жителей¹⁰. В 1809–1813 гг. он являлся центром наполеоновских Иллирийских провинций, что способствовало модернизации Лайбаха, строительству новых дорог, оживлению торговли и общественной жизни. К началу 1820-х годов улицы города стали убирать чаще, начало вводиться их освещение (что вызывало возмущение многих горожан, считавших, что магистрат позволяет себе лишние траты — ведь все порядочные горожане должны ложиться спать с наступлением темноты).

В российской прессе в январе 1821 г. были даны краткие описания города. Так, в журнале «Сын отечества» сообщалось: «Лайбах есть главный город Герцогства Крайнского; лежит на судоходной реке Лайбахе, впадающей в Саву. Он имеет 930 хорошо построенных домов и около 12 тыс. жителей, цитадель, 10 церквей, театр, обсерваторию, публичную библиотеку, лицей, гимназию, духовную семинарию, Общество земледелия и искусств и многие фабрики. Торговля его довольно значительна»¹¹. Примерно те же сведения были приведены и газетой «Русский инвалид» с добавлением, что город называется «на языке народа Лублано, а по-итальянски Лубианна»¹². Отсюда его современное название — Любляна.

Приготовления к конгрессу начались в декабре 1820 г. По сообщениям из Любляны от 19 декабря, перепечатанным в «Сыне отечества», «здешнее местное начальство получило на сих днях предписание приготовить дома для ожидаемых сюда монархов и для их свиты. Вчера прибыл уже австрийский, а сегодня российский гоффурьер, для предварительных распоряжений в домах, назначаемых для их государей»¹³. В 1821 г. в Лайбах приехали представители 10 европейских государств (около 500 человек), 7 епископов, а также купцы, фабриканты, банкиры, актеры, музыканты, два художника, любопытствующие путешественники (около 600 человек), и всех их удалось разместить и обеспечить продовольствием. Более того, ожидавшегося резкого подъема цен не произошло. «Стечение иностранцев в здешнем городе заставило думать, что как наем домов, так и съестные припасы весьма вздорожают. Сие отчасти и воспоследовало во время прибытия монархов; но потом привезено такое множество разных припасов, что некоторые из оных продаются ныне по сходнейшим ценам, нежели за 2 месяца пред сим. Также и из числа домов, очищенных для найма, многие до сих пор еще не заняты»¹⁴, — отмечал «Русский инвалид»

в конце января. 18 февраля газета сообщала, что «число находящихся здесь дипломатических чиновников ежедневно увеличивается. Должно полагать, что сей конгресс будет многочисленнее всех предшествовавших ему»¹⁵.

Х. Коста записал в своем дневнике о конгрессе в Лайбахе: «Без сомнения, новейшая история Крайны знает много славных моментов, но таких блестящих, какие она пережила за пять месяцев 1821 г., у нее еще не было. В столице Крайны собрались лучшие правители, крупнейшие государственные деятели своего времени, и принимали решения о важнейших государственных делах»¹⁶.

По пути из Тропшау российский император посетил Вену и Грац. «Пребывание императора Александра в здешней столице будет, как уверяют, весьма кратковременно. Отъезд его величества в Лейбах назначен 3-го января», — отмечал «Русский инвалид»¹⁷.

По сообщениям австрийских газет, в Граце (6 января) Александр I осмотрел Кадетский институт, императорскую библиотеку, архив, Промышленный музей. Корреспондент «*Laibacher Zeitung*» отметил, что «Его Величество выказал большой интерес к культуре» Штирии. Особенно его впечатлило то, что в Памятной книге библиотеки Александр сделал запись на немецком языке¹⁸.

В Лайбах Александр I со свитой приехал 7 января 1821 г.* в половине третьего пополудни. «Император России прибыл в экипаже, запряженном шестеркой императорских австр. белых лошадей, в мундире имп. полковника своего австрийского пехотного полка, в который он облачился на Свином мосту перед Любляной»¹⁹. Резиденцией его на время пребывания в городе стал Епископский дворец. Свита императора насчитывала около 80 человек. Среди приехавших были видные дипломаты и военные генералы: министры иностранных дел К. В. Нессельроде и И. Каподистрия, посол России во Франции К. О. Поццо ди Борго, начальник Главного штаба генерал от инфантерии П. М. Волконский, генералы И. И. Дибич, А. П. Ермолов и др.

Российский император стал одной из ключевых фигур конгресса, проходившего в Лайбахе с 10 января по 22 мая 1821 г. На тайных заседаниях обсуждались, прежде всего, меры по подавлению революционных выступлений в Неаполитанском королевстве, Испании и Греции,

* Здесь и далее в статье даты даны по новому стилю.

и позиция Александра I подчас имела решающее значение по ряду проблем, формировавших европейскую политику. В целом же дирижировал европейским оркестром на конгрессе австрийский министр иностранных дел Меттерних, и российский монарх в большинстве вопросов поддержал его политику.

По просьбе короля Обеих Сицилий Фердинанда I конгресс (несмотря на возражения Англии и Франции) принял решение направить в Неаполь и Пьемонт австрийские войска. В помощь им Александр I готовил армию, ее командующим он назначил А. П. Ермолова, которому было велено срочно прибыть в Лайбах. По сообщению «Сына отечества», «император Александр дал расположенному в Вольни войску, из 80 тыс. человек состоящему, повеление выступить в поход»²⁰. Однако, не желая усиления влияния России в этом регионе, Австрия отклонила предложение русского царя и обошлась своими силами. В марте-апреле 1821 г. в Неаполе и Пьемонте были ликвидированы либерально-демократические правительства и восстановлен абсолютизм. Уже отправленная в поход русская армия возвратилась в Россию. Прибывший в апреле в Любляну генерал Ермолов остался не у дел. «Был я главнокомандующим армии, которой я не видал и доселе не знаю», — написал он позже в своих «Записках»²¹. Как резюмировал «Сын отечества»: «Дела сего конгресса кончились достижением предположенной при открытии оною цели — восстановлением порядка и спокойствия в Италии, и обеспечением чрез то мира Европы»²².

Помимо государственных дел немалое время Александр I, как и другие европейские монархи и их приближенные, уделял светским обязанностям. Приемы, балы, смотры военных парадов, богослужения, музыкальные и театральные представления шли чередой. За время конгресса широко отпраздновали дни рождения трех монархов: неаполитанского короля 12 января, австрийских императрицы (8 февраля) и императора (12 февраля). 13 января 1821 г. отмечали новый год по российскому календарю. Неизвестный автор писал в дневнике, хранящемся в Архиве Словении: «Новогодний праздник русских; Император Александр, однако, запретил все торжества»²³. Впрочем, по сообщениям «*Laibacher Zeitung*», в этот день император принял поздравления от всех монархов, а вечером весь город был освещен²⁴ и состоялось «весьма многочисленное собрание у императора Александра»²⁵.

В наиболее торжественных случаях Любляна озарялась праздничной иллюминацией, устраивались фейерверки. Каждую неделю

давалось по несколько балов, как в резиденциях императоров, так и организованных магистратом в зале Редута. Проходили концерты Филармонического общества и театральные представления. «Русский инвалид» сообщал: «В Лейбахе находится с некоторого времени итальянская опера, составленная по большей части из искусных певцов и певиц. Знаменитые посетители сего города нередко удостаивают оную своим присутствием [...] Сверх того, тамошнее Филармоническое общество, составленное по большей части из охотников, давало уже четыре больших концерта»²⁶. Помимо итальянской, в Любляну приехала и немецкая оперная труппа. Между ними была довольно сильная конкуренция. Особой популярностью пользовались оперы Россини, — в особенности «Севильский цирюльник».

Часто устраивались торжественные мессы, — по поводу религиозных праздников, в честь дней рождений монархов и военных побед. Например, в начале апреля «проходило в здешней соборной церкви торжественное, благодарное молебствие по случаю блистательных успехов императорского оружия в Италии и благополучного восстановления тишины в Королевстве Обеих Сицилий», на котором присутствовали коронованные особы, дипломаты и министры. «Все войска, построенные в параде на главной площади, производили ружейный залп: а из крепости воспоследовало в ответ на оный 100 пушечных выстрелов. Вечеру весь город был освещен по произвольному желанию жителей», — сообщала газета «Русский инвалид». Так же торжественно прошло 22 апреля молебствие «по случаю восстановления тишины и спокойствия в Пьемонте»²⁷.

В дневниковых записях Коста ежедневно пунктуально отмечал погоду. Ее приходилось учитывать при проведении различных мероприятий, например, военных парадов. Смотры парадов проходили часто, устраивали их на Капуцинской площади, уже в 1822 г. переименованной в площадь Конгресса. Одним из любимых развлечений жителей Любляны того времени, в которых принимали участие и высокие гости, были прогулки на лодках по реке Люблянице, пикники на лоне природы. Лодки вмещали от 7–8 до 20–24 пассажиров. На них устанавливали деревянные крыши, столы и стулья. Иногда на соединенных вместе нескольких лодках настилали пол и устраивали балы. Крупнейшим в то время был фрегат с пушками, рассчитанный на 40–50 человек. Гребцы на нем были одеты в матросскую форму. Во время прогулок на лодках играла музыка, а иногда и устраивались

фейерверки. В 1828 г. из-за частых несчастных случаев подобные развлечения на лодках были запрещены²⁸.

Согласно сообщениям австрийской прессы и воспоминаниям ряда горожан, российский император любил длительные прогулки по городу и его окрестностям. В прогулках по Латтермановым аллеям часто к нему присоединялся неаполитанский король, а иногда и австрийский император, и монархи продолжали обсуждение государственных дел²⁹. Погода во время конгресса в Любляне стояла на удивление теплая, было много солнечных дней. Впоследствии ее назвали «погодой трех императоров».

Коста отмечал в дневниковой записи от 14 января: «Из присутствующих здесь монархов наибольший интерес у местных жителей вызывает Его Вел. Император Александр. По своему обыкновению, он часто ходит по городу и окрестностям в простой городской одежде и расспрашивает обо всем, что кажется ему важным или интересным. Даже наш крайнско-славянский диалект он не оставил без внимания»³⁰.

Почти через 40 лет по прошествии Лайбахского конгресса русский славянофил И. С. Аксаков встретил в Мариборе пожилого чиновника-словенца, сохранившего яркие впечатления об этом событии. По воспоминаниям Аксакова, «он очень хорошо помнил Лайбахский конгресс и рассказывал разные анекдоты об Александре [...] Он был здесь очень популярен, был самый доступный, обходительный и человечный из всех монархов [...] Все офицеры русские, вся его свита недели через две свободно понимали крайнцев, а они — русских»³¹.

Александр выказывал живейший интерес к культуре и научным изысканиям крайнцев, — как немцев, так и словенцев. Так, например, когда профессор анатомии Антон Мелцер преподнес в дар российскому императору изобретенный им медицинский инструмент и брошюру, описывающую его применение, Александр в ответ одарил его «усыпанным бриллиантами кольцом»³². 19 апреля Коста записал: «Как автор трех романсов из истории российского государства, которые в рукописи были переданы князем Волконским Императору Александру, я (Х. Коста) получил сегодня переданный Его Вел. через адъютанта дар — 25 золотых дукатов с устным добавлением, что Его В. Император всех русских милостиво соизволил принять посвящение тех романсов»³³. Возможно, эти романсы, посвященные российскому императору, и стали причиной того, что заподозренному австрийскими властями в неблагонадежности Косте так и не удалось опубликовать

свой дневник. В 1825 г. Коста отдал рукопись для цензуры, но ее и не опубликовали, и не вернули, несмотря на все запросы автора (последний он отправил в 1846 г.). Впоследствии дневник был восстановлен дочерью Косты, пианисткой Корнелией Шолльмайер, которой, впрочем, также не удалось его опубликовать³⁴.

Некоторые дворяне из свиты императора имели контакты с представителями словенской интеллигенции и обсуждали с ними вопросы, касающиеся близости словенского и русского языков. Словенский национальный деятель филолог Я. Зупан, изучавший в 1821 г. русский язык, опубликовал в 1831 г. в газете «*Illyrisches Blatt*» (приложение к «*Laibacher Zeitung*») свои воспоминания об одной из таких бесед. «Автору этих строк во время Люблянского конгресса князем П. Л. [вероятно, это был Петр Лопухин. – Л.К.], представителем одного из известнейших княжеских родов России, было высказано мнение, что краинский язык является испорченным славянским наречием. Будучи уязвлен в таком щекотливом вопросе [...] я возразил, хотя и взволнованно, но с почтением, подобающим такому оппоненту: «Позвольте, Ваша Светлость! Смею ли я предложить несколько вопросов в ответ? [...] Какое из ныне употребляемых славянских наречий должно считаться наименее испорченным? Разве не то, которое наиболее близко церковно-славянскому?» Князь: «Само собой разумеется». Я: «Ну так как по-русски *die Kuh?*» Князь: «Корова». Я: «А как на церковно-славянском?» Князь: «Крава». Я: «На краинском также *krava*». Я: «Как по-русски *die Milch?*» Князь: «Молоко». Я: «А как на церковно-славянском?» Князь: «Млеко». Я: «По-краински также *mleko*». Я: «Как по-русски *der Kopf?*» Князь: «Голова». Я: «А как на церковно-славянском?» Князь: «Глава». Я: «По-краински тоже *glava*». Так же обстояло дело и со словами *Pferd*, на кириллическом и краинском *konj*, на русском лошадь, *Hund*, на кириллическом и краинском *pes*, рус. собака, и так далее. Князь признал большую схожесть краинского языка с церковно-славянским, чем русского, и признал себя побежденным»³⁵.

В мае высокие гости стали покидать Люблянду. 12 мая Александр I устроил прощальный торжественный прием, а 13 мая отбыл из Лайбаха в Санкт-Петербург через Пешт и Варшаву. «В сердцах жителей Любляны он оставил глубочайшее впечатление», — отмечал в своем дневнике Х. Коста. Немалую роль в этом сыграли и прощальные дары императора, описание которых занимает целую страницу дневника. Щедро одарены были и многие государственные деятели Австрии,

и простые люди. Например, люблянскому епископу был подарен «крест, украшенный драгоценными камнями» стоимостью 5000 — 6000 голдинаров и цепь. Художнику А. Шнаффенрату, написавшему для русского и австрийского императоров пейзажи люблянских окрестностей, Александр даровал золотые часы с цепочкой. «Царь многих одал денегами»³⁶.

У словенцев сохранились и другого рода воспоминания о пребывании Александра в Любляне. Они запомнили российского императора как красивого мужчину в расцвете сил, большого любителя женского пола. В 1858 г., через 37 лет после описываемых событий, молодой словенский писатель Я. Трдина собрал интересные сведения о словенской возлюбленной Александра. Звали ее Маричка, и была она прачкой («лучшей» прачкой, стиравшей вещи высоких господ). Многие знатные дамы завидовали ей, а однажды даже попытались ее отравить. С русским царем Маричка разговаривала по-словенски, он с ней порусски, и они прекрасно понимали друг друга. Вообще Александр часто «общался с нашими сородичами, — писал Трдина. — Ему это нравилось уже потому, что он понимал их»³⁷. По словам Трдины, «после отъезда из Любляны царь каждый год посылал ей (Маричке) 600 голдинаров пенсии. После его смерти она получала вспомоществование еще два-три года, потом царь Николай приказал прекратить выплаты, сказав, что краинка уже достаточно получила за свои заслуги». Маричка вышла замуж за трактирщика Нилкара, родила двоих сыновей. Люди, правда, говорили, что старший сын был похож на российского царя. Как выяснил Трдина, в 1858 г. она владела гостиницей в Нижней Крайне, сыновья стали священниками, а односельчане прозвали ее «царицей», хотя к тому времени и не помнили уже почему³⁸.

В исторической повести лидера словенских либералов И. Тавчара история о Маричке получила совсем другую интерпретацию. Русофилом Тавчар вовсе не был, и дело изобразил так: император Александр заинтересовался красивой прачкой, и она пришла к нему на свидание в епископский дворец, но дворяне-«азиаты» из его свиты обесчестили девушку, приняв ее за женщину легкого поведения. После этого царь отвернулся от нее, а она с горя утопилась. Ни персонажи русских, выведенные Тавчаром в этой повести, ни предложенная писателем трактовка событий совершенно не выдерживают критики. Более реальной кажется версия Трдины, однако никаких абсолютно достоверных сведений о словенской возлюбленной Александра нет.

Проведение конгресса европейских держав явилось крупнейшим событием в жизни маленького провинциального города. У словенских жителей остались теплые воспоминания о пребывании в Лайбахе российской делегации во главе с императором Александром I. Через 95 лет после конгресса словенец Ф.Л. Тума, упоминая об этом событии в своей записке, направленной в российское Министерство иностранных дел, справедливо отметил, что Александр «был самой популярной личностью» из всех участников Лайбахского конгресса, и что «популярность его происходила только оттого, что он был тоже славянской крови»³⁹.

Это был первый опыт довольно тесного общения словенцев и русских на протяжении более четырех месяцев, и он, несомненно, способствовал зарождению у представителей обоих народов убеждения в их языковой и культурной близости.

Примечания

¹ Holz E., Costa H. Ljubljanski kongres 1821. Ljubljana, 2000.

² Trdina J. Dve ljubici // Ljubljanski zvon. Ljubljana, 1905. S. 11–17, 74–79, 139–145.

³ Ср.: *Маринелли-Кёнигз Г.* Франц К. Иоганн Рихтер (1783–1856): (реконструкция творческого наследия) // Славянский альманах. 2013. М., 2014. С. 67–80.

⁴ Tavčar I. Izza kongresa // D-rja Ivana Tavčarja zbrani spisi / Ur. I. Prijatelj. Zv. V. Ljubljana, 1924.

⁵ Чуркина И.В. Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия. М., 1978; Čurkina I. V. Rusko-slovenski kulturni stiki. Ljubljana, 1995.

⁶ Русско-словенские отношения в документах. XII в. — 1914 г. Rusko-slovenski odnosi v dokumentih (12.stol. — 1914) / Под ред. И.В. Чуркиной. М., 2010.

⁷ Рогинский В.В. Европа под сенью Священного Союза // История Европы: в 7 т. М., 1988–2000. Т. 5. От Французской революции конца XVIII века до первой мировой войны / Отв. ред. С.П. Пожарская, А.С. Намазова. М., 2000. С. 141–144.

⁸ Записки А.П. Ермолова 1798–1826 / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. В.А. Федорова. М., 1991. С. 370.

⁹ Holz E. Uvodna beseda // Holz E., Costa H. Ljubljanski kongres. S. 6.

¹⁰ Holz E. Ljubljana pleše. Pojasnila // Holz E., Costa H. Ljubljanski kongres. S. 136.

¹¹ Сын отечества. 1821. Ч. 67. № 2. С. 87.

¹² Русский инвалид. 1821.13.1. № 9. С. 35

¹³ Там же. 1821.6.1. Ч. 3. С. 12.

¹⁴ Там же. 1821.30.1. № 24. С. 94.

¹⁵ Там же. 1821.18.11. № 40. С. 159.

¹⁶ Holz E., Costa H. Ljubljanski kongres. S. 45.

¹⁷ Русский инвалид. 1821.8.1. № 5. С. 20.

¹⁸ Laibacher Zeitung. 1821.12.1. № 4.

¹⁹ Русско-словенские отношения в документах. С. 92.

²⁰ Сын отечества. 1822. Ч. 76. № 13. С. 247.

- ²¹ Записки А. П. Ермолова 1798–1826. С. 372.
- ²² Сын отечества. 1821. Ч. 70. № 22. С. 89.
- ²³ Русско-словенские отношения в документах. С. 92.
- ²⁴ Laibacher Zeitung. 1821.16.I. № 5.
- ²⁵ Русский инвалид. 1821.30.I. № 24. С. 94.
- ²⁶ Там же. 1821.15.IV. № 83. С. 336.
- ²⁷ Там же. 1821.21.IV. № 88. С. 355; 1821.4.V. № 99. С. 398.
- ²⁸ Holz E. Ljubljana pleše. S. 126.
- ²⁹ Laibacher Zeitung. 1821.26.I. № 8.
- ³⁰ Русско-словенские отношения в документах. С. 91.
- ³¹ Чуркина И. В. Словенское национально-освободительное движение. С. 58.
- ³² Laibacher Zeitung. 1821.2.II. № 10.
- ³³ Русско-словенские отношения в документах. С. 91.
- ³⁴ См. рецензию: Janša Corn O. Holz E., Costa H. Ljubljanski kongres 1821 // Zgodovinski časopis. 1999. Št. 1. Ljubljana, 2000. S. 138.
- ³⁵ Русско-словенские отношения в документах. С. 94.
- ³⁶ Holz E., Costa H. Ljubljanski kongres. S. 69.
- ³⁷ Trdina J. Dve ljubici. S. 74.
- ³⁸ Ibid. S. 140.
- ³⁹ АВП РИ. Ф 135 «Особый политический отдел». Оп. 474. Д. 282. Ф. Л. Тума. «Очерк словенской политики с древних времен до войны 1914 года». Л. 51.

В. П. Тотфалушин

Саратовский эпизод «Венчания с Россией» цесаревича Александра Николаевича

2 мая 1837 г. наследник престола Александр Николаевич отправился в поездку по стране, названную его наставником В. А. Жуковским «Венчание с Россией». Одним из эпизодов этого путешествия стало посещение Саратовского Поволжья в июне месяце.

Источниками для освещения данной темы стали в первую очередь источники личного происхождения: переписка императора Николая I с сыном¹, дневник В. А. Жуковского² и письма жене С. А. Юрьевича³ (авторы которых, являясь воспитателями наследника, принимали участие в путешествии), а также воспоминания саратовского помещика и старожила В. А. Шомпулева⁴.

Кроме того, во время путешествия цесаревича отчеты о поездке публиковались в «Северной пчеле»⁵. Дополнительную (визуальную) информацию о посещении Саратова Александром Николаевичем несут рисунки Жуковского и вышивка бисером, хранящаяся ныне в Саратовском областном музее краеведения. На ней изображено учение конноартиллерийского резерва, и она выполнена одной из местных барышень.

Пребывание наследника престола на территории Саратовской губернии не нашло подробного отражения в трудах краеведов. Первой и пока единственной специальной работой на эту тему остается очерк священника А. Росницкого⁶. Через пять лет этот визит (с опорой на ранее вышедшую статью) был освещен в книге первого саратовского краеведа А. Ф. Леопольдова⁷, который, однако, снискал славу великого выдумщика. Спустя 45 лет факт посещения Саратова цесаревичем был отмечен в «Саратовской летописи», составленной Ф. В. Духовниковым и Н. Ф. Хованским⁸.

В советское время этот августейший визит в Поволжье был на время забыт. И только в 1990-е годы на него вновь обратили внимание Е. К. Максимов и С. Н. Уткин (со ссылкой на книгу Леопольдова)⁹,

С. А. Малышкин и В. П. Тотфалушин (в связи с изучением судьбы И. К. Арнольди)¹⁰ и И. А. Жукова, давшая общий обзор всех посещений Саратовской губернии представителями императорской фамилии¹¹. Визит великого князя упомянут и в зарубежной историографии — в книге Р. С. Уортмана¹².

Итак, цесаревич отправился в путешествие по стране согласно распоряжению Николая I. В «Общей инструкции», которую император составил собственноручно, было указано: «Путешествие наследника имеет двоякую цель: узнать Россию, сколько сие возможно, и дать себя видеть будущим подданным»¹³. Николай I волновал, говоря современным языком, вопрос взаимной репрезентации будущего носителя верховной власти — с одной стороны, и тех кругов общества, которые обеспечивали функционирование государственного аппарата на местах, — с другой.

Одновременно путешественнику предоставлялась возможность ознакомиться с местными достопримечательностями и с особенностями культурной жизни губернских городов, поэтому перед поездкой Александра Николаевича по России была издана специальная книга¹⁴.

При рассмотрении пребывания наследника престола в Саратовской губернии и Саратове следует иметь в виду, что все его передвижения и действия были строго регламентированы. В «Общей инструкции» содержались указания, где следует побывать, а где — нет, что и как смотреть, когда ложиться спать и когда вставать, когда и с кем обедать или ужинать, какие балы и приемы посещать, с кем из дам и что именно танцевать и т. д. Таким образом, у Александра Николаевича практически не было возможности для проявления собственной инициативы.

В результате вместо того, чтобы ехать из Сызрани в Саратов напрямую, по почтовому тракту, лежащему на правой («нагорной») стороне, великий князь после Вольска переправился на левый берег, ибо в «Указании важнейших примечательностей...» было сказано: «Гораздо интереснее переезд по луговой [стороне] через ряд немецких цветущих колоний, где дорога также хороша»¹⁵.

И все же отдельные отклонения от плана случались. Так, накануне прибытия в Саратов цесаревич писал отцу: «Мы, я полагаю, будем в Саратове днем ранее вследствие некоторого сокращения маршрута»¹⁶.

Первым пунктом Саратовской губернии, в который Александр Николаевич приехал ночью 25 июня, стал Хвалынский — «довольно

опрятный город», где воздух наполнен «ароматическим запахом»¹⁷. На следующий день он обозрел «богатый город Вольск» и переправился на левый берег. Здесь путь цесаревича пролегал через немецкие колонии Шафтаузен (Михаэлис — ныне с. Волково Марковского района), Баратаевка (Беттингер — ныне с. Воротаевка Марковского района), Базель (Кратц — ныне с. Васильевка Марковского района), Цюрих (ныне с. Зоркино Марковского района), Унтервальден (ныне с. Подлесное Марковского района), Сусанненталь (ныне с. Сосновка Марковского района), Баскаковка (Кинд — ныне с. Баскатовка Марковского района), Рязановка (ныне село Марковского района), Орловское (ныне село Марковского района), Обержмонжу (ныне п. Кривовское Марковского района) и Катариненштадт (ныне г. Марк Саратовской области)¹⁸.

26 июня к 11 часам вечера наследник престола прибыл на перевоз у Покровской слободы (ныне г. Энгельс Саратовской области) и «переправился на горкоуте¹⁹» на правый берег в Саратов²⁰, откуда по Кабановскому взвозу проследовал в город. Здесь он остановился «в доме вице-губер[натора] — весьма хорошем строении»²¹, который Шомпулев называет «ивановским домом»²². В Саратове Александр Николаевич пробыл около трех дней и утром 29 июня выехал в Пензу.

По пути следования он сделал остановку в с. Широкий Буерак, где «слушал Божественную Литургию». А вот вопрос о посещении цесаревичем Петровска остается спорным. «Северная пчела» утверждает, что великий князь двинулся на Пензу, «обозревши на пути лежащий город Петровск»²³. В очерке Росницкого также упомянуто присутствие Александра Николаевича на богослужении в церкви Петровска²⁴. Однако, возможно, эти указания ошибочны, т. к. в дневниковых записях Жуковского сказано: «Петровск мы проехали, не останавливаясь»²⁵.

Согласно инструкции, наследник должен был демонстрировать поданным приверженность к православной вере. Поэтому ему полагалось прежде всего посетить собор «или даже в уездах те места, где хранятся предметы особого богомолья». И эти предписания императора исполнялись: Росницкий, ссылаясь на газеты, которые освещали вояж цесаревича, писал, что везде «первоначально он посещал храмы божии»²⁶.

Например, в Саратове в первый же день пребывания (27 июня) Александр Николаевич присутствовал на богослужении в Александро-Невском кафедральном соборе. В этот день совершался молебен

в память Полтавской победы и, вероятно, прибытие наследника было заранее приурочено к этому торжественному дню. Кроме посещения собора, в тот же день цесаревич принял саратовского епископа Иакова, который представил ему архимандритов саратовского Спасо-Преображенского и николаевского Воскресенского монастырей²⁷. На следующий день великий князь посетил саратовские монастыри, вначале — женский Крестовоздвиженский, а позднее — мужской Спасо-Преображенский. В соборах обоих монастырей он выслушал многолетие и принял подарки: от мужского монастыря — икону Преображения, от женского — икону Смоленской Богоматери и портфель малинового бархата, расшитый золотом, с вензелем наследника²⁸.

Впрочем, великий князь во время пребывания в Саратовской губернии оказывал внимание и представителям других конфессий. Например, в Вольске внимание Александра Николаевича привлекла «церковь без креста», принадлежавшая старообрядцам²⁹, он встречался с монахинями закрытых старообрядческих Иргизских монастырей и переслал, полученную от инокинь, просьбу отцу «в особенном пакете с описью»³⁰. В колонии Шафгаузен цесаревич посетил кирху, где пастор Генслер «сказал краткую приличную речь». Вообще, «пасторы у них преумные»³¹, — сделал вывод наследник престола.

К числу обязательных для посещения объектов относились военные заведения и части. В Вольске великий князь «смотрел бат[альон] кантонистов, которого малая часть помещена в 2 казенных зданиях, чисто содержаны»³². В Саратове Александр Николаевич «в первый раз видел казаков Астраханского Войска, люди довольно видные и порядочно одетые». Но главным объектом внимания цесаревича стали 9 батарей конноартиллерийского резерва, стоявшие в губернии. 28 июня в Саратове состоялся их «смотр и учения с пальбою»³³. Александр Николаевич остался доволен внешним видом и подготовкой артиллеристов: «Одеты люди просто и единообразно, ездят отлично, [...] на всех аллюрах равно превосходно». Во время учений «по верности в цельной стрельбе почти не было промаха. Словом, учились молодецами». Отдельных похвал удостоились командиры: «Арнольди³⁴ молодец точно. У него прекрасные батарейные командиры», «все почти из Артил[лерийского] училища и Кадет[ского] корпуса»³⁵. После проверки состоялся «обед у великого князя с артиллеристами»³⁶.

Кроме того, во всех губернских городах цесаревич обязательно осматривал «богоугодные и училищные заведения». В Саратове 27 июня

он посетил губернскую гимназию, расположенную «в весьма хорошем и удобном здании». Но если сама гимназия ему понравилась, то «науки», т. е. преподавание, великий князь нашел «не в блестящем положении по недостатку хороших учителей»³⁷.

Артиллерийский госпиталь ему понравился («чисто содержанный, больных очень мало») ³⁸. А вот заведения Приказа общественного призрения наследника просто поразили: «они разбросаны и самом плачевном состоянии, [...] я нигде таких запущенных заведений не видел». В Александровской больнице «полы все запачканы, стены тоже, белье грязное» и это притом, что высочайшего визита ожидали. Цесаревич справедливо восклицал: «что же [тут] должно быть в обыкновенное время». «Еще хуже дом умалишенных, у них даже постелей нет, [...] запах скверный, одним словом, гадко смотреть»³⁹.

Впечатление было настолько сильным, что наследник долго не мог забыть саратовские разор и запустение, и много позже (в письмах от 3 июля из Тамбова и 12 июля из Калуги) отмечал, что здесь все «не так, как в Саратове»⁴⁰.

Затем Александр Николаевич посетил «довольно богатую» выставку изделий художеств и промышленности губернии и «плантацию шелковичную, весьма примечательную»⁴¹. Благодаря дневниковым записям Жуковского мы имеем возможность составить некоторое представление о том, какие «местные произведения» экспонировались на саратовской выставке. Он называет кожи, «изделия» колонистов, особо отмечая при этом табак и «серпянку» (сарпинку), а также шали⁴².

28 июня Александр Николаевич посетил также «острог, новое здание, чисто содержанное, но неудобно устроенное, ибо окна на улицу и потому арестанты легко могут быть в сношениях с жителями»⁴³.

Цесаревич и его спутники достаточно подробно пишут о саратовском бале, который до Пензы «считался лучшим». «Он был великолепнейший по прекрасной зале, множеству пренарядных дам и множеству офицеров там квартирующих»⁴⁴. В источниках названы фамилии дам, с которыми наследник танцевал, и высказаны некоторые замечания относительно их наружности и поведения (например, «жена Свечина, милая кокеточка») ⁴⁵.

Для саратовцев визит царственной особы был редким событием. В.А. Шомпулев ошибочно полагал, что Саратов «никогда не посещался до упомянутого времени не только государями, но даже и никем из царской фамилии...»⁴⁶. А. Росницкий уточнил, что в Саратове

побывал Петр I, но только через 115 лет после его визита «Саратовский край посетил венценосный потомок Петра Великого»⁴⁷.

Саратовцы к приезду наследника готовились. Так, цесаревич сообщал отцу: «Они меня [...] ожидали и кое-что подкрасили и подмазали». Более подробно об этом вспоминал Шомпулев: «Немощные улицы города [...] стали приводиться в порядок». Воду в пожарных чанах, стоявших на улицах, поменяли, «так как она в большинстве была гнилой и вонючей, а чаны и фонарные столбы поновлялись дикой краской. Чистились улицы, заросшие травой, и исправлялись ветхие, деревянные тротуары [...] Наконец город украсился разноцветными флагами...»⁴⁸.

Источники отражают эмоциональное восприятие события жителями губернии. В колониях наследник «встречаем и приветствуем был с изъявлением живейшей, непритворной радости»⁴⁹. В Саратове, несмотря на темноту, на берегу Волги его встречала «густая масса народа с начальством во главе...» и провожала «от пристани до самого дома»⁵⁰. На следующий день при выходе Александра Николаевича из кафедрального собора саратовские дамы, несмотря на проливной дождь, столпившиеся у входа, устроили такую давку, «что я долго буду помнить прекрасный пол в Саратове...», — писал Юрьевич⁵¹. Юрьевич сравнивает этот слишком горячий прием, оказанный саратовскими (а затем и пензенскими) дамами наследнику, с тем, что было в других городах. Оказывается, обычно сопровождавшие великого князя лица «терпели давку от мужчин». А в Саратове и в Пензе отличились представительницы слабого пола⁵².

Саратовские стражи порядка зорко присматривали за проявлением чувств местными жителями и некий «доктор Л.», появившийся в Саратове «во время проезда наследника престола [...]» был посажен в дом умалишенных за бессвязные речи и безумный крик среди толпы»⁵³.

В дневниковых заметках Жуковского содержатся упоминания о некоторых лицах, оказавшихся в Саратове в поле зрения наследника и его свиты. Чаще всего автор дневника просто называет фамилии тех, с кем наследник встречался («виц[e]-губернатор Попов. Арнольди. Быков жандарм. Преосвященный Иаков. Тихменев»), иногда упоминает темы разговоров («У меня Арнольди. Разговор о бессрочных [...] О кантонистах»)⁵⁴. Встречаются и краткие характеристики. Например, директора саратовской гимназии Я. Э. Миллера Жуковский назвал «замечательным человеком»⁵⁵. О епископе Иакове высказался

довольно резко: «Фанатик умный, но грубо образованный» (кстати, аналогичную характеристику дал ему и сам великий князь)⁵⁶. Несколько загадочной представляется заметка: «Доморацкая дева-поэт». Публикатор дневников Жуковского высказал предположение о возможности отождествления этой личности с Анной Петровной Домогацкой, чье стихотворение было опубликовано в 1843 г. в журнале «Библиотека для чтения»⁵⁷.

Кроме того, в письмах великого князя содержатся и оценки, данные саратовским сословиям. Ему было «весело смотреть на [...] благоденствие» колонистов, «этого доброго народа», который «сделался совершенно русским» и принимал наследника «с удивительным радушием»⁵⁸. Цесаревич был доволен выучкой воинских частей, расквартированных в губернии. А вот встречи с православными пастырями заставили Александра Николаевича признать: «Вообще, здешнее духовенство наше к несчастью не славится своей нравственностью», «в здешнем краю [...] каждый простой раскольник умнее нашего священника»⁵⁹.

Таким образом, круг общения Александра Николаевича во время пребывания в Саратовской губернии в целом ограничивался представителями местного высшего чиновничества, духовенства и офицерства. Для великого князя это был все тот же культурный круг, в котором он находился с самого рождения. Однако для саратовского дворянства возможность воочию увидеть будущего носителя верховной власти стала событием очень значительным. Вояж наследника престола в определенном смысле являлся одним из мероприятий, которые реализовывали культурные связи между столичными и губернскими городами России⁶⁰.

Примечания

¹ Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 г. М., 1999.

² Дневники В. А. Жуковского / С примеч. И. А. Бычкова. СПб., 1903.

³ [Юрьевич С. А.] Дорожные письма С. А. Юрьевича во время путешествия по России наследника цесаревича Александра Николаевича в 1837 году // РА. 1887. Кн. 2.

⁴ Шомтулев В. А. Записки старого помещика. М., 2012.

⁵ Северная пчела. 1837.6.VII, 9.VII.

⁶ Росницкий А. Посещение церквей Саратовской епархии государем наследником цесаревичем Александром Николаевичем в 1837 году // Прибавления к Саратовским губернским ведомостям. 1843. № 36, 37, 38.

- ⁷ Леопольдов А. Исторический очерк Саратовского края. М., 1848. С. 147–152.
- ⁸ Духовников Ф.В., Хованский Н.Ф. Саратовская летопись // Саратовский край: исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. Вып. 1. С. 69.
- ⁹ Максимов Е., Уткин С. Памятник Александру II в Саратове // Волга. Саратов, 1995. № 5–6. С. 106–107.
- ¹⁰ Мальшикин С.А., Тотфалушин В.П. Письмо из Саратова // Военно-исторические исследования в Поволжье: сб. науч. тр. Вып. 1. Саратов, 1997. С. 42–43.
- ¹¹ Жукова И. Августейшие визиты // Памятники Отечества. 1998. № 39 (1–2): Сердце Поволжья. С. 22.
- ¹² Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2005.
- ¹³ Цит. по: Уортман Р.С. Сценарии власти. С. 473.
- ¹⁴ Указание важнейших примечательностей на пути Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича. СПб., 1837.
- ¹⁵ Там же. С. 82–83.
- ¹⁶ Венчание с Россией. С. 75.
- ¹⁷ См.: Северная пчела. 1837.6.VII. С. 589; Венчание с Россией. С. 76; Дневники В.А. Жуковского. С. 332.
- ¹⁸ См.: Северная пчела. 1837.6.VII. С. 589; Венчание с Россией. С. 77–78; Дневники В.А. Жуковского. С. 333.
- ¹⁹ Гардкоуты (от фр. *gardekote* — береговая стража) — малые парусно-гребные суда, предназначенные для охраны судоходства по р. Волге. В.А. Шомпулев ошибочно пишет о пароходе (см.: Шомпулев В.А. Записки старого помещика. С. 35).
- ²⁰ См.: Северная пчела. 1837.6.VII. С. 589; Венчание с Россией. С. 78.
- ²¹ Венчание с Россией. С. 78.
- ²² Шомпулев В.А. Записки старого помещика. С. 36. Каменный дом в 30 комнат был построен около 1810 г. по проекту архитектора В.И. Суранова для советника Низовой соляной конторы П.И. Иванова (1748–1820). После смерти владельца дом по залоговым документам отошел казне, а в 1884 г. был перестроен для Саратовского отделения Государственного банка, которое занимает его поныне. Как он выглядел в 1837 г., позволяет установить рисунок Жуковского, на котором запечатлен южный фасад здания.
- ²³ Северная пчела. 1837.9.VII. С. 601.
- ²⁴ Росницкий А. Посещение церквей. № 36.
- ²⁵ Дневники В.А. Жуковского. С. 334.
- ²⁶ Росницкий А. Посещение церквей. № 36.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ См.: Венчание с Россией. С. 77; Дневники В.А. Жуковского. С. 333.
- ³⁰ Венчание с Россией. С. 77.
- ³¹ См.: Северная пчела. 1837.6.VII. С. 589; Дневники В.А. Жуковского. С. 333; Венчание с Россией. С. 78.
- ³² Венчание с Россией. С. 77. См. также: Северная пчела. 1837.6.VII. С. 589; Дневники В.А. Жуковского. С. 333.
- ³³ Северная пчела. 1837.6.VII. С. 590.
- ³⁴ См. о нем подробнее: Мальшикин С.А., Тотфалушин В.П. Письмо из Саратова.
- ³⁵ Венчание с Россией. С. 79.
- ³⁶ Дневники В.А. Жуковского. С. 334.
- ³⁷ Венчание с Россией. С. 78.

³⁸ Там же. См. также: *Росницкий А.* Посещение церквей. № 38.

³⁹ Венчание с Россией. С. 78.

⁴⁰ Там же. С. 83, 90.

⁴¹ Там же. С. 78.

⁴² Дневники В. А. Жуковского. С. 333.

⁴³ Венчание с Россией. С. 79. См. также: *Росницкий А.* Посещение церквей. № 38.

⁴⁴ *Юрьевич С.А.* Указ. соч. С. 56. Ср.: Венчание с Россией. С. 78–79; Дневники В. А. Жуковского. С. 334. См. также: *Шомпулев В.А.* Записки старого помещика. С. 36–37.

⁴⁵ См.: *Юрьевич С.А.* Указ. соч. С. 57; Дневники В. А. Жуковского. С. 334; *Шомпулев В.А.* Записки старого помещика. С. 36–37.

⁴⁶ *Шомпулев В.А.* Записки старого помещика. С. 35.

⁴⁷ *Росницкий А.* Посещение церквей. № 38.

⁴⁸ *Шомпулев В.А.* Записки старого помещика. С. 35. О том же: *Уортман Р.С.* Сценарии власти. С. 476.

⁴⁹ Северная пчела. 1837.6.VII. С. 589.

⁵⁰ Там же; *Шомпулев В.А.* Записки старого помещика. С. 35.

⁵¹ Дорожные письма С. А. Юрьевича. С. 56.

⁵² Там же.

⁵³ *Шомпулев В.А.* Записки старого помещика. С. 34.

⁵⁴ Дневники В. А. Жуковского. С. 333.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. Ср.: Венчание с Россией. С. 77.

⁵⁷ Дневники В. А. Жуковского. С. 334, прим.

⁵⁸ Венчание с Россией. С. 77.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ В то время как статья была уже в печати, вышло новое исследование по интересующей нас теме. См.: *Майорова А.С.* Посещение Саратова наследником цесаревичем Александром Николаевичем в 1837 г. в контексте культурных коммуникаций столичных и губернских городов России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2015. Т. 15. Вып. 1. С. 81–86.

Николай II во Львове и Перемышле. Весна 1915 г.

9 апреля (ст. ст.) 1915 г. Николай II записал в своем дневнике: «Знаменательный для меня день приезда в Галицию!»¹. В 10 часов утра царский поезд прибыл на станцию Броды. Император сразу же прошел в вагон Верховного главнокомандующего, великого князя Николая Николаевича, где выслушал доклад о положении на фронте, а также историю наступления от границы до Львова. В 12 часов того же дня Николай II вместе с Верховным главнокомандующим начальником Генерального штаба генералом Н. Н. Янушкевичем и другими сопровождающими лицами выехал в направлении Львова. Так началась первая и ставшая единственной поездка русского царя за пределы Российской империи в годы Первой мировой войны.

Решение о поездке в Галицию было принято Николаем II в начале апреля 1915 г. Очевидно, что решению способствовало взятие 5 марта русской армией австрийской крепости Перемышль. Это событие стало одним из самых значительных не только для русской армии, но и для всего русского общества. Очевидцы сообщали о ликовании на улицах Петрограда и других русских городов. С волнением известие о падении крепости было встречено и в Ставке: «Весть передавалась из уст в уста. Генерал-квартирмейстерская часть суетилась, выясняя подробности сдачи, офицеры Генерального Штаба выглядели именинниками: при успехах на фронте они всегда напускали на себя важность: вот, мол, мы каковы! Великий князь, начальник Штаба и генерал-квартирмейстер тоже были в приподнятом настроении. Вообще Ставку нашу нельзя было упрекнуть, что она слабо реагировала на выдающиеся события фронта, но тут она всецело отдалась чувству радости и восторга»², — вспоминал протопресвитер армии и флота Г. И. Шавельский. О приподнятом настроении, царящем в Ставке после взятия Перемышля, упоминал в дневниках и Николай II: «Николаша [великий

князь Николай Николаевич-мл. — М. К.] ворвался ко мне с Янушкевичем и Даниловым и объявил радостную весть о падении Перемышля. После завтрака был отслужен молебен»³.

Уверенность в скором конце войны, охватившая все круги русского общества, очевидно, была близка и Николаю II. 5 апреля 1915 г. император в письме к супруге сообщил о своем намерении посетить в ближайшее время Львов и Перемышль. По плану императора поездка должна была занять несколько дней и включить не только осмотр Львова и Перемышля, но и встречи с генералами Н. И. Ивановым, командующим Юго-Западным фронтом, и начальником штаба фронта М. В. Алексеевым⁴. Николай II отметил, что подобная поездка обещает быть не только интересной, но и полезной, поскольку в завоеванной Галиции предстоит принять ряд мер, направленных на подлинное объединение этого края с Российской империей. Объединение Галиции с Российской империей, таким образом, представлялась делом решенным, требующим лишь формального подтверждения.

В окружении императора это решение вызвало неоднозначную, и, скорее, отрицательную реакцию. Прежде всего, негативно к этой идее отнеслась императрица. В своих письмах она несколько раз повторяла мысль о том, что подобная поездка несвоевременна, ссылаясь при этом на мнение «Друга» (Г. Е. Распутина): «Он странным образом сказал то же, что и я, что в общем он не одобряет твоей поездки и “Господь пронесет, но безвременно (рано) туда ехать, никого не заметит, народа своего не увидит, конечно, интересно, но лучше после войны”»⁵. Не менее настойчиво Александра Федоровна советовала супругу ехать во Львов, если уж он считает это необходимым, без главнокомандующего, великого князя Николая Николаевича: «[...] прости меня, что я это тебе говорю, но Н. не должен тебя сопровождать. Ты должен быть главным действующим лицом в этой поездке»⁶. Далее этот совет мотивировался тем, что ненависть в завоеванном крае против Николая Николаевича очень сильна, а визит царя обрадует всех, любящих его. Николай II отвечал, что не согласен с тем, что Николай Николаевич должен остаться в Ставке, когда царь поедет в Галицию⁷. Он считал, что во время войны при поездке в завоеванную провинцию царя должен сопровождать главнокомандующий. Согласно их общему плану императорский поезд должен был из Ставки прибыть на пограничную станцию Броды, после чего сам император и сопровождающий его главнокомандующий на автомобиле выедут в сторону Львова. Таким

образом, император предполагал проследовать тем же путем, что и наступавшая в Галиции в августе 1914 года 3-я армия. «Подумай, какая радость, если это в самом деле удастся»⁸, — завершил он свое письмо.

Неоднозначно решение царя было встречено и его ближайшим окружением. Весьма резко против этого намерения выступал дворцовый комендант В. Н. Воейков. Он был убежден в том, что поездка не только бесполезна, но и не подготовлена и вообще навязана государю великим князем Николаем Николаевичем, к которому Воейков относился отрицательно⁹. Противником поездки был и В. Ф. Джунковский, с 1913 г. возглавлявший корпус жандармов. Он также считал ее преждевременной, поскольку занятая по праву войны провинция формально не являлась частью Российской империи, и посещение ее царем могло стать «ненужным дразнением противника»¹⁰. Одновременно Джунковский был озабочен обеспечением безопасности царя и его окружения при посещении провинции, где сильны были, по информации чинов корпуса жандармов, австрофильские настроения, а также раздражение, которое испытывает часть населения «вследствие бестактного вмешательства в их веру и насильственных действий по переходу их в православие»¹¹.

Сомнения в целесообразности и уместности такой поездки высказывались и военными. Современный российский исследователь О. Р. Айрапетов, безусловно, прав: «Оценки своевременности визита императора в Галицию, данные в позднейших мемуарах, свидетельствуют не столько о предвидении или политической позиции их авторов, сколько о силе шока, который вскоре испытало русское общество»¹² после стремительного наступления австро-германских войск весной-летом 1915 г. Однако и непосредственно перед поездкой царя многие из военных осознавали, что говорить об окончательной победе или даже об окончательном присоединении этих земель к России преждевременно: «В штабе тоже, когда угар от взятия Перемышля прошел, а зловещие признаки возможных неудач обрисовались яснее, стали высказываться, что Государю не следует ехать туда, пока не будет твердо закреплена взятая территория; иначе поездка его, не принеши пользы для дела, даст повод врагу для насмешек и глумлений»¹³. Не встретила одобрения идея поездки царя в недавно занятую русскими войсками Галицию и среди военного руководства Юго-Западного фронта. «Совершенно отрицательно» отнесся к ней А. А. Брусилов, командовавший в это время 8-й армией. Его смущала не только

организационная сторона подобной поездки и связанная с ней суматоха, но и неопределенность русского положения: «Галиция была нами завоевана, но мы еще отнюдь не закрепили ее за собой, а неизбежные речи по поводу этого приезда царя, депутации от населения и ответные речи самого царя давали нашей политике в Галиции то направление, которое могло быть уместно лишь в том крае, которым мы овладели бы окончательно»¹⁴. Это беспокоило и А. И. Деникина, видевшего в посещении царем недавно завоеванной австрийской провинции неуместную демонстрацию¹⁵. Усиливали их сомнения и имеющиеся данные о подготовке австрийскими войсками контрнаступления на этом направлении.

При обсуждении того, кто был инициатором царской поездки в Галицию, многие участники и очевидцы событий, так же, как и современные исследователи, указывают на великого князя Николая Николаевича. Оценки же этой инициативы меняются в зависимости от субъективного отношения авторов к его личности. Как правило, желание великого князя организовать поездку русского царя во вновь присоединенные земли объясняется его стремлением усилить свои позиции на «домашнем фронте», при этом соображения военного характера, как полагают некоторые, играли «явно подчиненную данной цели роль»¹⁶. Стоит, однако, отметить, что сам император в письме к Александре Федоровне, рассказывая о возникшей идее поездки, писал, что подобную мысль высказал в разговоре с ним за несколько дней до этого и генерал-губернатор Галиции Г. А. Бобринский¹⁷ (хотя его Воейков также считал ставленником Николая Николаевича). Интересно, что Г. И. Шавельский, напротив, называл Верховного главнокомандующего противником поездки и писал о том, что «как мы уже знаем, перевес взяло желание самого Государя»¹⁸.

В целом посещение царем недавно завоеванной провинции вполне органично вписывалось в концепцию окончательного вхождения «Червонной Руси» в состав Российской империи, ставшей ведущей идеологической доктриной того времени. Организация управления завоеванными территориями была призвана подтвердить концепцию возвращения этих земель России как ее исконных. Еще в августе 1914 г., в самый разгар боев, начали разрабатываться основные принципы управления присоединенными территориями. 5 сентября 1914 г. было образовано временное Галицийское генерал-губернаторство, во главе которого встал граф Георгий Александрович

Бобринский. Уже через несколько дней по прибытии во Львов Г. А. Бобринский напомнил львовским полякам, что «Восточная Галиция искони коренная часть Руси великой, и что коренное население в этом крае всегда было русское»¹⁹. В соответствии с этой доктриной началось активное переустройство системы административного управления по принципу российского, реформирование судебной области и системы образования²⁰. Это обусловлено было стремлением к максимальному слиянию Галиции с Российской империей до окончания войны, то есть до того, как встанет вопрос о проведении новых границ²¹. Визит императора должен был как бы подвести черту под процессом вхождения новых земель в Империю, придать ему легитимный характер, а также привлечь к Российской империи симпатии ее новых подданных.

При этом во время подготовки и проведения самой поездки Николая II сопровождавшими его лицами, да и им самим не раз высказывалась мысль об исключительно деловом, военном характере этого мероприятия. Так, еще до прибытия императора во Львов генерал-губернатор Галиции Г. А. Бобринский в беседе с архиепископом Евлогием (Гергиевским), известным своей активной деятельностью по восстановлению православия в недавно присоединенных австрийских провинциях, подчеркивал, что император едет прежде всего к войскам, а не к населению, которое еще не является его подданными, поэтому никакие манифестации «патриотические или политические не могут быть допущены»²². В том же духе беседовал с Евлогием и протопресвитер армии и флота Шавельский, передавший ему пожелание главнокомандующего не касаться в приветствии сложных политических вопросов. Владыка впоследствии вспоминал, что эти пожелания, а, точнее, указания, его весьма задели, и он поступил так, как считал нужным, произнеся прочувствованную и торжественную речь²³.

Итак, решение о поездке в Галицию было принято, и император и сопровождающие его лица выехали в направлении Львова. Поездка заняла несколько часов: «один за другим неслись автомобили по шоссе среди деревень, местечек, православных храмов, костелов»²⁴. По дороге кортеж несколько раз останавливался, чтобы «посмотреть на наши и австрийские позиции во время первых великих боев в августе прошлого года. Поразительно, какие длинные марши армия проделывала тогда с боем каждый день!»²⁵. Сама поездка произвела на Николая Александровича очень приятное впечатление.

В дневнике он записал, что «местность становилась красивее. Вид селений и жителей сильно напоминал Малороссию. Только пыль была несносная»²⁶.

В 5 часов дня императорский кортеж был встречен на окраине Львова Г. А. Бобринским и проследовал в город. «Император приехал без всякого торжественного церемониала, в рабочей военной тужурке, быстро выскочил из автомобиля, на ходу бросив недокурную папиросу»²⁷, — вспоминал митрополит Евлогий. Встреча, которую оказали русскому царю львовяне и жители галицийских сел, была теплой и весьма торжественной. Город был убран и украшен флагами, военные оркестры играли русский гимн. По правой стороне улиц выстроились шпалерами войска, по левой стояли горожане. Велась киносъёмка, кадры которой дошли до наших дней. «Велик и трогателен был восторг галичан, когда они узнали, что к ним едет Русский царь. Несмотря на то, что точная дата приезда от них всячески скрывалась, и вся железная дорога от границы до Львова была оцеплена солдатами, они узнали о времени проезда и с церковными хоругвями и иконами крестными ходами устремились к железной дороге, стояли шпалерами по пути следования царского поезда»²⁸, — вспоминал архиепископ Евлогий (предполагалось, что Николай II прибудет на поезде, однако, он, как уже было сказано, предпочел поездку на автомобиле). Следует отметить, что здесь владыка был не совсем точен. Генерал-губернаторство накануне императорского визита опубликовало следующее обращение: «от военного генерал-губернатора Галиции. Его Императорское Величество Государь Император проездом в действующую армию осчастливит сегодня 9-го апреля Своим посещением город Львов. Призываю население города Львова к соблюдению порядка по пути высочайшего следования и к подчинению всем требованиям полиции»²⁹. Таким образом, предстоящий визит русского царя вовсе не был строго засекречен. Напротив, город старательно готовился к встрече, вывешивались флаги, были замаскированы знаки власти Габсбургов. «Встреча Государя была до того торжественна, как будто этот город всегда был русским, я сам не ожидал увидеть того, что я увидел. Кажалось, все население вышло встречать русского царя»³⁰, — вспоминал В. Ф. Джунковский.

Императорский кортеж проследовал по львовским улицам и площадям на молебен в гарнизонный храм Пресвятой Богородицы «Утоли мои печали». Храм был лишь недавно преобразован из военного

манежа и вмещал в себя около 10 000 верующих. Архиепископ Евлогий так описывал встречу императора в храме: «Огромный храм был переполнен до тесноты: генералы, офицеры, солдаты, русские, служащие в разных ведомствах (среди присутствующих я увидел Председателя Государственной думы Родзянко), местное галицкое население — всё слилось воедино; длинная вереница священнослужителей, в золотистых облачениях, с о. протопресвитером Шавельским впереди, — и все это шествие возглавлялось мною. Момент был не только торжественный, но и волнующий, захватывающий душу»³¹. Митрополит обратился к царю с взволнованной речью, в которой выразил глубокую убежденность в том, что присоединенные в ходе военных действий земли «подъяремной, многострадальной Руси, откуда слышались вековые вздыхания и стоны» навеки воссоединены с державной Русью. «Я говорил со всею силою охватившего меня воодушевления и убеждения, ибо непоколебимо был убежден в конечном торжестве русского оружия; чувствовал я и отклик моих слов в сердцах присутствующих; у многих на глазах блестели слезы»³². По окончании молебна владыка Евлогий преподнес государю копию Почаевской иконы Божией Матери, особо подчеркнув, что святыня не раз спасала русскую землю. Он напомнил императору, что его отец Александр III посетил Почаев, и обратился к галичанам, перебежавшим границу, чтобы посмотреть на Русского царя со словами ободрения и поддержки. Еще один образ Почаевской Богородицы митрополит поднес великому князю Николаю Николаевичу.

После молебна мимо императора церемониальным маршем прошел почетный караул 23 маршевого батальона. На правом фланге шли верховный главнокомандующий, начальник штаба и генерал-губернатор Галиции. После Николай II посетил раненых в передвижном Евгениевском госпитале, где работали его сестры Ольга Александровна и Ксения Александровна. В госпитале император наградил многих раненых Георгиевскими крестами, поздравил их с Пасхой. Затем он прибыл во дворец генерал-губернатора, с балкона которого обратился к собравшимся внизу горожанам, поблагодарив их за сердечный прием, закончив словами: «да будет единая, могучая нераздельная Русь. Ура!». Это вновь вызвало радостные крики толпы. «Нас встречали, бурно проявляя радость, из всех окон на нас сыпались цветы. Ники предупредили, что за печными трубами на крышах домов могут спрятаться снайперы. Я тоже слышала о подобной опасности, но в ту

минуту никто из нас не боялся смерти. В последний раз я ощутила ту таинственную связь, которая соединяла нашу семью с народом. Мне никогда не забыть этот триумфальный въезд в Львов»³³, — вспоминала много лет спустя этот день сестра государя великая княгиня Ольга Александровна. Искренность чувств горожан не вызывала сомнений у сопровождавших императора: «нельзя сомневаться, что в этих приветствиях было много искреннего и неподдельного: всегда притеснявшееся, гонимое австрийцами русское население Галиции, в значительной своей части не одурманенное украинофильством, ждало освобождения и уже любило своего освободителя русского царя. Во всей окружавшей путешествие Государя обстановке было много не только торжественности, но и трогательной искренности, которая не могла не ударять по самым нежным струнам патриотически настроенного сердца»³⁴. Во время обеда генерал-губернатор Галиции граф Г. А. Бобринский был пожалован званием генерал-адъютанта. Собственные впечатления от первого дня посещения император записал в дневнике: «Город производит очень хорошее впечатление, напоминает в небольшом виде Варшаву, но с русским населением на улицах. Вышел на балкон к крестьянам, пришедшим из окрестностей»³⁵. В письме к супруге, заканчивая описание событий этого дня, император отметил, что отведенные ему покои, некрасивые и неудобные, напоминали большой вокзал, а лично он «если хочешь знать, спал в постели старого Франца Иосифа»³⁶.

На следующий день, 10 апреля, император с Верховным главнокомандующим выехали в направлении Перемышля. По дороге он два раза посещал санитарные поезда, беседовал с врачами и ранеными, многим из которых были вручены награды. Затем император в сопровождении свиты выехал по железной дороге в Самбор. Там он был встречен генералом А. А. Брусиловым, командующим 8-й армией, и «к моему немалому изумлению моей чудной ротой 16-го Стрелкового Имп. Александра III полка — под командой ее фельдфебеля». Брусилов доложил императору о состоянии армии, особо отметив боевые заслуги так называемой «железной» стрелковой дивизии, в частности, 1-й роты 16-го стрелкового полка, которая в недавнем бою уничтожила две роты противника. Не без язвительности Брусилов вспоминал, что «как всегда, царь был в нерешительности, что же ему делать»³⁷, и только с подачи Николая Николаевича произвел награждение отличившихся в сражениях георгиевскими крестами.

Позднее состоялся обед в доме, занимаемом Брусиловым, во время которого царь пожаловал Брусилова званием генерал-адъютанта. Сам Брусилов вспоминал об этом с некоторой неприязнью, поскольку император сформулировал свою мысль таким образом, что пожалованием отмечались не боевые заслуги, а именно царский обед. Брусилов объяснял такое толкование недоброжелательностью Николая II. Однако, как вспоминал Воейков, «обиду эту генерал Брусилов сумел очень хорошо скрыть, так как на вид был страшно взволнован благорасположением к нему царя»³⁸. Не очень позитивное впечатление от посещения Самбора императором осталось и у А. И. Деникина, командовавшего «железной» дивизией: «Государь отличался застенчивостью и не умел говорить с войсками [...] Рота вернулась награжденной, но мало что могла рассказать товарищам. Слова живого не было»³⁹. Напротив, В. Ф. Джунковский вспоминал о горячей и очень радостной встрече царя солдатами 8-й армии: «Несколько раз автомобиль врезался в сыпучий песок, сотни солдат по знаку великого князя бросались к автомобилю, помогая ему выбраться. Многие солдаты взбирались даже на автомобиль, ловили руками руку Государя, целовали ее»⁴⁰.

После обеда император и сопровождающие его лица продолжили путь в направлении Перемышля. По дороге была сделана еще одна остановка в Хырове, где «на небольшом поле выстроилась вся масса войск 5 кавказского корпуса». Брусилов вспоминал, что «корпус находился в блестящем виде, пополненный, хорошо обученный, с высоким боевым духом». Император «обошел все части пешком и затем объехал их в моторе и благодарил за боевую службу. Вид полков великолепный. Так был счастлив видеть своих ширванцев»⁴¹, — записал он в своем дневнике.

В Перемышль император с сопровождающими прибыл в 7 часов вечера того же дня: «Я попал в Перемышль, по милости Божией, через месяц и два дня после его падения. Масса сильных впечатлений!»⁴². Перемышль не случайно стал конечной точкой царской поездки по Галиции, а в каком-то смысле ее целью. Крепость, как уже говорилось выше, была взята русскими войсками всего за месяц до визита Николая II, 9 марта 1915 г. Осада русскими войсками неприступной австрийской крепости была одной из крупнейших подобных операций Первой мировой войны и закончилась полной капитуляцией австрийского гарнизона. В плен попало 9 генералов,

93 штаб-офицера, 2204 обер-офицеров, 113 890 нижних чинов, было захвачено около 1000 орудий. После занятия Перемышля перед русской армией открывался путь далее вглубь Габсбургской монархии, на Вену.

Неудивительно, что осмотр крепости, прежде всего укреплений, а также захваченных орудий произвел на царя и сопровождавших его лиц огромное впечатление. Сам Перемышль не вызвал у Николая эмоций: «этот маленький городок с узкими улочками и скучными серыми домами, полный войск и оренбургских казаков»⁴³. Однако, когда на следующий день 11 (24) апреля император осматривал саму крепость, впечатления его были более яркими: «Проехал по отличной крепостной дороге мимо фортов, укреплений, батарей и редутов и поражен был огромному количеству орудий и всяких боевых припасов»⁴⁴. «Это колоссальные сооружения — страшно укрепленные. Ни один вершок земли, ни один форт не остался незащищенным»⁴⁵, — писал он Александре Федоровне. Поднявшись на Центральный холм, откуда открывался вид на десятки верст, император в подзорную трубу разглядывал окрестности.

В середине дня государь выехал обратно. По пути его приветствовали местные крестьяне, одетые в праздничные национальные костюмы, и духовенство. Дворцовый комендант Воейков отметил, что среди местных жителей императора приветствовало «бесконечное количество евреев, одетых в лапсердаки и цилиндры, с характерными пейзажами ветхозаветных иудеев»⁴⁶, а В. Ф. Джунковский обратил внимание на сходство местных крестьян с малороссами⁴⁷.

По прибытии во Львов Николай II совершил вместе с великим князем Николаем Николаевичем прогулку в автомобиле по городу, поднялся на гору Высокий замок, откуда открывался прекрасный вид на город. После прощального обеда во дворце генерал-губернатора царский кортеж проследовал на вокзал. Толпы, заполонившие улицы по всему маршруту кортежа, восторженно приветствовали русского царя. На вокзале императору среди других лиц был представлен В. Ф. Дудыкевич, один из лидеров Русско-народной партии, возглавлявший Русский Народный совет Прикарпатской Руси. Император поблагодарил жителей Галиции за радушный прием, о чем официально объявил военный генерал-губернатор. Также император просил передать на благотворительные цели 10 000 рублей. Эти средства были распределены среди нуждающихся жителей города⁴⁸.

Несмотря на приподнятую обстановку, как вспоминал Г. И. Шавельский, ощущение тревоги все же не покидало многих из присутствовавших на торжественных мероприятиях: «масса приглашенных, кругом блеск, величие, торжественность, но в речах звучат нотки, на лицах читаешь выражения, свидетельствующие о неуверенности в завтрашнем дне. И сердце сжималось от страха при мысли, всё время долбившей мозг: что, если эти доверившиеся силе русского оружия, теперь торжествующие и изливающие откровенно свои чувства, опять попадут в руки австрийцев?»⁴⁹. О возможных последствиях такого поворота событий жителям Львова было хорошо известно. С начала войны они подверглись массовым репрессиям со стороны австрийских властей, многие были казнены, многие отправлены в концентрационный лагерь Терезин⁵⁰. Возможно, симпатии мирного населения Галиции к русским объяснялись в том числе и тем, что, несмотря на определенные репрессивные меры, предпринимавшиеся русскими властями, они, безусловно, были намного мягче австрийских.

Впечатление от поездки по Галиции и у императора, и у его окружения осталось самое положительное. Императрица писала супругу: «Друг в восторге и благословляет тебя [...], сейчас прочла в “Новом времени” все про тебя и так тронута и горда за тебя. Как же хороши были твои слова на балконе — как раз то, что надо!»⁵¹. Александра Федоровна добавила далее, что эти славянские земли Господь соединил с их старинной матерью Россией, «и теперь мы достаточно сильны, чтобы удержать их за собой». Подобные чувства испытывали и другие, ранее сомневавшиеся в целесообразности поездки. В. Ф. Джунковский писал, что «осталось впечатление, что Галиция закреплена за нами навсегда, никто не допускал мысли, что все это мы отдадим так скоро»⁵².

Примечания

¹ Дневники императора Николая II. 1894–1918: в 2 т. М., 2013. Т. 2. 1905–1918. Ч. 2. 1914–1918. С. 121.

² [Шавельский Г.И.] Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. М., 1996. С. 238.

³ Дневники императора Николая II. Т. 2. Ч. 2. С. 115.

⁴ Переписка Николая и Александры. М., 2013. С. 125.

⁵ Там же. С. 129.

⁶ Там же.

- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же.
- ⁹ *Войков В. Н.* С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995. С. 149.
- ¹⁰ *Джунковский В. Ф.* Воспоминания: в 2 т. М., 1997. Т. 2. С. 535.
- ¹¹ Там же.
- ¹² *Айрапетов О. Р.* Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию. М., 2003. С. 57.
- ¹³ [*Шавельский Г. И.*] Воспоминания. С. 239.
- ¹⁴ *Брусилев А. А.* Мои воспоминания. М., 1963. С. 135.
- ¹⁵ *Деникин А. И.* Путь русского офицера. М., 2007. С. 293.
- ¹⁶ *Айрапетов О. Р.* Поездка Николая II в Галицию // Вестник МГУ. Сер. 8. 2000. № 1. С. 103–120.
- ¹⁷ Переписка Николая и Александры. С. 125.
- ¹⁸ Воспоминания последнего протопресвитера. С. 239.
- ¹⁹ Львовские разъяснения // Утро России. 1914.17.IX.
- ²⁰ *Бахтурина А. Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004. С. 135.
- ²¹ Там же. С. 190.
- ²² *Митрополит Евлогий (Георгиевский).* Путь моей жизни. М., 1994. С. 248.
- ²³ Там же.
- ²⁴ *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. Т. 2. С. 536.
- ²⁵ Переписка Николая и Александры. С. 138.
- ²⁶ Дневники императора Николая II. Т. 2. Ч. 2. С. 121.
- ²⁷ *Митрополит Евлогий (Георгиевский).* Путь моей жизни. С. 248.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ *Соколов Л.* Львов под русской властью. 21 августа (3 сентября) 1914 — 9 (22) июня 1915. Текст доступен по адресу: <http://russlvov.org.ua> (дата последнего обращения — 12.III.2015).
- ³⁰ *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. Т. 2. С. 537.
- ³¹ *Митрополит Евлогий (Георгиевский).* Путь моей жизни. С. 248.
- ³² Там же. С. 247.
- ³³ Мемуары вел. княгини Ольги Александровны, записанные с ее слов Й. Ворресом, цит. по: *Л. Ден, Й. Воррес.* Подлинная царица. Последняя Великая княгиня / Пер. с англ. М., 1998. С. 302.
- ³⁴ [*Шавельский Г. И.*] Воспоминания. С. 240.
- ³⁵ Дневники императора Николая II. Т. 2. Ч. 2. С. 121.
- ³⁶ *Митрополит Евлогий (Георгиевский).* Путь моей жизни. С. 247.
- ³⁷ *Брусилев А. А.* Мои воспоминания. С. 136.
- ³⁸ *Войков В. Н.* С царем и без царя. С. 151.
- ³⁹ *Деникин А. И.* Путь русского офицера. С. 294.
- ⁴⁰ *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. Т. 2. С. 539.
- ⁴¹ Дневники императора Николая II. Т. 2. Ч. 2. С. 122.
- ⁴² Там же. С. 123.
- ⁴³ Переписка Николая и Александры. С. 138.
- ⁴⁴ Дневники императора Николая II. Т. 2. Ч. 2. С. 123.
- ⁴⁵ Переписка Николая и Александры. С. 138.

⁴⁶ *Воейков В. Н.* С царем и без царя. С. 151.

⁴⁷ *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. Т. 2. С. 541.

⁴⁸ *Соколов Л.* Львов под русской властью.

⁴⁹ [*Шавельский Г. И.*] Воспоминания С. 240.

⁵⁰ *Клопова М. Э.* Терезин и Талергоф: трагедия «тирольцев востока» // Народы Габсбургской монархии в 1914–1920 гг.: от национальных движений к созданию национальных государств / Отв. ред. Г. Д. Шкундин. Т. 1. М., 2012. С. 209–219.

⁵¹ Переписка Николая и Александры. С. 136.

⁵² *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. Т. 2. С. 541.

**В дороге, в пути,
В ДВИЖЕНИИ**

Кремлевская резиденция vs подмосковные резиденции: зоны конфликта во второй половине XVII в.

Тема сборника «Романовы в дороге: путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу» чрезвычайно важна для изучения функционирования политической системы России. Дорога не просто связывала верховную власть и подданных, центр и периферию. В условиях отсутствия средств массовой информации и коммуникации церемониальные выезды и шествия, прогулки членов правящей династии представляли собой важнейший механизм конституирования власти и государства. По наблюдению Г. Поста, в средневековой Европе монарх одновременно выступал и как правитель, и как квинт-эссенция территориального государства, которым он управлял, поэтому статус правителя отождествлялся с государством (*stato*)¹. В этом заключена одна из причин частых путешествий европейских и российских монархов. Для длительного проживания в том или ином месте правители устраивали городские и загородные резиденции.

В западной историографии большое внимание уделяется взаимодействию резиденций (дворов), города, пригорода и сельской округи в Средние века и раннее Новое время, однако эта проблематика в российской истории по-прежнему изучена слабо, несмотря на то, что первая городская резиденция в России возникла уже на рубеже XV–XVI вв., а при великом князе Василии III появились первые загородные резиденции в Александровой слободе и Коломенском. Вероятно, только О. Р. Хромов обратил внимание, что царские усадьбы во второй половине XVII в. выполняли некоторые столичные функции², что заставляет более внимательно относиться к вопросу о взаимоотношениях Кремля и загородных резиденций*.

* Выражаю признательность О. В. Новохатко за идею сравнить политические пространства Кремля и загородных резиденций, которой она любезно

После Смуты начала XVII в. первые Романовы сосредоточили свое внимание на восстановлении кремлевского дворца, и только с конца 1630-х годов началось возрождение загородных резиденций. К концу XVII в. был отстроен и расширен кремлевский дворец, украшен Кремль; вокруг Москвы создано 22 резиденции с дворцами или «избушками для государевых пришествий», а также возведены дворцы в Троице-Сергиевом, Саввино-Сторожевском, Новодевичьем и других монастырях. Развитие сети резиденций сопровождалось увеличением их посещаемости, масштабными работами по благоустройству и определением их юридического статуса. Третья глава Соборного Уложения 1649 г. «О государеве дворе, чтоб на государеве дворе ни от кого никакова бесчинства и брани не было» впервые указала на существование «государевых дворов» не только «на Москве», но и «в объезде», т. е. во время царского выезда, в том числе и в загородные резиденции. Таким образом происходило сближение нормативного статуса кремлевской и загородных резиденций при сохранении существенных различий между ними.

Безопасность царской семьи. Резиденции имели разные условия для обеспечения безопасности царской семьи. Если для Кремля опасность представляли прежде всего общегородские волнения, пожары, колдовство и неосторожное обращение жителей Кремля и стрельцов с оружием, то перечень вероятных угроз для жизни и здоровья государя в загородных резиденциях был гораздо шире. Показательны многочисленные случаи покушений на царевича, а потом и царя Петра Алексеевича. Вопрос о достоверности этой информации остается открытым, поскольку следственные дела почти не сохранились и известны по отрывкам и косвенным упоминаниям. Для данного исследования важно, что современники верили в возможность покушений на государя именно в загородных резиденциях. Первый заговор — Ивана Кирилловича Нарышкина — был раскрыт 8 августа 1677 г.³ Покушение должен был совершить Иван Орел, неоднократно бывавший в Воробьеве и «иных местех» (вероятно, других дворцовых усадьбах). Он признавался, что «убил бы де, да нельзя, лес тонок, а забор высок»⁴. Возможно, здесь имелось в виду, что вооруженный пищалью он не мог близко подойти к царю: на государев двор можно было попасть только без оружия⁵.

поделилась во время обсуждения моей работы «Политическое пространство царских загородных резиденций второй половины XVII века» в ИРИ РАН.

Осенью 1682 г. был якобы подожжен дворец в Воздвиженском, где находился больной «огневою» десятилетний Петр I, за несколько месяцев до этого венчавшийся на царство⁶. В 1689 г. в Хорошове нижегородский волхв коновал Дорофей Прокофьев «заговорными словами по ветру напущал» также против Петра I⁷. О возможности подобных покушений свидетельствуют реальные убийства, совершенные в дворцовых селах или во время так называемых походов, — например священника Василия Кирилова в дворцовом селе Воздвиженском⁸ или отставного конюха во время поездки царевны Софьи Алексеевны в Новодевичий монастырь⁹.

Серьезную угрозу безопасности царской семьи представляли разбойники. Разбойным промыслом в XVII в. занимались даже придворные — стольники и стряпчие. Одну из самых известных разбойничьих шаек второй половины века организовал царский стольник Прохор Васильев сын Кропотов. Одновременно с несением придворной службы он вместе с 25 московскими чинами грабил и убивал на подмосковных дорогах, в том числе и тех, по которым проезжал царь. Современники придавали этому делу большое значение. Показательно, что они сравнивали казнь Кропотова летом 1679 г. с казнью Степана Разина¹⁰. В 1695 г. стало известно о разбойнических похождениях других стольников — Владимира и Василия Петровичей Шереметевых: «на Москве они приезжали среди бела дня к посадским мужикам, и дома их грабили, и смертное убийство чинили, и назывались большими»¹¹.

В связи с перечисленными угрозами царская семья была вынуждена выезжать в загородные резиденции в сопровождении многочисленной охраны. Известна роспись стрельцких караулов около резиденции в селе Покровском, составленная в Приказе Тайных дел в связи с прибытием во дворец в июне 1660 г. грузинского царевича. У передних и яузских ворот стояло по сотне стрельцов, у колымажных и конюшенных — по 50 стрельцов. На площади перед дворцом располагалось три сотни конных стрельцов со знаменами и барабанами. На государевом дворе перед дворцом стояла сотня стрельцов без ружей, которые хранились на государевом дворе. Еще сотня стрельцов с ружьями стояли за дворцом¹². Таким образом, государев двор охраняли 800 стрельцов, не считая придворных чинов и дворян. Они были собраны, безусловно, для демонстрации «людности» во время приезда грузинского царевича. Обычно царя сопровождали либо один стрелянный полк (около 400 человек), либо два полка (стрелянной

и стрелецкий или солдатский) в половинном составе, что не превышало 500 человек¹³. Кроме стрельцов царя сопровождали думные и придворные чины со своими холопами, жильцы (от 48 до 52 человек, в том числе 2–8 подрывнд), дети боярские (10 человек), дворцовые слуги¹⁴.

Такая охрана могла оказать сопротивление разбойничьей шайке, но была неэффективна при массовых выступлениях московского посада, которые часто пользовались поддержкой стрельцов. Во время Медного бунта 1662 г. восставшие, в том числе солдаты выборного полка А. Шепелева, смогли прорваться на государев двор в Коломенском и окружить дворец. Царь Алексей Михайлович вступил с ними в переговоры и таким образом выиграл время для того, чтобы из Москвы успели прийти лояльные стрелецкие полки. Они проникли на государев двор через задние ворота и вытеснили восставших¹⁵. Во время стрелецкого восстания 1682 г. царский двор, бежавший в Троицкий монастырь, смог выступить против князей Хованских только после того, как получил поддержку служилого дворянства, собравшегося в монастыре. В обоих случаях двор смог оказать сопротивление восставшим лишь после наращивания военной силы, в несколько раз превосходящей обычную походную охрану.

Перечисленные проблемы обеспечения безопасности привели к тому, что царский двор использовал две различные формы размещения в кремлевской и загородных резиденциях: в Кремле он вел оседлый образ жизни, а в загородных — кочевой¹⁶. Это означало, что в отсутствие царской семьи в загородных дворцах там находились только скамьи и лавки с полавочниками, столы, поставцы, завесы на окнах и иконы¹⁷. Все необходимое для проживания члены царской семьи привозили и увозили с собой в постельном, крестовом, запасном, оружейном и прочих возках (возок мог включать до 30 телег).

Социальный конфликт. Говоря о раннем Новом времени, Ю. Хабермас выделял две конкурирующие сферы публичности — двор и город¹⁸. Несмотря на определенные коррективы, внесенные новейшими историческими исследованиями в концепцию Хабермаса, она сохраняет свой парадигмальный характер и активно используется в гуманитарной науке¹⁹. Эта концепция позволяет выявить причины того, почему российский двор в Кремле и загородом придерживался различных практик публичности. В Москве существовала четырехступенчатая система доступа к государю: город Москва — Кремль — государев двор — дворец. В царствование Алексея Михайловича вход в Кремль

для простого населения был ограничен²⁰, в то время как большинство церемоний с участием царя совершалось в границах государева двора и Соборной площади. Эта система обеспечивала определенную изоляцию царской семьи от московского посада, что можно рассматривать и как необходимое условие сакрализации власти²¹, и как защитную реакцию двора на публичность городского пространства.

В загородных резиденциях действовала трехступенчатая система доступа к государю: дворцовое или государево село — государев двор — дворец²². За городом поселение и государев двор были слабее дифференцированы, чем в Москве, что открывало возможности для активного взаимодействия царской семьи и подданных, прежде всего во время обмена пожалованиями и подношениями, подачи челобитных грамот. В какое бы время не ехал царский поезд, в каждом населенном пункте его встречал священник, староста и крестьяне, которые подносили хлеб-соль, грибы, ягоды, пироги, блины и прочие продукты и ожидали ответного одаривания. Обмен пожалованиями и подношениями продолжался после прибытия в резиденцию: бояре, дворяне, купцы и крестьяне шли во дворец с подарками, ожидая эквивалентного возмещения. На всем протяжении поездки к царю также обращались челобитчики. Их численность могла достигать нескольких десятков человек. Обычно царь не принимал челобитных грамот, они поступали к руководителю Челобитного или другого приказа, что в любом случае ускоряло прохождение документа (в Москве прием челобитных был ограничен приказами)²³.

Сжатая структура политического пространства царских резиденций способствовала возникновению новых форм публичного взаимодействия верховной власти с подданными и иностранными дипломатами. Особый интерес представляют садовые аудиенции, неизвестные традиционной дипломатии, принятой в Кремле. Они включали в себя совместную прогулку членов царской семьи и членов посольства, осмотр сада и окрестностей с надвратных вышек и жалование посольских людей питьем. В пространстве загородных резиденций более активную политическую роль играли царицы и царевны: здесь они принимали иностранных дипломатов, проводили аудиенции, жаловали приближенных²⁴.

События 1682 г. продемонстрировали, что за городом царский двор умело сочетал традиционные и новые формы публичности. Так же, как и в Кремле, верховная власть во время поездок занималась

целенаправленным формированием общественного мнения²⁵. Примером такой манипуляции является изветное письмо о князьях Хованских, повешенное на Передних воротах государева двора в Коломенском 2 сентября 1682 г.²⁶ В историографии широко распространено убеждение, что письмо было составлено при участии правительства боярина И.М. Милославского²⁷. Оно сыграло важную роль в обосновании казни князей Хованских и способствовало возвышению царевны Софьи. Во время суда над князьями И.А. и А.И. Хованскими были использованы новые формы публичности. Князья были приведены на площадь перед передними воротами государева двора в селе Воздвиженском, где на скамьях уже сидели думные люди. После прочтения царского указа, составленного по приговору Боярской думы, Хованские были казнены «в селе Воздвиженском на площади у Большой Московской дороги»²⁸. Объявление приговора на площади в присутствии думных людей придавало суду публичный характер, распределяло ответственность за решение на всех членов Боярской думы и подчеркивало отлучение от государева двора Хованских, обвиняемых в измене, «злом умысле» на здоровье царей и власть и «подыскание под Московское государство»²⁹. Осуществление судебного процесса в Воздвиженском было вынужденной мерой, так как правительство не могло замирить московских стрельцов и вернуться в Москву, не осудив Хованских. В то же время в организации судебного процесса наблюдается желание понизить статус Хованских и придать суду публичный и соответственно более легитимный характер.

Конечно, не следует абсолютизировать публичную культуру загородных резиденций. В них, как и в Кремле, оставалось приватное пространство внутренних помещений дворца, куда не могли войти простые посетители. Сами члены царской семьи определяли границы приватности и публичности и степень своего участия в публичной жизни резиденции³⁰.

Различия в характере двух политических пространств, кремлевской и загородных резиденций, привели к тому, что в них правящая династия придерживалась различных стратегий взаимодействия с политической элитой. В Кремле царская семья больше зависела от интересов фаворитов, членов Боярской думы и стрельцов. Подмосковные резиденции позволяли находить более выгодный баланс между различными социальными группами: боярством и дворянством, стрельцкой

гвардией и другими вооруженными формированиями (иноземными и потешными полками, дворянским ополчением). Представители правящей династии научились использовать это преимущество уже в последней четверти XVII в. Во время Московского восстания 1682 г. царская семья покинула Москву и даже перенесла празднование Новолетия в Коломенское. Длительная загородная поездка была направлена на то, чтобы объединить лояльное дворянство и выступить против князей Хованских и мятежных стрельцов. Этим же способом воспользовался Петр I, когда в 1689 г. бежал из Преображенского в Троице-Сергиев монастырь для борьбы с царевной Софьей и поддерживающими ее придворными. Таким образом, загородные резиденции стали важным инструментом царского контроля над политической элитой, чрезвычайно востребованным в условиях социальных трансформаций рубежа XVII–XVIII вв.³¹

Административный конфликт. Поездки царя в загородные резиденции привели к созданию двух центров власти: в Москве и в той резиденции, где находился царь. Это было вызвано тем, что во время царских походов Боярская дума делилась на две неравные части: большинство оставалось в Москве, небольшая группа думных людей сопровождала государя. Из числа оставшихся в Москве царь назначал надворную комиссию. В нее входили представители приказов: Посольского, Поместного, Разрядного, Печатного, судных, Казанского дворца, Сибирского, четвертей и других. Комиссия решала достаточно широкий круг вопросов: контролировала работу приказов, рассматривала челобитные, вела следствия, осуществляла финансовые операции, обеспечивала безопасность в Кремле и в Москве, готовила доклады и проекты документов для посылки их царю в поход. Однако большинство решений комиссия принимала только после доклада государю³². Для этого к концу царствования Алексея Михайловича была установлена практика приезда думных людей к государю в определенные дни недели: «Да великий же государь указал всем бояром, и околничим, и думным дворяном, и думным дьяком, и ближним людям, которые были на Москве, ездить по вся воскресенья, в понедельник, и в среды, и в пятницы в поход к себе великому государю челом ударить и для сиденья»³³. Примечательно, что эта практика сохранилась, по крайней мере, до начала XVIII в. Петр I определил пятницу в качестве присутственного дня руководителей московских приказов — «Послать к судьям, чтоб по вся недели в пятки приезжали

з докладными делами в Преображенское на Генеральской двор, а будет и дел нет, приезжали бы»³⁴, однако вплоть до начала XVIII в. большинство заседаний Боярской думы, в которую входили руководители приказов, назначалось не только на пятницу, но и на понедельник. С 1697 по 1701 гг. в Преображенском было проведено 11 заседаний Боярской думы, из них по четыре раза в понедельник и пятницу, по одному во вторник, среду и субботу³⁵.

Параллельно с надворной комиссией действовала походная комиссия из числа сопровождавших царя членов Боярской думы³⁶. Вероятно, именно эта комиссия и занималась ежедневным рассмотрением челобитных грамот, которые челобитчики подавали государю во время его загородных поездок. Для решения более серьезных вопросов в резиденциях устраивались заседания Боярской думы с участием других думных людей. По мнению Г. В. Талиной, проведение заседаний Думы во время загородных походов позволяло определенным образом формировать ее состав³⁷. Выявленные П. В. Седовым и А. В. Захаровым данные о заседаниях Боярской думы в загородных резиденциях не подтверждают это: в зависимости от формы заседания приглашались все члены либо Боярской думы, либо Ближней думы³⁸.

Сохранились сведения о заседаниях думы в тех резиденциях, где были дворцы: Коломенском, Преображенском, Воздвиженском (до пожара дворца в 1682 г.). Процедура заседания Боярской думы в загородных резиденциях не отличалась от заседаний в Московском Кремле. Обычной практикой было принятие решений на основании подготовленных в Москве выписей³⁹. Судебные решения принимались либо после изучения Ближней боярской думой материалов следствия⁴⁰, либо в ходе собственного расследования походной думской комиссии. Например, походные комиссии в 1662 г. вели следствие по делу об участниках Медного бунта, летом 1684 г. — по делу о монахе Псково-Печерского монастыря Иоасафе Сарапе, которого в результате расстригли и предали смертной казни⁴¹.

Выявленные данные пока не позволяют утверждать, что существовала постоянная конкуренция между надворной и походной думскими комиссиями. Тем не менее наличие двух центров власти создавало все условия для такой конкуренции, особенно во время обострения конфликта Нарышкиных и Милославских в 1680-е годы, когда вдовствующая царица Наталья Кирилловна и царь Петр I

«жили по вся лето в Преображенском своим двором [здесь и далее курсив мой. — А. Т.], аж до самой зимы, а зимою жили на Москве»⁴². Однако и в этот период сторонники Петра I из числа думных людей продолжали посещать заседания Думы. Даже после бегства царя в Троицкий монастырь в августе 1689 г. он был не заинтересован в их отъезде из Москвы⁴³.

Символические конфликты. Во второй половине XVII в. можно выделить по крайней мере два символических конфликта между кремлевской резиденцией и загородными резиденциями. Первый из них был основан на противопоставлении Кремля как духовного и религиозного центра и загородных резиденций как места реализации материальных, хозяйственных интересов и «потешного» времяпрепровождения. Протопоп Аввакум был убежден, что именно подмосковные потехи царя Алексея Михайловича привели его в ад: «Бедной, бедной, безумное царिशко! Что ты над собой сделал? Ну, где ныне светлоблещающиися ризы и уряжение коней? Где златоверхие полаты? Где строение сел любимых? Где сады и преграды? Где багряноносная порфира и венец царской, бисером и камением драгим устроен? Где жезл и меч, имже содержал царствия державу? Где светлообразная рынды, яко ангели, пред тобою оруженосцы попархивали в блещащихся ризах? Где все затеи и заводы пустошного сего века, о них же упражнялся невестягнувенно, оставя Бога, яко идолом бездушным служаше? *Сего ради* и сам отриновен еси от лица Господня во ад кроmeshной»⁴⁴. Совершенно иначе на этот конфликт взглянул Петр I, создав за городом свое «Царство Преображения» во главе со «Всешутейшим и всепьянейшим собором»⁴⁵.

Второй, противоположный первому конфликт, использовал характерное для русской книжности XVII в., как и для европейского Средневековья, противопоставление города и пустыни. В «Повести известно сказуема на память великомученика благоверного царевича Димитрия» князь С. И. Шаховской прославлял пустынножизнь на лоне природы в противоположность «градному мятежу и народному кличу»⁴⁶. Эта тема получила развитие в оформлении царских загородных резиденций и отразилась в оформлении садов и посвящении домовых храмов. Царские сады должны были превратить загородные резиденции в подобие рая. В измайловском Виноградном саду были устроены потешные терема: «три терема со всходы и с красными окнами, кругом их перила, [...] теремы [...] писаны красками»⁴⁷.

Согласно предполагаемому первоначальному проекту, таких теремов должно было быть четыре, по одному в каждом углу сада⁴⁸. Именно так в XVII в. изображали райский сад⁴⁹. Не только сады, но и рощи, украшавшие царские резиденции, воспринимались современниками подобным образом. По словам Г. Спарвенфельда, «вокруг [Измайловского дворца — А. Т.] находится прекрасная березовая роща, напоминающая рай на земле»⁵⁰.

Тема бегства от мира отразилась в посвящении домовых храмов царских резиденций святым, которые оставили мир ради странничества или отшельничества. Так, например, в Алексеевском домовый храм был посвящен святому покровителю царя Алексея Михайловича, Алексею человеку Божию, в Измайлове — святому Иоасафу царевичу Индийскому, ставшему монахом-отшельником. Примечательно, что при всей популярности образа этого святого в царской семье, только два храма было посвящено ему: домовый храм Измайловской резиденции и храм в колокольне Новодевичьего монастыря — традиционного места уединения царевен.

Заключение. Приведенные данные позволяет говорить о том, что два политических пространства — Кремль и загородные резиденции — во второй половине XVII в. отличались друг от друга социальными, политическими и символическими характеристиками и уровнем обеспечения безопасности царской семьи. Эти различия создавали условия для конкуренции двух политических пространств. Образцом такого противостояния, возможно, послужил отъезд Ивана Грозного из Москвы сначала в Коломенское в декабре 1564 г. и Александрову слободу, где была создана опричнина. Противопоставив опричнину и земщину, он столкнул друг с другом Москву и загородные резиденции. Алексей Михайлович, с большим вниманием изучавший историю царствования Ивана Грозного⁵¹, мог непосредственно усвоить эту модель конфликта. Она была удобна для сочетания приверженности религиозным и традиционным ценностям в Кремле с потехами и новациями в повседневной жизни подмосковных резиденций. Преемники Алексея Михайловича пошли дальше, используя существующий дуализм в конкуренции Нарышкиных и Милославских и в контроле за политической элитой в условиях социально-политических трансформаций. Такое ослабление традиционных институтов власти исподволь готовило почву для реформ Петра.

Примечания

¹ *Post G. Studies in Medieval Legal Thought: Public Law and the State, 1100–1322.* Princeton, 1964. P. 334. См. также: *Скиннер К. The State* / Пер. Д. Федотенко // Понятие государства в четырех языках: Сборник статей / Под ред. О. Хархордина. СПб.; М., 2002. С. 12–74.

² *Хромов О. Р. Подмосковные вотчины Алексея Михайловича. Предварительные тезисы к восприятию стиля царских усадеб* // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 4: XVII – начало XVIII вв. М., 1992. С. 293.

³ *Седов П. В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века.* СПб., 2006. С. 281–284.

⁴ *Временник Общества истории и древностей российских.* 1850. Кн. 7. Смес. С. 73. Следственное дело И. К. Нарышкина неизвестно, и самое подробное описание содержится в цитируемом здесь письме приказчика М. Боева боярину князю В. В. Голицыну от 9 августа 1677 г.

⁵ *Kotošičin G. O Rossii v Carstvom Alekseja Mixajloviča: Text and Commentary* / Ed. A. E. Pennington. Oxford, 1980. P. 43.

⁶ *Шлейссингер Г. А. Полное описание России* / [Публ. Л. П. Лаптевой] // Вопросы истории. 1970. № 1. С. 111; *Куракин Б. И. Гистория о царе Петре Алексеевиче* // Архив кн. Ф. А. Куракина / Под ред. М. И. Семевского. Кн. 1. СПб., 1890. С. 50. В литературе XVIII в. сюжет спасения Петра I от опасности был очень популярным (*Плюханова М. Б. История юности Петра I у П. Н. Крекшина* // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 513: Проблемы типологии и исторической преемственности. Тарту, 1981. С. 22–29).

⁷ РГАДА. Ф. 210. Прик. ст. Стб. 1219. Л. 1–20; ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. 3: 1689–1699. СПб., 1830. № 1362. С. 49–52.

⁸ РГАДА. Ф. 210. Моск. ст. Стб. 413. Л. 492–499.

⁹ Розыскные дела о Федоре Шаковитом и его сообщниках. Т. 1. СПб., 1884. Стб. 168.

¹⁰ *Седов П. В. Закат Московского царства.* С. 328–331.

¹¹ *Желябужский И. А. Записки* // Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей / Сост., автор вступит. ст., коммент. и указ. А. П. Богданов. М., 1990. С. 222.

¹² *Белокуров С. А. Дневальные записки Приказа Тайных дел 7165–7183 гг.* М., 1908. С. 90.

¹³ *Буганов В. И. Московские восстания конца XVII века.* М., 1969. С. 283; *Романов М. Ю. Стрельцы московские.* М., 2004. С. 74.

¹⁴ *Зерцалов А. О мятежах в городе Москве и в селе Коломенском 1648, 1662 и 1771 гг.* М., 1890. С. 24, 207–219; *Буганов В. И. Московское восстание 1662 г.* М., 1964. С. 55.

¹⁵ *Буганов В. И. Московское восстание 1662 г.* С. 84–89.

¹⁶ Подробнее см.: *Топычканов А. В. Политическое пространство царских резиденций второй половины XVII в.: материальное измерение* // От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII веков: Сборник материалов конференции (Москва, 20–22 ноября 2013 г.). [М., 2015]. (в печати).

¹⁷ *Топычканов А. В. Повседневная жизнь дворцового села Измайлова в документах приказной избы последней четверти XVII века* / Отв. ред. С. О. Шмидт. М., 2004. С. 184–186, 196–208. Ср.: *Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст.: в 3 т.* М., 2000–2003. Т. III: Домашний быт русских царей и цариц в XVI и XVII ст.: Материалы. М., 2003. С. 477–503, 508–513.

¹⁸ *Habermas J.* The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society / Transl. by T. Burger with the assistance of F. Lawrence. Cambridge, 1991. P. 31–43. Более широкий контекст взаимодействия резиденции и города рассматривается в кн.: *Der Hof und die Stadt: Konfrontation, Koexistenz und Integration im Verhältnis von Hof und Stadt im Spätmittelalter und Früher Neuzeit* / Hg. W. Paravicini, J. Wettlaufer. Ostfildern, 2006.

¹⁹ *Rospoche M.* Beyond the Public Sphere: A Historiographical Transition // *Beyond the Public Sphere: Opinions, Publics, Spaces in Early Modern Europe* / Ed. M. Rospoche. Bologna; Berlin, 2012. P. 9–28.

²⁰ *Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. 1: Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Ч. 1. М., 2000. С. 292–302. Ср.: *Kotošicin G.* O Roscii. P. 43–44, 132. Как отмечал еще Ф. М. Дмитриев, эти запреты зачастую нарушались. См.: *Дмитриев Ф. М.* История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства до учреждения о губерниях. М., 1859. С. 338–339.

²¹ *Гадло А. В.* Бытовой уклад жизни первых Романовых и русская народная культура XVII в. // *Исторический опыт русского народа и современность*. Ч. 2. СПб., 1995. С. 109–123.

²² В Измайлово территория государева двора в 1660-х годах была окружена Измайловским и Виноградным прудами и таким образом был создан еще один периметр.

²³ *Седов П. В.* Закат Московского царства. С. 21–30; *Топычканов А. В.* Коломенские челобитчики в 1662 г.: к вопросу о практике подачи и рассмотрения челобитных грамот // *Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): Сборник статей. К 80-летию члена-корреспондента РАН В. И. Буганова*. М., 2012. С. 232–238.

²⁴ Подробнее см.: *Топычканов А. В.* Роль подмосковных дворцовых усадеб второй половины XVII в. в трансформации российской политической культуры // *Коломенское: Материалы и исследования*. Вып. 10 / Отв. ред. Е. А. Верховская. М., 2007. С. 35–43.

²⁵ Подробнее см.: *Бахрушин С. В.* Политические толки в царствование Михаила Федоровича // *Бахрушин С. В.* Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма: (Научное наследие) / Отв. ред. Б. В. Левшин. М., 1987. С. 87–118; *Лонгворс Ф.* Политические слухи в России в эпоху Раннего Нового времени // *Место России в Европе и Азии: Сборник научных трудов* / Гл. ред. Д. Свак. Будапешт; М., 2010. С. 136–149.

²⁶ Оpubл.: *Восстание в Москве 1682 г.* С. 110–111.

²⁷ Подробнее см.: *Буганов В. И.* Московские восстания конца XVII в. С. 266–268.

²⁸ *Восстание в Москве 1682 г.* С. 86.

²⁹ Там же. С. 85.

³⁰ Об уединенном и религиозном характере пребывания царя Федора Алексеевича в Коломенском см.: *Седов П. В.* Походы царя Федора Алексеевича в село Коломенское // *Коломенское: Материалы и исследования*. Вып. 13 / Под общ. ред. Л. П. Колесниковой. М., 2011. С. 58–86.

³¹ Ср.: *Элиас Н.* Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: Социология и история. М., 2002; *Он же.* О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. М.; СПб., 2001. Т. 1–2. Подробнее о его концепции см.: *Höfische Gesellschaft und Zivilisationsprozess: Norbert Elias' Werk in kulturwissenschaftlicher Perspektive* / Hrsg. von C. Opitz. Köln, 2005.

³² *Седов П. В.* Закат Московского царства. С. 37, 41, 43.

³³ *Дворцовые разряды: в 5 т.* СПб., 1850–1855. Т. 3: С 1645 по 1676 г. СПб., 1852. Стб. 1095.

³⁴ Цит. по: *Богословский М.М.* Петр I: Материалы к биографии: в 5 т. М., 1940–1948. Т. 4: 1699–1701. М., 1948. С. 257–258.

³⁵ *Захаров А.В.* Государев двор Петра I: Публикация и исследование массовых источников разрядного делопроизводства. Челябинск, 2009. С. 71–88, 392–394. Ближняя канцелярия заседала в понедельник, среду и пятницу. См.: ПСЗ РИ. Т. 4: (1700–1712). СПб., 1830. С. 402. № 2188. Именной указ от 6 января 1708 г.

³⁶ Ее работа специально не исследовалась. Отдельные сведения приводятся в: *Седов П.В.* Закат Московского царства. С. 43–45.

³⁷ *Талина Г.В.* Царь Алексей Михайлович: личность, мыслитель, государственный деятель. М., 1996. С. 33–34.

³⁸ *Седов П.В.* Закат Московского царства. С. 13–19; *Захаров А.В.* Государев двор Петра I.

³⁹ См., например: Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией: в 5 т. СПб., 1841–1842. Т. 5. СПб., 1842. С. 347; Дополнения к Актам историческим. Т. 10. СПб., 1867. С. 187; *Шумаков С.А.* Обзор «Грамот Коллегии экономии». Вып. III // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1912. Кн. 3. С. 133. № 259.

⁴⁰ *Седов П.В.* Закат Московского царства. С. 41.

⁴¹ Подробнее см.: *Буганов В.И.* Московские восстания конца XVII в. С. 123–126.

⁴² *Куракин Б.И.* Гистория о царе Петре Алексеевиче. С. 53.

⁴³ *Лавров А.С.* Регентство царевны Софьи Алексеевны: Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682–1689 гг. М., 1999. С. 162.

⁴⁴ *Аввакум.* Послание Симеону // Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения / Ред., вступит. ст. и коммент. Н.К. Гудзия. [М.], 1934. С. 342.

⁴⁵ Подробнее см.: *Зицер Э.* Царство Преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого. М., 2008.

⁴⁶ Повести князя Семена Ивановича Шаховского // Сб. РИО. СПб., 1891. Т. 13: Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Стб. 840.

⁴⁷ *Забелин И.Е.* Московские сады в XVII ст. // *Он же.* Опыт изучения древностей и истории: Исследования, описания и критические статьи: в 2 ч. М., 1872–1873. Ч. II. М., 1873. С. 298.

⁴⁸ Сборник чертежей Москвы, ее окрестностей и города Пскова XVII столетия (Приложение ко II-му тому Записок славяно-русского отделения археологического общества). СПб., 1861. № 34.

⁴⁹ Например, на фреске 1652 г. в северной паперти Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря.

⁵⁰ J. G. Sparwenfeld's Diary of a Journey to Russia 1684–87 / Ed., transl. and with a comment. by U. Birgegård. Stockholm, 2002. P. 169.

⁵¹ Подробнее см.: *Топычканов А.В.* Иван Грозный и Алексей Михайлович: Диалог сквозь время. М., 2015.

Отечественная война 1812 года и Заграничные походы Русской армии в Записках и переписке государственного секретаря А. С. Шишкова*

Номенклатура публикаций источников личного происхождения по истории Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов весьма обширна, что уже давно позволило выйти на уровень их комплексного источниковедческого исследования¹. Дневники, воспоминания и эпистолярное наследие участников и современников в совокупности с источниками других видов и типов составили прочную основу плодотворного изучения эпохи. Однако следует признать, что в настоящее время ощущается острая необходимость новых публикаций и нового прочтения уже известных текстов, что подразумевает внутреннюю критику с целью верификации, извлечения латентной информации и понимания ее через призму авторских целевых установок и специфику породившей их действительности.

В богатом творческом наследии А. С. Шишкова, который в 1812–1814 гг. занимал пост государственного секретаря и находился при главной квартире, есть относительно небольшие по объему «Краткие записки...», впервые появившиеся в печати в 1831 г.² Публикация пришла как нельзя кстати в связи с событиями в Европе, катализированными Июльской революцией во Франции, и могла способствовать утверждению легитимистских начал в истолковании прошлого и современности. Однако сам автор не ставил перед собою такой узкой задачи, поскольку работа над текстом и подготовка его к выходу в свет началась гораздо раньше лета 1830 г. В этой связи сразу оговоримся: мысль о том, что «Краткие записки» «спешно готовились к печати» на злобу дня, последовательно проводившаяся А. Г. Тартаковским,

* Исследование выполнено в рамках и при поддержке Гранта Президента Российской Федерации для молодых кандидатов наук. Проект МК-4201.2013.6 «Историко-публицистическое наследие А. С. Шишкова».

является очевидной натяжкой³. А вот второе русское и одновременное немецкое издания 1832 г., вполне вероятно, имели своей целью решение этой утилитарной задачи⁴. Наконец, еще раз прижизненная публикация была помещена в XVI части собрания сочинений и переводов А. С. Шишкова в 1834 г.⁵

Кроме того, в 1870 г. Н. С. Киселевым и Ю. Ф. Самариним в Берлине и Праге было выпущено издание «Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова»⁶. Не случайно эпиграфом к двухтомнику стали слова самого автора: «Грубая правда сильнее действует над умами и сообразнее с благодушием человеческим, нежели мягкая лесть или учтивая ложь, вперяющие всегда подозрение скрывающейся в них слабости или обмана». Помещенные здесь тексты «Записок (1780–1814)», «Домашних записок (1808–1820)», а также письма к супруге и другие материалы не могли быть опубликованы в России, поскольку в них А. С. Шишков как раз пытался придерживаться сформулированной выше максимы, а потому и не думал о появлении их в печати в неотредактированном виде. Между тем соответствующая часть «Записок (1780–1814)» текстуально близка к «Кратким запискам», вследствие чего встает вопрос о степени этой близости, их генетических связях, а также о принципах редакторской работы автора в конце 20-х — начале 30-х годов. В фондах РГИА и Отдела рукописей РНБ удалось обнаружить несколько автографов писем, не включенных в издание как утраченные, а также других текстов, связанных с записками, что расширяет источниковедческие возможности.

Наконец, небезынтересна и реакция общества на появление «Кратких записок» как на попытку утверждения официального взгляда на важнейший эпизод новейшей истории.

* * *

При текстологическом изучении материалов, имеющих в нашем распоряжении, следует, вероятно, в принципе отказаться от их сплошного литерального сличения. Поскольку мы не располагаем не только автографами, но даже авторизованными копиями «Кратких записок», которые, судя по всему, безвозвратно утрачены, частные расхождения в текстах могут объясняться особенностями их предпечатной редакции, а последняя, в свою очередь, определялась в целом невысоким археографическим и в более широком плане — методологическим уровнем публикаций источников в XIX в. Нарушение целостности, искажение авторских текстов, наконец, ошибки при

переписке и наборе не позволяют считать публикации аутентичными первоисточникам. Особенно это касается посмертных изданий, подготовка которых не контролировалась авторами. В нашем случае наименьшего доверия в этом смысле заслуживает издание Н. С. Киселева и Ю. Ф. Самарина, тогда как публикации «Кратких записок» можно признать наиболее близкими к текстам А. С. Шишкова, поскольку они появились в свет еще при его жизни в типографии Российской академии, президентом которой он являлся в 1813–1841 гг. Составители публикации 1870 г., находясь в рамках позитивистской парадигмы прагматического подхода к историческому источнику, не сознавали его целостной органичности. В одном из комментариев они утверждали, что тексты печатались ими «по рукописи с дипломатической точности»⁷, и в этом случае не остается иного, как поверить им на слово, хотя на деле имелось в виду отсутствие подцензурного редактирования, а не археографическая точность. Как бы то ни было, окончательно этот вопрос может быть решен только после верификации издания по сохранившимся ОПИ ГИМ рукописям. Однако такая работа до сих пор не проводилась: хотя в последние годы появилось сразу две публикации «Записок (1780–1814)», они представляют собой простую перепечатку из издания 1870 г. без необходимой предварительной археографической работы и источниковедческого анализа⁸. Важнее другое: Н. С. Киселев и Ю. Ф. Самарин, сначала при публикации «Записок (1780–1814)» в первом томе, а затем «Домашних записок (1808–1820)» во втором, писали, что из восьми рукописных книжек последних исключили седьмую и восьмую, «так как содержание их – не что иное, как первоначальная редакция записок 1812 и 1813 гг.»⁹. В итоге они опубликовали тексты в редакции конца 20-х годов, тогда как материалы предшествовавших редакций десятилетней давности оказались недоступными. То же самое следует сказать и относительно публикации Н. С. Киселевым и Ю. Ф. Самариным писем А. С. Шишкова к жене, из которых были исключены «места, которые почти буквально вошли в текст “Записок”» (курсив наш. – И. М.)¹⁰. При этом вариант описания событий Отечественной войны и Заграничных походов в «Записках (1780–1814)», по нашему мнению, появился уже после того, как «Краткие записки» были напечатаны. Что же касается отрывочных выдержек из «Домашних записок», которые издатели иногда приводят в подстрочных комментариях в дополнение к основному тексту, то они дают повод полагать, что редакция конца 1810-х годов

также не являлась непосредственным источником публикации «Кратких записок». В итоге на основании имеющихся материалов мы можем лишь гипотетически в общих чертах восстановить протограф текста публикации. Иными словами, до сплошного исследования всех автографов литеральное сличение печатных текстов не позволит точно определить степень их генетической близости. В этой связи приходится ограничиться лишь определением основных композиционных и сюжетных соответствий.

В целом, пренебрегая отдельными стилистическими и грамматическими расхождениями, следует признать, что тексты «Записок (1780–1814)» и «Кратких записок» очень близки, вплоть до буквальных совпадений больших отрывков. Композиционно они также почти повторяют друг друга. Однако особенно в начале повествования наблюдаются существенные различия в построении изложения¹¹. Это в совокупности с частными расхождениями свидетельствует об отсутствии непосредственной связи между текстами, которые восходят к некоему общему протографу. Вероятно, последним стала редакция «Домашних записок», но как проходило это редактирование, сказать невозможно. Очевидно другое, что при работе над текстами автор обращался к сохранившейся у него переписке с женой, поскольку в некоторых случаях встречаются дословные или близкие совпадения их формулировок с «Краткими записками»¹² и с целыми сюжетами «Записок (1780–1814)», отмеченными еще в издании 1870 г. При этом, однако, наблюдаются отдельные фактические разночтения. В просьбе о посвящении «Кратких записок» Николаю I А. С. Шишков утверждал, что вел некие записи непосредственно во время похода и чуть ли не с благословения самого Александра I. Можно было бы думать, что именно эти заметки заложили фабулу будущих текстов. Правда, во-первых, нигде более он не упоминал об этом, а во-вторых, нам ничего неизвестно о каких-либо поденных записях, когда-либо ведшихся А. С. Шишковым, – кажется, ему вообще была не свойственна такая форма фиксации и осмысления текущих событий, чего не скажешь об обширной и обстоятельной частной переписке. Поэтому не исключено, что, прикрываясь именем покойного императора, он пытался облегчить ход публикации. С другой стороны, само название – «Краткие записки адмирала А. Шишкова, веденные им во время пребывания его при блаженной памяти государе императоре Александре Первом в бывшую с французами в 1812 и последующих годах войну» – не должно вводить в заблуждение, поскольку

создание у читателя ложного впечатления синхронности описаний самими событиями часто применялось мемуаристами в качестве косвенного подтверждения их достоверности¹³.

А. С. Шишкову было вообще свойственно постоянно перерабатывать свои рукописи, вследствие чего вопрос о времени создания имеющих в нашем распоряжении текстов решается неоднозначно. Свои «Домашние записки» он писал для узкого круга лиц, однако, несмотря на изначальный отказ от намерения предать их гласности, допускал публикацию отдельных сюжетов¹⁴.

В случае с «Краткими записками», судя по всему, их редакция была подготовлена непосредственно перед началом процесса публикации. Ведя речь о вступлении союзных войск в пределы Франции на рубеже 1813–1814 гг., автор замечает, что с тех пор минуло пятнадцать лет¹⁵. Таким образом, в основном текст создавался не ранее 1828 г. и не позднее лета 1830 г., когда рукопись уже находилась в Петербургском цензурном комитете. Во всяком случае, он не мог быть подготовлен ранее конца 1825 г., поскольку в нем упоминается о кончинах жены мемуариста и императора Александра I¹⁶. Однако, думается, что это искусственное занижение нижнего хронологического рубежа, поскольку едва ли А. С. Шишков потратил почти пять лет на подготовку сугубо подцензурного и по этой причине сравнительно слабого текста, тем более что до конца апреля 1828 г. он сам возглавлял Министерство народного просвещения и, следовательно, курировал цензурное ведомство. Вопросы возникают о судьбе рукописи после того, как она была возвращена автору из комитета 30 сентября 1830 г. по его просьбе¹⁷. В нашем распоряжении находятся неопубликованные собственноручные цензорские возражения П. И. Гаевского на текст, который он рассматривал, вероятно, не позднее 2 августа 1830 г.¹⁸ Не касаясь сути цензурных перипетий, которые достойны отдельного разговора, отметим два обстоятельства. Во-первых, рукопись была представлена не полностью: судя по всему, ее конец (Тетрадь 6. С. 230) соответствует странице 228 публикации, где как раз и заканчивается пространная сентенция о вступлении союзных войск во Францию. Ниже идет довольно жесткая критика манифеста К.-Ф. цу Шварценберга к французам (С. 228–231), которую цензор, судя по характеру предшествующих замечаний, не пропустил бы своим комментарием, а далее пространный проект манифеста Александра I, заготовленный Шишковым (С. 231–246), явно не укладывающийся по объему в структуру рукописи.

Во-вторых, отсылки цензора к конкретным страницам и возможность установить в публикации вызвавшие его возражения места, позволяют провести сравнительный структурный анализ обоих текстов. Методика его суть такова. Согласно § 37 Устава о цензуре 1828 г., рукописи, представлявшиеся на рассмотрение, должны были быть «чисто и четко переписаны»¹⁹, то есть текст на страницах располагался в целом равномерно. То же можно сказать и о публикации, в которой отсутствуют пустые страницы и иллюстрации. Следовательно, расхождение между страницами рукописи и отпечатанной книги может либо сохраняться одинаковым, либо линейно увеличиваться, либо линейно сокращаться. Если построить график, на котором одной линией соединить отмеченные цензором страницы рукописи, а другой – соответствующие страницы публикации, то предполагаемая линейная зависимость будет отсутствовать, а диапазон значительно колебаться. Отсюда можно сделать вывод, что текст, который рассматривался П. И. Гаевским, редактировался после возвращения автору, хотя эта редакция никак не была связана с цензурой. К тому же А. С. Шишков добавил описание событий от вступления во Францию до возвращения в Петербург, составившее почти четверть публикации. Следовательно, текст приобрел окончательный вид в период с октября 1830 г. по лето 1831 г., поскольку книга была отпечатана не позднее первой половины сентября 1831 г. На это совершенно определенно указывают: во-первых, опубликованные в «Санкт-Петербургских ведомостях» благодарственные письма за поднесение сочинения от императора, воспитателя наследника барона К. К. Мердера и императрицы от 13, 14 и 17 сентября соответственно²⁰; во-вторых, дарственная надпись руки А. С. Шишкова в адрес графини С. В. Строгановой, датированная 17 сентября, на экземпляре, хранящемся в Основном русском фонде РНБ; в-третьих, сопроводительное письмо от 19 сентября к графу А. А. Аракчееву, приложенное к посланной в Грузино книжке²¹. Таким образом, мы можем несколько расширить хронологические рамки работы над рукописью в целом и ограничить его 1828–1831 гг.

В случае с «Записками (1780–1814)» диапазон может быть шире. В том же месте, что и в «Кратких записках», значит, что с описываемых событий прошло семнадцать лет и прямо указывается на текущее время – 1830 г.²² Казалось бы, это свидетельствует о более поздней редакции. Однако мы бы не спешили это утверждать применительно ко всему тексту. По крайней мере, здесь отсутствует указание на 1825 г.

как нижнюю грань, равно нет и других датирующих маркеров. При этом над созданием своих интимных записок автор мог работать дольше, периодически дополняя их и перерабатывая, поскольку по замыслу они охватывали не только период 1812–1814 гг., а должны были стать полноценным жизнеописанием. Очевидно лишь то, что «Записки (1780–1814)» никак не могли быть непосредственным источником для последней редакции «Кратких записок», на чем упорно настаивал А. Г. Тартаковский. Судя по всему, работа над обоими текстами шла параллельно, что, в частности, может объяснить появившиеся структурные изменения в опубликованном варианте «Кратких записок» по сравнению с текстом, поданным на рассмотрение цензуры.

Для датировки «Записок (1780–1814)» служит и еще одно наблюдение. В Отделе рукописей РНБ сохранился автограф А. С. Шишкова под названием «Отрывок из описания похода адм. Ш. с государем императором в 1812 и следующих годах. Пребывание мое в Брукзале»²³. Судя по всему, текст написан после сентября 1831 г, то есть публикации «Кратких записок», на что косвенно указывает название, отсылающее к ним. Автограф имеет редакторскую правку рукой, вероятно, П. П. Свинына, в архив которого он попал. Текст незначительно, на уровне отдельных слов и формулировок, отличается и от «Кратких записок», и от «Записок (1780–1814)». Всего нами замечено восемь разночтений между автографом (Л. 3–4) и «Краткими записками», которые при этом сближают его с «Записками (1780–1814)». Следовательно, основу его составляют именно они, хотя автор внес некоторые несущественные правки. С другой стороны, вероятно, привлекались и «Краткие записки», в которых содержится вставленное на полях описание посещения театра, опущенное в «Записках (1780–1814)». Непонятной остается только цель выписки отрывка и посылка его П. П. Свиныну: во-первых, он к тому времени прекратил издание «Отечественных записок», а во-вторых, это описание уже вышло в свет в «Кратких записках».

Учитывая вышесказанное, видится допустимым лишь расплывчатое датировать опубликованную Н. С. Киселевым и Ю. Ф. Самариным редакцию временем около 1830 г., допуская при этом незначительное расширение хронологических границ.

Сюжетное сравнение «Кратких записок» и «Записок (1780–1814)» позволяет понять принципы редактирования А. С. Шишковым текста перед обнародованием в 1831 г. Заметим, что этот процесс

сводился не только к исключению наиболее полемических мест рукописи, но и к вставкам, носящим конъюнктурный характер. Что касается первого, то автор, как ему представлялось, изъясил все критические замечания в отношении действий правительства и двора и в адрес конкретных лиц. Не останавливаясь на каждом случае подробно, отметим лишь наиболее характерные примеры. Так, особенная забота его сводилась к недопущению компрометации Александра I: отсутствует предыстория назначения А. С. Шишкова государственным секретарем в связи с опалой М. М. Сперанского и публикацией «Рассуждения о любви к Отечеству», задевшего императора; не нашла отражения резкая критика действий правительства и командования накануне и в первые дни войны, а также высочайше поддержанного плана генерал-майора Л.-А.-Ф. фон Фуля; воздержался мемуарист от пространных рассуждений о выгодах удаления государя от армии; не упомянул о неблаговолении к себе самому и к фельдмаршалу М. И. Голенищеву-Кутузову, а также о собственном осуждении чрезмерного превозношения французского генерала Ж.-В. Моро и пожалования Ф.-Ц. Лагарпу ордена Св. Андрея Первозванного; «не вспомнил» о критике присланных к нему первых томов гражданско-го уложения и известном столкновении с Александром по поводу манифеста от 30 июля 1814 г., в котором, как казалось Шишкову, император, отдавая приоритет войскам перед дворянством, нарочито дискриминировал последнее, и т. д. К другой категории относится смягчение или полное исключение резких характеристик отдельных лиц. В этой связи следует отметить два сюжета. Во-первых, в «Кратких записках» отсутствует упоминание о замешательстве автора и его окружения при получении известия о назначении адмирала П. В. Чичагова командующим Дунайской армией. Многие тогда сомневались, и не без основания, что некомпетентный в вопросах командования сухопутными силами моряк, был в состоянии успешно действовать против французов. В итоге неудача П. В. Чичагова на Березине была единодушно, хотя и несправедливо, приписана общественным мнением исключительно ему одному, что поставило крест на его карьере и привело к травле и эмиграции. Для А. С. Шишкова заострить на этом внимание было важно, поскольку он находился почти в открытой вражде с адмиралом. В общем человек незлой и немстительный, автор «Записок (1780–1814)» все-таки не отказал себе в удовольствии съязвить по поводу последнего. Однако автор «Кратких

записок» не считал возможным ни подвергать сомнению решения императора, ни бросать тень на одного из русских военачальников, пусть даже ему лично и неприятного. Во-вторых, речь шла о светлейшем князе М. И. Кутузове-Смоленском. Здесь ситуация была прямо противоположной: А. С. Шишкова связывали с фельдмаршалом не только дружеские, но и родственные отношения, он полностью признавал и в традиции времени превозносил заслуги последнего. Однако в «Записках (1780–1814)» содержится описание разговора М. И. Кутузова-Смоленского (имя не называется, но без труда угадывается) с императором, в котором тот сразу после изгнания французов просил о скорейшем возобновлении в Санкт-Петербурге французского театра. Вполне в рамках своей национальной ориентации, в которой он только укрепился во время войны, А. С. Шишков дает гневную отповедь свояку и подобным ему франкофилам. Понятно, что в создаваемый в «Кратких записках» образ национального героя-спасителя все это никак не вписывалось, потому и не нашло в них места.

Наконец, из текста было исключено все, что могло хотя бы в малой степени десаκραлизировать идею священной национальной войны против Наполеона, как то: упоминание о готовившейся эвакуации Петербурга, случаях коллаборационизма и самосуда в Москве и т. д.

При всем при этом в «Кратких записках» А. С. Шишков представил читателю свое видение событий, вполне адекватное искреннему повествованию в «Записках (1870–1814)». Он отнюдь не стремился писать историю войны, то есть: избегал анализа причин, разбора кампаний, описаний сражений и дипломатического закулисья. Он, как и обещал в предисловии, писал только о случившихся с ним приключениях и о тех происшествиях, которым был очевидным свидетелем²⁴. Поэтому во многом его записки кажутся собранием бытовых мелочей на фоне эпохальной картины, тем более что непростые взаимоотношения с императором приводили к частым и продолжительным отлучкам автора от главной квартиры. Предмет его описаний, прежде всего, — жизнь России и Европы в 1812–1814 гг. Но это только на первый взгляд, поскольку если целью «Записок (1780–1814)» и была формулировка *своего* жизненного кредо, то целью «Кратких записок» стало стремление сформулировать каноническое восприятие описываемых событий. Исходными постулатами здесь послужили:

– неприятие духа эпохи Просвещения, отрицание ее гуманистического содержания и проведение прямой следственной связи от идей

французских философов через революцию к бонапартизму и, следовательно, к неисчислимым бедствиям Европы и России;

– восприятие Наполеона как порождения французского революционного духа и отпадения возвеличившей его нации от гражданского и священного долга, то есть восприятие через отрицание легитимности его власти, а следовательно, преступности действий;

– ярко выраженная франкофобия, укоренившаяся в сознании автора давно и усиливавшаяся в связи с литературной и общественно-политической деятельностью в предшествовавший период, оправданность которой нашла блестящее подтверждение в событиях войны;

– провиденциализм в понимании истории вообще и событий 1812–1814 гг. в частности;

– не до конца искренняя, однако нарочито подчеркнутая убежденность в решающей роли Александра I как главной (после божественного провидения) направляющей силы борьбы за восстановление мира в Европе;

– наконец, нечетко выраженная, но вполне угадываемая претензия на утверждение за Россией мессианской роли в восстановлении легитимизма.

Собственно, все вышеозначенное почти полностью совпадало с мировоззрением А. С. Шишкова, но, в отличие от частных записок, должно было быть публицистически заострено в публиковавшихся «Кратких записках». Поэтому частные детали оставались лишь фоном, который не работал на концепцию так, как того бы требовал жанр мемуарного произведения, но обеспечивал фундамент основному замыслу.

В «Записках (1780–1814)» А. С. Шишков изредка прибегал к цитированию официальных документов (в основном собственноручно написанных манифестов), но в большинстве случаев ограничивался отсылками к ним. Другое дело – «Краткие записки». Пространные включения манифестов служили решению центральной задачи текста. Намерением А. С. Шишкова было распространение и утверждение в публике *своего* видения событий, *своих* оценок в их относительно широком историческом, национальном, религиозном и нравственном контекстах, которые, повторимся, претендовали на то, чтобы стать каноническими. Достигнуть этого было невозможно без определенной сентенциозности изложения, позволить явно выражать которую он не мог ни в силу *заявленного* жанра произведения, ни по цензурным

соображениям. При этом манифесты, во-первых, стали квинтэссенцией миропонимания государственного секретаря, а во-вторых, формально исходили от верховной власти, и, таким образом, восприятие и осмысление происходившего А. С. Шишковым приобретало статус официальных идеологем. То есть он убеждал читателя не только *своей* правдой, но высшей государственной правдой, парировать которую в сложившихся условиях было невозможно. В том же контексте целевой установки следует, с нашей точки зрения, рассматривать и включение в текст «Кратких записок» компиляции отрывков из Священного писания, которая, по мнению А. С. Шишкова, являла собою полное о военных действиях русской армии сделанное повествование²⁵. В данном случае он воспользовался авторитетными текстами, подкрепляя ими собственные рассуждения, субъективные по сути, но защищенные от критики самим источником компиляции. В дополнение к этому в публикации есть примечательная оговорка: «Сблизив таким образом сии тексты, выбранные из разных мест священного писания, находил я их толь ясно и подробно описующими все происходившие с нами приключения, что, бывши после с докладами у государя, попросил я позволения прочесть ему сии сделанные мною выписки. Он согласился, и я прочитал их с жаром и со слезами. Он также прослезился, и мы с ним в умилении сердца довольно поплакали»²⁶. Здесь монаршие слезы стали видимым признаком одобрения образа мыслей государственного секретаря, а следовательно, общая тональность компиляции Шишкова тем самым тоже вписывалась в систему официальных идеологем. Впрочем, эти тексты были помещены и в «Записках (1780–1814)», однако в другом месте и только в подстрочных примечаниях, поскольку композиционно они не несли уже такой смысловой нагрузки.

* * *

Книга А. С. Шишкова не прошла незамеченной. Вскоре после ее публикации появились отклики в периодической печати, которые позволяют понять, насколько достиг своих целей автор.

Как уже упоминалось выше, 10 октября 1831 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» были напечатаны высочайшие рескрипты Николая I от 13 сентября и Александры Федоровны от 17 сентября на имя А. С. Шишкова, данные по представлению им «Кратких записок». Здесь же было опубликовано и официальное письмо воспитателя наследника генерал-майора К. К. Мердера от 14 сентября.

После появления в газете этих эпистол в ней, что совершенно естественно, вскоре, в номере за 31 октября, была опубликована хвалебная рецензия на издание. «Краткие записки» величались «драгоценной для России» книгой, отмечалась «сила, простота и откровенность истины» слов А. С. Шишкова, с которыми он «открыл разительное заблуждения современных писателей» относительно событий войны. Особенно рецензент признавал достойным любопытства сюжет, связанный с коллективной петицией Аракчеева, Балашова и Шишкова к Александру о необходимости оставить войска. Отмечал он как заслуживающие внимания компилятивное сочинение на основе Священного писания, воззвание к французам, в котором были «превосходно обнаружены зловердные заблуждения распространителей революции, гордящихся мнимым просвещением». «Записки сии, – логически развивая мысль, утверждалось в рецензии, – дают понятие о Наполеоне, совершенно несходное с тем романтическим величием, в каком обыкновенно представляют его». Таким образом, А. С. Шишков мог быть доволен тем, что одна из центральных целей – десакрализация Бонапарта – была им достигнута.

В связи с «Рассуждением о нынешнем положении нашем», поданным государю во Франкфурте, А. С. Шишков ставился рецензентом по красноречию выше Тита Ливия и Тацита, а по бесхитростному правдолюбию – князя Долгорукого (надо полагать, Якова Федоровича). «Описания просты, живы, приятны, увлекательны», – отмечалось в рецензии: – «В записках А. С. Шишкова везде видна откровенность, благородное правдолюбие и любовь к Отечеству. [...] Да порадуется почтенный автор признательностью всех его соотечественников за издание записок его. Приятно надеяться, что он подарит нас и продолжением сих записок. – Потомство будет благодарить его и почерпнуть из его творений драгоценные уроки любви к Отечеству»²⁷.

Другие две рецензии на «Краткие записки» появились в московских неофициальных журналах «Телескоп» Н. И. Надеждина²⁸ и «Московский телеграф» Н. А. Полевого²⁹ примерно в то же время. Автором первой из них, вероятно, был сам издатель журнала. Его статья начиналась с рассуждений о причинах современного ему бума мемуаротворчества. «Век наш, – писал он, – может назваться веком признаний и записок. Никогда люди не были так словоохотливы о себе, как ныне: никогда не выставляли самих себя на позорище с такою откровенностью, с таким беспристрастием, с таким, можно сказать,

самоотвержением»³⁰. И далее автор дает то объяснение указанному феномену, которое в современном источниковедении стало классическим, связав его с раскрепощением и индивидуализацией сознания человека Нового времени, с осознанием ценности личного опыта и рефлексии для современности и истории и востребованностью их в обществе. «Отсюда очевидна внутренняя занимательность нынешних записок, – подытоживает он: – в них заключается современная история, так сказать, начерно, в ее первоначальных материалах»³¹. Однако далее автор противопоставляет европейские произведения этого жанра русским, которые «в характере и тоне изложения [...] не могут и не должны сходствовать с так называемыми *мемуарами* (*mémoires*) других европейских наций. Сии последние тем значительнее и любопытнее, чем подробнее и мельче обстоятельства, в них сохраняемые». В чем же тогда рецензент видел предназначение отечественных записок, какие отличные от европейских обстоятельства русской жизни должны детерминировать их тематику, стилистическое своеобразие и саму эстетику? Он поясняет: «У нас, где единая нераздельная жизнь проливается величественным невозмутимым потоком, может и должен господствовать один общий государственный интерес, поглощающий все биографические подробности в своем историческом величии. С тем же самоотвержением, как историки, наши сочинители записок должны сколько можно менее заниматься собой и своей личностью, ибо она в общем ходе дел слишком имеет мало значительности. Одним словом, у нас *записки* могут и должны быть *летописями*. И с этой точки зрения должно рассматривать и ценить все их опыты, являющиеся в нашей словесности»³². Оставим без дальнейшего развития мысль о том, что своим заявлением автор, по сути, принес в жертву наблюдаемому им «величественному невозмутимому потоку» русской жизни и «государственному интересу» право отечественных мемуаристов на индивидуалистическое сознание и призывал их, как и прежде, слиться, пользуясь его же выражением, в «огромные, неразделенные массы, коих общие движения вписывались крупными буквами на величественных скрижалях Истории»³³. Важнее то, что такая оппозиция послужила для него ключом к противопоставлению записок А. С. Шишкова и А. И. Михайловского-Данилевского, появившихся в свет одновременно и посвященных одним и тем же событиям. Последний упрекается рецензентом как раз за внимание к деталям, незанимательным самим по себе и избыточным при создании

эпических литературно-исторических полотен. По сути, он обвинялся в «эгоизме, любящем ставить себя средоточием общего внимания»³⁴. Напротив, достоинство записок А. С. Шишкова, «маститого Нестора нашей словесности», рецензент видел в том, что «в них сохранены многие важные документы истории незабвенной Отечественной войны». И далее: «Издатель их был органом воли монарха, предводительствовавшего Россию на избавление Европы. Чувствуя важность столь высокого назначения, он дышал и жил одною любовию к Отечеству, коей тогда, можно сказать, был посредником между царем и народом русским. Отсюда – все сохраненные им в *записках* бумаги, замечания, беседы, изречения – имеют высокую историческую важность. Почтенный старец излагает их с очаровательным простодушием, без всякого принуждения и искусства, не отягощая излишними пояснениями и толкованиями, но предоставляя проницательности каждого разгадать полный смысл знаменательных указаний. Скажем коротко: *записки г. Михайловского-Данилевского* останутся в одних библиографических воспоминаниях, *записки Шишкова* будут достоянием истории!»³⁵

Надо признаться, что А. С. Шишков не вполне заслуживал таких похвал, поскольку, во-первых, сам в начале записок предупреждал читателя, что не ставил перед собою цели описывать политические и военные обстоятельства, а писал лишь о своих «приключениях» и событиях, очевидцем которых он был, а во-вторых, мелочных подробностей, бытовых деталей и посторонних рассуждений в них предостаточно, хотя некоторый баланс между общим и частным он смог соблюсти. Однако место в истории запискам рецензент, как нам представляется, уготовил не за это: в его понимании А. С. Шишков сработал на тот самый «государственный интерес», а за формулировками как будто просматривается намек на то, что интерес этот сводился к созданию официальной, идейно выдержанной эпической (а следовательно, заметим, весьма условной, с точки зрения достоверности) истории наполеоновских войн. Не случайно значимость А. С. Шишкова как мемуариста определяется приближенностью его к верховной власти, а потому – способностью точно, или лучше сказать – корректнее, донести до читателя ее идеологемы.

Вторая рецензия принадлежит Н. А. Полевому – пожалуй, самому беспощадному, до откровенной грубости, критику и фрондеру. (Это его и погубило несколько лет спустя в широко известной истории с пьесой Н. В. Кукольника.) Заметка о «Кратких записках» начинается

с открытого выпада против А. С. Шишкова, который был очевиден всем читателям, знакомым с ним и его творчеством, хотя выпад этот и не имел конкретного адреса. Н. А. Полевой писал: «Нас, русских, часто обвиняют в излишнем пристрастии к иноземным книгам и, разумеется, не к китайским, не к турецким, а к французским, немецким, английским. Выводят из этого, что русские, по крайней мере, многие – плохие патриоты, ибо не читают они своих *отечественных* книг, а пристращаются к *иностранному*. Несправедливость обвинения явна в том сближении, которое мы сделали выше. Отчего же не привязываемся мы к книгам турецким, китайским? Оттого, что нам они не годятся, оттого, что они писаны для людей особенного образования. Напротив, книги западных европейцев заключают в себе все, что ум, чувства и воображение человека произвели в несколько тысяч лет! Мы – младшие братья европейской фамилии, разумея здесь образованность, ибо в других отношениях мы сами годимся, может быть, в дедушки иным европейцам: мы не уступим им ни в уме, ни в способностях, ни в священной любви к Отечеству. Не думая хвастать своими достоинствами, скажем, однако ж, что мы готовы померяться с европейцами во всем, кроме просвещения и образованности: в этом мы, точно, младшие их братья. И неужели мы виноваты в том, что позже их явились на поприще образованности? Неужели стыдно нам брать уроки у людей, достойны[х] быть нашими учителями, а не гувернерами, не наставниками? И скажите, что за странный патриотизм – морщась, читать пустую книгу и еще хвалить ее потому только, что она писана русским, на русском языке? К чему эта странная взыскательность, что мы учимся из иностранных книг, если в них заключается все просвещение современное! Пишите книги, достойные внимания, издавайте журналы, не такие как “Телескоп” и “Прибавления” к “Инвалиду”, будьте яснее, умнее, учнее иностранцев в своих книгах, и мы готовы забыть их книги для ваших»³⁶.

Сложно даже вообразить, какие предчувствия о разборе своих записок посетили А. С. Шишкова, когда он дочитал рецензию до этого места, поскольку те мысли, которые так горячо опровергал Н. А. Полевой, сам же «почтенный Нестор словесности» вынашивал, возвещал и печатал больше, чем все славянофилы вместе взятые до и после. Для рецензента же эта эскапада была тактически важна. Он был абсолютным идейным противником А. С. Шишкова и его круга, причем противником очень агрессивным и несдержанным, все мировоззрение

автора записок было ему не только чуждо, но и враждебно. Не подлежит сомнению, что благожелательно воспринять любое произведение его пера он не мог априори, тем более такое, выдержанное местами в приторно-верноподданническом духе, от которого Н. А. Полевой задыхался. Однако напрямую отозваться критически ни об авторе, обличенном положением и связями, ни о сочинении, посвященном царствовавшему монарху, а следовательно, высочайше одобренном, он не мог. Как не мог он и пропустить его без внимания, не поддерживая свою репутацию фрондирующего журналиста. Отсюда и иезуитская композиция рецензии.

Для начала Н. А. Полевой прекрасно дал понять свое отношение к автору, а потом ... похвалил его – «знаменитого государственного мужа и одного из достойнейших литераторов наших», – который, «одушевленный, как видно, подобными чувствованиями, решился украсить нашу современную бедную литературу своим важным сочинением». То есть он перевернул здравый смысл с ног на голову, походя ернически прошелся по А. С. Шишкову, а в конце еще и заявил, что его книга «истинно европейского достоинства». Такая похвала для автора была сродни ночному кошмару, но читатели должны были понять, что дальнейший разбор записок принимать в буквальном смысле не стоит. Вероятно, не случайно среди «пустых журналов» назван «Телескоп». По исчислению номеров выходит, что рецензии Н. И. Надеждина и Н. А. Полевого вышли в одно время – в сентябре–октябре 1831 г., но, возможно, издатель «Московского телеграфа» еще прежде написания своей статьи был знаком с хвалебными отзывами «Телескопа». Если это так, то уничижительное суждение о журнале экстраполировалось на рецензию, а следовательно, и на само сочинение. Это могло быть еще одним намеком на истинные суждения Н. А. Полевого. Кстати, он в противоположность Н. И. Надеждину называл достоинством записок наличие в них «множества подробностей, доселе неизвестных». Отмечает рецензент и то, что в книге «собственных суждений авторовых немного», зато она изобилует официальными документами. Таким образом, делается упор на то, что сочинение А. С. Шишкова – чистой воды угодный власти официоз. Об этом чуть не впрямую говорится и в окончании рецензии: «Важнее всего, находим мы в сей книге новое доказательство той истины, которую давно питаем в душе своей, и в которой мы убеждены совершенно. Главным виновником спасения России был император Александр»³⁷. Правда,

по выражениям Н. А. Полевого очевидно, что Россию от Наполеона спасла самоотверженность русских воинов, а высшей заслугой императора стал категорический отказ от заключения мира до изгнания захватчиков из пределов Отечества, который он устами, а как мы знаем, и с подачи А. С. Шишкова продекларировал в манифесте.

Иными словами, для своей аудитории «Московский телеграф» отрекомендовал книгу Шишкова как тенденциозную и даже реакционную, еще углубив между разлада в обществе между «охранителями» и «либералами».

Таким образом, анализ текстов А. С. Шишкова об Отечественной войне 1812 г. не только проясняет особенности авторского восприятия описываемых событий, но позволяет проследить механизм формирования их официальной канонической версии.

Примечания

¹ См., напр.: *Тартаковский А. Г.* 1812 год и русская мемуаристика: опыт источниковедческого изучения. М., 1980. Автор зафиксировал 293 единицы мемуаров, специально посвященных Отечественной войне, 118 мемуаров с обширными хронологическими рамками, включающих тексты об эпохе 1812 г., и 46 рукописей, специально ей посвященных, итого – 457 текстов. Этот итог смело можно увеличить, если поставить себе задачу выявления как опубликованных, так и неопубликованных рукописей во всей многочисленности их списков, которые при всем многообразии форм и широте повествования содержат сюжеты, связанные с войной 1812 г. и Заграничными походами.

² [Шишков А. С.] Краткие записки адмирала А. Шишкова, веденные им во время пребывания его при блаженной памяти государе императоре Александре Первом в бывшую с французами в 1812 и последующих годах войну. СПб., 1831. Ниже все ссылки приводятся на это издание.

³ *Тартаковский А. Г.* 1812 год и русская мемуаристика; *Он же.* Русская мемуаристика XVIII–первой половины XIX в. От рукописи к книге. М., 1991.

⁴ [Шишков А. С.] Краткие записки адмирала А. Шишкова, веденные им во время пребывания его при блаженной памяти государе императоре Александре Первом в бывшую с французами в 1812 и последующих годах войну. Изд. 2-е. СПб., 1832; [Schischkow A. S.] Memoiren des Admirals A. Schischkow über die Zeit seines Aufenthalts bei der Person des wohlthätigen Kaisers Alexander I (in Function eines Staatssekretärs) während des Krieges mit den Franzosen in den Jahren 1812 bis 1814 / Aus dem Russischen übersetzt von Carl Goldhammer. Leipzig, 1832. Русские издания 1831 и 1832 гг. идентичны вплоть до набора, за исключением того, что во втором помещен гравированный портрет А. С. Шишкова (с портрета кисти Дж. Доу; гравер Н. Уткин, 1832 г.), а также благодарность за позволение посвятить свой труд высочайшему имени помещена после «Предуведомления», тогда как в издании 1831 г. очередность была обратной.

⁵ [Шишков А. С.] Краткие записки, веденные в бывшую с французами в 1812-м и последующих годах войну (далее – Краткие записки) // [Шишков А. С.] Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской императорской академии президента

и разных ученых обществ члена. СПб., 1834. Ч. XVI [В 17-и т. 1818–1839]. С. 1–256. В 2011 г. в серии «Русская цивилизация» вышло переиздание «Кратких записок» (*Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству* / Сост., коммент., послеслов. В. В. Семенцова, предисловие А. Ю. Минакова; отв. ред. О. А. Платонов. М., 2011), что делает честь Институту русской цивилизации, однако читатель имеет право ожидать от людей, обремененных репутацией в научных кругах, большей профессиональной щепетильности. Цензура Николая I не смогла исключить ни строчки из произведения, тогда как в наши дни его оскопили произвольно и безжалостно. Общий низкий археографический уровень подготовки текста заставляет нас вообще оставить это издание за рамками рассмотрения.

⁶ [Шишков А. С.] Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова (далее — Записки, мнения и переписка). Berlin; Praha, 1870. Т. I–II.

⁷ Там же. Т. I. С. 121.

⁸ *Шишков А. С., адмирал. Служба Отечеству. Записки (1780–1814)* (далее — Служба Отечеству) / Подг. текста к переизданию С. И. Котьяло. М., 2008. С. 7–353; *Шишков А. С. Избранные труды* / Сост., авт. вст. ст. и коммент. В. С. Парсамов. М., 2010. С. 351–616. Отказ от обращения к сохранившимся автографам сэкономил силы и время публикаторов, но он противоречит современным археографическим требованиям, поэтому ближайшей задачей видится именно текстологическое изучение подлинных авторских текстов, которые находятся в настоящее время в ОПИ ГИМ (Ф. 183. Д. 6–13.). Заметим к тому же, что задачи первого издания, как можно догадаться из послесловия А. Стрижева, вообще лежат вне научного поля, а само это послесловие лучше всего украсило бы книгу, если бы в ней отсутствовало (*Стрижев А. Послесловие // Шишков А. С., адмирал. Служба Отечеству. С. 417–428.*)

⁹ [Шишков А. С.] Записки, мнения и переписка. Т. I. С. 118; Т. II. С. 1.

¹⁰ Там же. Т. I. С. 314.

¹¹ Ср., например: [Шишков А. С.] Краткие записки. С. 13–31; [Шишков А. С.] Записки, мнения и переписка. Т. I. С. 140–148.

¹² Ср., например: [Шишков А. С.] Краткие записки. С. 202, 203, 204, 208 и др.; [Шишков А. С.] Записки, мнения и переписка... Т. I. С. 376, 378, 374, 386 и др.

¹³ Об этом см.: *Тартаковский А. Г.* 1812 год и русская мемуаристика.

¹⁴ Об этом подробнее см.: *Меркулов И. В.* К истории одной публикации: Полемика А. С. Шишкова и В. М. Головинна по поводу «Отрывка из жизни N» // Петербургские исследования: Сб. науч. ст. СПб., 2010. Вып. 2. С. 215–217.

¹⁵ [Шишков А. С.] Краткие записки. С. 247.

¹⁶ Там же. С. 218.

¹⁷ РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 987. Л. 5; Ф. 772. Оп. 1. Д. 258. Л. 10, 11.

¹⁸ *Гаевский П. И.* Сборник бумаг П. И. Гаевского по цензуре // ОР РНБ. Ф. 831: Архив Министерства народного просвещения. Ед. хр. 7. Л. 7–10.

¹⁹ ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. III: 1828 (От № 1677 до 2574.). № 1979. С. 464.

²⁰ [Николай I, император.] Высочайший рескрипт государя императора // Санкт-Петербургские ведомости. 1831.Х.10. № 238; [Александра Федоровна, императрица.] Высочайший рескрипт государыни императрицы // Там же; [Мердер К. К.] Письмо его превосходительства генерал-майора Карла Карловича Мердера к нему же // Там же.

²¹ А. С. Шишков отправил при письме экземпляр графу А. А. Аракчееву, как свидетелю и участнику описанных событий, который «может вернее о них судить, чем другие». Книга была получена в Грузию 27 сентября, а на следующий день послано благодарственное письмо, в котором опальный граф, обращаясь к автору, более всего выражал признательность за то, что тот вспомнил «некогда [...] бывшего знакомого, а нынешнего

большого деревенского старика, который во всякое время помнит бывшее [...] знакомство» (ОР РНБ. Ф. 29: Аракчеев А. А. Ед. хр. 34. Т. 2. Л. 951–951 об.).

²² [Шишков А. С.] Записки, мнения и переписка. Т. I. С. 278.

²³ [Шишков А. С.] [Сельская прогулка императрицы Елизаветы Алексеевны] Отрывок из описания похода Адм. Ш. с государем императором в 1812 и следующих годах. Пребывание мое в Брукзале // ОР РНБ. Ф. 679: Свинын П. П. Оп. 1. Ед. хр. 121. Л. 2–6.

²⁴ [Шишков А. С.] Краткие записки. С. 1.

²⁵ Там же. С. 81–90.

²⁶ Там же. С. 90–91.

²⁷ Ф. [Рец. на:] Краткие записки адмирала А. Шишкова, веденные им во время пребывания его при блаженной памяти государе императоре Александре Первом в бывшую с французами в 1812 и последующих годах войну. С.-Петербург. В типографии Императорской российской академии. 1831 г. // Санкт-Петербургские ведомости. 1831.Х.31. № 256.

²⁸ [Надеждин Н. И. – ?.] [Рец. на:] Краткие записки адмирала А. Шишкова, веденные им во время пребывания его при блаженной памяти государе императоре Александре I в бывшую с французами в 1812 и последующих годах войну. СПб., в типогр. Императорской российской академии. 1831 г. – Записки 1814 года. А. Михайловского-Данилевского. СПб., в типогр. Депар. внеш. торг. 1831 // Телескоп: Журнал современного просвещения, издаваемый Николаем Надеждиным. М., 1831. Ч. V. № 18. С. 256–260.

²⁹ [Полевой Н. А.] [Рец. на:] Краткие записки адмирала А. Шишкова, веденные им во время пребывания его при блаженной памяти государе императоре Александре Первом в бывшую с французами в 1812 и последующих годах войну. СПб. 1831. В т. Российской академии. 299 стр. in-8 // Московский телеграф, издаваемый Николаем Полевым. М., 1831. Ч. XLI. № 17. С. 87–91.

³⁰ [Надеждин Н. И. – ?.] [Рец. на:] Краткие записки адмирала А. Шишкова. С. 256–257.

³¹ Там же. С. 258.

³² Там же. С. 259.

³³ Там же. С. 258.

³⁴ Там же. С. 257.

³⁵ Там же. С. 259–260.

³⁶ [Полевой Н. А.] [Рец. на:] Краткие записки адмирала А. Шишкова. С. 87–88.

³⁷ Там же. С. 91.

Путешествия великого князя Константина Павловича в системе военно-политических и династических интересов Российской империи

Немаловажное значение в жизни великого князя, цесаревича Константина Павловича (1779–1831), внука Екатерины II и сына Павла I, имели различного рода путешествия и поездки. По характеру их можно разделить на несколько видов. 1) Инспекционные поездки. 5 мая 1795 г. великие князья Александр и Константин получили от Екатерины II свои первые шефские полки. Александр был назначен шефом Екатеринославского гренадерского полка, а Константин — Санкт-Петербургского гренадерского. В тот же день Константин отправился в поездку по Выборгской губернии в сопровождении К. И. Остен-Сакена, А. Я. Будберга и М. И. Голенищева-Кутузова для осмотра строящихся крепостей. Первоначально Екатерина хотела возложить это поручение на великого князя Александра, но тот не проявил в отношении его никакого энтузиазма. Константин Павлович путешествовал две недели¹ и остался доволен укреплениями Выборга, Роченсальма и других мест. В Роченсальме Константин заложил Адмиралтейство и присутствовал при учении канонерских лодок и плывучих батарей. «Вчерась вечером приехал я в Выбург и живу теперь у губернатора в загородном доме. Сего дня ходил я в городе смотреть крепость, корону святой Анны и Шлос, которые в превеликой исправности», — писал Константин Екатерине II 7 мая. «Третьего дня приехал я в Роченсальму и ходил во все укрепления, которые не только что хороши, но удивительны», — сообщал он 11 мая. На обратном пути в Выборг великий князь смотрел «укрепления Ликолы, Утти, Давыдова, Керны и Вильманстранда, которые очень изрядны по маловременной в них работе»².

Иногда инспекционные поездки использовались как средство политической демонстрации могущества России. Классическим примером такой поездки можно считать присутствие великого князя

на смотре войск, расположенных на днестровской границе, осенью 1800 г. В связи с междоусобицами турецких пашей и их разбойными нападениями на территорию Молдавии и Валахии положение Дунайских княжеств ухудшилось. Чтобы разрядить ситуацию и поддержать престиж России, которая покровительствовала княжествам, Павел I решил провести смотр русских войск на днестровской границе 10 сентября 1800 г. великому князю Константину было предписано по прибытии обратиться к молдавскому господарю и пашам Хотина и Бендер с приветственными посланиями. Российский посол в Константинополе В. С. Томара должен был «в дружественной форме» известить турецкое правительство о готовящемся смотре³. Присутствие великого князя на турецкой границе было тем более символичным, учитывая так называемый «греческий проект» Екатерины II, имевший целью изгнание турок из Европы и воссоздание Греческой империи, престол которой предназначался Константину Павловичу. При этом Молдавия и Валахия должны были либо войти в состав Греческой империи, либо объединиться в буферное государство «Дакию».

2) Другой формой путешествий являлось участие в военных действиях. Первый боевой опыт Константин Павлович получил в 1799 г. во время Итальянского и Швейцарского походов фельдмаршала А. В. Суворова. Согласившись на просьбу Константина, мечтавшего побывать на войне, Павел I разрешил ему отправиться волонтером в корпус генерала А. Г. Розенберга⁴. Константин Павлович совершал путешествие под именем графа Романова. На пути в Италию он на 2 недели останавливался в Вене. По случаю его приезда ежедневно устраивались праздники, парады, смотры и учения войск. Константин был принят союзником Павла Францем II тем более радушно, что в это время был уже решен вопрос о браке его брата, венгерского палатина, эрцгерцога Иосифа, с великой княжной Александрой Павловной. 26 апреля (7 мая) великий князь присоединился к находившимся в Вогере русским войскам. 1(12) мая 1799 г. произошло сражение при Бассиньяно, которое было проиграно по вине великого князя Константина. Он вмешался в распоряжения генерала Розенберга и спровоцировал несвоевременное выступление русских войск против французов. В приказе по армии по случаю этого сражения Суворов объявил, что «демонстрации — игра юно-военных». Он также лично высказал великому князю свое мнение о неуместности такого поведения⁵.

Однако в дальнейшем Константин заслужил похвалу фельдмаршала. Он все время находился при авангарде князя П. И. Багратиона, а в его отсутствие командовал авангардом. Великий князь принял участие в битве при Треббии (за которую был награжден орденом святого Иоанна Иерусалимского), осаде Серравалле, сражении при Нови⁶. Сопровождавший великого князя адъютант генерал-майор П. А. Сафонов писал камергеру князю Н. Г. Вяземскому из Асти 17(28) августа 1799 г., жалуясь на нехватку молока и хлеба, дороговизну сахара и чая: «Здесь в Италии для стола Его императорского высочества никакой трудности не имеем доставать провизии, а нуждаемся очень в молоке и хлебах. Фруктов и вин великое изобилие, в день выходит для собственного стола Его высочества и на общий стол, за которым генерально обедает и ужинает персон двенадцать, червонцев тридцать. Сахар здесь чрезвычайно дорог, стоит каждый фунт пьемонтский десять лир, это составляет на наши деньги три рубли девяносто пять копеек и доставать очень трудно. Прошу Вашего сиятельства прислать чай для Его высочества, здесь одного фунта ни за какие деньги сыскать невозможно»⁷.

Во время Швейцарского похода, когда союзные русско-австрийские войска были окружены в Муттене, великий князь скупал у местного населения на свои деньги продовольствие для солдат. А. В. Суворов в донесении Павлу I заметил, что Константин, подавая примеры личной храбрости, воодушевлял войска. Константин Павлович оказывал внимание французским пленным, что было демонстрацией уважения к славе французского оружия. На австрийцев же великий князь жаловался российскому послу в Вене графу А. К. Разумовскому, так как, по его мнению, они всячески старались избежать сражений⁸. За участие в Швейцарском походе император пожаловал Константину 28 октября (8 ноября) 1799 г. титул цесаревича⁹.

В царствование Александра I великий князь принимал участие в войнах России с наполеоновской Францией, командуя гвардией. Он был в числе сражавшихся под Аустерлицем 20 ноября (2 декабря) 1805 г., после того как союзные русско-австрийские войска потерпели сокрушительное поражение¹⁰. 29 мая (10 июня) 1807 г. русская гвардия под командованием Константина Павловича участвовала в кровопролитной битве при Гейльсберге, в ходе которой русским войскам удалось отразить атаки французской армии. После этого, по просьбе главнокомандующего Л. Л. Беннигсена Константин поехал в Тильзит,

чтобы ознакомить находившегося там Александра I с положением дел. Кроме того, великий князь хотел склонить брата к ведению мирных переговоров с Францией вследствие больших потерь русской армии. Эта точка зрения цесаревича разделялась и окружением императора¹¹.

«Государь, — говорил Константин Александру 31 мая (12 июня), — если Вы не хотите заключить мир с Францией, тогда дайте заряженный пистолет каждому из ваших солдат и прикажите им застрелиться. Вы достигнете того же результата, который даст вам новая и последняя битва, которая неминуемо откроет ворота в вашу империю французским войскам, натренированным в боях и всегда победоносным»¹². Александр I не прислушался к словам Константина Павловича. Но после тяжелого поражения русских войск под Фридрихсборгом 2(14) июня непосредственная опасность, грозившая России, вынудила императора начать переговоры. Они завершились 25 июня (7 июля) подписанием Тильзитского мира. Присутствовавший при этом великий князь Константин получил от Наполеона ленту Почетного легиона¹³. В сентябре 1808 г., когда происходили новые переговоры Александра I с Наполеоном, великий князь сопровождал брата в Эрфурт¹⁴.

Константин, который в ранней молодости стремился побывать на войне, говорил о нежелательности ведения военных действий против Франции не только в 1807, но и в 1805 гг.¹⁵ Такое изменение его позиции можно объяснить несколькими причинами.

Во-первых, принадлежностью великого князя к масонским организациям. Масоны рассматривали войну как явление, противоречащее основной масонской заповеди о всемирном братстве. Конечно, многие масоны в силу разных причин принимали участие в войне, но обычно они в целях взаимопомощи организовывали военно-масонские ложи, чтобы «смягчать страдания, рождаемые войной, заботиться о больных и раненых». Целью войны масоны считали мир¹⁶.

Во-вторых, великий князь Константин высоко ценил военный гений Наполеона. Он говорил генеральному консулу и поверенному в делах Франции в Петербурге Ж.-Б. Лессепсу в 1807 г., что восхищается только Наполеоном. Великий князь хвалил ловкость и дисциплину французских войск, изучил их организацию и состав так, что даже знал каждый полк в отдельности¹⁷. Поэтому он не хотел участвовать в войне со своим кумиром.

В-третьих, цесаревич любил, чтобы войска выглядели образцово. А в результате войны, по его мнению, загрязнялись мундиры и те-

рялась строевая выправка, т. е. то, что Константин ценил выше всего. Н. И. Тургенев в своих воспоминаниях писал, что Константин был очень недоволен состоянием мундиров солдат, участвовавших в заграничном походе. «Обыкновенно одежда русского солдата рассчитывалась только для парада. За границей она была приспособлена к утомительным длинным переходам и была похожа на простую одежду крестьян. Видя проходящий церемониальным маршем пехотный гвардейский стрелковый полк, покрытый славой, Константин возмутился видом солдат; более всего ему не понравилась толстая и грубая обувь. Он высказал сильное неудовольствие на неправильность строя и вскричал с досадой: “Эти люди умеют только драться!”. В его устах это была горькая критика»¹⁸.

Великий князь Константин Павлович принял участие в Отечественной войне 1812 г., хотя и считал, что необходимо не допустить военных действий между Францией и Россией. С этой целью он желал лично ехать во Францию для переговоров с Наполеоном¹⁹. С началом войны 5-й корпус, которым командовал Константин, в составе 1-ой западной армии М. Б. Барклая-де-Толли, выйдя из Дрисского лагеря, предпринял отступление к Витебску, чтобы соединиться со 2-ой армией под командованием генерала П. И. Багратиона. Многие роптали, не понимая причин отступления, в их числе был и великий князь. Очевидно, в нем возобладали чувство патриотизма и желание, чтобы война поскорее закончилась. Стесняясь присутствия оппозиционно настроенного брата императора, Барклай послал Константина из Витебска в Москву с целью ознакомления находившегося там государя с положением армии и видами главнокомандующего²⁰.

В Москве Александр I предложил цесаревичу сформировать кавалерийский полк. Однако московский военный губернатор граф Ф. В. Ростопчин попросил царя не оставлять Константина в Москве. Он считал, что Великий князь для создания полка намеревался забирать всех пригодных людей и лошадей. Тогда Александр поручил Константину Павловичу организацию ополчения в Нижнем Новгороде, но тот отказался и с разрешения императора присоединился к своему корпусу²¹.

Великий князь вернулся к войскам перед вступлением в Смоленск, где, наконец, соединились 1-я и 2-я армии. В Смоленске был собран Военный Совет, и присутствовавший на нем Константин высказался за наступление. Этот взгляд разделялся большинством

членов Совета, поэтому Барклай, который стал во главе двух армий после их соединения, был вынужден согласиться²². Барклай-де-Толли начал двигаться навстречу французам к Рудне, но, не имея точных сведений о противнике и опасаясь его обхода с Петербургской дороги или у Смоленска, он внезапно принял решение отходить к Поречью, а затем пытался вернуться обратно. Целью данных передвижений, вызывавших недовольство в армии, было не вступать преждевременно в бой с превосходящими силами французов и не удаляться далеко от Смоленска. Благодаря этому, когда стало известно о движении Наполеона на Смоленск, русские войска помешали французской армии сразу овладеть городом. Однако через несколько дней после кровопролитных боев Смоленск был оставлен и Барклай принял решение отойти к Москве²³.

Генералы, находившиеся в оппозиции к командующему (А. П. Ермолов, Л. Л. Беннигсен, А. М. Римский-Корсаков, Н. А. Тучков, герцог А. Вюртембергский), просили Константина Павловича как брата императора, заявить Барклаю о пагубных последствиях дальнейшего продолжения отступления. В результате состоявшегося разговора Барклай решил в Дорогобуже окончательно выслать великого князя из действующей армии. Барклай предложил Константину Павловичу лично высказать Александру свои соображения, так как он, признавая их важность, все же не считал возможным изменить тактику военных действий, утвержденную императором²⁴.

Из Дорогобужа Константин приехал в Петербург к Александру I. Он вновь присоединился к русским войскам в конце 1812 г.²⁵, когда началось отступление французской армии. Константин Павлович командовал гвардейским корпусом, составившим после соединения русской и прусской армий союзные резервы²⁶. После победы Наполеона под Бауценом 8–9 (20–21) мая 1813 г., в связи с временным прекращением военных действий, великий князь стал снова высказывать желание заключить мир. В письмах к одному из своих приближенных, графу В. Ф. Васильеву, Константин постоянно проводил данную мысль, вплоть до момента перехода войск союзников через Рейн. Сначала он мотивировал это численным превосходством французской армии над силами союзников, затем — стремлением поскорее «заживить раны нашей дорогой России» и, наконец, — убеждением, что надо вовремя остановиться. Великий князь не был одинок в своем желании мира и отрицательном отношении к продвижению русских войск

к границам Франции. Те же мысли высказывали Барклай-де-Толли и ранее — М. И. Кутузов²⁷.

Константин участвовал в августе 1813 г. в сражениях под Дрезденом и Кульмом (за участие в последнем он получил золотую шпагу с алмазами с надписью «За храбрость»), и 4–7 (16–19) октября того же года — в «битве народов» под Лейпцигом, за что был награжден орденом св. Георгия 2-го класса. В сражении при Фер-Шампенуазе 13(25) марта 1814 г. Константин во главе уланского и лейб-гвардии драгунского полков предпринял против французов кавалерийскую атаку, которая впоследствии была оценена как одна из самых выдающихся в истории наполеоновских войн. За это Александр I пожаловал великому князю золотой палаш «в ознаменование благоразумных распоряжений и отличного мужества»²⁸.

После капитуляции Парижа и подписания Парижского мира 18(30) мая 1814 г. Константин Павлович был послан в Петербург с этим известием. Из Петербурга он отправился в Вену, чтобы также официально оповестить о заключении мира. В октябре 1814 г. цесаревич присутствовал на заседаниях открывшегося Венского конгресса. В период «Ста дней» великий князь принял участие в походе русских войск против Наполеона, но прежде чем они перешли через Рейн было получено сообщение о победе союзников под Ватерлоо. Во время Ахенского конгресса 1818 г., на котором решался вопрос о досрочном выводе оккупационных войск из Франции, Константин Павлович присутствовал на смотрах союзной армии под командованием герцога А. У. Веллингтона и корпуса графа М. С. Воронцова в Валансьене и прусских войск — в Седане. Вместе с Александром I он ездил в Париж, чтобы навестить Людовика XVIII, а также побывал в Брюсселе, где виделся с сестрой Анной Павловной и ее мужем, принцем Вильгельмом Оранским²⁹.

3) С конца 1814 г. в соответствии с польскими планами Александра местом пребывания великого князя становится Варшава. После образования конституционного Царства Польского в составе Российской империи в 1815 г. Константин Павлович был назначен главнокомандующим польской армией и находился в Польше до 1830 г., являясь важным агентом российского влияния. Пребывание в Царстве Польском, которое цесаревич первоначально воспринимал как «ссылку», способствовало его сближению с польской политической элитой (особенно после заключения в 1820 г. морганатического брака с графиней

Иоанной Грудзиньской, получившей титул княгини Лович). Константин стал поддерживать идею объединения Царства Польского с западными губерниями Российской империи, ранее входившими в состав Речи Посполитой³⁰.

В период 1815–1830 гг. великий князь несколько раз приезжал в Петербург и Москву. Из поездки в Москву в 1818 г. Константин вынес самые благоприятные впечатления. Его очень обрадовало, как быстро восстанавливались города, пострадавшие во время Отечественной войны. Великий князь писал 24 мая 1818 г. начальнику штаба Гвардейского корпуса Н. М. Сипягину: «Дорога бесподобная и, так сказать, что шар покати, исключая нескольких станций под Москвою, и я по всей дороге разоренного ничего не видел, как будто бы и войны у нас совсем не было; один Смоленск, можно сказать, опустошением достоин еще и теперь жалости; впрочем, в Вязьме, хотя и остались знаки разорения, но приметно, сколь много уже поправлено и поправляется [...]. Гжатск так отстроился, что и теперь ничего разоренного почти не увидишь, а об Москве я Вам уже и сказать не умею, сколь много в ней поправилось и в таком же виде, как нельзя лучше, и на мои глаза второй Париж». Прибыв в Москву 22 мая, Константин Павлович остановился в Кремлевском дворце, в комнатах, смежных с покоями Александра I. «Не могу отойти от окошка, — писал далее цесаревич, — сижу и смотрю на город, люблюсь сверх того и натуральными видами Москвы, одаренными природою, и если бы употребить ту сумму, какая издержана на виды и украшения в С.-Петербурге, я не знаю, чтобы еще из того здесь было; но теперь скажу Вам, что для меня нет лучше городов, как Парижа и Москвы»³¹.

Поездки великого князя имели порой немаловажное политическое значение. Во время своего приезда в Петербург в январе 1822 г. Константин подписал отречение от прав на российский престол. Оно было составлено под нажимом Александра I и вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Константин Павлович не считал свое отречение от прав на престол окончательным и пытался взамен добиться от императора официальных полномочий по управлению Царством Польским и западными губерниями Российской империи. Он также хотел, чтобы его супруга получила титул великой княгини. Особые надежды цесаревич возлагал на личные встречи с Александром I во время маневров в Бресте в сентябре 1823 г. и осмотра крепости Замостье в октябре того же года. На этих встречах присутствовала и княгиня Лович.

Но император не пошел на сделку с братом. После смерти Александра I Константин Павлович надеялся на определенные уступки в польском вопросе со стороны Николая I. Однако новый император считал, что решение этого вопроса в желаемом для Константина духе угрожает целостности Российской империи. Еще больше осложнило ситуацию выступление декабристов на Сенатской площади 14(26) декабря 1825 г. Уступая просьбам матери, в августе 1826 г. великий князь приехал в Москву на коронацию Николая I, подтверждая тем самым добровольность своего отречения³².

4) Единственной классической формой путешествий в жизни Константина Павловича были поездки на воды. Княгиня Лович болела чахоткой и в 1824, 1825 и 1829 гг. супруги совершили путешествия в Эмс и Карлсбад, а также нанесли визит некоторым иностранным монархам. На путевые расходы цесаревича предназначалась сумма в 100 000 рублей, выдаваемая ему удельным ведомством. В поездках Константина всегда сопровождал его внебрачный сын Павел Александров, живший вместе с отцом и княгиней Лович. С великим князем находились его адъютанты: полковники Г. А. Феньшау и К. Турно, граф Ф. К. Нессельроде, с княгиней — польские дамы из ее окружения: графиня Малаховская (1824 г.), графиня Забелло (1829 г.) За ее здоровьем следили доктор Ж. (И.) Бижель (1824 г.) и доктор Калиш³³.

Путешествия Константина начинались в июле или августе и заканчивались в ноябре. В 1824 г. супруги провели 5 недель в Эмсе. Отсюда Константин ездил в Кобленц для осмотра строившейся пруссаками крепости. Там же цесаревич и Иоанна встретились с его родственниками — сестрой Анной Павловной и ее мужем, принцем Вильгельмом Оранским, а также королем Вюртембергским Вильгельмом I, вторым мужем великой княгини Екатерины Павловны и дядей принцессы Фредерики (Елены Павловны), жены великого князя Михаила. Потом для продолжения лечения супруги отправились в Дрезден. По пути туда путешественники останавливались в Майнце. Бывшие там австрийские войска понравились Константину больше, чем прусские. В Веймаре произошла встреча с сестрой Константина Марией Павловной и ее супругом Карлом-Фридрихом, наследным герцогом Саксен-Веймарским. Проезжая Лейпциг, Константин вновь увидел знаменитое поле «битвы народов». Из Дрездена великий князь ездил в саксонскую крепость Кенигштейн и австрийский Теплиц, чтобы посетить поле битвы под Кульмом. Свое путешествие цесаревич решил

использовать в служебных целях и собрать сведения о внутреннем положении Германии и ее войсках для доклада Александру I. Опираясь на собственные наблюдения и сведения, полученные от различных лиц, Константин составил весьма любопытную записку³⁴. Великий князь отмечал, что недовольство существующим порядком заметно во многих немецких государствах. Это было вызвано, по его мнению, пренебрежением к законам и легкомыслием правителей. Большое влияние на настроение общества, как полагал Константин, оказывало «вредное» университетское образование. «Душою невольно овладевает страх при мысли, что будет с миром лет через десять, если пагубные доктрины будут проповедоваться и впредь, и молодые люди, которые почерпнут подобные взгляды в университете, займут в Европе большую часть военных и гражданских мест»³⁵, — писал цесаревич.

В следующем, 1825 г., Константин также составил записку о своем пребывании в Германии. 6 недель супруги провели в Карлсбаде, затем отправились во Франкфурт-на-Майне для встречи с принцессой Оранской. Потом княгиня лечилась водами в Эмсе. По приглашению короля Прусского Фридриха Вильгельма III, тестя Николая Павловича, супруги присутствовали на маневрах в Кобленце. Как и годом ранее, великий князь критически оценивал состояние прусских войск, ставя им в пример австрийские. Путешественники вернулись во Франкфурт-на-Майне, где провели 2 недели. Здесь Константин виделся с бывшей тещей — вдовствующей герцогиней Августой Каролиной Софией Саксен-Кобургской. Из Франкфурта супруги отправились в Веймар для встречи с Марией Павловной, затем побывали в Дрездене на свадьбе брата саксонского короля принца Максимилиана с лукской принцессой Марией Луизой Шарлоттой³⁶.

Маршрут 1829 г. несколько отличался от предыдущих путешествий. Константин с женой и сыном принимали воды в Эмсе и по пути посетили Дрезден, Франкфурт-на-Майне, Майнц, Кобленц, Веймар. В Эмс к Константину Павловичу приезжал повидаться его шурин принц Вильгельм Оранский. Здесь же великий князь встретился и со своим бывшим воспитателем, швейцарским политическим и общественным деятелем Ф.-С. Лагарпом, которого просил повлиять на редакции французских газет, с тем, чтобы критикующие его деятельность статьи анонимных польских авторов больше не печатались. Воспользовавшись 10 свободными днями после лечения, Константин решил съездить к сестре Анне Павловне в Брюссель. Он гостил в Брюсселе

6 дней и беседовал с королем Вильгельмом I, его супругой, принцем Оранским, его сестрой Марианной, братом Фредериком, жена которого — Луиза Августа — приходилась сестрой императрице Александре Федоровне. В знак уважения Константину нанесли визит аккредитованные в Брюсселе дипломаты³⁷. Пребывание в Бельгии оставило у великого князя двойное впечатление. Сама страна и ее столица очень понравились Константину. «Итак, я был в Брюсселе и видел лучшую страну в мире, плодородную, хорошо возделанную, повсюду достаток, всеобщее благоденствие, богатство всех классов и роскошь, подобно которой я ничего не видел»³⁸, — сообщал он 3(15) октября в письме к Николаю I. «Брюссель очень красив [...], новые бульвары, городские украшения всякого рода превосходят все, что можно было бы сказать [...] безудержная роскошь во всем: лошадях, экипажах, одежде, мебелировке и прочем; в лавках всяческое изобилие. Во всей стране я видел только 4 нищих, за исключением маленьких детей, которые делают это скорее ради развлечения, чем по нужде»³⁹, — писал великий князь. Но примирение интересов Нидерландов и присоединенной к ним в 1815 г. Бельгии (в 1792–1815 гг. входившей в состав Франции), отличавшихся в плане религии и языка, представляло значительные трудности. Относительный либерализм, заключавшийся в терпимости к политическим беженцам и особенно в предоставлении свободы прессе, мог, по мнению Константина, только навредить правительству. В том же письме цесаревич обращал внимание брата на беспокойную политическую обстановку во Франции и предрекал грядущие потрясения⁴⁰.

Константин Павлович и княгиня Лович собирались отправиться на воды в Эмс и в 1830 г., но в связи с начавшейся в июле революцией во Франции остались в Варшаве. В письме к российскому посланнику во Франкфурте-на-Майне барону И.-П. Анштедту 2(14) августа 1830 г. Константин просил его лично сообщать о ходе событий во Франции, поскольку французские газеты излагали их с революционных позиций. Он считал, что «в подобных обстоятельствах каждый должен оставаться на своем посту»⁴¹.

Опасения Константина Павловича были не напрасны. Европейские революции 1830 г. во Франции и Бельгии оказали влияние на политическую ситуацию в Царстве Польском. Польское общество, особенно молодежь, было недовольно политикой царской администрации. 17(29) ноября 1830 г. в Варшаве вспыхнуло восстание. Упустив благоприятный момент, когда его можно было подавить, цесаревич вместе

с русским гвардейским отрядом вышел из города и стал отступать к польской границе. Перейдя ее около Бреста, он соединился с 6-м пехотным корпусом генерала Г. В. Розена. Во время подавления восстания Константин сначала находился при армии, потом в Белостоке вместе с больной женой. В мае 1831 г. создалась угроза занятия Белостока со стороны перешедших границу польских войск. Великий князь с супругой переехали сначала в Слоним, затем из-за появившейся холеры — в Витебск. Но и там не удалось избежать болезни, которая стала причиной смерти цесаревича 15(27) июня 1831 г. Останки Константина были забальзамированы, около месяца гроб с его телом находился в витебском Успенском кафедральном соборе, где происходило отпевание. 31 июля гроб доставили в Гатчину, затем 13 августа — в Петербург. В течение трех дней он был выставлен в Петропавловском соборе, однако из-за опасения заражения холерой народ не допустили к прощанию с цесаревичем. 17(29) августа он был похоронен в том же соборе. Всего на несколько месяцев пережила супруга княгиня Лович. Истощенная болезнью, она умерла 17(29) ноября 1831 г., в годовщину Польского восстания, и была погребена в царскосельской католической церкви (а спустя столетие перезахоронена в Польше)⁴².

* * *

Путешествия великого князя Константина как члена императорской фамилии обычно были подчинены государственным интересам и связаны с профессиональной сферой его деятельности — военной. Несмотря на служебный и официальный характер этих поездок, великий князь обладал определенной свободой действий и мог отказаться или, наоборот, инициировать свое участие в том или ином мероприятии (например, в Итальянском и Швейцарском походах). Участие в Наполеоновских войнах принесло много интересных впечатлений, познакомило с жизнью и обычаями других стран. В этом отношении еще большую роль сыграло пребывание Константина Павловича в Царстве Польском. Поездки на воды в Эмс и Карлсбад также возбудили живой интерес цесаревича. Он составил подробные описания этих путешествий, предназначенные для Александра I, в 1824 и 1825 гг. Материалы, касающиеся путешествий Константина Павловича, помогают не только уточнить некоторые недостаточно изученные детали его биографии и охарактеризовать его как личность. Эти документы являются ценным источником по военной и политической истории России и Европы конца XVIII — начала XIX вв.

Примечания

¹ Камер-фурьерский церемониальный журнал 1795 года. СПб., 1894. С. 10, 384, 385, 422; Mémoires du prince Adam Czartoryski et correspondance avec l'empereur Alexandre I-er : 2 Vol. Paris, 1887. Vol. 1. P. 108.

² РГАДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 48. Константин Павлович — Екатерине II, Выборг, 7.V.1795; Фридрихсгам, 11.V.1795; Выборг, 15.V.1795. Л. 1–3 об.

³ *Гросул Г. С.* Дунайские княжества в политике России. 1774–1806. Кишинев, 1975. С. 149.

⁴ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 519. Приказ императора Павла I о посылке великого князя Константина Павловича в союзную армию в Италию, под командование фельд-маршала Суворова (не позднее 11.III.1799). Л. 1; Записки графа Е. Ф. Комаровского. М., 1990. С. 50.

⁵ *Милютин Д. А.* История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 году: в 5 т. СПб., 1852–1853. Т. 2. СПб., 1852. С. 22–25, 63–65.

⁶ Там же. С. 228, 249; ОР РНБ. Ф. 755. Оп. 1. Д. 11. А. В. Суворов — Павлу I, Нови, 5.VIII.1799. Л. 66; Там же. Д. 16. А. К. Разумовский — А. В. Суворову, Вена, 15.VIII.1799. Л. 118–119; Там же. А. К. Разумовский — А. В. Суворову, Вена, 12.X.1799. Л. 130–130 об.

⁷ П. А. Сафонов — Н. Г. Вяземскому, Асти, 17.VIII.1799, см.: РГИА. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1032. Л. 19 об.

⁸ *Ключевский В. О.* Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 226; *Pienkos A. T.* The imperfect autocrat Grand Duke Constantine Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. Boulder, 1987. P. 9; РГАДА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 227. Константин Павлович — А. К. Разумовскому, лагерь при Александрии, 1.VII.1799. Л. 16 об.

⁹ ПСЗ РИ. Т. 25. СПб., 1830. № 19.170. С. 842.

¹⁰ Константин Павлович — А. Х. Бенкендорфу, Варшава, 18.III.1828 // РА. 1884. № 6. С. 317–318.

¹¹ Французский генеральный консул в Петербурге Ж.-Б. Лессепс — французскому министру иностранных дел Ш.-М. Талейрану, Петербург, 10.VIII.1807 // Сб. РИО. СПб., 1893. Т. 88: Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона: в 4 т. Т. 4. 1807–1808 / Под ред. А. Трачевского. С. 121; А. Б. Куракин — Марии Федоровне, Тильзит, 3.VI.1807 // РА. 1868. № 1. Стб. 75–77, 83–84.

¹² Ж.-Б. Лессепс — французскому министру иностранных дел Ж.-Б. Шампаны, Петербург, 23.X.1807 // Дипломатические сношения. С. 278.

¹³ *Карнович Е. П.* Цесаревич Константин Павлович. Биографический очерк // *Карнович Е. П.* Собр. соч.: в 4-х т. М., 1995. Т. 3. С. 453–454.

¹⁴ Там же. С. 454.

¹⁵ Ж.-Б. Лессепс — Ш.-М. Талейрану, Петербург, 10.VIII.1807 // Дипломатические сношения. С. 121.

¹⁶ *Соколовская Т. О.* Русское масонство и его значение в истории общественного движения (XVIII и первая четверть XIX столетия). СПб., 1907. С. 79–81, 85.

¹⁷ Ж.-Б. Лессепс — Ш.-М. Талейрану, Петербург, 10.VIII.1807 // Дипломатические сношения. С. 122.

¹⁸ *Тургенев Н. И.* Россия и русские: в 2-х т. СПб., 1907–1915. Т. 1. М., 1907. С. 24–25.

¹⁹ *Карнович Е. П.* Цесаревич Константин Павлович. С. 461.

²⁰ Записки А. П. Ермолова. 1798–1826. М., 1991. С. 145.

²¹ *Росточин Ф. В.* Записки о 1812 годе // *Росточин Ф. В.* Ох, французы! М., 1992. С. 272–273.

²² Записки А. П. Ермолова. С. 147, 153, 156.

²³ Там же. С. 156–168; *Тартаковский А. Г.* Неразгаданный Барклай. Легенды и быль 1812 года. М., 1996. С. 81, 82, 93.

²⁴ *Тартаковский А. Г.* Неразгаданный Барклай. С. 97; Страницы прошлого Ф. И. Тимирязева // РА. 1884. Кн. 1. С. 166.

²⁵ Камер-фурьерский церемониальный журнал. Июль — декабрь 1812 года. СПб., 1911. С. 72, 616.

²⁶ *Карнович Е. П.* Цесаревич Константин Павлович. С. 466; Константин Павлович — В. Ф. Васильеву, под Шведницею, 22.V.1813 // РА. 1882. Кн. 1. С. 143.

²⁷ Константин Павлович — В. Ф. Васильеву, под Шведницею, 22.V.1813; Ассиг, 3.VI.1813, 23.VI.1813, 29.VI.1813, 6.VII.1813, 19.VII.1813; Неделица, 4.VIII.1813; Теплиц, 13.IX.1813; Франкфурт-на-Майне, 22.XI.1813; Эльзах, 21.XII.1813 // РА. 1882. Кн. 1. С. 143–147, 149–151, 153, 155, 156.

²⁸ *Карнович Е. П.* Цесаревич Константин Павлович. С. 468, 469; Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии. Сборник документов. М., 1964. С. 320; Константин Павлович — В. Ф. Васильеву, Теплиц, 13.IX.1813 // РА. 1882. Кн. 1. С. 152; *Чечулин Н. П.* Константин Павлович // Русский биографический словарь: в 25-ти т. СПб., 1896–1918. Т. 9. Кнаппе — Кюхельбекер. СПб., 1903. Стб. 180; *Соколовский М. К.* Биографии цесаревича Константина // РС. 1907. № 1. С. 220; *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование: в 4 т. СПб., 1897–1898. Т. 4. СПб., 1898. С. 120.

²⁹ *Карнович Е. П.* Цесаревич Константин Павлович. С. 469; *Pienkos A. T.* The imperfect autocrat. P. 16.

³⁰ Mémoires du prince Adam Czartoryski. Vol. 2. Paris, 1887. P. 337–338, 358; А.-К. Нойль — А.-Э. дю Плесси де Ришелье, Москва, 6.III.1818 // *Николай Михайлович, вел. кн.* Александр I. Опыт исторического исследования: в 2 т. СПб., 1912. Т. 2. С. 270; *Askenazy Sz.* Rosja — Polska. 1815–1830. Lwów, 1907. S. 75; *Idem.* Łukasiński: 2 T. Warszawa; Lwów, 1908. Т. 1. S. 49; *Tokarz W.* Armia Królestwa Polskiego (1815–1830). Piotrków, 1917. S. 110–111; *Pienkos A. T.* The imperfect autocrat. P. 60–65.

³¹ Константин Павлович — Н. М. Сипягину, Москва, 24.V.1818 // РС. 1900. № 4. С. 122–123.

³² Mémoires du comte de Moriollès sur l'émigration, la Pologne et la cour du grand-duc Constantin (1789–1833). Paris, 1902. P. 197–198, 200–206, 275; ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1151. Журнал происходившему по военной части во время присутствия императора Александра I в Варшаве, 1822–1823. Л. 28 об., 42; Там же. Д. 656. Мария Федоровна — Константину Павловичу, 3.V.1826 Л. 1–2; Константин Павлович — Марии Федоровне, Варшава, 8.XII.1825 // Междуцарствие 1825 г. и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926. С. 156; Петербург в 1825–1826 годах (по дневнику П. Г. Дивова) // РС. 1897. № 3. С. 463; *Askenazy Sz.* Rosja — Polska. 1815–1830. S. 48–50; *Idem.* Łukasiński. Т. 1. S. 161, 162, Т. 2. S. 277, 278; *Писаревский Г. Г.* К истории польской революции 1830 года. Баку, 1930. С. 59, 60, 63, 64; *Ожунь С. Б.* История СССР. 1796–1825. Л., 1947. С. 445–448, 450–454; *Он же.* Декабрист М. С. Лунин. Л., 1962. С. 79–82, 85.

³³ РГИА. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1055. Переписка по разным вопросам: об исправлении земляного вала в Стрельнинской мызе, о высылке в Варшаву туалетных вещей императрицы Екатерины II и денег на путевые расходы великого князя Константина Павловича, 23.II — 22.XII.1829. Л. 14–19; Там же. Д. 1069. О вояжах ЕИВ блаженной памяти государя цесаревича и светлейшей княгини Ловицкой за границу в 1824, 1825 и 1829

годах. Л. 4, 8, 10, 37, 48 об.–49, 91, 111 об., 148, 165–165 об., 252–252 об., 259; Там же. Д. 1097. О расходах, произведенных в вояж Его высочеству цесаревичу и светлейшей княгине Лович в Карлсбад и Эмс в 1824 и 1825 годах. Л. 44–44 об.

³⁴ АВП РИ. Ф. 333. Оп. 576. Д. 1910. Записка великого князя Константина императору Александру, Варшава, 23.XI.1824. Л. 29–63; *Тимощук В.* Впечатления великого князя Константина Павловича, вынесенные им из поездки в Германию в 1824 году // РС. 1910. № 12. С. 567–582; *Писаревский Г. Г.* Впечатления русского путешественника от поездки по Германии в 1824 году. Баку, 1928.

³⁵ АВП РИ. Ф. 333. Оп. 576. Д. 1910. Записка великого князя Константина. Л. 40; *Тимощук В.* Впечатления великого князя. С. 573.

³⁶ АВП РИ. Ф. 333. Оп. 576. Д. 1911. Замечания великого князя, цесаревича Константина о путешествии по Германии, XI–XII.1825. Л. 28–76; *Писаревский Г. Г.* Путешествие цесаревича Константина Павловича по Германии в 1825 г., им самим описанное. Казань, 1913.

³⁷ Константин Павлович — Николаю I, Варшава, 31.VII.1829, 5.VIII.1829; Бреславль (Вроцлав), 8.VIII.1829; Эмс, 27.VIII.1829, 3.X.1829 // Сб. РИО. СПб., 1910. Т. 131: Переписка императора Николая I с великим князем Константином Павловичем. С. 353, 356–359, 361–370, 372–374; [*Zamoyski W.*] Jenerał Zamoyski 1803–1868: 6 T. Poznań, 1910–1930. Т. 1. Poznań, 1910. S. 273, 275, 299, 341.

³⁸ Константин Павлович — Николаю I, Эмс, 3.X.1829 // Переписка императора Николая I. С. 362.

³⁹ Там же. С. 365.

⁴⁰ Там же. С. 362–365, 371–373.

⁴¹ РГАДА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 229. Константин Павлович — И.-П. Анштедту, Варшава, 2.VIII.1830. Л. 65–65 об.

⁴² *Карнович Е. П.* Цесаревич Константин Павлович. С. 562–565, 587–592; *Кучерская М.* Константин Павлович. М., 2005. С. 273–280; *Czartkowski A.* Księżna Łowicka. Portret biograficzny (1791–1831). Poznań, 1931. S. 114–117, 123–135, 163–165; ГА РФ. Ф. 1055. Оп. 1. Д. 30. Письмо неустановленного лица неустановленному лицу с извещением о болезни и смерти великого князя Константина Павловича, Витебск, VII.1831. Л. 1–2 об.; РГИА. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1112. О болезни и кончине светлейшей княгини Ловицкой, равно о распоряжениях и расходах по погребению и на постройку катакомбы, 13.X.1831–5.I.1833. Л. 1–159.

О. Б. Рихтер — летописец путешествий по России цесаревича Николая Александровича

Поездки и путешествия по России наследников престола были тесно связаны с воспитанием и образованием цесаревичей. Одним из самых способных русских престолонаследников считается старший сын Александра II — умерший в молодости цесаревич Николай Александрович¹. Его путешествия по стране должны были стать «не одною только наглядкою туриста, а поверкою учебных доводов на мериле действительности», как мечтал об этом в 1857 г. его тогдашний наставник В. П. Титов².

Непременным атрибутом поездок и путешествий по России наследника престола были так называемые журналы. Они писались состоявшим при цесаревиче лицом и с определенной периодичностью посылались императору в качестве отчета. Ведение журналов о воспитании маленьких великих князей являлось давней традицией в императорской семье, в которой дети были отделены от родителей³. Видимо, начало поденным запискам о великом князе Николае Александровиче (тогда еще не наследнике) было положено в 1847 г. письмами С. А. Юрьевича к его бывшему воспитаннику цесаревичу Александру Николаевичу⁴.

С 1858 г. обязанность составления журналов о занятиях цесаревича Николая Александровича лежала на полковнике Оттоне Бурхардовиче (Оттоне Деметриусе Карле Петере) Рихтере, которого сыновья Александра II звали на русский лад Дмитрием Борисовичем, или сокращенно «Д. Б.»⁵. Окончив Пажеский корпус в 1848 г., Рихтер участвовал в Крымской и Кавказской войнах и был награжден золотым оружием с георгиевским темляком. Даже самые скупые на похвалы современники отмечали его честность и благородство⁶. С 1858 г. он состоял при цесаревиче Николае Александровиче до смерти последнего в 1865 г. Назначение состоять при наследнике было для Рихтера

важно и значимо. «8 сентября 1858 года, — начинал он свой первый журнал, — это дата, которая открывает новую эпоху в моей жизни»⁷. А уже через месяц цесаревич писал в дневнике о Рихтере: «Это мой истинный друг»⁸.

С 1858 г. Рихтер сопровождал цесаревича Николая Александровича в его поездках и путешествиях. Терминологически эти понятия отличались друг от друга. Для понимания разницы между ними следует учитывать мнение современных исследователей, которые отмечают условность любой типологии путешествий, потому что ее критерии неизбежно пересекаются друг с другом⁹. Ярким примером такого пересечения оказываются путешествия по России царских сыновей. «Представительский вояж, — пишут Е. Г. Милогина и М. В. Строганов, — был для наследника престола не только репрезентативным путешествием (будущий император представлялся России), но и ученым или познавательным путешествием, поскольку этим проектом заканчивалось его школьное обучение (и на самом деле, наследник престола изучал и открывал для себя возможные ресурсы подвластной ему страны). Вместе с тем это же путешествие можно рассматривать и как развлекательную или каникулярную прогулку, так как это путешествие находилось в конце академического курса [...] А поскольку историческая составляющая в представительском вояже наследника престола занимала немалое место, путешествие его можно с равным успехом назвать и археологической экскурсией»¹⁰.

Несмотря на содержащуюся в этом размышлении модернизацию некоторых аспектов августейших путешествий, оно подводит к необходимости прислушаться к тому, как эти путешествия классифицировались их организаторами. Судя по делопроизводству Собственной канторы детей их императорских величеств рубежа 1850–1860-х гг., *путешествия* по России были связаны с посещением большого количества населенных пунктов в течение относительно длительного времени (в рамках подготовки к путешествиям создавались специальные брошюры с маршрутами и даже карты¹¹). *Поездками* же считались перемещения в направлении конкретного населенного пункта. Впрочем, как путешествия, так и поездки цесаревича могли обозначаться в делопроизводстве словом *вояж*.

В непосредственной связи с длительностью перемещения в пространстве находилась финансовая сторона вопроса. Так, членам свиты, чинам и слугам, которые отправлялись вместе с наследником

в *путешествия* по России (1861, 1863), выдавались подъемные деньги¹². *Поездки* же цесаревича в Гапсаль (1859) и Либаву (1860), «по высочайшему государя императора повелению, считались загородными пребываниями», в связи с чем подъемные деньги не выдавались¹³. Таким образом, критерием классификации путешествий и поездок по России наследника престола в конце 1850-х — начале 1860-х гг. можно считать продолжительность перемещения по стране и количество его этапов, а одним из маркеров этой классификации — выдачу подъемных денег членам свиты.

Написанные во время путешествий журналы были более богаты путевыми подробностями, чем аналогичные описания поездок, ведь в последнем случае значительный объем текста оказывался посвященным не перемещению в пространстве, а «пребыванию» в конкретном населенном пункте. Поэтому наиболее любопытными журналами О. Б. Рихтера представляются те, которые он написал в процессе путешествий по России с цесаревичем Николаем Александровичем в 1861 и 1863 гг. Во время первого путешествия наследник в сопровождении небольшой свиты побывал в Москве, Владимире и Нижнем Новгороде, откуда по Волге отправился в Казань. В 1863 г. цесаревич совершил плавание по Волге и Дону, а также посетил Крым и Закавказье. Насыщенность маршрутов предполагала яркие путевые впечатления, которые фиксировал Рихтер.

Новые впечатления нередко казались путешественникам комичными. Однако тактичный Рихтер поначалу опасался шутить в тексте, предназначенном для прочтения не столько его спутниками, сколько самим императором. По просьбе Рихтера это опасение постарался развеять цесаревич Николай Александрович, писавший отцу в 1861 г.: «Д. Б. сначала не решался писать тем юмористическим тоном, который мы, наконец, убедили его принять для описания разных более или менее забавных и оригинальных случаев, составляющих так часто всю прелесть дороги». «Не правда ли, милый Папа, — продолжал наследник, — мы имели *резон** желать, чтобы наш дневник, который, я убежден, Тебя интересуется, как можно более соответствовал своему назначению, т. е. как можно рельефнее и живее изображал Тебе наше странствие»¹⁴. Склонный к юмору великий князь не хотел, чтобы жур-

* Здесь и далее выделенные курсивом слова в цитатах подчеркнуты в оригинале.

нал его путешествия напоминал сухой и официальный камер-фурьерский журнал.

Действительно, журналы Рихтера свидетельствуют, что описания августейших путешествий могли быть не только официозными или сатирическими (как под пером А. И. Герцена¹⁵), но и ироническими. Свойственную Рихтеру легкую насмешливость отмечали знавшие его современники, а Б. Н. Чичерин вспоминал, что тот «любил отпустить плохие каламбуры»¹⁶. Впрочем, журнал полковника был оценен Александром II, отвечавшим старшему сыну: «Поблагодари Рихтера за журналы, которые мы читали с любопытством»¹⁷.

Одним из самых занимательных эпизодов показалось членам императорской семьи поведение цесаревича Николая Александровича на прощальном обеде в Нижнем Новгороде 14 августа 1861 г., описанное Рихтером. Цесаревич встал из-за стола до окончания обеда, чем лишил всех присутствующих возможности отведать десерт. «Зачем между нами не было 2-го Гогарта, чтоб схватить различные выражения лиц, — патетически восклицал Рихтер, — тут было смятение, невозмутимое спокойствие, живой упрек, обманутые надежды, удивление, одним словом, картина, достойная карандаша великого художника». Описание обеда, «на котором Н[иколай] А[лександрович] отличился», вызвало «самое сильное одобрение» у его братьев, которым Рихтер позже читал журнал путешествия¹⁸. «Выходка на нижегородском обеде» позабавила и императрицу Марию Александровну, написавшую об этом старшему сыну¹⁹. Впрочем, цесаревич быстро исправил свой промах. Уже в Казани он позволил сотрапезникам «совершенно спокойно насладиться не только пирожным, но даже и десертом»²⁰.

Несмотря на иронично-юмористический характер, журналы Рихтера стали основой для официальных сообщений в печати о путешествиях цесаревича Николая Александровича. Так, статьи под названием «Путешествие Государя Наследника Цесаревича», появившиеся в сентябре 1861 г. в газете «Северная пчела», имели дословные совпадения с журналом Рихтера, хотя очевидно, что текст оригинала был расширен за счет дополнительных деталей, а также подвергся редактированию²¹.

Журнал Рихтера послужил началом и для «Писем о путешествии Государя Наследника Цесаревича по России от Петербурга до Крыма». В 1863 г. цесаревича Николая Александровича сопровождали профессора И. К. Бабст и К. П. Победоносцев. Они посылали описания путешествия своего бывшего ученика в ставшую чрезвычайно популярной

газету «Московские ведомости». На следующий год Бабст и Победоносцев дополнили газетные публикации и выпустили их под одной обложкой, поставив свои подписи под предисловием к книге²². То обстоятельство, что Бабст и Победоносцев присоединились к свите путешествовавшего цесаревича лишь через 11 дней после его отплытия из Петербурга, не помешало исследователям считать авторами «Писем о путешествии» исключительно профессоров²³. Однако сопоставление первых двух глав «Писем» с журналом Рихтера приводит к выводу о несомненной зависимости текста Бабста и Победоносцева от посланий состоявшего при наследнике полковника.

Так, Рихтер с иронией писал Александру II, что наряд увиденных им шлиссельбургских крестьянок «чрезвычайно дорог, если верить тому, что жемчуг, украшающий повойники, настоящий»²⁴. Слова Рихтера были немного отредактированы для газетной публикации, а затем попались на глаза А.И. Герцену. Сам любитель каламбуров, Герцен не распознал иронии и решил, что «летописец путешествия наследника» посчитал жемчуг неподдельным²⁵. Шутка Рихтера, адресованная императору, не соответствовала канону описаний августейших путешествий и поэтому была непонятна широкой аудитории.

Путевая корреспонденция цесаревича Николая Александровича также была неясна без журнала Рихтера. «Ездил с дамами и старым бардом в Соломенное*», — лаконично телеграфировал наследник Александру II из Петрозаводска 16 июня 1863 г.²⁶ «Из твоей депеши, — писал брату 16-летний великий князь Владимир Александрович, — мы никак не могли понять, что ты подразумеваешь под старым бардом. Только поняли, получив журнал»²⁷. В журнале же Рихтер подробно описал встречу цесаревича со слепым сказителем былин, которого слушали путешественники во время поездки на пароходе в живописно расположенное село Соломенное²⁸.

В ходе путешествий цесаревич Николай Александрович общался с широким кругом людей, начиная с губернаторов и заканчивая крестьянами. Встречи с ними нашли отражение в журнале состоявшего при наследнике полковника, а описания этих встреч были не лишены комичности. Так, в 1863 г. крестьяне Владимирской губернии никак не могли определить, кто из приехавших офицеров был царским сыном. Сопровождавший цесаревича художник А.П. Боголюбов предложил одной

* Соломенное — ныне район Петрозаводска.

из крестьянок отгадать, «который из двух сидевших в коляске наследник». «Должно быть, молоденький, — отвечала она, — он такой пригоженький, другой бородатый, непригожий, да и поподлее». Я попрошу позволение не называть другого», — смеялся Рихтер, так как именно он находился в одном экипаже с цесаревичем²⁹. «Комплимент бабы» рассмешил и императрицу Марию Александровну³⁰. Аналогичный случай произошел в 1861 г. в московском Новодевичьем монастыре, который накануне визита наследника посетил его брат *великий князь* Александр Александрович. «Приезд наш, — писал Рихтер, — переполошил весь монастырь, долго не знали, кто мы такие, пока я, наконец, объяснил, в чем дело, и тут еще некоторые старушки не могли скоро сообразить, уверяя меня, что наследник у них был вчера»³¹.

Эти случаи показывают, что «неузнаваемость» августейших особ во время их путешествий была не только типологическим фольклорным клише, но и имела место в действительности. Вероятно, свою роль в этом играло низкое качество многочисленных изображений членов Российской императорской фамилии, а также то, что народные представления о высочайших особах далеко не всегда были верными. Так, крестьянин Кинешемского уезда Костромской губернии Власий Васильев, адресуя в 1863 г. свое прошение наследнику, обращался к нему по имени его отца: «Ваше императорское высочество великий князь Александр Николаевич!»³²

Однако, как правило, цесаревича Николая Александровича быстро узнавали. Каждому хотелось увидеть царского сына, ведь, как уверяли спутников наследника в Чебоксарах, «цари к нам не ездят, только патреты доходят»³³. Скопления людей нередко приводили к давке. «Москвичи любят делать опыты над упругостью ребер приезжих, — с неизменным юмором вспоминал Рихтер в 1866 г. в письме Б.Н. Чичерину. — Знаю это по опыту и удивляюсь, что уцелел»³⁴. Тем не менее выражение народных чувств приятно поражало спутников наследника. «Не берусь описывать восторга и криков встречавших цесаревича, с каждым городом это увеличивается, так что скоро я не буду находить выражений, подходящих к действительности», — писал Рихтер в 1863 г. из Ярославля³⁵.

Образ наследника, выведенный пером Рихтера, выглядел чрезвычайно привлекательно. Цесаревич Николай Александрович проявлял внимание к подданным своего отца и старался исполнять его наставления. Благодаря депутацию жителей Белозерска, писал Рихтер,

«цесаревич внятно и громко отвечал, высказав, очень удачно, в немногих словах то, что ваше величество поручило цесаревичу говорить в подобных случаях»³⁶. Великий князь проявлял сочувствие к тем, несчастью которых становился свидетелем, и нередко конфузился, посещая женские учебные заведения, что казалось естественным для молодого человека его возраста.

Обилие симпатичных черт в образе цесаревича, видимо, вынуждало автора журнала описывать их посредством передачи чужой речи. Так, Рихтер цитировал услышанный им разговор двух дам: «Ну, пойдем же, ведь ты видела его? Ну, он миленький, теперь пойдем спать»³⁷ и реплики женщины: «Приведет ли Бог его увидеть еще раз, дайте нам на него поглядеть»³⁸. Особую роль играло одобрение народом действий наследника. В 1861 г. цесаревич спрыгнул в трюм баржи, «не дождавшись сходни». «Мне, — писал Рихтер, — удалось слышать лестный отзыв, вызванный этим подвигом: “Ишь ты, совсем не форсистый”»³⁹. Довольный наследник писал императрице Марии Александровне: «“Не фарсистый в[еликий] князь” останется моим нижегородским почетным титулом, которым я вправе гордиться»⁴⁰. Журнал Рихтера становился, таким образом, инструментом формирования самосознания цесаревича, который смотрел в журнал будто в зеркало и воспринимал себя через призму данных в журнале оценок. Это еще раз объясняет взятую Рихтером вольную тональность и старание избежать формализма в повествовании.

В современной исследовательской литературе описания августейших путешествий часто рассматриваются в качестве одной из форм репрезентации монархии⁴¹. Однако изучение бытования журналов Рихтера показывает, что в данном случае образ путешествовавшего наследника и встречавшей его России создавался в первую очередь не для широкой публики, а для членов Российской императорской фамилии. Отправившись в сентябре 1863 г. в путешествие по России, Александр II получил журнал Рихтера, а затем послал его великим князьям Александру и Владимиру Александровичам в летнюю императорскую резиденцию с карандашной надписью: «По прочтении положить на мой стол в кабинете в Ц[арском] С[еле]»⁴².

«С большим интересом читаем журнал Д. Б. и восхищаемся его красноречием», — писал великий князь Владимир Александрович старшему брату⁴³. «Браво Рихтеру и его журналу», — восклицала императрица Мария Александровна⁴⁴. Цесаревич же, как он писал матери

в 1861 г., старался «составлять письма так, чтобы они, говоря во многом то же, что и журнал Рихтера, в то же самое время говорили еще и другое и представляли разнообразие»⁴⁵. Впрочем, в 1863 г. наследник писал великому князю Александру Александровичу, что он и его спутники «набрались стольких впечатлений, видели так много любопытного, что рассказывать подробно и обстоятельно можно только в журнале, подобном журналу Д. Б.»⁴⁶.

Обилие подробностей в журналах Рихтера имело и педагогическое значение. Воспитательные усилия состоявшего при наследнике полковника были направлены, в частности, на формирование у великого князя чувства долга и понимания собственных обязанностей. В конце путешествия 1861 г. Рихтер и попечитель наследника граф С. Г. Строганов «имели очень серьезный разговор» с цесаревичем и «выразили надежду, что он примется настоящим образом за работу в Царском Селе и что путешествие и неизбежное рассеяние не будут иметь влияния на занятия»⁴⁷. Прочитав эти строки и зная, что их будет читать его отец, Великий князь Николай Александрович постарался оправдать надежды Рихтера, Строганова и, в конечном счете, Александра II, писавшего сыну: «Надеюсь, что путешествие твое послужит тебе в пользу для будущей *службы твоей России*»⁴⁸. Император ссылался на слова Николая I, который, умирая, напугивал своего старшего внука: «Служи России»⁴⁹. Подготовкой к этой службе являлись путешествия по России и учебные занятия наследника престола.

Несмотря на то, что Рихтер выполнял педагогические функции, между ним и его подопечным были самые теплые отношения. Так, например, по словам Рихтера, 1 августа 1863 г. «его высочество со всеми спутниками разбудил меня серенадою, узнавши, что это день моего рожденья; я чрезвычайно был тронут любезным вниманьем»⁵⁰. «В духе», «очень терпелив», «отличный товарищ в путешествии», — характеризовал Рихтера наследник в письме к матери⁵¹. Близость и доверие цесаревича и Рихтера отмечали современники. «Я внимательно всматривался в их отношения и не мог ими налюбоваться, — вспоминал Б. Н. Чичерин, — с одной стороны постоянная, неуспешная заботливость, преданность без малейшего угождения, мягкость без уступчивости, неустанное стремление воздержать все мелкое и дурное, направить молодую душу на все хорошее, внушить искреннее и благородное отношение к людям и вещам; с другой стороны горячая, нежная, почти женская привязанность, самое чуткое внимание, самая

ласка, в которых ясным пламенем светилась чистая и любящая душа привлекательного юноши. Глядя на них, — заключал Чичерин, — нельзя было не полюбить того и другого»⁵².

Однако ранняя смерть цесаревича Николая Александровича в 1865 г. прервала его отношения с Рихтером, а путевые журналы, которые тот вел, вместо веселых воспоминаний стали вызывать грусть о подававшем надежды юноше. В конце 1865 г. князь В. П. Мещерский, собиравшийся составить очерк жизни покойного цесаревича, просил у императора разрешения пользоваться журналами путешествий наследника «для заимствования некоторых в них подробностей»⁵³. Судя по всему, этот очерк так и не увидел свет, однако значение журналов О. Б. Рихтера для изучения воспитания и образования одного из самых способных наследников российского престола трудно переоценить. Живой и иронический характер журналов не помешал им послужить основой официальных отчетов о путешествиях цесаревича, хотя в первую очередь эти тексты были предназначены для императорской семьи. Александр II, императрица Мария Александровна и молодые великие князья с удовольствием читали журналы Рихтера, чей своеобразный стиль, как кажется, замечательно передает атмосферу, в которой складывались представления цесаревича Николая Александровича о России.

Примечания

¹ Секиринский С. С., Филиппова Т. А. Родословная российской свободы. М., 1993. С. 89–195; Чернуха В. Г. Утраченная альтернатива: Наследник престола великий князь Николай Александрович (1843–1865 гг.) // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков: Сб. ст. памяти Валентина Семеновича Дякина и Юрия Борисовича Соловьева / Отв. ред. А. Н. Цамуталы. СПб., 1999. С. 236–246.

² ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 970. Л. 7–7 об.

³ Опыт изучения аналогичных журналов, посвященных описанию занятий и поведения великих князей Николая и Александра Александровичей в начале 1850-х гг., см.: Дронов И. Е. Воспитание государя: детские годы Александра III // Материнство и детство в России XVIII–XXI вв. / Отв. ред. Ю. А. Поляков: в 2 ч. М., 2006. Ч. 2. С. 221–231.

⁴ Машинописные копии писем см.: ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 1277. Рукописи хранятся в Нью-Йоркской публичной библиотеке (Уортман Р. С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. М., 2002–2004. Т. 2. С. 234).

⁵ Воспоминания Н. А. Вельяминова об императоре Александре III / Публ. Д. Налепиной // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 1994. Вып. 5. С. 272.

⁶ Головин К. Мои воспоминания: в 2 т. СПб., 1908–1910. Т. 1. С. 37–38; Долгоруков П. В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860–1867. М., 1992. С. 136;

Епанчин Н. На службе трех Императоров. Воспоминания. М., 1996. С. 154; Мемуары графа С. Д. Шереметева / Сост., подгот. текста и прим. Л. И. Шохина. М., 2001. С. 197.

⁷ ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 973. Л. 1. Текст оригинала на французском языке.

⁸ Там же. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2549. Л. 2 об.

⁹ Толстиков А.В., Кошелева О.Е. Homo viator // Одиссей: человек в истории. 2009: Путешествие как историко-культурный феномен / Гл. ред. А.О. Чубарьян; сост. С.И. Луцицкая. М., 2010. С. 5–7; Григорьев А.А. Философская тематизация концепта «путешествие» // Золотой век Grand tour: Путешествие как феномен культуры / Сост. и общ. ред. В.П. Шестакова. СПб., 2012. С. 275–282.

¹⁰ Милюгина Е.Г., Строганов М.В. Русская культура в зеркале путешествий. Тверь, 2013. С. 43.

¹¹ РГИА. Ф. 540. Оп. 1 (114/1373). Д. 188 а. Л. 5–5 об.; Маршрут путешествия Государя Наследника Цесаревича в 1863 году. СПб., [1863]; РГИА. Ф. 540. Оп. 1 (11). Д. 16. Л. 48, 49.

¹² Там же. Оп. 1 (114/1373). Д. 188 а. Л. 3 об.; Д. 252. Л. 123 об.

¹³ Там же. Д. 188 а. Л. 3.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 814. Л. 27 об.–28 об.

¹⁵ Августейшие путешественники // Колокол. 1857. 1.VII.1857. № 1. С. 8–9.

¹⁶ Мецкерский В.П. Мои воспоминания. М., 2003. С. 131; Чичерин Б.Н. Воспоминания. Московский университет. Земство и городская дума. М., 2010. С. 93.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 13. Л. 27 об.

¹⁸ Там же. Ф. 678. Оп. 1. Д. 986. Л. 21, 30.

¹⁹ Там же. Ф. 728. Оп. 1. Д. 3233. Л. 32 об. Текст оригинала на французском языке.

²⁰ Там же. Ф. 678. Оп. 1. Д. 986. Л. 24.

²¹ Путешествие Государя Наследника Цесаревича // Северная пчела. 1861. № 194. 2 сентября. С. 792–793; № 195. 4 сентября. С. 796–797; № 196. 5 сентября. С. 802; № 197. 6 сентября. С. 805–807. Вскоре эти статьи были напечатаны отдельной брошюрой: Путешествие Государя Наследника Цесаревича в 1861 году. СПб., 1861. Второе, дополненное издание брошюры см.: Путешествие Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича Николая Александровича в Нижний Новгород, Казань и Москву в 1861 году. СПб., 1862. Несмотря на знакомство с журналами О.Б. Рихтера, С.С. Татищев приписывал авторство этих анонимных статей сопровождавшему цесаревича писателю П.И. Мельникову (Андрею Печерскому). Существует также явно ошибочная версия о принадлежности этих текстов К.П. Победоносцеву, который в 1861 г. еще не начал преподавать наследнику (*Татищев С.С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича / Подгот. текста С.С. Атапина, В.М. Лупановой // Великий князь Александр Александрович: Сборник документов. М., 2002. С. 284; Священной памяти Его Императорского Высочества Благоверного Государя и Великого Князя Наследника Цесаревича Николая Александровича в пятидесятиую годовщину кончины Его (12 апреля 1865 г. — 12 апреля 1915 г.). М., 1915. С. 12).

²² Письма о путешествии Государя Наследника Цесаревича по России от Петербурга до Крыма. М., 1864. Специальное исследование «Писем о путешествии» см.: Минаков А.А. «Образ» России для наследника престола: о забытой книге К.П. Победоносцева и И.К. Бабста // Новик: Сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета Воронежского государственного университета. Воронеж, 2006. Вып. 11. С. 112–123. См. также предисловие к одному из наиболее удачных переизданий «Писем»: Кондаков Ю.Е. Предисловие. Цесаревич Николай Александрович (1843–1865): воспитание, учеба, образовательные поездки по России // Бабст И.К.,

Победоносцев К. П. Письма о путешествии Государя Наследника Цесаревича по России от Петербурга до Крыма. Перепеч. с изд. 1864 г. с испр. и доп. СПб., 2010. С. 5–23.

²³ Воспоминания Феодора Адольфовича Оома. 1826–1865. М., 1896. С. 61; *Эвенчик С.Л.* Победоносцев и дворянско-крепостническая линия самодержавия в пореформенной России // Уч. зап. МГПИ. М., 1969. № 309. С. 103; *Уортман Р.С.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. С. 153.

²⁴ ГА РФ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 12. Л. 4.

²⁵ Путешествие Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича. От корреспондента «Московских ведомостей». I // Московские ведомости. 1863. № 146. 5 июля. С. 2; Россияда. VI. Хрестоматия из русских газет // Колокол. 1863. Л. 168. 1 августа. С. 1387. Об атрибуции строк в «Колоколе» см.: *Герцен А.И.* Собр. соч.: в 30 т. М., 1954–1965. Т. 17. С. 416–417, 425.

²⁶ ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 815. Л. 7.

²⁷ Там же. Ф. 665. Оп. 1. Д. 60. Л. 4 об.

²⁸ Там же. Ф. 704. Оп. 1. Д. 12. Л. 11–11 об. Подробнее см.: *Иванова Т.Г.* Сказитель Козьма Романов и цесаревич Николай Александрович Романов // Традиционная культура. 2014. № 1 (53). С. 168–178.

²⁹ ГА РФ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 12. Л. 32.

³⁰ Там же. Ф. 728. Оп. 1. Д. 3233. Л. 69 об. Текст оригинала на французском языке.

³¹ Там же. Ф. 678. Оп. 1. Д. 986. Л. 29 об.–30. См. также: *Корольков К., священник* Жизнь и царствование Императора Александра III (1881–1894). Киев, 1901. С. 18.

³² РГИА. Ф. 540. Оп. 1 (11). Д. 51. Л. 310. О том, что образы членов Российской императорской фамилии были искаженными даже в начале XX в., см.: *Колоницкий Б.* «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.

³³ ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 986. Л. 22.

³⁴ НИОР РГБ. Ф. 334. Карт. 5. Д. 4. Л. 6.

³⁵ ГА РФ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 12. Л. 23 об.

³⁶ Там же. Л. 15 об.

³⁷ Там же. Л. 92 об.

³⁸ Там же. Ф. 678. Оп. 1. Д. 986. Л. 21.

³⁹ Там же. Л. 18–18 об.

⁴⁰ Там же. Ф. 641. Оп. 1. Д. 33. Л. 23.

⁴¹ Критикуя подобный подход, С.Е. Эрлих назвал его «уртманией» (*Эрлих С.Е.* Уортмания (восприятие идей Р. Уортмана в России) // Нестор. 2005. № 1 (7). С. 429–442).

⁴² ГА РФ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 12. Л. 79.

⁴³ Там же. Ф. 665. Оп. 1. Д. 60. Л. 4 об.

⁴⁴ Там же. Ф. 728. Оп. 1. Д. 3233. Л. 56. Текст оригинала на французском языке.

⁴⁵ Там же. Ф. 641. Оп. 1. Д. 33. Л. 28–28 об.

⁴⁶ Там же. Ф. 677. Оп. 1. Д. 918. Л. 18. О переписке великих князей Николая и Александра Александровичей в 1863 г. см.: *Мелентьев Ф.* Саша и Никса летом 1863 года // Родина. 2015. № 2. С. 8–10.

⁴⁷ ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 986. Л. 34 об.

⁴⁸ Там же. Ф. 665. Оп. 1. Д. 13. Л. 27.

⁴⁹ *Блудов Д.Н.* Последние часы жизни императора Николая Первого. М., 1992. С. 10.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 12. Л. 64 об.

⁵¹ Там же. Ф. 641. Оп. 1. Д. 33. Л. 88 об.

⁵² Чичерин Б.Н. Воспоминания. Московский университет. Земство и городская дума. М., 2010. С. 93.

⁵³ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2817. Л. 2 об. Просьба князя В.П. Мещерского была включена им в предисловие к его рукописным воспоминаниям о цесаревиче Николае Александровиче, поднесенным Александру II. Там же Мещерский писал, в частности, о своем желании «независимо от настоящих воспоминаний, предназначенных только для хранения в рукописи, приступить ныне же к составлению, по мере сил моих и средств, очерка жизни покойного цесаревича на основании всех тех сведений, которые без неудобств и нарушения таин его интимной и домашней жизни могут войти в сочинение, предназначенное, с разрешения вашего величества, к печати» (Там же. Л. 2–2 об.). Из этих слов следует, что Мещерский в 1865 г. только планировал написание очерка, но успел составить лишь воспоминания о наследнике, которые тем не менее получили ошибочный архивный заголовок «Очерк жизни цесаревича Николая Александровича, составленный князем В. Мещерским».

В гостях у королевы эллинов Ольги: вторая половина XIX — начало XX вв.*

Королева эллинов Ольга, урожденная великая княжна Ольга Константиновна (1851–1926), дочь великого князя Константина Николаевича (1827–1892), еще в 1867 г. в 16-летнем возрасте была выдана за молодого греческого короля Георга I (1845–1913)**. Полюбив свою новую родину — Грецию, прекрасно зная ее народ и язык, она все же очень скучала по России. Поэтому гости, особенно члены ее большой императорской семьи, всегда были для нее истинной отрадой. Ольга Константиновна слыла очень общительным, умным, доброжелательным человеком и радушной хозяйкой, но добраться из Санкт-Петербурга в Афины в те времена было нелегко: кружным путем через Европу, затем из итальянских портов по морю; и второй вариант — на поезде до Крыма, а потом на корабле до Пирея. Гораздо чаще родственники встречались в Европе, и лишь немногие приезжали в Грецию.

Гостей принимали в королевских дворцах в Афинах и на о. Корфу, а чуть позже в летней резиденции, расположенной недалеко от столицы — Татое. Афинский дворец (в котором ныне заседает парламент) представлял собой массивное четырехэтажное здание с небольшим портиком в центре. Он был построен в 1830-е годы баварскими архитекторами, которых привез с собой 17-летний принц Оттон, ставший

* Статья написана при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-01-00145а.

** Венчание Ольги с Георгом I состоялось в Санкт-Петербурге 27 октября 1867 г., т.е. через семь недель после того, как невеста достигла 16-летнего возраста. Этот брак оказался весьма счастливым и продлился почти столетия (с 1867 по 1913 гг.). Их дети: Константин (1868–1923), Георг (1869–1957), Николай (1872–1938), Андрей (1882–1944), Христофор (1888–1940) и две дочери: Александра (1870–1891) и Мария (1876–1940).

королем Греции*. Автор знаменитого «Путешествия на Восток» князь Эспер Ухтомский так описывал дворец в 1890 г.: «Простотой и спокойствием веет от королевского столичного местопребывания – Базиликона. Массивный беломраморный дворец с колоннами [...] высятся над главной площадью, окаймленной лучшими гостиницами и кофейнями. К площади спускается бульвар, по которому постоянно движется много народа. В четырехугольнике между растущими олеандрами, мягко стелется мурава. За резиденцией их величеств поднимается благородно очерченная гора Ликабет с часовнею св. Георгия. [...] Внутри дворца покои соединяются длинными и очень высокими коридорами. Размер комнат везде огромный. Тишина в Базиликоне почти не нарушаемая»¹.

При короле Оттоне I также осуществлялась планировка и застройка старых Афин, которые по проекту двух талантливых баварских архитекторов Лео фон Кленце и Фридриха фон Гертнера превратились в новый город. Позади дворца тогда же был разбит сравнительно небольшой, но замечательный парк, затем получивший название Национального: были высажены экзотические растения, в тени которых в извилистых аллеях можно было, уже во времена правления Георга I и Ольги, укрыться от жары. Ольга Константиновна воскресила в парке «уголок природы» покинутой северной отчизны: рядом с пальмами, пирамидальными кипарисами, апельсинами и лимонами были высажены липы, дубы, клены, а посреди парка был сооружен маленький лебединый пруд со стеклянными берегами, имитирующими лед (дань памяти любимому композитору П. И. Чайковскому). В Афинах путешественники посещали замечательную русскую церковь, древний храм, основание которого было положено еще в IX в. при императрице Ирине. Русское правительство дало щедрые средства на обновление и внутреннее убранство тысячелетнего сооружения². Храм посещали все русские жители Афин, представители российской дипломатической миссии, а также приезжавшие в гости к королеве члены императорской семьи.

Королевский дворец был хорош для жизни и приема гостей весной и осенью, так как летом там было нестерпимо жарко, а зимой весьма холодно. Например, известный дипломат Ю. Я. Соловьев, служивший вторым секретарем Российской императорской миссии в Афинах

* Оттон I (1815–1867), греческий король в 1833–1862 гг., женат с 1835 г. на принцессе Амалии. Потомства не имел.

в 1898–1904 гг., так описывал свою прощальную аудиенцию у Ольги Константиновны в 1905 г.: «Январь был очень холодным, а афинский дворец не имел в больших залах никакого отопления. В ожидании приема королевы мне пришлось бегать в зале, чтобы согреться»³.

Поэтому в 1871 г., через три года после женитьбы, Георг I купил в двух часах езды от Афин в горах Декелии огромное имение Татой, а затем в 1873 г. построил там маленький дворец — точную копию с Петергофской фермы, где жил император Александр II. Ольга писала отцу: «Ты себе представить не можешь, что это за великолепие. Это еловый лес и между деревьями большие зеленые луга и группы деревьев. Это мне напоминает Павловск и вообще север, потому что там прохладно даже летом и много зелени»⁴.

Греческую королеву посещали сотни и сотни людей разного социального статуса, со временем Афины стали местом паломничества русских моряков. Однако тема нашей статьи — визиты в Грецию членов российской императорской семьи, на чем мы и сосредоточим внимание, тем более что даже в единственной пока книге о греческой королеве Ольге на русском языке⁵ этому вопросу не уделено должного внимания. Источниками стали письма греческой королевы Ольги к отцу великому князю Константину Николаевичу и младшему брату великому князю Константину Константиновичу, хранящихся в ГА РФ, а также немногочисленные воспоминания участников этих встреч с королевой эллинов.

Первыми гостями 17-летней королевы Ольги были ее мать, великая княгиня Александра Иосифовна* и братья, великие князья Николай** и Вячеслав***, которые прибыли в Грецию по случаю рождения первенца Ольги и Георга I — принца Константина, будущего греческого короля. Молодая королева вновь ощутила себя в кругу самых близких родных. Об этом она писала отцу в июле 1868 г.: «Мой милый папа! [...] Мне так странно было слышать знакомые голоса и видеть знакомые, милые лица, что казалось мне — это как будто сон»⁶. Однако жара измучила всех.

* Александра Иосифовна (1830–1911), великая княгиня, жена великого князя Константина Николаевича.

** Николай Константинович (Никола, 1850–1918), великий князь, старший брат Ольги Константиновны.

*** Вячеслав Константинович (1862–1879), великий князь, младший брат Ольги Константиновны.

Впрямь Георг и Ольга решили жить (если королю позволяли политические обстоятельства) весной и осенью на о. Корфу, где был прекрасный дворец у самого моря, а затем построена королевская резиденция «Мон Репо». Первой гостьей на Корфу была сестра Георга I Дагмар, великая княгиня Мария Федоровна, будущая российская императрица*. В октябре 1871 г. они провели полмесяца вместе. Ольга напишет своему кузену, великому князю Александру Александровичу (Александру III) через много лет, вспоминая то время: «Милейший Саша! Я тебе сказать не могу, какое счастливое время мы провели с твоей (с моей) душкой, милейшей, ненаглядной, прелестной Мини, которую я обожаю!»⁷. Ольга и Мария Федоровна пронесли дружбу через всю жизнь, а судьбы их оказались схожими.

Без сомнения, самым дорогим гостем Ольги Константиновны в Греции был ее младший горячо любимый брат великий князь Константин Константинович**. Впервые 16-летний юноша-гардемарин посетил свою старшую сестру-королеву на Корфу осенью 1875 г. во время своего первого кругосветного плавания на фрегате «Светлана», где капитаном был их кузен 25-летний великий князь Алексей Александрович***. Ольга писала отцу: «Как будто приехал кусочек России, я блаженствовала!»⁸. С Корфу в сентябре 1875 г. она же писала: «Милый папа! Вчера утром мы проводили Костю до города и простились, и скоро милая “Светлана” снялась с якоря и ушла! Долго смотрела я ей вслед и думала, как страшно скоро проходит все хорошее на сем свете! Милый мой Костя, нечего и говорить, как грустно и как тяжело было мне прощаться с ним; мы провели такое счастливое, хорошее время вместе. Дай Бог, чтобы разлука наша не была так длинна, как до сих пор! Все утешали меня тем, что он, вероятно, весной вернется опять на “Светлану” [...] Слава Богу, что Алексей и “Светлана” возвращаются, а то бы вчерашнее прощание было бы слишком грустно»⁹. Короле-

* Мария Федоровна (1847–1928), императрица России, супруга Александра III, урожденная принцесса датская Дагмар, сестра греческого короля Георга I.

** Константин Константинович (1858–1915), великий князь, генерал от инфантерии, президент Академии наук (с 1899 г.), поэт-романтик, писавший под псевдонимом К.Р., младший брат греческой королевы Ольги.

*** Алексей Александрович (1850–1908), великий князь, брат Александра III, генерал-адмирал, главный начальник флота и морского ведомства (1880–1905).

ва, по-видимому, была влюблена в кузена без всякой взаимности. Он никогда не ответит на ее письма и с раздражением отнесется к ее заступничеству и просьбам за моряков, когда станет адмиралом и весьма бездарным морским министром, сменившим на этом посту отца Ольги. (Ее назовут в его министерстве «венценосная нищая»).

Второе кругосветное плавание брат Константин совершит на фрегате «Герцог Эдинбургский» в 1881–1882 гг., который заходил и подолгу стоял в Пирее. Лето и начало осени 1881 г. Константину разрешено было провести у сестры в загородном поместье Татой. Ольга сообщала отцу — морскому министру¹⁰: «Герцог Эдинбургский» ушел на три недели в Триест, а Костя остался у меня. На будущей неделе *Willy* [так звали в домашнем кругу греческого короля. — О. С.] едет в Арту [...] Если б не Костя, я осталась бы совсем одна с детьми. Я тебе сказать не могу, какое это наслаждение и счастье для меня, иметь его здесь! [...] Мы много вместе занимаемся, читаем, углубляемся в прелести нашей русс[кой] литературы»¹¹.

Здесь на древней земле Декелии, красоты которой не могли не повлиять на романтическую душу Константина, он ощутит себя поэтом. В сентябре 1881 г. в одном из первых стихотворений «Псалмопевец Давид», он напишет: «Не от себя пою я:/Те песни мне внушает Бог. / Не петь их — не могу я!»¹². Ольга, чутко уловив поэтический талант брата, всегда будет поддерживать (единственная из семьи) его веру в литературное призвание. Она писала начинающему поэту: «Ты знай, раз навсегда, что переписывание твоих стихов доставляет мне огромное удовольствие; при этом я вникаю в них и знакомлюсь, так сказать, с ними! Я в восторге от них»¹³. И чуть позже: «Ты не знаешь, с какой радостью я встречаю всегда твои произведения, вдохновения твоей музы. Надеюсь, что она не окоченеет на севере, а будет петь по-прежнему и ударять по струнам»¹⁴.

В письме к А. А. Фету, который вскоре станет наставником молодого поэта-романтика, Константин признавался учителю, что старшая сестра Ольга «часто навевала на него вдохновение». Великий князь посвятит сестре-королеве немало замечательных стихотворений и поэму «Севастиан-мученик»: «Ты мне внушила эти строки, / Они тобой вдохновлены:/Пускай же будут в край далекий / Они к тебе унесены...»¹⁵.

В 1882 г. великий князь с «непродолжительными промежутками» бывал у сестры — то в Афинах, то в Татое. Ольга сообщала отцу: «Ми-

лейший папа! [...] Завтра предстоит разлука с Костей; сердце больно сжимается при этой мысли, тем более что я так привыкла к его присутствию [...] Мы так наслаждались вместе, так много болтали и читали и хорошо проводили время»¹⁶. Константин и Ольга за это время чрезвычайно сблизились, и эта духовная близость между ними существовала всю жизнь, а их переписка продолжалась почти 50 лет.

Счастливым для королевы выдался 1883 г. Еще зимой приехал любимый брат Костя и его опять посещает поэтическая муза; там он напишет одно из лучших своих стихотворений «Я баловень судьбы...», в котором окончательно решит: «Я буду петь немолчно, до конца, / И что во славу матушки-России / Священный подвиг совершу певца»¹⁷. В марте 1883 г., после деловой поездки в Европу, отец Ольги великий князь Константин Николаевич наконец-то посетит в Афинах греческое семейство, где было уже шестеро детей. Ольга накануне писала: «Милейший папа! [...] С радостью вижу, что день нашего свиданья приближается, и не могу сказать тебе, как я счастлива, что ты наконец увидишь мой *«home»* и будешь жить под нашим кровом. Меня только смущает немного мысль, что ты будешь жить наверху, в третьем этаже, и что, может быть, лестницы тебя утомляют; впрочем, если ты захочешь, то можешь подняться на машине [...] Во всех других этажах места нет, к сожалению [...] Надеюсь, что ты найдешь удобным наше распределение дня. Кофе пьем мы все вместе в 9 ½; завтракаем в час, а обедаем в 7, то с двором, то одни. Мы с Костей проводим все утро в моей уютной маленькой библиотеке, или книгохранилище, которое, надеюсь, понравится тебе, и в котором ты будешь, надеюсь, тоже сидеть, пить чай и курить трубку». Так и случилось: все вместе за большим столом они «усердно писали» и разговаривали «под шумок кипящего самовара»¹⁸. Отец Ольги не только радовался встрече с родными, но наслаждался посещением древностей, в которых прекрасно разбирался. В Афинах он познакомился со знаменитым археологом Г. Шлиманом, которого нашел очень интересным человеком. Здесь Константин, решивший резко изменить свою жизнь, признался, что он навсегда хотел бы расстаться с флотом, и Ольга поддержала брата, несмотря на ужас отца*.

* Великий князь Константин Николаевич больше никогда не бывал в Греции, а Константин приезжал неоднократно (хотя точно известно о его посещении Греции лишь в 1892 и в 1899 гг.).

В декабре 1883 г., в Афины надолго приехал ее кузен великий князь Павел Александрович (Пиц)*, младший сын императора Александра II, который страдал болезнью легких. В феврале 1884 г. Ольга писала: «Милейший, дорогой папа! Теперь против меня на Костином месте сидит Павел и тоже пишет; я наслаждаюсь, более чем могу сказать, его присутствием здесь и мыслью, что он еще долго останется у нас; он милейший, а чем более я вижу и изучаю его, тем более я люблю его прелестным, редким характером. Дай Бог ему совсем укрепиться здоровьем у нас»¹⁹. Многочасовые прогулки вдоль моря и теплый климат сделали свое дело. Королева решила, что он будет прекрасным мужем ее старшей дочери Александры. Мечтам Ольги, к сожалению, суждено было сбыться. Свадьба в Петербурге была грандиозной; Александра два года блистала своей красотой и обаянием при петербургском дворе; молодая пара также часто гостила у Ольги в Афинах. Но в возрасте 21 года она скончалась в России от родов.

В феврале-марте 1889 г., возвращаясь в Россию из путешествия на Дальний Восток на корвете «Рында», королеву посетил другой член романовской семьи — также двоюродный брат, великий князь Александр Михайлович (Сандро)**. В его «Книге воспоминаний» есть очень краткая запись о его «продолжительной остановке в Греции», где он, «к своей большой радости, имел свидание с его кузиной, великой княгиней Ольгой Константиновной, королевой эллинов»²⁰. Свои впечатления от этого свидания с Сандро Ольга изливала в письме к брату: «Какое наслаждение иметь опять русского двоюродного брата под нашим кровом, — писала она — Он очень откровенен со мной». «Представь себе, — продолжала Ольга, — что раз вечером Сандро вдруг говорит мне: “Знаешь ли, я иногда сожалею, что Ты не моя мать!”»²¹. Большой кампанией во главе с королем и капитаном «Рынды» они ездили в Татой. «Мы так разговорились о буддизме, о нирване, о всякой

* Павел Александрович (1860–1919), великий князь, младший сын Александра II, генерал-адъютант, генерал от кавалерии; первая супруга – Александра Георгиевна (1870–1891), греческая принцесса. Их дети: Мария (1890–1958) и Дмитрий (1891–1942) вошли в историю: Дмитрий, друг Феликса Юсупова, стал одним из убийц Распутина, а Мария, оказавшись после революции 1917 г. в эмиграции, была известна как замечательный дизайнер по кружевам и соратница Коко Шанель.

** Александр Михайлович (Сандро) (1866–1933), великий князь, внук Николая I, генерал-адъютант, адмирал в 1902–1905 гг.

штуке, что я даже не заметила, как мы приехали в Татой»²², — вспоминала королева. Немудрено, что 15-летняя греческая принцесса Мария (Минулина)* влюбилась в красавца Сандро, и стоило больших родительских усилий, чтобы охладить ее пыл, убеждая, что он уже просватан к дочери Александра III — Ксении.

Особенно радовалась греческая королева пребыванию под ее кровом в октябре-ноябре 1889 г. цесаревича Николая, будущего российского императора Николая II, пришедшего на крейсере «Адмирал Корнилов». «У нас как раз с воскресенья начался кавардак и начался самым отрадным образом, приездом милейшего Ники, — писала Ольга. — Тебе легко представить себе мою радость и умиления иметь нашего дорогого цесаревича под нашим кровом. Так хорошо, что из всех гостей он первый приехал; мы завтракали на “Фемистокле”, чтоб не прозевать прибытия “Адмирала Корнилова” — было так красиво видеть, как он величественно входил на рейд под брейд-вымпелом цесаревича, и как ему салютовали суда и батарея. Мы за ним поехали на крейсер и привезли его сюда; встреча была блистательная, почетные караулы в Пирее и здесь и еще здесь во дворце; народу была масса и местами усиленно кричали: “Зито!”. Ники целый день с детьми, рано утром он ездил с Тино [принцем Константином. — О. С.] купаться, а теперь к ним присоединится и *Georgy* [принц Георг. — О. С.], кот[орый] сегодня прибыл с королем и с королевой датскими, за которыми он ходил в Бриндизи»²³. И сразу после отъезда цесаревича 29 ноября 1889 г. королева писала брату: «Грустно было расставаться с нашим дорогим Ники-цесаревичем. Уезжая, он мне сказал, что он был у нас как дома, что меня несказанно тронуло. [...] Милый мальчик — прощаясь, у него было особенное глубокое, грустно-ласковое выражение в его милых глазах. Ты знаешь взгляд, кот[орый] смотрит не в глаза, а в душу? [...] Его посещение останется навсегда дорогим воспоминанием!»²⁴.

Через год цесаревич Николай со своей многочисленной свитой вновь посетил Афины. Этот приход русских кораблей «Память Азова» и «Владимир Мономах» в Грецию, на котором цесаревич Николай должен был совершить в 1890–1891 гг. плавание на Дальний Восток, стало еще более красочным и незабываемым для многих событием. Его замечательно опишет Э.Э. Ухтомский в своей книге «Путешествие

* Мария (Минулина) (1876–1940), греческая принцесса, затем великая княгиня Мария Георгиевна.

на Восток» в главе «Под Акрополем»²⁵. Посетив сначала древнюю Олимпию, путешественники вернулись на «Память Азова», которая во главе эскадры направилась в Саронический залив в Пирей. Сюда, чтобы встретить августейшего путешественника, заблаговременно прибыли члены Российской императорской миссии в Афинах, генеральный консул и военный агент и многие другие. «Фрегат под флагом наследника цесаревича плавно режет спокойную влагу, — пишет Э.Э. Ухтомский. — Часа через два после завтрака впереди ясно обозначается скалистый о. Саламин с его многочисленными заливчиками. [...] Купола православных храмов блестят над новым городом. Целый лес мачт и труб в пестроте бесчисленных флагов разворачивается у оживленного Пирея. Вход в него чрезвычайно тесен — особенно когда туда направляется великан-броненосец. “Память Азова” медленно скользит через преддверье переполненной гавани. Музыка гремит национальные гимны»²⁶. На встречу прибыли король Георг I в русской адмиральской форме с шифром 2-го флотского экипажа (шефом которого была королева эллинов Ольга Константиновна) на эполетах и при ленте св. Андрея Первозванного, великий князь Павел Александрович с супругой великой княгиней Александрой Георгиевной, кронпринц Константин, греческие принцы: Георгий (в мундире лейтенанта 2-го флотского экипажа), Николай и принцесса Мария. Все направились к пристани у вокзала железной дороги, где их приветствовал Пирейский городской голова, а «военная молодежь Эвельпидской школы отдала им должный почет»²⁷. Затем «ликующая толпа» проводила поезд в Афины. «Звуки “Боже, Царя храни” торжественно реяли над заздравными возгласами населения, — пишет автор. — В столице — одинаково радушная, восторженная встреча. На станции собрались к блестящему приему министры, представители иностранных государств, городские власти и т. д.; августейшие особы поехали по улице Гермеса во дворец. Там, в лоне родственной семьи, наследник цесаревич и великий князь Георгий Александрович намеревались сравнительно замкнуто провести несколько дней перед отъездом на Дальний Восток»²⁸.

Целью визита цесаревича в Грецию на этот раз было «исключительно желание побыть среди близких лиц и взять с собой в плавание, согласно воле государя императора королевича Георгия»²⁹. Августейшая молодежь посетила афинский театр, который был учрежден Георгом I, ездила в Пирей на «Память Азова» и т. д. В воскресенье 4-го ноября в русской церкви отслужена была в высочайшем присутствии

обедня. На второй день приезда великих князей во дворце состоялся обед, а затем в субботу «залы Базиликона пламенели огнями по случаю бала в честь гостей, на котором насчитывалось несколько сотен человек приглашенных, и который длился до 4-х часов утра»³⁰. На следующий вечер был опять бал во французской миссии у графа Монтолона. Наконец, 5-го ноября торжества увенчались балом в доме российского посланника М. К. Ону*. Автор «Путешествия на Восток» вспоминал, что два офицера с «Владимира Мономаха» (мичманы Дядин и Повалишин) изящно декорировали для этого события балкон, обратив его в очаровательный шатер, откуда упоительно неслась музыка оркестра с «Памяти Азова». Он пишет далее: «Все избранное афинское общество собралось на радостный для русских праздник единовременного присутствия в Греции стольких гостей с севера. Общее веселье и бодрое настроение не нарушалось никаким диссонансом»³¹. В последний день Ольга Константиновна поехала с великими князьями на новое русское кладбище для моряков, устроенное ею близ порта Пирей. Сюда же заблаговременно прибыли адмирал Басаргин, архимандрит российской миссии Михаил, командиры русских судов, отцы-иеромонахи с «Памяти Азова» и «Владимира Мономаха» и другие приглашенные лица. «Почти пустое, просто огороженное место, отведенное усопшим, открыто ветру, который при совершении панихиды крепчает и злится. Звуки моления наполовину невнятны [...] но служба продолжается при благоговейном настроении тех, кто собрался для поминовения безвестных матросиков-соотечественников, — пишет автор «Путешествия на Восток». — Спите мирным сном в чужой земле! За ваши души набожно осеняют себя крестом сыновья батюшки-царя. За ваше безгрешное успокоение умиленно молится ваша неусыпная печальница и радетьельница — августейшая дочь вашего старого-адмирала»³².

Королева, очарованная своим племянником Ники, стала мечтать о сватовстве младшей дочери Марии и цесаревича, что весьма бы польстило грекам. Она спрашивала брата Константина в конце 1890 г.:

* Ону Михаил Константинович (1835–1901), тайный советник, посланник в Греции в 1889–1901 гг. Ону был прикомандирован к наследнику престола великому князю Николаю Александровичу в его путешествии на Дальний Восток. Попытки сдерживать цесаревича и его брата принца греческого Георгия в рамках приличий приводили к постоянным конфликтам с «наставником». После травмы, полученной Георгием на борту броненосца, Ону возвратился с ним в Европу.

«А как ты думаешь, грешно с моей стороны тайно желать, чтоб Минулина вышла за Ники, чтоб для них сделать исключение?»³³. Брат старался сдерживать рвение сестры, сообщая, что Александр III вряд ли одобрит брак столь близких родственников.

Во время плавания с цесаревичем Николаем на дальний Восток в 1890–1891 гг. принц Георг по решению воспитателей из-за своего поведения был досрочно возвращен в Грецию. Для королевы это был второй удар после неудачной попытки сделать свою дочь российской императрицей. Александр III в утешение родителям вручил греческому принцу орден за спасение наследника во время путешествия.

Жених для Марии нашелся очень скоро: им стал троюродный брат Ольги, великий князь, родной брат Сандро, Георгий Михайлович (Егорушка)*, который много времени проводил в Греции, влюбившись в юную принцессу Минулину. Однако ждать согласия принцессы ему пришлось почти шесть лет. То она не могла забыть Сандро, то она, к ужасу своих коронованных родителей, влюбилась в друга ее брата, греческого морского офицера Пандиаса, и собиралась выйти за него замуж, отказавшись от предварительной помолвки с Егорушкой. Даже греческий король, который не хотел отправлять свою младшую дочь в Россию (он спрашивал Ольгу: неужели смерти одной дочери недостаточно, чтобы забыть Россию?), не дал согласия на неравный брак с греческим офицером.

Наконец, в конце 1899 г. греческий король, горячо любивший Минулину, которой шел уже 24-й год, настоял на браке с русским великим князем, доказывая, что иначе она может остаться старой девой. В апреле 1890 г. великий князь Георгий Михайлович появился на Корфу, где они с Марией были сначала помолвлены, а затем через 9 дней — 30 апреля 1900 г. был заключен еще один русско-греческий брак. На Корфу собралось множество гостей из России, прибывших на кораблях русской Средиземноморской эскадры, в том числе отец жениха — престарелый великий князь Михаил Николаевич (дядя Миша). «Георг I оказался, — вспоминал Ю.Я. Соловьев, — не только испытанным монархом, но и опытным гофмаршалом. Он почти единолично и притом в неприспособленной обстановке вел церемониал свадьбы»³⁴.

* Георгий Михайлович (Егорушка, 1863–1919), великий князь, двоюродный дядя императора Николая II, знаменитый российский нумизмат.

Императорским указом греческая принцесса становилась великой княгиней Марией Георгиевной с титулом императорского высочества. Однако материнской любви к России она не унаследовала, брак был несчастлив, позже, накануне Первой мировой войны Мария с двумя дочерьми — Ниной (1901) и Ксенией (1903) — перебралась в Великобританию. Мужа своего она никогда больше не увидела: его расстреляли большевики вместе с великими князьями Николаем Михайловичем, Дмитрием Константиновичем (родным братом Ольги) и Павлом Александровичем в Петропавловской крепости в 1919 г. Позже Мария вторично вышла замуж и прожила долгую жизнь в Греции.

К началу XX в. афинский дворец сравнивали с Вавилоном: все новости говорили на разных языках. Многочисленные внуки, их учителя, няньки занимали все комнаты, и принимать гостей стало невозможно: редкие приезжие гостили в Татое. Таким редким, но дорогим Ольге гостем был ее племянник великий князь Гавриил Константинович, сын ее самого любимого брата Константина, который в 1909 г. после тяжелой простуды получил 11-месячный отпуск из своего полка для лечения легких в швейцарском санатории, а в конце 1909 г., возвращаясь в Россию, посетил Грецию. Он описал свое путешествие и пребывание в Греции в книге «В Мраморном дворце»: «...Через Италию выехал в Грецию, к тете Оле. Переночевав в Венеции, я на следующее утро выехал в Триест и через два дня был на Корфу. [...] Мой двоюродный брат, королевич Христофор, подъехал к нашему пароходу на лодочке и привез меня во дворец, который стоял на берегу. Я сразу попал в объятия дорогой моей и горячо любимой тети Оли, а, идя во дворец, мы встретились с греческим королем Георгом I и его сестрой, английской королевой Александрой (женой Эдуарда VII), которая жила на своей яхте «Виктория и Альберт». [...] Во дворце на лестнице я встретился с очень симпатичной и веселой принцессой Викторией, дочерью Эдуарда VII. Ее окружали тоже веселые и оживленные мои греческие двоюродные братья Николай и Андрей. Поместили меня в прекрасной комнате. По утрам мы все вместе пили кофе в столовой: тетя Оля, король, королевичи, их жены и я. Тетя Оля сама разливала кофе. Все греческое семейство было очень дружное и жило в мире и согласии. Королева Александра и принцесса Виктория каждый день завтракали с нами во дворце. После завтрака мы все, в нескольких автомобилях, катались по Корфу. Это исключительной красоты остров. Каждый день мы ездили по живописнейшим

местам. Обыкновенно я сидел в автомобиле, которым правил королевич Андрей. Несмотря на сильную близорукость, он правил прекрасно. На Корфу местность очень гористая: и нам все время приходилось ехать по горным дорогам с очень крутыми поворотами, которую зачастую невозможно было взять сразу, и приходилось давать задний ход. При этом автомобиль приближался к краю обрыва, и тетя Оля боялась. Король греческий и королева английская обычно ехали впереди нас. Обедали мы ежедневно на яхте “Виктория и Альберт”. Мужчины надевали к обеду смокинги, а дамы — вечерние платья. Один лишь король бывал в английской адмиральской форме, в короткой вечерней куртке со звездой ордена Подвязки. К пристани перед дворцом подавался английский военный катер, на котором мы и ехали на яхту, он же отвозил нас обратно. В столовой яхты накрывался длинный стол, украшенный цветами. Один из английских придворных держал в руках папку с воткнутыми в нее карточками с обозначением имен приглашенных и указывал им, куда садиться. В первый же вечер я спутал свое место и сел не туда, отчего вышел небольшой конфуз — случилось это от моей чрезмерной стеснительности.

К обеду мы шли торжественно, ведя под руку каждый свою даму под звуки греческого и английского гимнов — и так бывало каждый день. Лакеи были одеты в красные ливреи, были подтянуты и стилизованы. После обеда почти все усаживались за бридж, но так как я не играл, то мне приходилось разговаривать с английскими придворными. Королеве Александре пришлось спешно уехать с Корфу, когда она получила известие о серьезной болезни Эдуарда VII. Она успела вернуться в Англию перед самой смертью английского короля [...] Вскоре мы с тетей Олей переехали в Афины»³⁵. Здесь Гавриил много времени проводил в библиотеке и беседовал с очень интересным человеком — библиотекарем короля Георга I Стюкером³⁶.

В марте 1913 г. в разгар Первой балканской войны после взятия греками Салоник был вероломно убит Георг I. Несмотря на его завещание, новый король Константин I и королева София Прусская, сестра кайзера Вильгельма, выселили Ольгу из любимых комнат. Вдовствующая королева предпочла уехать в Европу, а затем, за два дня до начала Первой мировой войны, вернулась в Россию, пережив страшные годы крушения монархии и гибель почти всей семьи Константиновичей. Все лучшие воспоминания остались позади. Ольге удалось лишь ненадолго вернуться в Афины после изгнания из страны короля Константина,

ее старшего сына, чтобы и здесь пережить смерть короля Александра I, ее внука, и крушение теперь уже греческой монархии.

В 1916 г., живя в Павловске и занимаясь своим госпиталем, который она открыла после смерти в 1915 г. любимого брата Константина, Ольга узнала о страшном пожаре в ее любимом Татое. Подруга Ольги Константиновны, жена контр-адмирала А.Г. Бутакова-2-го Вера Васильевна писала ей: «Много дорогих сердечных воспоминаний погребено под развалинами [...], но тысячи людей прошли через него и сохраняют в сердцах все благородное, доброе, что вынесли они от его царственных владельцев [...] сколько людей было согрето там добротой Вашего Величества! В благодарной памяти Татой жив и будет жить!»³⁷. Члены Романовской семьи, бывавшие в гостях у греческой королевы Ольги, могли бы подписаться под каждым ее словом! Но большинство из них вскоре погибнет, а их воспоминания унесутся ветром русской революции.

Примечания

¹ Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича, 1890–1891: в 3 т., 6 ч. СПб.; Лейпциг, 1893–1897. Т. 1. СПб., 1893. С. 57. Текст доступен по адресу: <http://elib.tomsk.ru> (дата последнего посещения 31.III.2015).

² Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток. С. 58.

³ Сольвев Ю.Я. Воспоминания дипломата. 1893–1922. М., 1959. С. 142.

⁴ ГА РФ. Ф. 722. Д. 809. Афины. 8(20).V.1871.

⁵ Соколовская О.В. Королева эллинов Ольга Константиновна. «Под молотом судьбы». М., 2011.

⁶ Ольга Константиновна — Константину Николаевичу, Афины, 13(25).VII.1868 // ГА РФ. Ф. 722. Д. 809.

⁷ Ольга Константиновна — Александру Александровичу, Тверь, 2(14).VII.1880 // Там же. Ф. 677. Оп. 1. Д. 936. Л. 15.

⁸ Ольга Константиновна — Константину Николаевичу, Корфу. 17(29).IX.1875 // Там же. Ф. 722. Д. 809.

⁹ Там же.

¹⁰ Ольга Константиновна — Константину Николаевичу, Татой. 3(15).IX.1881 // Там же. Д. 810.

¹¹ Там же.

¹² Цит. по: К.Р. Стихотворения. М., 1991. С. 24.

¹³ Ольга Константиновна — Константину Константиновичу, Афины, 16(28).II.1882 // ГА РФ. Ф. 722. Д. 810. № 6.

¹⁴ Ольга Константиновна — Константину Константиновичу, Афины, 17(29).VI.1882 // Там же. Ф. 660 Оп. 2 Д. 210 № 19.

¹⁵ Себастьян-мученик. СПб., 1898. Посвящение.

- ¹⁶ Ольга Константиновна — Константину Николаевичу, Афины. 1(13).V.1882 // ГА РФ. Ф. 722. Д. 810.
- ¹⁷ Там же. С. 41. Написано: Афины, 4.IV.1883.
- ¹⁸ Ольга Константиновна — Константину Николаевичу, Афины. 22.XII(3.I).1883; 10(22).II.1883 // Там же. Ф. 722. Д. 810.
- ¹⁹ Ольга Константиновна — Константину Николаевичу, Афины, 7(19).II.1884 // Там же. Ф. 722. Д. 810.
- ²⁰ *Александр Михайлович, великий князь*. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 93.
- ²¹ Ольга Константиновна — Константину Константиновичу, Афины, 23.I (4.II).1889 // ГА РФ. Ф. 660 Оп. 2 Д. 214. № 5.
- ²² Ольга Константиновна — Константину Константиновичу, Афины 30.I (11. II).1889 // Там же. № 6.
- ²³ Ольга Константиновна — Константину Константиновичу, Афины 10(22).X.1889 // Там же. Ф. 660. Оп. 2 Д. 214. № 26.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ *Утомский Э.Э.* Путешествие на Восток. С. 56–60.
- ²⁶ Там же. С. 56.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же. С. 57.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же. С. 58–60.
- ³³ Ольга Константиновна — Константину Константиновичу, Афины, 22.XI (4.XII).1890 // ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 225. № 31.
- ³⁴ *Соловьев Ю.Я.* Воспоминания дипломата. С. 124.
- ³⁵ *Гавриил Константинович, великий князь*. В мраморном дворце. СПб., 1993. С. 77–78.
- ³⁶ Там же. С. 79.
- ³⁷ В. В. Бутакова — Ольге Константиновне, 12 (25).VI.1916 // ГА РФ. Ф. 686. Оп. 1. Д. 124.

Л. В. Кузьмичева

Семья великого князя Константина Константиновича Романова на балканских дорогах

В 2013 г. отмечалось 400-летие дома Романовых, юбилей знакового для России события — укрепления центральной власти и складывания имперской модели государства. Но не за горами еще одна дата, на сей раз скорбная — в 2017 г. исполнится 100 лет окончания правления этой династии, а в 2018 г. — 100 лет со дня мученической кончины многих ее представителей. Не избежали страшной расправы и члены семьи великого князя Константина Константиновича.

Константин Константинович Романов (1858–1915), известный в литературном мире как поэт и драматург, писавший под псевдонимом «КР», президент Академии наук, начальник кадетских корпусов, одаренный человек, несомненно, украшавший династию Романовых в последние годы ее существования, в нашей стране лишь в последнее время удостоился, наконец, признания¹.

У Константина Константиновича и его жены Елизаветы Маврикиевны, урожденной принцессы Саксен-Альтенбургской (1865–1927), было шестеро сыновей и две дочери. Три его сына — Иоанн (1886–1918), Константин (1891–1918) и Игорь (1894–1918) были зверски убиты 18 июля 1918 г. по распоряжению Уральского совета. Смерть их была мучительной: они были живьем сброшены вместе с другими родственниками из династии Романовых в шахту под Алапаевском, которую их палачи забросали гранатами. Собственно, это и была их последняя дорога по родной стране, когда их, геройски сражавшихся за Отечество в годы Первой мировой войны, под арестом из Вологды вывезли в Екатеринбург, а затем в Алапаевск, где убили без суда и следствия.

Братья погибли в Алапаевской шахте вместе со своей любимой тетей Эллой — великой княгиней Елизаветой Федоровной Романовой, сестрой последней российской императрицы. Они детьми очень

любили навещать ее в Москве, и в своих детских письмах родителям с восторгом писали о доброте и красоте тети Эллы и о своей любви к ее мужу — великому князю Сергею Александровичу. Константиновичи любили приезжать в Москву, они вообще были заядлыми путешественниками, побывали они и на Балканах.

* * *

В настоящем очерке мы обратимся к нескольким поездкам Константиновичей в Черногорию и Сербию в конце XIX — начале XX вв. Визиты эти имели наряду с личными целями еще и важные политические задачи, включавшие поддержку авторитета правящих династий молодых балканских государств, укрепление русско-сербских и русско-черногорских отношений.

Константин Константинович объездил полмира, все свои путевые впечатления он тщательно заносил в дневник, который вел ежедневно до конца своей жизни. С ранних лет много путешествовали и его дети. Балканский след в их личном восприятии иных народов, конечно же, не самый яркий. Ежегодное посещение европейских родственников в Англии, немецких землях, путешествия по Италии, даже кругосветные вояжи и знакомство с экзотическими землями и странами оставило более яркий след в их эпистолярном, дневниковом и мемуарном наследии. Но с середины XIX в. на Балканах у них появились близкие родственники. В 1867 г. любимая сестра великого князя Ольга вышла замуж за греческого короля Георга I. А в 1911 г. старший сын великого князя Иоанн женился на дочери сербского короля Елене Карагеоргиевич, которая была внучкой черногорского короля. Так Константиновичи породнились сразу с сербской и черногорской правящими династиями, и теперь уже их визиты на Балканы носили родственный характер.

Исторически Балканы, Византия, православный мир были связаны с Россией так тесно, как никакая другая территория. Отсюда пришли на Русь и христианство, и письменность, однако до середины XIX в. визиты представителей царствующего дома России на Балканы означали бы посещение Османской империи и ее владений, что могло произойти при серьезной дипломатической подготовке или в ходе боевых действий.

Ситуация изменилась после признания независимости Греции, и особенно после брака русской великой княжны Ольги Константиновны с королем Греции. Это был прецедент русского династического

брака с монархом балканской державы в новое время. Начиная с 80-х годов XIX в. навещать тетю Олю, принимать морские ванны на берегах Ионического и Эгейского морей становится обычным делом для представителей семьи Константиновичей. Трогательные наблюдения за жизнью православных греков мы встречаем даже в письмах малышей — русских племянников греческой королевы². И если Греция становится открытой для визитов представителей дома Романовых, то славянские балканские территории по-прежнему оставались де-юре частью Турецкой империи, а, следовательно, путешествие по ним было затруднено.

Второй этап прямого знакомства с Балканами связан с событиями русско-турецкой войны 1877–1878 гг., когда сразу пять представителей мужской части дома Романовых, включая императора Александра II, участвовали в боевых действиях русской армии на Дунайском театре войны. Среди них был и великий князь Константин Константинович. Непосредственное знакомство членов династии Романовых с условиями жизни балканских народов во время этой войны скорректировало их представления о тяжести османского владычества. Дневники и личные письма Александра II с Балканского театра войны свидетельствуют о существенном расхождении между представлениями государя о положении славян и реальностью. Прежде всего русско-го монарха поразил уровень жизни освобождаемых «братушек». Он с горечью писал, что не каждый помещик в России живет и питается так, как рядовой болгарин. Изумляла Романовых также необыкновенная самостоятельность в суждениях и чувство собственного достоинства балканских славян, не знавших крепостного права и личной зависимости³.

Великий князь Константин Константинович в Черногории в 1899 г. Получившие после окончания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. независимость молодые государства Сербия и Черногория по-прежнему нуждались в помощи и покровительстве со стороны единой России. Важную роль играли визиты в славянские страны членов дома Романовых, выполнявших как парадно-официальные функции, так и деликатные политические поручения.

В 1899 г. великий князь Константин Константинович был направлен в качестве официального представителя дома Романовых на свадьбу престолонаследника Черногории принца Данило (1871–1939) и принцессы Мекленбург-Стрелецкой Юты⁴.

Сведения об этой поездке содержит чрезвычайно интересный дневник великого князя Константина Константиновича. 4 июля 1899 г. он писал: «Я получил приказание все-таки ехать в Черногорию». И сообщает здесь же, что при прощании царь Николай II вручил ему бриллиантовое ожерелье для невесты, после чего записывает свою беседу с царем: «Говорили и о славянстве: он вспомнил, что есть у Пушкина стих об этом, и я поспешил привести этот стих наизусть: “Славянские ручьи сольются ль в русском море, Оно ль иссякнет?”»⁵.

Константин Константинович находился в Черногории с 9 по 18 июля 1899 г. Судя по его обширным дневниковым записям страна, и особенно ее люди, произвели на него неизгладимое впечатление. Он чрезвычайно воодушевлен, восхищается черногорцами: «Я здесь утопаю в блаженстве: чудный по красоте, солнцем пригретый край; глаз не видит темных, опошленных сторон гражданского развития. Нет западной плоскости культуры. Народ нам родной, православный, слышна речь близкая к родной, своя одежда, живописная, красивая, не заменена европейской. Все мало, но есть какая-то благородная простота и достоинство»⁶.

Общее благоприятное впечатление от Черногории не испортили даже нелестные характеристики, данные некоторым из представителей династии Петровичей русским посланником К. А. Губастовым. Константин Константинович отмечает в дневнике: «Он видит немало темных сторон в Черногории: беспорядочность финансов, не всегда точное исполнение требований князя, которые в свою очередь бывают часто противоречивы и непоследовательны. Сыновей князя Губастов считает избалованными, плохо воспитанными, пустыми, ленивыми»⁷.

Таким образом, для Константина Константиновича приоткрылись многие ранее неизвестные стороны черногорского настоящего, но он все же составил для себя самое благоприятное мнение о братской славянской стране: «Давно мне не случалось за границей не радоваться возвращению в Россию. Здесь, в родной Черногории, я чувствовал себя не за границей, а как бы дома»⁸.

Следом за отцом на Балканы отправились его дети. Братья Иоанн, Олег, Игорь и их сестра Татьяна побывали в Сербии. Но если братья были там в 1910–1911 гг. с приятными официальными визитами, то Татьяна попала на сербскую землю в 1920 г. вместе со своими детьми в числе тысяч русских беженцев, принятых братской страной.

Прием в Сербии князей императорской крови Олега и Игоря Константиновичей. В июне 1910 г. состоялась ознакомительная поездка в Сербию братьев Олега Константиновича и Игоря Константиновича Романовых. Игорь закончил к этому времени Пажеский корпус, а Олег после окончания кадетского корпуса с разрешения государя поступил в Александровский лицей. Он первым из Романовых учился в гражданском высшем учебном заведении. Олег был чрезвычайно талантливым поэтом, любимцем своего отца. Его трагическую гибель на фронте осенью 1914 г. великий князь Константин Константинович пережить не смог и через полгода скончался от сердечного приступа.

По дороге в Белград Олег и Игорь остановились в Стамбуле, где были приняты султаном. 12 июня 1910 г. прибыли в Белград, где их встретил престолонаследник Александр. С ним они совершили поездку на автомобиле по окрестностям Белграда.

Визит молодых Константиновичей в Сербию тщательно готовился. Специально для них полковник Роман Петрович Сульменев составил специальный иллюстрированный путеводитель, хранящийся сегодня в ГА РФ⁹. В этой машинописной брошюре автор ярко и вполне компетентно знакомит своих высокородных читателей с историей и современным положением Сербии. Сульменев хорошо знал предмет, о котором писал, поскольку в 1906 г. был приглашен в Сербию воспитателем будущего наследника сербского престола князя Александра Карагеоргиевича. О подборе кандидатуры Сульменева и обстоятельствах этого назначения пишет в своих мемуарах генерал Н. А. Епанчин¹⁰, бывший директор Пажеского корпуса — учебного заведения, в котором обучался Александр Карагеоргиевич. В Белград приехала вскоре и семья Сульменева. Его внук, доктор геолого-минералогических наук, профессор, известный православный священник и церковный писатель Глеб Александрович Калета (1921–1994) со слов своей матери дочери Р. П. Сульменева Александры, которая 15-летней девушкой приехала к отцу в Белград, писал: «В Белграде семейство Сульменевых жило в королевском дворце и иногда выезжало в королевской карете. Народ думал, что едет сам король, и кланялся им. После чопорного и вылощенного Петербурга и России с ее разделением людей по сословиям, званиям и богатству, Сербия поразила Сульменевых простотою своих нравов и доступностью королевского дворца; конечно, Сербия по своим размерам — маленькая часть одной из областей огромной Российской империи [...] Королевич Александр и его

воспитатель Роман Петрович очень полюбили друг друга. У принца оказался добрый и приветливый характер. Мне довелось читать нежные письма-открытки Александра деду, написанные во время турне по Франции, в Австро-Венгрию, куда Сульменевы уезжали на короткий отдых. Чтобы сделать приятное своему воспитателю, королевич писал ему по-русски, прося заранее прощения за возможные ошибки, хотя таковых не было»¹¹.

Правнук Р.П. Сульменева протоиерей Кирилл Каледа, настоятель храма Святых Новомучеников и Исповедников Российских в Бутове свидетельствует: «Когда королевич Александр приезжал учиться в Петербург, то дедушка (Р.П. Сульменев. — Л.К.) вместе со своим воспитанником жил в Зимнем дворце»¹².

Г.А. Каледа пишет о помощи, которую оказывал король Александр своему воспитателю в тяжелые годы гражданской войны: «Мне трудно определить, какое влияние на Александра Сербского оказал дед, но они искренне любили друг друга. После революции, во время голода, дед несколько раз получал посылки из-за границы с непонятным обратным адресом, а внутри была бумажка с подписью “Александр”». Отвечать было невозможно. Кажется, ни одна европейская монархия не вызывала такого раздражения у большевиков, как Югославия: король там был любим и уважаем значительной частью населения»¹³.

Р.П. Сульменев — знаток географии и этнограф-любитель — хорошо знал природу и исторические памятники Сербии. Путеводитель, составленный им, вполне профессионален и чрезвычайно увлекателен, содержит интересные наблюдения и исторические очерки. Вот как там представлена столица сербского королевства: «Особенно быстро стал разрастаться Белград со времени восшествия на сербский престол Короля Петра 1-го, содействующего своим мудрым правлением культурному росту Сербского Королевства. Теперь с внешней стороны Белград стал неузнаваем, — из провинциального турецкого города он сделался красивым столичным городом: нет более деревянных домов, вылезавших на кривые немощные, плохо освещенные улицы, с грязными закоулками и жалкими базарами. Вместо минаретов православные церкви обрисовываются своими колокольнями на небесной лазури; веселый перезвон заставил умолкнуть пронзительный голос муэдзина, призывавшего правоверных к молитве. Улицы, принявшие веселый опрятный вид, благодаря вновь возведенным красивой архитектуры зданиям выпрямлены, вымощены и освещаются

электричеством. Вокруг города, вдоль его и к живописному парку Топчидер проведены трамвайные пути, по которым быстро пробегают элегантные и удобные вагончики Бельгийского общества. Повсюду оживленное движение; радостное чувство сменило апатию и уныние многовекового рабства»¹⁴.

Далее описывается королевский дворец со сменой дворцового караула, когда военный оркестр исполняет «несколько музыкальных пьес, и к этому времени к решетке дворца собирается обыкновенно масса гуляющих». «Двухэтажное здание дворца, или вернее правое его крыло, так как проект еще не осуществлен вполне, представляет собой копию одного из фасадов Лувра. Пять больших аркад, разделенных выступающими колоннами, увенчанными орлами, придают ему грандиозный вид. На углах главного фасада здания возвышаются легкие шестигранные куполы, с золочеными королевскими коронами наверху. Северо-западный угол украшается шестигранной башней под куполом, оканчивающимся шпиком с красующимся на нем белым орлом — символом Сербского государства. Внутри обращает на себя внимание своим изяществом художественной работы резная, из темного ореха лестница, ведущая во второй этаж, тронный в два света зал и столовая. Напротив дворца, на той же улице короля Милана помещается в небольшом одноэтажном, но красивом здании наше Императорское посольство. К наружному саду дворца примыкает здание Министерства иностранных дел, предназначенное по проекту к перестройке из него правого флигеля Королевского Дворца»¹⁵.

В путеводителе обращается особое внимание молодых Романовых на российское присутствие в Сербии: «Продолжение улицы Милана носит название Теразии; здесь расположены магазины города, некоторые правительственные учреждения и грандиозное здание Петербургского страхового общества “Россия”, в котором помещается лучшая гостиница “Москва” и Русско-Сербский клуб. Здание это окончено в 1907 году и строилось русскими архитекторами Бергштроссером и Карповичем. Далее улица эта называется улицею князя Михаила»¹⁶.

Прием русских князей императорской крови проводился в Белграде на высшем уровне, королем Петром, его сыновьями, Георгием и Александром, и дочерью Еленой. Отчет об этом можно прочитать в гоффурьерских журналах Дворцовой канцелярии Карагеоргиевичей, хранящихся в Архиве Сербии¹⁷.

Утром 12 июня 1910 г. на железнодорожном вокзале Белграда их встречал престолонаследник Александр Карагеоргиевич. На следующий день в 12 часов состоялась аудиенция у короля Петра, а затем торжественный обед в Российском посольстве, где присутствовали король, престолонаследник Александр, его двоюродный брат Павел, русский и болгарский посланники с женами, все министры с женами, — всего 46 человек. 14 июня король и его семья завтракали вместе с русскими гостями.

Молодые представители династии Карагеоргиевичей — Александр, Павел, Елена развлекали приехавших русских сверстников по-своему — играли в теннис, ходили в кино и до глубокой ночи катались на автомобилях¹⁸. Увлечение автомобилями захватило не только юношей. Принцесса Елена с нетерпением ждала в подарок от своей тети Елы — королевы Италии Елены Савойской — новую модель «мотора»¹⁹.

Визит князя императорской крови Иоанна Константиновича в Сербию в августе 1911 г. Именно эта сербская принцесса-автомобилистка Елена Карагеоргиевич (1884–1962) породнила династии Романовых и Карагеоргиевичей, выйдя замуж за старшего сына великого князя Константина — Иоанна. И именно детям от этого русско-сербского брака суждено было стать последними легитимными представителями династии Романовых. Их сын Всеволод Иоаннович (1914–1973) умер бездетным. Но до самой своей кончины стоял под первым номером в списке претендентов на титул главы Российского Императорского Дома в случае смерти Владимира Кирилловича. Его сестра Екатерина прожила долгую жизнь (1915–2007) и смерть ее формально была окончанием Романовской эпохи, ибо она была последним членом российского императорского дома, так как родилась в период правления своих царственных родственников и числилась под № 55 в Придворном календаре за 1917 г.²⁰

Вопрос о возможном междинастическом браке между Романовыми и Карагеоргиевичами обсуждался в российских и сербских политических кругах. Престарелый король Петр стремился поскорее женить своих сыновей, чтобы обеспечить преемственность династии. Велись активные поиски невест, что порождало порой и газетные сплетни и домыслы. Так, московская газета «Раннее утро» писала 23 июля 1908 г.: «Венские газеты сообщают, что сербский король Петр решил искать невест для своих сыновей среди дочерей американских

миллиардеров. Это делается главным образом для поправления финансовых обстоятельств — ввиду того что у короля и его сыновей нет личных средств»²¹.

В России уделяли много внимания укреплению и развитию монархической системы в Сербии. Одной из важнейших задач было поддержание Россией престижа династии Карагеоргиевичей. Документы Архива внешней политики Российской империи свидетельствуют о стремлении российского МИДа нормализовать отношения династии Карагеоргиевичей с европейскими дворами, не желавшими признавать династию, подозреваемую в организации кровавой расправы с королевской четой Обреновичей в 1903 г. Немаловажно было и контролировать порядок престолонаследия в Сербии. В Сербии осенью 1910 г. разразился династический кризис, связанный с тяжелой болезнью престолонаследника Александра. С 26 сентября по начало декабря он находился на грани смерти и врачи не гарантировали выздоровления²².

Именно в это время переписка российского и сербского правительств свидетельствует о важности решения вопроса о возможном кандидате на сербский престол. В России хорошо знали ситуацию в семье Карагеоргиевичей. Брат короля принц Арсений и его сын Павел до 1903 г. были российскими подданными, имели российские паспорта, а принц Арсений числился на русской военной службе. Оба они были хорошо известны в России и считались недостойными высокого звания сербского короля.

Русский посол в Сербии категорически возражал против кандидатуры принца Павла: «Народ Сербии совсем не знает скромного, забитого, тщедушного юношу Павла, из чувства сострадания пригретого королем, но ему слишком хорошо известно неприглядное прошлое родителя принца Павла, князя Арсения Карагеоргиевича, о котором и доньне получают здесь недобрые вести»²³.

Ситуация становилась драматической и даже тупиковой. Премьер-министр Сербии Никола Пашич обратился к российскому руководству с предложением в случае смерти принца Александра посадить на сербский престол кого-то из русских великих князей. В России категорически отказались обсуждать этот проект, тогда Пашич заявил, что в таком случае Сербия обратится с просьбой прислать на сербский престол кого-нибудь из английских принцев.

В донесении посланника в Сербии Н. Г. Гартвига (1857–1914) от 24 октября 1910 г. эта ситуация описывается следующим образом:

«В поисках за решением трудной задачи королевское правительство должно было подумать и об иной несомненно сложной комбинации, которая, однако, сама собой предстанет в случае рокового исхода болезни королевича Александра и сопряженных с этим событием тяжелых внутренних потрясений. Я говорю о возможности приглашения на Сербский престол кого-либо из членов царствующих иностранных династий. По сему поводу гг. Пашич и Милованович доверительно сообщили мне, что для спасения Сербии правительство и народ готовы прибегнуть к всемилостивейшему покровительству, повергнув к стопам Государя императора ходатайство о разрешении Августейшему члену Российского Царственного Дома принять Сербскую корону. В случае неуспеха такого ходатайства, сербы вынуждены были бы обратиться с подобною просьбою к английскому королю»²⁴.

Ситуация разрешилась с выздоровлением принца Александра Карагеоргиевича. Но проблема отсутствия альтернативного наследника осталась, поскольку Александр был очень слаб. По-видимому, именно тогда созрел план выдать сестру престолонаследника — Елену Карагеоргиевич за одного из русских великих князей с тем, чтобы в случае смерти Александра она стала сербской королевой, а ее русский муж принцем-консортом, или же они стали бы регентами при их сыне.

Иоанн Константинович был впечатлительным, набожным, честным и искренним юношей, увлекавшимся сочинением духовной музыки. Его отец воспитывал своего первенца в любви и уважении к России и ее традициям. Сам Иоанн Константинович писал о своем патриотическом настроении отцу: «Я стал русским по душе человеком, не только по названию, а в действительности. Ты в этом виноват, чему я и очень рад. Поселили меня в русских комнатах, окружили всем русским, и вот результат»²⁵. И далее он говорит о своем стремлении «быть достойным сыном моего Папа и не ударить лицом в грязь в лицо русского народа»²⁶. Возможно именно поэтому Иоанн Константинович не очень любил поездки к своим германским родственникам, а предпочитал путешествия по России.

Константиновичи жили чаще всего в пригородах Петербурга, в своих родовых имениях Павловске и Стрельне, но при этом много путешествовали по родной стране. Они плавали по Волге, посещали северные монастыри, Крым и подолгу там жили, особенно любили свое скромное подмосковное имение Осташево.

Объяснение между молодыми людьми, по-видимому, произошло в Италии, в Милане в июне 1911 г., где у своей тетушки, королевы Италии, Елена Карагеоргиевич с 1906 г. гостила подолгу и очень полюбила эту страну.

В Государственном Архиве Российской Федерации хранятся письма Елены к жениху, находящиеся в фонде Иоанна Константиновича. В архивных папках — плотные сиреневые листочки, полные любви и нежности, написанные летящим девичьим почерком с ошибками в русском языке, которые так огорчали и саму Елену²⁷.

Визит жениха из России в Белград также отражен в гоффурьерских журналах сербского дворцового ведомства. Его встречали на вокзале в Белграде король и престолонаследник 3 августа 1911 г. Король ежедневно обедал во дворце с будущим зятем²⁸. Престолонаследник и его сестра-невеста вместе с гостем с 4 по 8 августа путешествовали по Сербии на автомобиле. Они посетили Любичево, монастырь Манасию, приняли участие в съезде учителей Сербии, провели смотр войск²⁹. Иоанн Константиновича 9 августа в 5:30 утра покинул Белград. А уже 17 августа король Петр Карагеоргиевич с дочерью Еленой и сыном Александром выехали в Петербург, где должна была состояться династическая свадьба.

21 августа в воскресенье в Петергофе произошло венчание. О свадьбе Елены Карагеоргиевич и Иоанна Константиновича вспоминал его брат Гавриил: «Государь и тетя Оля благословили Иоанчика, императрица Александра Федоровна плохо себя чувствовала и не могла присутствовать при венчании, но все же она присутствовала при благословении»³⁰.

Судя по отпечатанной типографским способом брошюре «Высочайше утвержденный церемониал бракосочетания Его Высочества князя императорской крови Иоанна Константиновича с Ее королевским Высочеством королевною Еленою сербскою»³¹ свадьба была необычайно пышной и торжественной, на ней присутствовала вся царская семья, включая детей. Великий князь Константин Константинович приезде невесты сына был рад: «Пятница. 19 августа. Вчера число наших детей увеличилось. Прибыла невеста Иоанчика Елена»³².

Н. Г. Гартвиг сообщал 11 сентября 1911 г. в МИД А. А. Нератову из Белграда о реакции в Сербии на брак Елены Петровны и Иоанна Константиновича: «Нет, конечно, серба, который не понял бы и не оценил громадного политического значения для страны установления

родственных связей между Российским Императорским Домом и Династией Георгия “Черного”, отныне получающей благодаря этим узам нравственную опору и обаяние, столь необходимое в государстве, пережившем немало потрясений из-за борьбы у престола»³³. Он добавляет, что событие это «несомненно призвано поднять престиж ее [Сербии – Л.К.] среди прочих государств Балканского полуострова и упрочить ее династию»³⁴.

А несколько ранее заменяющий Гартвига М.М. Бибиков доносил из Белграда о значении этого брака для развития русско-сербских отношений: «Теперь же, когда династия Карагеоргиевичей породнилась с Императорским Домом, не может быть и сомнения в том, что король Петр никогда не отклонится от политики тесного единения с Россией, и в Сербии нет такой партии, которая была бы достаточно сильна, чтобы проповедовать антирусскую и антидинастическую политику»³⁵.

Брак этот оказался, по-видимому, счастливым. Иоанн был хорошим мужем и отцом. Он вполне отвечал характеристике, данной ему в день двадцатилетия отцом: «Милый юноша, совсем еще мальчик, благочестивый, любящий, вежливый, скромный, немного разиня, не обладающий даром слова, не сообразительный, но вовсе не глупый и бесконечно добрый»³⁶. Спустя полтора года после свадьбы Иоанн Константинович пишет родителям о жене: «Мискина* еще лучше стала. Я прямо не налюбуюсь ею. Благодарю Бога и тебя, Мусь, что нашли такую чудную отзывчивую для меня жену. Никто меня не понимает так, как она»³⁷.

Сербия в жизни княжны императорской крови Татьяны Константиновны. Как известно, король Александр Карагеоргиевич женился довольно поздно, в 1922 г. на румынской принцессе Марии, бабка которой была дочерью Александра II. Но желание породниться с Романовыми возникло у его отца значительно раньше. В марте 1910 г. он сватал своего сына за старшую дочь великого князя Константина Константиновича Татьяну.

В марте 1910 г. Константин Константинович записывает в свой дневник о своей встрече в Петербурге с королем Сербии Петром: «Я провел его в мою приемную. Тут с глазу на глаз он заговорил о видах своего наследника Александра на нашу Татиану. Еще летом писали мне об этих видах, но через министерство иностранных дел

* Ласковое прозвище Елены Петровны Романовой.

ответили, что Татиана не расположена согласиться на переговоры, и я думал, что дело кануло в воду. Таким образом, Король застиг меня врасплох. Не мог же я сказать Королю, что противлюсь этому браку ввиду того, что сербская династия не достаточно утвердилась на своем шатком престоле. Сослался на Татиану, что все зависит от нее»³⁸. Но Татиана вскоре вышла замуж по большой любви за князя Константина Багратиона-Мухранского³⁹.

Татьяне не довелось стать королевой Сербии, но судьба все-таки привела ее в Сербию. Она бежала туда из России после гибели своего первого мужа Константина Багратиона-Мухранского и смерти второго мужа. Именно здесь, в Сербии, теперь уже в Югославии, ее сын Теймураз Константинович Багратион-Мухранский (1912–1992) получил образование. Он закончил в Белой Церкви Первый русский великого князя Константина Константиновича кадетский корпус, а «затем югославскую Военную Академию, десять лет прослужил в гвардейском конно-артиллерийском полку югославской армии, в рядах которой принял участие в войне против Германии»⁴⁰. Несостоявшийся жених великой княжны Татианы, теперь король Югославии Александр Карагеоргиевич предоставил убежище ее семье, как и тысячам других русских беженцев.

В Белграде Татиана встретила с вдовой своего брата — Еленой. Русская княгиня императорской крови Елена Петровна Романова после трагической гибели мужа и его родных была арестована советскими властями в Екатеринбурге, провела несколько месяцев в общей камере Пермской тюрьмы и, вырвавшись с помощью западных дипломатов из России, приехала к брату и отцу в Белград вместе с детьми, спасенными их бабушкой великой княгиней Елизаветой Маврикиевной.

Так Константиновичи — Татиана с детьми, Елена, ее сын Всеволод и дочь Екатерина — вновь оказались на Балканах. Только на этот раз путешествие было уже скорбной дорогой изгнания.

Примечания

¹ В связи со 150-летием со дня рождения великого князя Константина Константиновича появилось несколько посвященных ему монографий. См., например: *Говорушко Э. Л., Матонина Э. Е. К. Р. М.*, 2008; *Чернышова-Мельник Н. Д.* Баловень судьбы: История жизни Константина Романова. М., 2008; *Гришин Д. Б.* Великий князь Константин. Пред вечной красотой. М., 2008.

² ГА РФ. Ф. 657. (Великая Княгиня Романова Елизавета Маврикиевна). Д. 90. Письма Иоанна Константиновича матери в. кн. Елисавете Маврикиевне и в. кн. Константину Константиновичу. Л. 4–10 об.

³ Дневник высочайшего пребывания императора Александра II за Дунаем в 1877 г. СПб., 1878.

⁴ Подробнее об этой поездке см.: *Кузьмичева Л.В.* Правящие династии Сербии и Черногории в восприятии представителей Дома Романовых в конце XIX — начале XX в. // *Человек на Балканах: Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX — начало XX в.)*. СПб., 2009. С. 189–201.

⁵ *К.Р. Великий князь Константин Романов.* Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М., 1998. С. 264.

⁶ Там же. С. 266.

⁷ Там же. С. 268.

⁸ Там же. С. 269.

⁹ ГА РФ. Ф. 660 (Великий князь Константин Константинович [К.Р.]). Оп. 2. Д. 611.

¹⁰ *Епанчин Н.А.* На службе трех императоров. М., 1996. С. 343–345.

¹¹ *Коледа Г.* Записки рядового. Текст доступен по адресу: <http://www.pravmir.ru/zapiski-ryadovogo/#ixzz3Opqukd8C> (дата последнего посещения 31.III.2015).

¹² *Коледа К.* Неправда — это всегда плохо. Текст доступен по адресу: <http://istpamyat.ru/diskussii-ocenka-novosti/mneniya/protoierej-kirill-kaleda-npravda-eto-vsegda-plokh/> (дата последнего посещения 31.III.2015).

¹³ *Коледа Г.* Записки рядового.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 611. Л. 10–11.

¹⁵ Там же. Л. 13.

¹⁶ Там же.

¹⁷ АС. ДК. Ф. V. Р. 5; ДК. Ф. VII Р. 6 (1910 г.)

¹⁸ АС. ДК. Ф. VII. Р. 6 (1910 г.)

¹⁹ ГА РФ Ф. 659 (Иоанн Константинович, сын в. кн. Константина Константиновича). Д. 29. Письма королевы сербской Елены (невесты) в. кн. Иоанну Константиновичу. Л. 13–14.

²⁰ Екатерина Иоанновна умерла в 2007 г. В своем официальном сообщении об этом печальном событии Посольство Российской Федерации в Уругвае именует ее последним членом Российского Императорского Дома: «13 марта с. г. в Монтевидео скончалась последний член Российского Императорского Дома, двоюродная племянница Императора Николая II, Ее Светлость Княгиня Екатерина Иоанновна Романова». Текст доступен по адресу: <http://www.uruguay.mid.ru/press/066.html> (дата последнего посещения 31.III.2015).

²¹ Раннее утро. 1908.23.VII. Текст доступен по адресу: <http://starosti.ru/article.php?id=14388> (дата последнего посещения 31.III.2015).

²² АС. ДК. Ф. VII. Р. 6 (1910 г.)

²³ АВП РИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2874. Л. 14 об.

²⁴ Там же. Л. 15.

²⁵ Иоанн Константинович — родителям, по дороге в Дубровку, 2.XI.1909 // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 2007. Вып. XV. С. 416. Текст доступен по адресу: http://www.runivers.ru/new_htmlreader/?book=5607&chapter=84146 (дата последнего посещения 31.III.2015).

²⁶ Там же. С. 420.

²⁷ ГА РФ. Ф. 659. Д. 29.

²⁸ АС. ДК. Ф. V. P. 6.

²⁹ Там же. Ф. VII P. 7 (1911 г.).

³⁰ *Гавриил Константинович*. В Мраморном дворце. М., 2001. С. 127.

³¹ ГА РФ. Ф. 659. Д. 13.

³² Там же. Ф. 660. Оп. 1. Д. 63. Л. 100.

³³ АВП РИ. Ф. Политархив. 1911. Оп. 482. Д. 526. ЛЛ. 225-225 об.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. Л. 220–221.

³⁶ *К. Р. Великий князь Константин Романов*. Дневники. С. 297.

³⁷ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 154. Л. 128.

³⁸ *К. Р. Великий князь Константин Романов*. Дневники. С. 325.

³⁹ См.: *Матонина Э. Е.* Татьяна и Багратион // Москва. 2002. № 11.

⁴⁰ Князь Теймураз Константинович Багратион-Мухранский // Кадетская пере-
личка. 1993. № 53. Текст доступен по адресу: <http://xxl3.ru/kadeti/bagratiion.htm> (дата
последнего посещения 31.III.2015).

Великокняжеские семьи Петра и Николая Николаевичей Романовых в дороге*

Великие князья Николай Николаевич (1856–1929) и Петр Николаевич (1864–1931) Романовы были внуками императора Николая I (1796–1855), кузенами императора Александра III (1845–1894), и двоюродными дядями Николая II (1868–1918). Родились они в семье участника Крымской и впоследствии главнокомандующего российскими войсками в последней русско-турецкой войне, великого князя Николая Николаевича Романова (1831–1891) и великой княгини Александры Петровны (1838–1900), в последние годы своей жизни принявшей монашеский постриг и основавшей в Киеве Покровский монастырь.

Великий князь Николай Николаевич-младший — яркий, энергичный, решительный, боевой — сделал удачную военную карьеру, апогеем которой было принятие им поста Верховного главнокомандующего российской армии в годы Великой войны, поэтому ни один специалист, касающийся в своем исследовании этой темы, не может оставить без внимания деятельность Николая Николаевича. Даже при жизни о нем писали труды его современники¹. Его младший брат Петр Николаевич, в свою очередь, не был столь яркой личностью. Он не добился особых успехов на армейской службе, как из-за слабого здоровья, так и вследствие того, что его больше интересовала архитектура². Петр Николаевич занимался инженерным делом и в годы Первой мировой был в должности генерал-инспектора инженерных войск. Женами родных братьев Николая и Петра Николаевичей были черногорские принцессы Милица (1866–1951) и Анастасия (Стана) Николаевны (1868–1935) — тоже родные сестры. Их будущее изначально планировалось

* Статья написана при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-31-01003а1.

связать с Россией, поэтому они были в раннем возрасте отправлены из Черногории в Петербург для получения образования в Смольном институте благородных девиц.

Войдя в дом Романовых, эти женщины не остались незамеченными: множество слухов и сплетен ходило о них в придворных кругах, о них шептались в кулуарах, их любили и ненавидели. Примечательно, что нейтрального отношения к ним не было. Их современники обвиняли черногорских сестер во всем плохом, что случилось с Российской империей, приписывали им участие в коварном развязывании Первой мировой войны³. Роль этих женщин в истории Российской империи еще до конца не выяснена научным сообществом, но, безусловно, что эти дамы, приведшие ко двору последнего императора Григория Распутина, злоупотребляли российской казной в пользу своей малой родины, строили коварные планы по возведению на российский престол великого князя Николая Николаевича-младшего и способствовали свержению Николая II. К сожалению Милица и Анастасия Николаевны еще не удостоились серьезных специальных исследований, хотя их личности все же оказывались в центре внимания научных и публицистических работ как отечественных⁴, так и иностранных специалистов⁵. Некоторые аспекты их жизни и деятельности мы раскрывали в более ранних работах.⁶

В ракурсе путешествий и поездок семьи великих князей Николая и Петра Николаевичей Романовых исследуются впервые.

Главными источниками анализа стали архивные материалы: прежде всего, это личные фонды великих князей Николая и Петра Николаевичей и великой княгини Милицы Николаевны, хранящиеся в ГА РФ⁷. Далее — ценнейшие документы личного архива Сергея Васильевича Арсеньева (1854–1922), российского дипломата, полковника, чрезвычайного посланника и полномочного министра России в Черногории в 1910–1912 гг., из фондов АВП РИ⁸. Наконец, это документы из фонда короля Николы, находящиеся в библиотечно-архивном отделении Народного музея Черногории⁹. Большинство этих текстов ранее не публиковались и в научный оборот вводятся впервые.

Из опубликованных источников, отметим, особо ценными являются документы из Российского государственного военно-исторического архива: донесения русского военного агента в Черногории полковника Николая Михайловича Потапова (1871–1946), оставившего массу интереснейших данных о Черногории за время своего

12-летнего пребывания в стране (с 1903 по 1915 гг.). В обязанности военного агента Потапова (с 1906 г. — полковник, с 1912 г. — генерал-майор, с 1917 г. — генерал-лейтенант) входили как модернизация черногорской армии, так и контроль над расходом русской военной субсидии¹⁰.

Мы использовали и другие опубликованные материалы¹¹ (в основном переписку императора и придворных особ). Некоторые интересные сведения мы почерпнули из дневников последнего российского императора¹². Выделим отдельно ряд мемуарных источников, ярко рисующих картину придворной жизни¹³.

* * *

Первым из братьев Николаевичей женился Петр. О помолвке Милицы и Петра было объявлено 18 мая 1889 г. на званом ужине в честь черногорского князя Николы (1841–1921), отца невесты. Тогда император Александр III назвал его «единственным искренним и верным другом России»¹⁴. 23 мая 1889 г. Петр Николаевич, сопровождая свою невесту Милицу и ее княжеского родителя, отправился из Санкт-Петербурга в Киев, чтобы получить там благословение своей матери, великой княгини Александры Петровны. Эти события освещала пресса (например, самый популярный в Российской империи иллюстрированный журнал «Нива»)¹⁵.

После этого обрученные отправились в Черногорию, куда прибыли 20 июня 1889 г. Петра Николаевича встретили в Цетинье с большим воодушевлением. В день бракосочетания император Александр III обратился с воззванием к народу о свадьбе черногорской княжны Милицы Николаевны Петрович-Негош и великого князя Петра Николаевича Романова¹⁶. Свадьба была организована по всем правилам дома Романовых. Накануне был составлен и брачный договор черногорской княжны и русского великого князя¹⁷.

За день до свадьбы Милицы и Петра, 25 июля, объявили и о втором бракосочетании: другая дочь черногорского князя Николы, Стана (в России ее звали Анастасией), обручилась с внуком (по дочери) императора Николая I — Георгием Романовским, герцогом Лейхтенбергским¹⁸. 26 июля в Петергофе состоялось венчание Милицы и Петра, на котором присутствовала вся царская фамилия.

В связи с этими торжественными событиями черногорский князь удостоился чести — император России назначил его шефом 15-го стрелкового полка, который героически отличился во время Русско-турец-

кой войны 1877–1878 гг. Это был очень высокий знак отличия. Кстати, Милица и Анастасия, ставшие впоследствии российскими великими княгинями, носили звание почетных офицеров русской армии¹⁹.

Брак Петра и Милицы оказался счастливым, в нем родилось трое детей: Марина (1892–1981), Роман (1896–1978) и Надежда (1898–1988) — ее сестра-близнец Софья умерла вскоре после своего рождения в 1898 г.

Судя по переписке великокняжеских супругов, Милица довольно часто совершала поездки по Европе — то в Берлин, то в Цетинье, то в Петербург, то в Глейхенберг. «Жена уехала святое дело делать, а я гнездышко домуру защищаю»²⁰, — писал жене в одном из писем Петр Николаевич. Сам он обычно находился дома с детьми, играл с ними, затем рассказывал жене в письмах забавные, трогательные истории.

Из-за перенесенного в юности туберкулеза великий князь имел слабое здоровье и совершал поездки за границу лишь в лечебных целях, много времени проводил в приморских городах. Так, почти весь 1891 г. он провел в Каннах. При нем постоянно находился семейный врач Николай Федорович Шершевский.

* * *

Осенью 1912 г. «пороховой погреб Европы» сдетонировал, и на Балканах вспыхнула война. Великая княгиня Милица Николаевна не сидела сложа руки. Необходимость постоянной деятельности и долг перед малой родиной заставили ее отправиться в Черногорию. По дороге туда из Вены Милица писала мужу письма, сообщая обо всех известных ей обстоятельствах и об обстановке на Балканах. Великая княгиня-черногорка пристально следила за событиями, внимательно изучала прессу²¹. Ее интерес и внимание носили вовсе не поверхностный характер. Вообще, такая глубокая увлеченность политикой не была свойственна особам высокого положения. Однако в семье великой княгини балканские события живо обсуждались; даже сын Милицы, 16-летний Роман, детально изучал планы Черногории по своей настольной карте Скутари²² — албанского города, которым столь сильно желал обладать его дед Никола, в то время уже черногорский король.

Черногорцы первыми из балканских союзников объявили Турции войну. Это произошло 25 сентября (8 октября) 1912 г., однако военные действия были отложены на следующий день в связи с празднованием дня рождения короля²³. Военные победы черногорцев русская

пресса называла «чем-то поистине чудесным», «сверхчеловеческим» и даже «победой Давида над Голиафом»²⁴. В то время как черногорцы героически сражались с Турцией, в их тылу разворачивалась деятельность общества Красного Креста, которым руководила сестра русской великой княгини королева Ксения Петровиц-Негош²⁵. Об этой родственной связи не забыли упомянуть и издатели журнала «Нива» (как и о формальных отношениях Романовых со всеми балканскими союзниками)²⁶.

Во время Первой Балканской войны (26 сентября (9 октября) 1912 г. — 17 (30) мая 1913 г.) госпиталь Красного Креста был размещен в Цетинье, столице Черногории, в здании кадетского корпуса, незадолго до того, в 1911 г., открытого под руководством В. Н. Егорьева (1869–1948)*. Однако уже в конце 1912 г. появилась необходимость перенести госпиталь в здание Женского института (черногорский аналог Смольного института). Решением этого вопроса занялась Милица Николаевна, втянув в свою бурную деятельность как мать — черногорскую королеву Милену, так и супруга — великого князя Петра Николаевича. Женский институт в Цетинье имени императрицы Марии Александровны** был открыт в 1869 г. при всесторонней помощи России и успешно действовал в течение нескольких десятилетий. Для переоборудования института в госпиталь было необходимо получить разрешение вдовствующей императрицы Марии Федоровны***, которая курировала институт со стороны России (с черногорской стороны за деятельностью института следила королева Милена).

В письме от 30 января 1913 г. Милица писала мужу по-французски: «Мама только что телеграфировала императрице Марии Федоровне, прося ее дать согласие на переоборудование института в госпиталь. Это очень срочно, скажи Шервашидзе****, что нужно телеграфировать

* Егорьев Владимир Николаевич с 1910 по 1914 гг. состоял при Генеральном штабе. Был командирован в Черногорию, где занимал важные посты в армии: главный начальник военно-учебных заведений, генерал-инспектор народного образования, командир кадетского корпуса.

** Императрица Мария Александровна (1824–1880) — жена императора Александра II.

*** Императрица Мария Федоровна (1847–1928) — жена Александра III, мать Николая II.

**** Шервашидзе Георгий Дмитриевич — князь, обер-гофмаршал, состоявший при вдовствующей императрице Марии Федоровне.

приказ императрицы директорисе института Мертваго. Это дело чрезвычайной важности»²⁷. Когда указание императрицы было получено, и Институт был преобразован в госпиталь для раненых, Милица осталась там работать. «Работаю весь день, размещая постоянно прибывающих раненых [...] Их слишком много, помощь оказываться не успевает [...] Напишу подробнее, как только будут разбиты миллионы турок»²⁸, — телеграфировала она Петру Николаевичу.

Многие родственники Милицы Николаевны по материнской линии (Вукотич) принимали участие в военных действиях. Они храбро сражались, отстаивая честь своего рода и Отечества, о чем Милица рассказывала супругу в письмах²⁹. В этот период великая княгиня жила войной, писала мужу лишь о боевых действиях и о родных, которых война не щадила³⁰.

Помимо оказания помощи в госпитале, великая княгиня собирала материальную помощь для пострадавших в Балканских войнах. Именно к ней обращались люди, выражая восторженные чувства по поводу начала войны балканских союзников против Турции и делая пожертвования. Множество таких писем, хранящихся в личном фонде великой княгини Милицы Николаевны, были написаны именно в те годы; отправителями их являлись как частные лица, так и организации³¹.

Великая княгиня всегда находилась в курсе происходивших событий и постоянно собирала необходимую информацию. Примечательно, что временно исполняющий должность военного агента России в Цетинье (во время отъезда Н. М. Потапова в действующую армию) уже упоминавшийся полковник В. Н. Егорьев, в октябре 1912 г. докладывал последние данные о наступательных действиях черногорских отрядов (Северного и Зетского) именно на основе сведений, сообщенных ему великой княгиней Милицей Николаевной³².

В какой-то степени хорошая осведомленность великой княгини о подробностях военных действий объясняется и тем, что ее родственники по материнской линии — Вукотичи, храбрые воеводы, стояли во главе черногорских войск. Милица всей душой переживала за судьбу своих черногорских родственников и Черногории. И эти переживания, безусловно, выражались в ее деятельности, которая не всегда соответствовала статусу великой княгини. Возможно, столь сильное чувство патриотизма, которое мы наблюдаем у нее, было той особой чертой черногорцев, о которой пишет российская исследовательница

Е. Ю. Гуськова: «Трогательной особенностью черногорца всегда была глубокая привязанность к своей земле. Покидая свой край, он всегда оставался черногорцем, был тесно связан с племенем, с селом, в котором был рожден»³³.

* * *

Говоря о семье великого князя Николая Николаевича (младшего) и Анастасии (Станы) Николаевны, стоит отметить, что это был ее второй брак. Напомним, что с 1889 г. она была женой герцога Георгия Максимилиановича Романовского. На момент заключения брака Георгию (Юрию) тогда исполнилось 38 лет, он был вдовцом и уже привык вести легкомысленный образ жизни, имея любовниц во Франции. Ему было сложно войти в русло семейной жизни, однако указание императора Александра III о немедленной женитьбе на черногорской принцессе не обсуждалось. Первые два года супружеской жизни герцог был увлечен молодой и красивой женой-балканкой. Однако вскоре жена ему наскучила, и герцог стал все чаще уезжать во Францию под предлогом поправления здоровья, а на деле же к своей любовнице-француженке³⁴. По этому поводу император Александр III, будучи убежденным защитником традиционных ценностей, однажды, не сдержавшись, высказался о поведении герцога Лейхтенбергского, находившегося в то время в Биаррице: «А, и он там полоскал свое поганое тело в волнах океана»³⁵.

Стана глубоко переживала измены мужа и его холодность, но, как преданная жена, пыталась наладить отношения. В 1903 г. Анастасия отправилась во Францию, где встретила с доктором Филиппом, и вернулась 23 января «с письмами и добрыми известиями от “нашего друга”»³⁶, — как записал в своем дневнике император Николай II. «Одно время как будто наступило “потепление”, связанное с присутствием [...] доктора Филиппа. Но, в отличие от супруги, у герцога это увлечение длилось недолго»³⁷. Впоследствии на вопрос, любил ли он свою жену, герцог отвечал: «Ни одного дня!»³⁸. Несмотря на это, в браке родилось двое детей: Сергей (1890–1974), крестным отцом которого был Николай II, и Елена (1892–1976).

С 1903 г. началось близкое общение герцогини и великого князя Николая Николаевича. Они часто встречались в доме Петра и Миллицы, и это дружеское общение переросло в глубокие чувства. Как пишет специалист по отечественной истории А. Боханов: «История их “незаконных отношений” тянулась долго. “Николаша” был без ума от сво-

его “ангела”. Стана окружила великоростного обожателя вниманием и заботой, подарила ему “тепло своего сердца”. Она читала ему Флобера, пела французские романсы, играла по вечерам на гитаре. Великий князь всегда и всему восторгался и умилялся, порой до слез³⁹. Более того, великий князь даже порвал многолетнюю связь с актрисой Александринского театра Марией Потоцкой⁴⁰.

Для того чтобы связать свою жизнь с Николаем Николаевичем, Стана пыталась пять лет добиться разрешения на развод. Это был непростой и весьма скандальный процесс. Анастасия Николаевна слезно жаловалась императрице Александре Федоровне на герцога, рассказывала про его измены и тяжелую супружескую жизнь, просила помочь с разводом. В свою очередь Георгий Максимилианович писал оправдательные письма Николаю II, где указывал на ее связь с великим князем Николаевичем⁴¹. После этого на шумевшего бракоразводного процесса и последующей помолвки герцогини Анастасии Николаевны с великим князем Николаем Николаевичем в обществе пошла «мода на разводы», как выразился французский посол в Петербурге Морис Палеолог (1859–1944). Он назвал развод «общественной язвой», замечая, что «история Анны Карениной теперь уже непонятна. А, между тем, роман написан, кажется, в 1876 г. Теперь Анна немедленно развелась бы и вышла замуж за Вронского, и на этом роман бы закончился»⁴².

Итак, в 1907 г. Анастасия Николаевна добилась развода с герцогом, но, чтобы соединиться с Николаем Николаевичем, необходимо было получить разрешение Святейшего Синода, ведь по законам церкви двое родных братьев не могут жениться на родных сестрах. Анастасия и Николай Николаевич сумели обойти и «Учреждение об Императорской Фамилии». На этот брак свое согласие дали лично императрица и император, последний записал в дневнике 11 апреля: «Обедали: Николаша, Стана и Петюша. Перед их отъездом в Крым благословили первых иконами к предстоящей свадьбе»⁴³. За день до этого, 10 апреля, в Гусарском полку был дан месячный обед, который «был также мальчишником для Николаши»⁴⁴. Уже 13 апреля Стана и Николаша уехали в Крым, где провели медовый месяц в южнобережном имении Анастасии Николаевны «Чаир»*.

* «Чаир» великой княгини Анастасии Николаевны являлся частью бывшего имения «Барбо-Кристо».

* * *

1910 год является вехой в истории Черногории. Именно тогда княжество превратилось в королевство, что пышно отмечалось в маленькой балканской стране. В августе 1910 г. обе семьи великих князей Петра и Николая Николаевичей прибыли в Черногорию, чтобы поздравить отца своих жен — Милицы и Станы — Николу Петровича-Негоша с принятием королевского титула.

Великокняжеская чета Петра и Милицы прибыла в столицу Черногории заранее и, можно сказать, неофициально, так как на Петре Николаевиче, в отличие от его старшего брата, не лежало ответственности представлять российского императора. На 15 августа назначались торжества по случаю 50-летия правления Николы Петровича и провозглашения по этому случаю Черногории королевством. На празднование съехались многие именитые гости, в том числе итальянский король Виктор-Эммануил III и его супруга Елена, дочь Николы Петровича; также сербский престолонаследник Александр Карагеоргиевич, внук черногорского правителя; болгарский король Фердинанд; греческий королевич Константин, прибывший во главе эскадры из четырех вымпелов в Антивари чуть позднее, 18 августа⁴⁵.

По случаю провозглашения Черногории королевством Николай II решил удостоить новоиспеченного короля огромной чести, назначив его фельдмаршалом российской армии. Однако поздравительная телеграмма и приказ о назначении задержались в пути и не были оглашены в начале торжеств. Поскольку об этом назначении было уже известно великому князю Петру Николаевичу, то он настоял на том, чтобы официальный российский посланник в Цетинье С. В. Арсеньев оповестил Николу Петровича о высочайшей поздравительной телеграмме и пожаловании высокого звания, что и было исполнено. 16 августа на семейном завтраке в королевском дворце, куда вместе с великокняжескими семьями был приглашен и Арсеньев, российский посланник доложил Николу о высокой чести, оказанной ему императором. Как после докладывал в МИД Арсеньев, король был заметно взволнован: он прослезился, обнял российского представителя и сказал, что «никакое известие не могло бы его так глубоко обрадовать, и что преданность его и черногорского народа Его Императорскому Величеству безгранична»⁴⁶. Поздравительная телеграмма была получена на следующий день, 17 августа, в третий день праздничных торжеств, и зачитана королем вслух перед народом во время торжественного парада

войск. «Восторг войск и народа при этой вести не поддается описанию»⁴⁷, — докладывал российский посланник в МИД. В тот же день был юбилей золотой свадьбы короля Николы и его супруги Милены.

Для вручения фельдмаршальского жезла от имени императора и как его официальный представитель в Черногорию отправился великий князь Николай Николаевич с семейством. Прибыв в порт Антивари 19 августа во главе русской эскадры с супругой и ее детьми (князем Сергеем Георгиевичем и Еленой Георгиевной Романовскими — дети Станы от первого брака), Николай Николаевич был встречен черногорским народом с невероятным энтузиазмом, а его «путь от Антивари до Цетинья был как бы триумфальным шествием, не умолкали крики: “Живιο Русский царь, живιο Россия”»⁴⁸. 21 августа в присутствии всего дипломатического корпуса, десанта с русской эскадры и черногорских войск, Николай Николаевич торжественно вручил черногорскому королю фельдмаршальский жезл⁴⁹.

На следующий день в честь великого князя Николая Николаевича был устроен званый обед, на котором, кроме великокняжеских семейств, присутствовал принц Франц Иосиф Баттенбергский с супругой, личный состав русской императорской Миссии, начальник русской эскадры контр-адмирал Мальцев с командирами судов и прочие⁵⁰.

Цетиньские торжества, приезд великого князя Николая Николаевича в качестве представителя российского императора, вызванный этим невероятный энтузиазм черногорского народа и вручение королю Николу фельдмаршальского жезла — все это изумило официальных представителей других европейских государств, которые стали интерпретировать действия России в Черногории в новом ключе. К примеру, Австро-Венгрия стала считать Черногорию «передовым послом России на Балканах»⁵¹.

26 августа состоялся отъезд августейших высочеств из Цетинья в Антивари. На броненосце «Цесаревич» был дан торжественный завтрак для королевской семьи, а уже в 2.30 дня эскадра снялась с якоря и направилась во Фиуме, откуда великокняжеские семьи Петра и Николая Николаевичей инкогнито направились в Вену — докладывал в МИД российский посланник⁵².

* * *

Удивительно, но эта поездка великого князя Николая Николаевича в Черногорию как официального представителя российского императора повлияла на отношение к нему императрицы Александры

Федоровны. Она стала опасаться, что великий князь, так торжественно встреченный в Черногории, пользуется слишком большой популярностью в народе. Ей немало способствовали в годы Первой мировой войны великие княгини Милица и Анастасия в Киеве, где они трудились, оказывая помощь раненым и пострадавшим⁵³. Там они распространяли различные картинки, лубки, брошюры с изображением великого князя Николая Николаевича во время церковных служб в честь императора⁵⁴.

Вскоре императрица стала обвинять обеих великих княгинь в заговоре с целью свержения Николая II, возведения на престол популярного в народе и армии Николая Николаевича и заточения ее в монастырь⁵⁵. Об этих планах писали и некоторые современники тех событий⁵⁶. В любом случае (даже если эти планы и имели место в действительности), их не удалось осуществить: волна революции смела всех Романовых, на которых начались гонения с приходом к власти большевиков. Семьи Петра и Николая Николаевичей успели перебраться в Крым, откуда вместе с вдовствующей императрицей Марией Федоровной в 1919 г. на корабле «Мальборо» навсегда покинули Россию.

Поначалу семьи великих князей жили в Италии, гостили у итальянской королевы Елены, младшей сестры Милицы и Анастасии. В 1922 г. переехали во Францию. Николай Николаевич по многочисленным просьбам русской эмиграции принял на себя звание председателя «Зарубежного союза русских военных инвалидов» и до своей смерти в 1929 г. претендовал на российский престол. После его смерти в Италии и Югославии был объявлен траур.

После смерти великого князя Петра Николаевича в 1931 г. и Анастасии Николаевны в 1935 г., Милица с детьми переехала снова к своей сестре королеве Елене в Италию, а после свержения там монархического режима вместе с ней бежала в Египет, где и скончалась в 1951 г.

Ее сын Роман Петрович (1896–1978) был женат морганатическим браком на графине Прасковье Шереметевой (1901–1980). В браке родилось двое детей — Николай (род. 1922) и Дмитрий (род. 1926). Сейчас князь Дмитрий Романович живет в Копенгагене, но часто приезжает в Россию. Он является одним из основателей и председателем «Фонда Романовых для России». Конечно, он считает себя Романовым, однако черногорские корни дают о себе знать. Дмитрий Романович написал и издал на английском языке несколько книг о наградах — черногорских, болгарских и греческих. Работает над книгой о сербских

и югославских наградах, мечтает написать книгу о старых российских и советских, а также о медалях постсоветской России. В настоящее время является крупнейшим специалистом по черногорской нумизматике и фалеристике⁵⁷.

* * *

Однако свой последний путь великий князь Николай Николаевич и его супруга совершили лишь недавно. 30 апреля 2015 г. останки великокняжеской четы были преданы земле в мемориально-парковом комплексе героев Первой мировой войны. С просьбой о перезахоронении Николая Николаевича-младшего и Анастасии Николаевны выступили в начале 2014 г. назад родственники великого князя Николай и Дмитрий Романовичи Романовы. Вопрос решался на уровне президента и премьер-министра Российской Федерации. Последний 1 декабря 2014 г. подписал указ о создании межведомственной рабочей группы по организации церемонии переноса из Франции и захоронения в России праха супругов. 2 апреля 2015 г. спикер Госдумы Сергей Нарышкин оповестил общественность о том, что мероприятие планируется провести в конце апреля того же года. «Перезахоронение останков великого князя, безусловно, станет заметным событием, я бы сказал даже, особым событием и для России и для всего русского мира. Ведь уже сейчас эта инициатива является одним из символов и возвращения, и сохранения исторической памяти»⁵⁸, — отметил тогда С. Нарышкин.

Останки Николая Николаевича-младшего и Анастасии Николаевны покоились во Франции, в храме архангела Михаила в Каннах. После ряда переговоров России с французским правительством было решено перевезти останки на родину и предать их земле в часовне Спаса Преображения на территории мемориально-паркового комплекса героев Первой Мировой войны. Несмотря на то, что не все ныне здравствующие представители Дома Романовых одобрили это решение, оно все же состоялось⁵⁹.

27 апреля 2015 г. останки великого князя с супругой были доставлены спецрейсом на аэродром Чкаловский в Московской области. Помимо министра культуры Владимира Мединского и заместителя министра обороны Николая Панкова, в состав сопровождающей останки делегации вошел двоюродный племянник великого князя — Дмитрий Романович⁶⁰. Он сегодня является старейшиной Дома Романовых. До своей смерти 15 сентября 2014 г. старейшиной был брат Дмитрия

Романовича — Николай Романович Романов, скончавшийся в Тоскане на 92-м году жизни.⁶¹

Три дня в Донском монастыре шло особое богослужение, а 30 апреля состоялось торжественная церемония захоронения останков великокняжеской четы, на которой присутствовали Патриарх Московский Кирилл, мэр Москвы С. С. Собянин, бывший министр культуры России М. Е. Швыдкой и многие другие общественные и государственные деятели. Собравшиеся обратили внимание на символичность того, что перезахоронение происходит в год 70-летия Победы в Великой Отечественной. Трогательной была речь патриарха Кирилла, который напомнил о двух разрушительных мировых войнах, которые произошли в одном XX в. и которые стали единой трагедией многих народов. «Равного этой трагедии не было никогда в истории человечества. Распавшиеся государства, разделенные народы, десятки миллионов погибших. И в каком-то смысле то, что мы сейчас совершаем, есть символический акт или частица акта преодоления всего того хаоса и разделения, которые принес нашему народу XX век», — сказал патриарх⁶².

Примечания

¹ *Сухомлинов В. А.* Великий князь Николай Николаевич (младший). Берлин, 1925; *Данилов Ю. Н.* Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930.

² *Калинин Н., Земляниченко М.* Романовы и Крым. «У всех нас осталась тоска по Крыму...». Симферополь, 2009.

³ Историк русской журналистики М. К. Лемке писал про Милицу и Стану: «Эти пауки довели в 1914 г. дело до ужаснейшей войны, надеясь при помощи ее достичь высших степеней славы и могущества». См.: *Лемке М.* 250 дней в царской ставке. Пг., 1920. С. 298. (Текст доступен по адресу: http://militera.lib.ru/db/lemke_mk/index.html (дата последнего посещения 31.III.2015)). Военный министр Российской империи в 1909–1915 гг. В. А. Сухомлинов тоже усматривал причастность черногорцев к развязыванию Первой мировой войны. См.: *Сухомлинов В. А.* Воспоминания. Берлин, 1924. С. 179–180. Анонимный большевистский автор считал, что черногорские принцессы постоянно старались влиять на направление русской балканской политики и были главными виновницами вступления России в Первую мировую. См.: Николай II и великие князья (Родственные письма к последнему царю). М., 1925. С. 15–16.

⁴ Научные статьи: *Боханов А.* «Черные сестры». Черногорские княгини при царском дворе // *Родина*. 2003. №2. С. 78–81; *Кузьмичева Л. В.* Балканские принцессы в семье европейских монархов // *Человек на Балканах: социокультурные изменения процесса модернизации на Балканах (середина XIX — середина XX в.)* / Отв. ред. Р. П. Гришина. СПб, 2007. С. 342–373; Публицистика: *Грачева Д.* Матримониальные планы черногорских сестер. 2007. Текст доступен по адресу: <http://www.informonte.com/articles/6.html>

(дата последнего посещения 31.III.2015); *Хохрев А.* Аномальная княгиня. Текст доступен по адресу: <http://www.gazetastrela.ru/gazeta/print.php?id=2606> (дата последнего посещения 31.III.2015); *Буренина К.* Милица и Стана. Черные принцессы. 2008. Текст доступен по адресу: http://burenina.ru/chernye_princessy (дата последнего посещения 31.III.2015).

⁵ Научная статья: *Распоповић Р.* Милица Николајевна Романова као дипломатски заступник Црне Горе у Русији // Црна Гора и Русија. Огледи и есеји. Београд—Подгорица, 2005; Публицистика: *Латковић В.* Чаробни ликови црногорских принцеза, Подгорица, 1998; *Латковић В.* Анастасија на русском двору. Романсирана биографија. Београд, 2005.

⁶ *Струнина Н.Г.* Никола Петрович-Негош и его дочери — русские великие княгини Романовы // Черногорцы в России / Отв. ред. К. В. Никифоров. М., 2011. С. 174–238; *Она же.* Деятельность великой княгини Милицы Николаевны Романовой по оказанию помощи Черногории в период Балканских войн (1912–1913 гг.) // Славянский мир в третьем тысячелетии. Межкультурный и межконфессиональный диалог славянских народов / Отв. ред. Е. С. Узенева. М., 2011. С. 263–272; *Она же.* Деятельность великой княгини Милицы Николаевны Романовой по оказанию помощи Черногории в период Балканских войн (1912–1913 гг.) // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913) / Отв. ред. Р. П. Гришина, А. Л. Шемякин. М., 2012. С. 378–390; *Она же.* Милица Николаевна и Анастасия Николаевна Романовы: от черногорских княжон до великих княгинь при дворе Николая II // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. Т. 15. № 5. С. 36–42.

⁷ ГА РФ. Ф. 653: Великий князь Петр Николаевич Романов; Ф. 669: Великая княгиня Милица Николаевна Романова; Ф. 671: Великий князь Николай Николаевич (младший).

⁸ АВП РИ. Ф. 340. Личные фонды. Оп. 854. Личный архив С. В. Арсеньева.

⁹ БАОНМЦГ. Фонд краља Николе.

¹⁰ *Струнина-Бородина Н.Г.* Политика черногорского государства по отношению к Албании по донесениям русских дипломатов в Черногории (начало XX века) // Независимость Албании в общепалканском контексте. К 100-летию образования Албанского государства / Отв. ред. П. А. Искендеров. М., 2014. С. 213–234.

¹¹ *Медведев С.* Николай II и его двор. М., 1917; Николай II и великие князья (Родственные письма к последнему царю). М., 1925; *Платонов О.А.* Терновый венец России: Николай II в секретной переписке. М., 1996.

¹² Дневник императора Николая II (1890–1906 гг.). М., 1991; Дневник императора Николая II (1894–1917). М., 1991.

¹³ *Гавриил Константинович, великий князь.* В Мраморном дворце. Мемуары. М., 2001; *Витте С.Ю.* Воспоминания: в 3 т. Таллинн; М., 1994; *Войков В.Н.* С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995; *Данилов Ю.Н.* Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930; *Ден Ю.* Подлинная Царица. Воспоминания близкой подруги Императрицы Александры Федоровны / Пер. с англ. В. В. Кузнецова. СПб, 1999; *Епанчин Н.А.* На службе трех императоров. М., 1996; *Мосолов А.А.* При дворе последнего Российского императора. Записки начальника Министерства Императорского Двора. М., 1993.

¹⁴ *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. 464.

¹⁵ Нива. 1889. № 30. С. 760–762.

¹⁶ БАОНМЦГ. Фонд краља Николе I. Фасц. 1889. Л. 121–124.

¹⁷ Там же. (без нумерации листов) 25.VII.1889. Брачный контракт на русском (9 л.) и французском (9 л.) языках.

¹⁸ Нива. 1889. № 34. С. 858–860.

¹⁹ *Jovanović R.* Les relations politiques entre le Montenegro et la Russie (1711–1918) // Le Montenegro dans les relations internationales. Titograd, 1984. P. 49.

²⁰ ГА РФ. Ф. 669. Оп. 1. Д. 10. Л. 76 об.

²¹ В фонде великой княгини Милицы Николаевны (№ 669) хранятся вырезки из иностранных газет периода Балканских войн. Это «*Europe Versus Liberty*», «*Daily Mail*», «*Pro and con*», «*Het Vaderland*», «*Глас Черногорца*», «*Вестник*». ГА РФ. Ф. 669. Оп. 1. Д. 22. Романова Милица Николаевна, великая княгиня. *Europe Versus Liberty* — Стихи и выдержки из прессы на английском языке, посвященные Николаю I Королю Черногорскому (6 л.); Там же. Д. 20. Газеты «*Het Vaderland*», «*Глас Черногорца*», «*Вестник*», вырезки из газет и журналов, карта Черногорского княжества и др. карты. 1913–1914 гг. (37 л.).

²² Там же. Д. 159. Л. 2–3.

²³ Телеграмма Н. М. Потапова в отдел генерал-квартирмейстера с сообщением срока начала военных действий Черногории // *Потапов Н. М.* Русский военный агент в Черногории. Т. 1: Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902–1915 гг. М.; Подгорица, 2003. С. 597; Телеграмма В. А. Сухомлинова Николаю II о дате объявления войны Турции и начале военных действий // Там же. С. 598.

²⁴ Россия и Австрия на Балканах (Политическое обозрение) // Нива. 1912. № 41. С. 821.

²⁵ Там же. С. 956.

²⁶ Славяно-турецкая война. Очерк кн. Д. П. Багратиона // Там же. № 48. С. 955.

²⁷ ГА РФ. Ф. 653. Оп. 2. Д. 159. Л. 5.

²⁸ Там же. Л. 6.

²⁹ Там же. Л. 10.

³⁰ См. подробнее *Струнина Н. Г.* Деятельность великой княгини Милицы Николаевны Романовой по оказанию помощи Черногории в период Балканских войн (1912–1913 гг.) // Славянский мир в третьем тысячелетии. Межкультурный и межконфессиональный диалог славянских народов / Отв. ред. Е. С. Узенева. М., 2011. С. 263–272; *Она же.* Деятельность великой княгини Милицы Николаевны Романовой по оказанию помощи Черногории в период Балканских войн (1912–1913 гг.) // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913) / Отв. ред. Р. П. Гришина, А. Л. Шемякин. М., 2012. С. 378–390.

³¹ ГА РФ. Ф. 669. Оп. 1. Д. 13. Л. 33–33 об. Письма и телеграммы от частных лиц (протокол общего собрания Общества русских ориенталистов; прошения вдов, крестьян; поздравления великой княгине Милице Николаевне Романовой 1892–1915 гг.)

³² Телеграмма директора черногорского кадетского корпуса В. Н. Егорьева в отдел генерал-квартирмейстера о наступательных действиях Северного и Зетского отрядов // *Потапов Н. М.* Т. 1. С. 610.

³³ *Гуськова Е.* Черногорский характер — от легенды к действительности // Перспективы: Как жить славянам дальше. Родина. 2001. № 1. С. 183. Текст доступен по адресу: http://www.sklaviny.ru/proekty/slavyane/gusk_cherno.php (дата последнего посещения 13.IV.2015).

³⁴ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. 415–416.

³⁵ Там же. Т. 2. С. 251.

³⁶ Дневник императора Николая II (1890–1906 гг.). С. 136.

³⁷ *Боханов А.* «Черные сестры». С. 79.

³⁸ Цит. по: Там же. С. 80.

³⁹ Там же.

⁴⁰ *Калинин Н., Земляниченко М.* Романовы и Крым. С. 163.

⁴¹ Там же. С. 164.

⁴² *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М.; Пг., 1923. С. 232–233.

⁴³ Дневник императора Николая II (1894–1917). С. 361.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ АВП РИ. Ф. 340. Оп. 854. Д. 3. Л. 43.

⁴⁶ Там же. Л. 51.

⁴⁷ Там же. Л. 50.

⁴⁸ Там же. Л. 57–58.

⁴⁹ Там же. Л. 54.

⁵⁰ Там же. Л. 55.

⁵¹ Там же. Л. 58.

⁵² Там же. Л. 55.

⁵³ См. подробнее: *Струнина Н.Г.* Никола Петрович-Негош и его дочери — русские великие княгини Романовы // Черногорцы в России / Отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2011. С. 174–238; *Она же.* Милица Николаевна и Анастасия Николаевна Романовы: от черногорских княжон до великих княгинь при дворе Николая II // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. Т. 15. № 5. С. 36–42.

⁵⁴ *Воейков В.Н.* С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995. С. 148.

⁵⁵ Письмо императрицы от 10 сентября 1915. // *Платонов О. А.* Терновый венец России: Николай II в секретной переписке. С. 224.

⁵⁶ *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М.; Пг., 1923. С. 274; *Воейков В.Н.* С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995. С. 167.

⁵⁷ «Князь Дмитрий Романов, впервые в Ливадии...». Интервью от 22.VIII.2009. Текст доступен по адресу: <http://www.bigalyta.com.ua/story/1248> (дата последнего посещения 31.III.2015).

⁵⁸ Цит. по: «Останки князя Николая Николаевича-младшего и его супруги могут быть перенесены в Россию» // Новости культуры от 1.IV.2015. Текст доступен по адресу: http://tvkultura.ru/article/show/article_id/131203 (дата последнего посещения 1.IV.2015);

«В Москве прощаются с великим князем Николаем Николаевичем Романовым-младшим и его супругой» (6/11) // ВЫПУСК — вторник, 28.IV.2015, Новости 15:00 // <http://www.1tv.ru/newsvideoarchive/>. (дата последнего посещения 28.IV.2015).

⁵⁹ «Дом Романовых отказался участвовать в “политшоу” с перезахоронением праха двоюродного дяди Николая II и его супруги» // NEWSru.com // В мире // 9.XII.2014 // <http://www.newsru.com/world/09dec2014/roman.html> (дата последнего посещения 28.IV.2015).

⁶⁰ «В Россию доставлены останки великого князя Николая Николаевича» // Новости культуры. Эфир от 27.04.2015 (23:10). Текст и видео доступны по адресу: http://tvkultura.ru/article/show/article_id/132883 (дата последнего посещения 28.IV.2015).

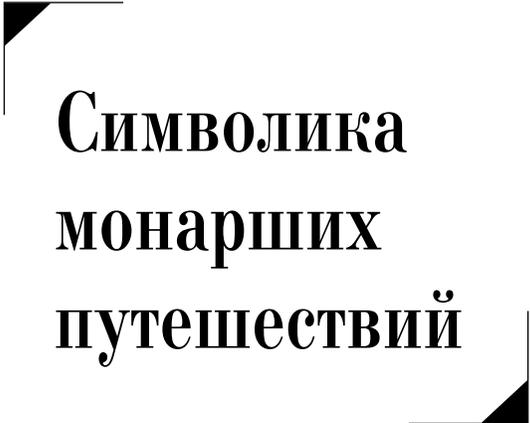
⁶¹ «В Тоскане на 92-м году жизни скончался старший из Романовых — князь Николай Романович» // NEWSru.com // В мире // 15.IX.2014 // <http://www.newsru.com/world/15sep2014/princeromanovddita.html> (дата последнего посещения 28.IV.2015).

⁶² «В Москве проходит церемония захоронения праха великого князя Николая Романова» // ВЫПУСК — четверг 30 апреля 2015 г., Новости в 12.00. Текст

доступен по ссылке: <http://www.1tv.ru/news/social/282912>. (дата последнего посещения 04.V.2015);

«Великий князь Николай Романов и его супруга перезахоронены в мемориальном комплексе в Москве» // ВЫПУСК — четверг 30 апреля 2015 г., Новости в 15.00. Текст доступен по ссылке: <http://www.1tv.ru/news/social/282921>. (дата последнего посещения 04.V.2015); «Сегодня в Москве перезахоронили останки Великого князя Николая Николаевича Романова» // ВЫПУСК — четверг 30 апреля 2015 г., Новости в 18.00. Текст доступен по ссылке: <http://www.1tv.ru/news/social/282942>. (дата последнего посещения 04.V.2015);

«Последняя воля великого князя исполнена» // ВЫПУСК — четверг 30 апреля 2015 г., Новости в 21.00. Текст доступен по ссылке: <http://www.1tv.ru/news/social/282972> (дата последнего посещения 04.V.2015).

**Символика
монарших
путешествий**

**«Императорский миф»
о пребывании Романовых в Финляндии:
верноподданнические, историографические
и фольклорные воплощения**

В современной историографии принято считать, что Финляндия дважды за столетие пережила радость национального освобождения, оба раза это произошло при непосредственном участии России. В первый раз — в 1809 г., когда страна была вызволена из владычества Швеции и включена в состав завоевавшей ее Российской империи, затем — в 1917 г., когда впервые в своей истории обрела государственно-политическую независимость, без промедления признанную Российской Советской республикой (постановлением Совета Народных комиссаров, подписанным В. И. Лениным¹). В течение 108 лет отношения Великого Княжества Финляндского и Российской Империи стремительно эволюционировали, однако все это время в финляндской общественной мысли преобладала концепция, обосновываемая несколькими поколениями историков, политиков, деятелей национального движения. Ее в кратком виде сформулировал знаменитый финляндский историк, писатель, поэт, публицист и педагог второй половины XIX в. Сакари Топелиус в самом издаваемом финском учебнике для детей: «финская нация родилась в 1809 году со словами Александра Первого на сейме в Борго»². Речь императора произносилась по-французски, и в ней он использовал для определения финского народа понятие «nation», а не «population». Официальный перевод был сделан на шведский и русский языки; этот фрагмент по-русски в современном переводе звучит так: «этот народ, возведенный ныне в достоинство наций [...] и управляемый согласно своим законам, гарантированных конституцией»³. В Манифесте о государственном устройстве Финляндии (Великого Княжества Финляндского) 1808 г. финны также названы «народом» в значении нации: «В чреде народов, скипетру российскому подвластных и единую империю составляющих, обыватели новоприсоединенной Финляндии с сего времени восприняли навсегда свое место»⁴.

Независимо от того, какую дату считать символическим началом финской нации, с точки зрения формирования национальной идентичности бесспорно, что она рождается именно в период Великого Княжества Финляндского (далее ВКФ), и что форма и стиль имперского правления, национальная политика и идеология собственно российского нациестроительства оказали самое непосредственное влияние на этот процесс.

Среди различных трактовок российско-финляндских политических отношений и представлений о русско-финских межэтнических стереотипах периода Империи важное место занимает миф, который можно назвать «императорским». В нем разные типы взаимодействия нашли как формульное (вербальное), так и образное (символическое) отражение. Речь идет о значительном комплексе нарративов XIX в., связанных с путешествиями и пребыванием самодержцев Романовых и членов их семей на территории Великого Княжества Финляндского. Часть этих источников имеет официальное происхождение (газетные и журнальные репортажи, записи в дворцовых журналах, правительственные документы, фотографии), но окончательную форму «рассказов и случаев из жизни императоров» они приобрели в устной традиции, в повествованиях участников событий с «финской стороны», из которых они были восприняты и включены в научный историографический дискурс.

Мы подвергнем реконструкции один из аспектов императорского мифа о Финляндии, а именно: его место и значение в репрезентациях российского монарха и имперской власти в отношениях «самодержец — народ его Империи», используя те версии, которые бытуют и поныне в финской культуре и историографии. Исследование строится не на текстологическом анализе исторических документов и не на выяснении их происхождения, правдивости и степени научной репрезентативности, а на установлении наиболее популярных сюжетов из всей совокупности нарративов — как достоверных, так и легендарных, прочно вошедших в современное массовое сознание финнов и русских благодаря туризму, научно-популярной и художественной литературе, информации на Интернет-сайтах и т. п. Оставляя в стороне вопрос о типичных инструментах интерпретации реальных событий с целью создания цельного и претендующего на историзм образа «Романовы и финны», мы рассмотрим данный комплекс историй как Текст, ограничившись задачей выявления явной и скрытой мотивации, важной для понимания взаимных этнокультурных стереотипов двух народов, которые остаются органической частью не только

обыденных национальных предрассудков, но и научного дискурса об Имперской Финляндии.

Центральным вопросом в процессе формирования финской национальной идеи и позже — программы национального освобождения на протяжении всего XIX в. — был вопрос о правовом статусе ВКФ, определивший условия его вхождения в состав Российской Империи. Именно он стал отправной точкой политического конфликта между имперской властью и Финляндией, апогей которого пришелся на 1899 г. (Манифест Николая II), обозначив начало так называемого «периода угнетения 1899–1917 гг.» — кризисного этапа в отношениях имперской власти с ВКФ. Сложность и юридическая непрозрачность политических отношений между Финляндией, властями Империи и ее монархом заключалась в том, что они были обусловлены не только формальными, т.е. *историческими и правовыми причинами* (разночтения в понимании европейских правовых и политических терминов — таких как «конституция», «народ», «коренные законы», «традиции управления» и т.п.), но и в значительной мере тесно связаны с историографическим (на первой стадии) и национальным (на второй стадии) «мифами о государстве», которые благодаря фенноманам* стали важными элементами национального сознания и автостереотипа финнов во второй половине столетия. Эти мифы, как убедительно показал современный финляндский историк Осмо Юссилла, сложились на основании интерпретации речи Александра I на сейме в Порво (Борго) 1809 г. и его «обещаний»⁵. Исследователь определяет государственный миф как «теорию, созданную еще в 1850-х гг. на основе памфлетов И. Вассера и А. И. Арвидсона, в соответствии с которой Финляндское государство родилось или было создано на “сейме” в Порво 29 марта 1809 г. посредством двустороннего договора между императором Александром I и представителями финляндских сословий ... Окончательно миф был сцементирован борьбой по вопросам права в так называемые “годы угнетения” [...] Производным мифа о государстве является миф о конституции»⁶, который основан на вере о том, что тот же император, а затем и его потомки «утвердили своим

* Фенноманы — общественное течение в Финляндии (Великом Княжестве Финляндском), сторонники которого выступали за развитие национальной финской культуры, за уравнивание статуса финского языка со шведским; с 1870-х гг. стало приобретать политический характер (борьба за национальную независимость).

императорским обещанием в качестве “основных законов” и “конституции” [...] густавианские* формы правления 1772 и 1789 гг.»⁷

Реконструкция истории формирования идей о независимости Финляндии, их идеологических и политических истоках и последствиях стала изучаться с новых позиций в 1970–80-е гг., ознаменовав разрыв с прежней полуторавековой историографической романтически-патриотической традицией. Историки обратились к позициям обеих сторон финляндско-российских отношений, анализируя законодательный статус ВКФ и его место в национальной политике Империи с учетом взаимных предубеждений⁸, и за эти четыре десятилетия вопросу о восприятии российскими самодержцами органической части Империи с особым положением было уделено в финляндских трудах достаточно внимания. Попытка выявить личную позицию каждого из пяти императоров вернула в научный дискурс сведения и факты, касавшиеся пребывания в стране членов императорской семьи — с инспекционными поездками, военными смотрами, по пути в Западную Европу, на охоту и на отдых. Частная жизнь монархов, их восприятие финнов и Финляндии оказались не только значимой иллюстративной и популяризаторской частью научных монографий, но и важным элементом трактовки механизма принятия политических решений в отношении разных народов и регионов Империи. В последние 20 лет эти сюжеты привлекают пристальное внимание и российских историков — биографов династии, специалистов по национальной политике. Особой вехой стала канонизация последних Романовых, актуализировавшая интерес православных верующих к жизни и быту царской семьи, что способствует активному развитию религиозного туризма в Финляндии, где сохранилось немало памятных мест имперского периода. Новый всплеск интереса был связан и с 400-летием династии⁹.

Комплекс историй, повествований, высказываний, а также полный перечень всех географических объектов и происшествий, связанных с посещением императорами ВКФ, хорошо известен и документирован. Этим сюжетам посвящена книга Йормы и Пяйви Туоми-Никула, переведенная на русский язык¹⁰ и являющаяся главным источником информации нашего исследования. Ее авторы подсчитали, что

* Реформы в духе «просвещенного абсолютизма», осуществленные в так называемый «густавианский период» истории Швеции (правление королей Густава III и Густава IV с 1771 по по 1809 гг.).

за столетие пятеро государей посетили Финляндию более восьмидесяти раз (34 раза с официальными визитами, 47 раз для отдыха) и пребывали в ней в общей сложности 751 день (большую часть времени — 568 дней — они отдыхали). Чаще всего ездили и дольше других (более полугодом в сравнении с полуторамесячным в общей сложности пребыванием предшественников) находились в ВКФ два последних императора (260 и 366 дней соответственно), по числу официальных визитов (десять) и их длительности на первом месте — Александр III¹¹.

Источниками сведений о путешествиях и посещениях самодержцами Финляндии послужили для авторов главным образом официальные отчеты, материалы финляндской и отчасти петербургской прессы, воспоминания очевидцев событий и в гораздо меньшей степени точно записанные высказывания монархов о стране и ее жителях. В целом можно говорить о том, что представленный в книге подробный перечень сюжетов и «случаев» фиксирует ряд отдельных так называемых «исторических анекдотов», содержащих «представления о представлениях». Главный акцент в них делается на реакции, впечатлениях, ремарках Романовых о Финляндии и на диалогах венценосных особ с финскими поданными. В целом все они образуют своеобразный «императорский дискурс о Финляндии», в котором очень важна именно устность, повествовательность запечатленных в памяти современников и потомков слов и поступков императоров. Даже зафиксированные на письме (например, в мемуарах членов свиты или на страницах газет), они остаются в исторической памяти лишь тогда, когда им дана определенная интерпретация, позволяющая вписать их в заданный образ, который складывается на первый взгляд «стихийно», однако соответствует принципам фольклоризации исторических анекдотов, их проникновения и бытования в массовом сознании. Без специального исследования трудно судить о том, в какой мере они отражали субъективное монаршее видение и восприятие, так же как и ответить на вопрос, стояли ли за ними продуманная позиция государя в отношении финнов или же перед нами каждый раз — конкретная бытовая ситуация с непосредственной реакцией на нее. Следует подчеркнуть, что именно коммуникативный аспект становится доминирующим в этом нарративе.

Все, сделанное и сказанное самодержцами, разумеется, сразу и однозначно трактовалось как важное, значимое, статусное — даже тогда, когда они отдыхали. Такая тенденция имеет универсальный характер и в финском «случае» нет ничего национально-специфического. Важно иное: в последней четверти XIX в., главным образом в период

правления Александра III (политика которого в отношении ВКФ отличалась от предыдущего либерального царствования весьма существенно), финское национальное сознание уже в полной мере усвоило миф о своем государстве, и потому император, которому приписывалась роль личного гаранта «договора между народом и правителем» и даже «унии»¹², рассматривался как находящийся в определенной системе обязательств в отношении финского народа. Его слова, реакции и действия маркировались и интерпретировались особым образом потому, что им приписывалось осознанное проявление позиции сторон — участников этого «диалога» правителя и подданных.

В самом фактографическом комплексе «свидетельств» можно выделить несколько видов нарратива. Во-первых, это рассказы о конкретных случаях прямого контакта императоров с жителями Финляндии, именуемыми финнами (в значении гражданской принадлежности, так как в строгом, этническом смысле эти люди вовсе не всегда принадлежали к данному этносу). Во-вторых, высказывания и суждения Романовых, зафиксированные на бумаге или приписываемые самодержцам, содержащие оценку или характеристику финнов (и как жителей страны, и как народа) в связи с пребыванием в ВКФ. Наконец, в-третьих, «признаки» их особого благорасположения к жителям региона (приезды на отдых, добрый настрой, щедрые вознаграждения, «простое домашнее» поведение и т. п.).

Повествования о случаях общения самодержцев с финнами призваны подчеркнуть, во-первых, (и это самое главное) личные качества российских правителей — такие как: забота о подданных, доступность для «простых» людей, выражающаяся в желании идти на прямой контакт с «народом», щедрость (частые вознаграждения за хорошую работу, подарки по случаям, помощь в решении финансовых проблем, компенсация причиненного по случайности ущерба), участливость и близкая дистанция при контактах. Все они вписываются в известные формы репрезентации имперской власти и способы создания имиджа государя. Упоминания об этих случаях достоверны и подробны, они составляют большую часть нарративов «императорского мифа». Все они акцентируют индивидуальные или монаршие добродетели государей и «работают» на «светскую сакрализацию» образов государя и государыни. Центральным сюжетом и лейтмотивом этих рассказов становится неузнанность монархов во время их отдыха, когда они одеты в «гражданскую одежду» и появляются с небольшим свитой и охраной или вовсе без них.

Большая часть сюжетов связана с пребыванием в Финляндии Александра III. Во всех этих случаях Романовы проявляют необыкновенную деликатность. Например, знакомство Императора в 1886 г. со старой рыбачкой по имени Фина (позже она получила прозвище «Императорской Фины») состоялось во время его рыбалки, когда «бойкая старушка» с прямолинейной требовательностью окликнула его: «Эй, мужик, иди помоги мне вытащить садок!». Она даже не поблагодарила венценосного помощника, но, позже, познакомившись ближе, часами беседовала с государем в своей «бедной хижине»¹³. Не узнают и его супругу императрицу Марию Федоровну (Дагмару), наслаждавшуюся свободой передвижения и отсутствием необходимости соблюдать строгий этикет. Это дает основание предполагать, что общественным достоянием подобная информация становилась вовсе не случайно и независимо от действительного положения дел.

Во-вторых, регулярно подчеркивается, что в периоды, когда императоры становились целью покушений террористов на своей родине, в России, и необходимость постоянной охраны ограничивала неофициальные контакты с народом, в Финляндии они представлялись абсолютно безопасными; там можно было не беспокоиться за жизнь царей. Так, по преданию, когда Александру I в г. Вааса (Ваза) в 1819 г. предложили на ночь выставить охрану, он ответил: «Я спокойно сплю под охраной финского народа. Его любовь — мой самый лучший сторож»¹⁴. Александр II и Александр III в летних поездках также не прибегали к услугам охраны¹⁵, хотя в столице (Хельсинки) и при передвижении по железной дороге меры безопасности не ослабевали¹⁶.

Еще одна характерная особенность рассказов о «случаях» с императорами — избирательность их места действия — отличает и рассказы о контактах с «простыми людьми»: они происходят не в столице, не в городах и крепостях, а почти всегда — на отдыхе, в дороге, в рыбацких селениях, на воде и т. п. Исключением можно считать лишь посещение Хельсинкского университета, канцлерами и покровителями которого традиционно являлись русские императоры.

В устных текстах об общении монархов с крестьянами, рыбаками, лоцманами, пасторами и студентами финны наделяются приметами простодушных, «естественных» и по-детски непосредственных людей — как известно, такими качествами в эпоху Просвещения и романтизма наделялись народы и племена дикие, «неиспорченные», не достигшие уровня европейской цивилизации в полной мере или те, образ

жизни которых зависел от природы. Однако подобные характеристики — чаще всего не непосредственные впечатления, а лишь отражение стереотипных свойств и черт, приписываемых жителям Финляндии русскими в XIX в., которые отчасти впитали в себя более ранние образы «чужны» — других финских племен, с которыми славяне контактировали на протяжении многих веков¹⁷. Вот примеры наиболее типичных и растиражированных в популярной литературе 1840–70-х годов черт финского «нрава», обусловленных «умственными способностями»: мужики «так умны, так образованны опытностью, что нередко ставят в тупик людей, которые считают себя во всем выше их и умнее»¹⁸ или: «умственная способность у финнов развита гораздо более, чем у эстов, что доказывается разговором финнов, вообще тихим, обдуманном, метким и редко глупым, а равно и способностью их к сложным и трудным предприятиям [...] а предупредительность и осторожность финнов, отклоняющая их от постройки воздушных замков [...] говорит в пользу их умственного развития, неопровержимо подтверждающегося [...] постоянным их желанием не обидеть кого-нибудь дерзостью и насмешкою»¹⁹.

В «императорском мифе» о финнах, однако, явно превалируют два этнических свойства — простодушие и отсутствие раболепия: нарушив этикет прямолинейностью, они сглаживают ее добродушным юмором — как в рассказе о поездке цесаревича и его супруги в 1876 г. Осматривая замок города Турку, Дагмара спросила, для чего в городе была построена столь большая крепость, на что возчик серьезно ответил, что это было сделано для обороны от постоянных нападений русских, но чуть позже решил исправить впечатление и добавил, подмигивая датской принцессе: «Да и датчане тоже нападали и разрушали»²⁰. Такие же черты приписываются финнам почти во всех рассказах о пребывании в Финляндии Александров Первого и Третьего. Например, предание гласит, что Александр III, рыбака на реке Кюми, спросил местного мужика, чем тот занимается. Тот ответил, что рыбачит, а зарабатывает исполнением обязанностей судебного заседателя. «А ваше какое занятие?», — вежливо осведомился он в свою очередь. Собеседник ответил, что он — император всероссийский. Мужик в ответ: «Тоже дело хорошее»²¹. Один из финнов послал телеграмму в Данию (с указанием своей фамилии и города отправления), поздравив в ней с днем именин императора Александра III, находящегося с визитом у родственников жены. Несмотря на безвестность автора, она была передана по назначению.

Финны в рассказах ведут себя как обычно в любых ситуациях контакта с Романовыми, не теряя спокойствия, присутствия духа и самоуважения — даже узнав о том, кто перед ними; их манеры не меняются, они не выказывают ни страха, ни особого почтения. Их отличает чувство собственного достоинства, уверенность в своей правоте, прямолинейность, как и отсутствие привычного для русского человека лукавства, хитрости и находчивости. Они выражают эмоции без оглядки на статус собеседника. Сочетание флегматизма с открытостью вызывает симпатии монархов. Практически все участники событий — крестьяне или бедные рыбаки, но в этой крестьянской стране нет следов униженности, забитости, как нет и восторженного подобострастия, они ведут себя как равные с равными. Об этом свидетельствует, в частности, происшествие 1870 г. в Иматре, когда для того, чтобы исполнить желание великой княгини Марии Александровны сократить путь от одного водопада к другому, господ из свиты начали ломать оказавшийся на пути забор. Путь им преградили двое мальчишек — детей хозяина забора, которые не поддались на строгие внушения о том, кто именно оказал им честь, желая пройти через их землю, сломав ограждение. Дети сами разобрали его, но не оставляли господ, пока обещание восстановить его не было теми выполнено²².

Финны проявляют присущее им, но неизвестное диким «детям природы» чувство собственного достоинства, выработанного, как полагали российские наблюдатели, грамотностью и традициями гражданского правосознания. Вот иллюстрации: Александр II на катере проплывает мимо мыса, на котором сидит женщина. Он удостоил ее поклоном. Она лишь кивает ему в ответ, оставаясь сидеть²³. Лоцман уверенно и не произнеся ни слова отстраняет от штурвала рулевого императорской яхты, заметив его ошибку. Рулевым был Александр III²⁴. Перед нами — почти невероятная для России ситуация, демонстрирующая иное, нетипичное (в сравнении с социальными низами других народов Империи) отношение к Романовым.

Еще одна особенность российских самодержцев, прочитываемая в «императорском дискурсе», проявляется в их очень пристальном внимании к реакции финляндских подданных. Зачастую складывается впечатление, что они болезненно зависимы от нее, всерьез («по-детски») переживая из-за недостатка внешних проявлений «любви подданных к своему царю-батюшке». Вот один забавный эпизод, свидетельствующий о напряженном ожидании лояльности в 1854 г., в ходе Крымской войны. Выступавший в Хельсинском университете перед студентами государь произнес слова «Отечество в опасности!» и сделал многозначительную

паузу; не понимавшие по-русски подданные заплотировали, решив, что речь окончена. Без разъяснений данный инцидент закончился бы разгромом университета²⁵. Именно поэтому поражает императоров (точнее сказать, такие эмоции приписываются им в этих текстах), отсутствие у финнов преклонения перед венценосными и богопомазанными государями. Финны видят в правителях обычных, равных им людей, исполняющих свои служебные обязанности, игнорируя их сакральный образ и особый статус. Цесаревич Александр Александрович с женой Дагмарой в поездке 1876 г. пытался говорить с проводником по-русски, отчего вышло языковое недоразумение, насмешившее Дагмару, но рассердившее будущего монарха. Он раздраженно спросил крестьянина, знает ли тот, кто перед ним. Тот принялся внимательно разглядывать пару, но не знал, что сказать. Тогда Александр сообщил, что он — будущий Император всероссийский. Мужик не нашелся, что сказать, но не извинился и лишь заметил невозмутимо по-шведски: «Вот оно как!»²⁶.

Иногда финнам приписывается некоторое (впрочем, невинное, опять-таки «детское») бахвальство. Один из крестьян, когда император зашел в его дом, читал Библию и сообщил, что делает это каждый день. Император заметил, что Библия — это настоящая сокровище и незаметно вложил в книгу крупную купюру. Через год царь вернулся в те же места и навестил набожного лютеранина: купюра по-прежнему лежала в Библии²⁷. Реакция крестьянина неизвестна, но и современники, и нынешние комментаторы расценивают этот факт с позиций Александра III, увидевшего в этом обман. Странно, однако, что это недоразумение не рассматривалось в качестве подтверждения главной и стереотипной для русских описаний черты финской нравственности — безукоризненной честности²⁸. Ведь благочестивый крестьянин мог просто не воспользоваться не принадлежащими ему деньгами (такой мотив довольно типичен для русских описаний финнов в это время).

Отдельную группу рассказов составляют те, в которых император Александр III поражен уважением финнов к своим законам и неукоснительностью их соблюдения — независимо от статуса нарушителя, которым оказывается он сам. При этом никаких поблажек он, будучи неузнанным, не удостоивается, что свидетельствует не о показном, а действительном положении дел. Законопослушание выступает стереотипной чертой финнов в этих историях, наиболее известная из которых — о ловле раков на Аландских островах Александром III. В Финляндии их ловили и ловят только в строго определенный

двухнедельный период. В одной версии рассказа государь просто не стал осуществлять свой замысел, узнав о законе, согласно другой — изволил наловить много раков до открытия сезона. Появился старичок полицейский пристав, который стал укорять русского за нарушение установленного запрета; свита рассердилась, но государь высыпал содержимое корзины в реку и улыбнулся, не признавшись старику, кто он. При этом остался очень доволен²⁹. Тот же государь с семьей на лодке причалил к острову, где дети стали собирать землянику. Появился хозяин и потребовал покинуть его остров, его собственность. Александр стал уговаривать финна: дескать, от детей не будет большого урона. Но тот был непреклонен. Когда царь признался, кто он, мужик серьезно ответил ему, что «офицерам так шутить не годится»; император уплыл, весьма довольный тем, что в стране «есть порядок» и прислал хозяину острова золотые часы со своим портретом³⁰.

Недоразумение, связанное с финской исполнительностью, произошло в июне 1889 г. во время военно-морских учений в Свеаборге (остров-крепость близ столицы). Александр III находился в дурном расположении духа: ни один из его подданных, жителей Хельсинки, не пришел поприветствовать его («Они разлюбили царя-батюшку?»). Адмирал объяснил, что гражданским было категорически запрещено приближаться к району учений, и ни один человек не послушался, что очень порадовало Императора³¹.

Политический аспект отношений императоров к ВКФ отражен в рассказах о Николае I и Александре II, в правление которых произошли два польских восстания. Летом 1830 г. Николай приехал проверить настроение финляндских подданных и остался ими доволен. Ему приписывают слова, адресованные сановникам, предлагавшим лишить ВКФ прежнего политического статуса: «Оставьте финнов в покое, Финляндия единственная провинция моей большой державы, которая за время моего правления ни на минуту не причиняла мне беспокойства или неудовольствия»³². Проверяя отчет о 20-летию своего правления, на полях раздела, посвященного Финляндии, он якобы написал со значением: «Вот вам отчет!»³³. Александр II, удивленный тем, что из Финляндии после подавления польского восстания 1863 г. не поступают верноподданнические адреса с поздравлениями в связи с подавлением мятежа, назвал такую реакцию «холодностью и равнодушием», хотя и заявил, что он — единственный русский, кто верит в финнов³⁴. В сентябре того же года перед отъездом из Хельсинки государь сказал: «Здесь, среди

финского народа, я бываю так доволен, спокоен и свободен от всяких забот. Но как горько думать об этих беспокойных и несчастных поляках»³⁵. Сравнение финнов с поляками как двух народов, наделенных особым политическим статусом в составе Империи, является характерным мотивом и в научно-популярных этнографических описаниях второй половины столетия, и также осуществляется не в пользу вторых: финны характеризуются как лояльные и верные подданные в отличие от вероломных и склонных к бунтовществу поляков.

Серьезным аргументом в пользу легендарности многих из перечисленных случаев-анекдотов является именно то обстоятельство, что они основаны на диалогах, в то время как сама возможность подобной языковой коммуникации представляется маловероятной: ведь государи не владели ни шведским (только у Александра III личным переводчиком с этого языка выступала супруга), ни финским, а их собеседники — европейскими и русским языками. Анекдотичность некоторых сюжетов подтверждается структурой и «моралью» историй, типичных для данного жанра.

Своеобразным парадоксом можно считать то, что, несмотря на особое уважение, неоднократно выражаемое финнами Александру II и даже почитание его, сохранившего все прежние права автономии (хотя и ему приписывают слова о том, что «Финляндия ведет себя как маленькая Польша»), больше всего легенд сохранилось о его преемнике Александре III, в правление которого независимое положение Финляндии подверглось реформированию. Этот император по всеобщему убеждению и русских и финских современников очень любил природу и жителей Финляндии, предпочитая тамошнюю рыбалку другим видам отдыха, а взаимно доброжелательным отношениям его с «простыми» финнами способствовали их симпатии к его супруге Дагмаре (императрице Марии Федоровне): датчанка понимала быт и нравы крестьянской нации и владела шведским, который позволял общаться с жителями без переводчиков³⁶.

Недовольство именно этого императора вызывало стремление элиты финляндского общества не только к сохранению статуса автономии, но прежде всего к активной пропаганде образа Финляндии как «государства в государстве» Империи. В 1880-е это привело к кризису. Для финнов почта, собственная денежная единица и таможня выступали символами независимости³⁷. В 1889 г., в ряду общих мер по экономической унификации Империи, был разработан проект изменения таможенных законов и почтового ведомства. Император прочел доклады финляндского Сената, противившегося слиянию, и заметил на полях:

«Я поражен: о чем идет речь? О части русской империи или об иностранном государстве? Что же, наконец, Россия принадлежит и составляет часть Финляндии или ВКФ принадлежит Российской империи? Я нахожу, что таможенное объединение необходимо [...] Что же касается монетной и денежной части, то это непростительно³⁸», а в следующем году был издан Почтовый Манифест, отменявший независимую почту Финляндии. Это стало началом нового периода — так называемого «периода угнетения» в истории ВКФ. Воспринятая как трагедия резкая для финнов смена курса породила легенду о причине ликвидации почтового ведомства, также прочно вошедшую в комплекс «императорских рассказов» об Александре III в Финляндии: якобы реформа была вызвана неучтивостью финляндской «почтовой барышни» (служащей), отказавшейся принять русские деньги в оплату финских почтовых марок у одного из членов императорской свиты во время отдыха самодержца³⁹. При этом нарративы о пребывании императоров в Финляндии не сохранили даже отсветов политической ситуации в крае и деталей борьбы политической элиты за права автономии.

Следует подчеркнуть, что так называемый «императорский миф» играл важную роль в финляндском общественном сознании — как в период формирования научно-исторических концепций о формально независимом положении Финляндии в Российской империи, так и на этапе их развенчания. Сторонники и идеологи с обеих сторон активно использовали и используют «случаи» и легендарно-исторические сюжеты пребывания императоров в ВКФ для аргументации своих заключений. Личностный и субъективный аспект взаимоотношений царской семьи и крестьянского народа-нации оказывается важным свидетельством и иллюстрацией иного уровня межнационального взаимодействия — политического, административного, идеологического. Насколько верна подобная интерпретация, покажут специальные исследования.

Более очевидно другое: финны в описаниях путешествий и пребывания в Финляндии предстают в том характерном образе северного крестьянина, который сложился в сознании образованных слоев русских в XIX в. Несмотря на то, что этнические стереотипы финнов на протяжении этого столетия видоизменялись, основные национальные черты, заложенные еще в период романтизма, оставались неизменными: в полном соответствии с концепциями антропогеографии (как обыденно-архаической, так и научной), в них отмечаются свойства, обусловленные неблагоприятным для земледелия суровым климатом. Они формируют человека

угрюмого, медлительного, но выносливого и терпеливого, обладающего качествами, приписываемыми всем земледельческим народам (гостеприимство, трудолюбие, привязанность к родной земле). Однако на первом месте в данных текстах оказываются не врожденные, а социально обусловленные этнические свойства. Финны предстают бедным крестьянским народом — простым, бескорыстным, бесхитростным, но с чувством собственного достоинства, чтящим законы своей страны и религиозные заповеди. Стереотипной становятся концепция об исключительной финской честности (в двух значениях), законопослушании и верности их как подданных. При этом в рассмотренном мифологическом образе Финляндия предстает образцом края, народ которого процветает под российским скипетром, выказывает дружелюбие и лояльность в отношении верховной власти, которая воплощена в личности Императора. Трудно отрицать и скрытый пафос этих деклараций: они приводятся в пример бунтующим подданным (полямкам) и воспринимающей автономию как политическую независимость финляндской элите (в большинстве своем шведской по этническому происхождению). Финны в полной мере воплощали идеал народа многонациональной и многоконфессиональной Империи, а Финляндия довольно долго (до 1890-х годов) ассоциировалась с «правильной» имперской окраиной, «мирной» и лояльной. Страна описывалась как своеобразное утопическое пространство социальной гармонии, покоя, умиротворения, реализуя тем самым модель патриархальной монархии имперского типа, в которой равноправная коммуникация Императора и подданных демонстрирует обоюдную любовь и доверие в отношениях отца-государя с народом-детьми, подтверждая возможность взаимовыгодного, мирного и благополучного сосуществования и процветания множества племен под самодержавным скипетром.

Примечания

¹ Постановление Совета народных комиссаров РСФСР от 18 декабря 1917 года. О Финляндской республике.

² *Topelius S.* Maamme kirja. Lukukirja alimmaisille oppilaitoksille Suomessa (Пер. на фин. — П. Кааяндер, 58-е изд.) Helsinki, 1981. S. 186. Об этом же для русского читателя: *Топелиус С.* Народ // Финляндия в XIX столетии, изображенная в словах и картинах финляндскими писателями и художниками / Гл. редактор Л. Мехелин. Гельсингфорс, 1894. С. 58–59.

³ Цит. по: *Юссила О.* Великое Княжество Финляндское. 1809–1917. Пер. с фин. Хельсинки—СПб., 2009. С. 75.

⁴ Манифест 5 (17) июня 1808 года // Национальная политика в императорской России. Т. 1. Цивилизованные окраины / Сост. и ред. Ю. И. Семенов. Сборник документов. М., 1997. С. 14.

⁵ Юссила О. Великие мифы финляндской истории. Хельсинки—СПб., 2013. Часть II. Государство.

⁶ Там же. С. 14.

⁷ Там же. С. 15.

⁸ Там же. С. 241–267.

⁹ Выставки и мероприятия в Финляндии, а также православные паломничества, приуроченные к юбилею, в первую очередь посвящены пребыванию в стране российских императоров. На русском языке информацию об этом см., например, в: Александр III и Финляндия — императорский летний отдых. Выставка в Национальном историческом музее // Спектр. 2014. № 6. С. 7; Российские императоры и Финляндия. Александр III и юбилей рыбацкой избу // Спектр. 2014. № 8. С. 20–21 и др.

¹⁰ *Tuomi-Nikula J., Tuomi-Nikula P. Keisarit kesäalomalla suomessa. Helsinki, 2002. Пер. на рус.: Туоми-Никула Й., Туоми-Никула П. Императоры на отдыхе в Финляндии. СПб., 2003.*

¹¹ *Туоми-Никула Й., Туоми-Никула П. Императоры на отдыхе. С. 272.*

¹² Юссила О. Великие мифы. С. 14–17.

¹³ *Туоми-Никула Й., Туоми-Никула П. Императоры на отдыхе. С. 94–100.*

¹⁴ Там же. С. 24.

¹⁵ Там же. С. 45.

¹⁶ Там же. С. 69–70; 91.

¹⁷ Подр. об этом: *Лескинен М.В. Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «другой» сквозь призму идентичности. М., 2010. Гл. 7–1.*

¹⁸ *Дершау Ф. Финляндия и финляндцы. СПб., 1842. С. 45.*

¹⁹ *Природа и люди в Финляндии или очерки Гельсингфорса / Сост. Вл. Сухаро. СПб., 1863. С. 36–37.*

²⁰ *Туоми-Никула Й., Туоми-Никула П. Императоры на отдыхе. С. 62.*

²¹ Там же. С. 12.

²² Там же. С. 51–52.

²³ Там же. С. 12.

²⁴ Там же. С. 13.

²⁵ Там же. С. 31.

²⁶ Там же. С. 64.

²⁷ Там же. С. 13.

²⁸ *Лескинен М.В. «Финская честность» в российской научно-популярной литературе XIX в. К вопросу о формировании этнокультурного стереотипа // Этнографическое обозрение. 2009. № 4. С. 27–41.*

²⁹ *Туоми-Никула Й., Туоми-Никула П. Императоры на отдыхе. С. 135–136.*

³⁰ Там же. С. 12–13.

³¹ Там же. С. 121.

³² Там же. С. 29.

³³ Там же. С. 32.

³⁴ Там же. С. 39.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 62–67.

³⁷ Юссила О. Великое Княжество Финляндское. С. 530.

³⁸ Цит. по: Юссила О. Великое Княжество Финляндское. С. 528. Подробнее об истинной причине реакции см.: *Клинге М. Имперская Финляндия. Пер. с фин. СПб., 2005. С. 352–359.*

³⁹ *Туоми-Никула Й., Туоми-Никула П. Императоры на отдыхе. С. 130–131.*

Е. Е. Левкиевская

Юбилейное путешествие Романовых 1913 г. на фоне имперских юбилеев: метафора пути*

С точки зрения прагматики юбилей может быть рассмотрен как многоуровневая коммуникативная ситуация, в рамках которой порождается сложноорганизованное высказывание, смыслы которого важны для всех сторон, участвующих в юбилее. Участниками коммуникации являются сам юбиляр и поздравляющая сторона. Сверхзадачей юбилея является сплочение данного сообщества через актуализацию смыслов и ценностей, отсылающих к протособытию — первичному событию, которое является поводом для юбилея (дню рождения человека, открытия учреждения, исторической даты). Таким образом, юбилей структурно и семантически связывает во времени две хронологические точки, соотнося и сравнивая настоящее с прошлым, а сравнение подразумевает наделение произошедшего оценочными и ценностными характеристиками. Именно поэтому юбилей является очень удобным способом создать модель желаемого, «нужного», «правильного» прошлого и спроецировать его на актуальное настоящее. В этом смысле празднование юбилея всегда предполагает иногда невольное, иногда осознанное мифотворчество, цель которого, перефразируя слова Ж.-Ж. Руссо — «показать народу вещи такими, какими они ему должны представляться».

В настоящей статье будет рассмотрен юбилей 300-летия династии Романовых, отмечавшийся в 1913 г. и оформленный как особый тип идеологического послания царя к своим подданным. Специфика государственного юбилея заключается в том, что в нем участниками ритуального диалога являются с одной стороны, политический лидер (как

* Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда (№ 14-18-00590) «Тексты и практики фольклора как модель культурной традиции: сравнительно-типологическое исследование».

персонифицированное государство) и стоящая за ним властная элита, а с другой, — общество (народ). Хотя статус юбиляра официально принадлежит политическому лидеру, а поздравителя — народу, в разные моменты государственного юбилея они могут попеременно меняться ролями в зависимости от конкретных коммуникативных обстоятельств (когда лидер поздравляет свой народ, который тоже отчасти является юбиляром).

Поражение в русско-японской войне 1904–1905 гг. и революция 1905–1907 гг. потребовали от власти и персонально от императора предъявления доказательств собственной успешности и восстановления символической солидарности династии с разными социальными слоями общества. Решить эту проблему, как полагала правящая элита, можно было с помощью эксплуатации мифологизированного прошлого в рамках празднования дат различных исторических событий. Например, за короткий период перед празднованием 300-летия династии Романовых был отмечен, правда, с меньшей помпезностью, целый ряд юбилейных дат, в том числе столетие Отечественной войны 1812 г.¹

При анализе той роли, которую играл дом Романовых как коллективный юбиляр 1913 года, обратимся к теории Р. Уортмана о сценариях презентации власти русских государей со времен Московского царства до Николая II². С точки зрения «династического сценария» власти, выстраиваемого Николаем II, юбилей — один из наиболее очевидных способов ее презентации. Для понимания того, какие смыслы призван был выразить юбилей династии Романовых, важна идея Карамзина о том, что «история народа принадлежит его государю». Юбиляром, т. е. субъектом власти, в этом случае является династия, а не отдельный государь. При этом династия для утверждения легитимности порождает миф о сакральном характере своего воцарения на престоле и присваивает себе деяния и подвиги, совершенные собственно народом в период царствования этой династии. Как видно из юбилейных текстов разных жанров, в том числе художественного фильма «Трехсотлетие царствования Дома Романовых», снятого специально к этому событию (режиссеры Н. Ларин и А. Уральский, продюсер А. Дранков), сакральность воцарения именно Романовых (а не какой-то другой династии) на русском престоле доказывается двойным способом — не просто божественным промыслом, а божественным промыслом, осуществляемым через представителей народа и через волю народа³. В пропагандистских брошюрах, публиковавшихся к юбилею

1913 г., подчеркивалась мысль: в избрании на царство Михаила Романова важна не воля народа, а промысел Божий: «Да! Точно: избрание Михаила Феодоровича Романова на Царский престол Московский и всей России было чудом милости Господа [...] Во гласе народа отразился глас Божий, в избрании народом — благодать избрания от Бога [...] Не человеческим хотением, а благою волею Всевышнего... был призван в лице Михаила Феодоровича Романова на великое царственное служение России благословенный Царствующий Дом Романовых»⁴. При этом народ в данной интерпретации исторических событий лишен собственной воли и выступает лишь в роли инструмента в руках Господа.

Именно таким образом трактуется мужество патриарха Гермогена, деятельность Кузьмы Минина и князя Пожарского по консолидации второго ополчения, защита Троице-Сергиевой Лавры от поляков и особенно подвиг Ивана Сусанина. Острая необходимость восстановления популярности царской власти через ее сакрализацию потребовала новой актуализации старого мифа об Иване Сусанине и «жизни за царя». Сусанин осмысливается как своеобразная «строительная жертва», легшая в основание строящегося престола новой династии и поэтому делающая этот престол легитимным и особенно прочным. Зрительно идея строительной жертвы была отражена в памятнике к 300-летию дома Романовых скульптора А. И. Адамсона, изобразившего умирающего Ивана Сусанина у ног женской фигуры в военных доспехах — аллегории России⁵. В рамках идеи о принадлежности истории народа его государю выстраивается и весь юбилейный дискурс о династии Романовых как некоем консолидированном единстве, чья деятельность, осуществляемая через деятельность народа и его представителей, приводит к созданию огромной и процветающей империи. Династический сценарий презентации власти, воплощенный в совокупности юбилейных текстов 1913 г., представляет последнего русского императора не как индивидуального государственного деятеля, ответственного за свои политические поступки и решения, а как неотделимого представителя династического целого — «дома Романовых», на которого падает отблеск всей совокупности побед династии за весь предыдущий трехсотлетний период истории.

Юбилей правящей династии 1913 г. продолжил традицию общегосударственных празднеств, начатых Александром II в рамках юбилея тысячелетия России в 1862 г. и продолженных Александром III

актом празднования девятисотлетия крещения Руси в 1888 г. Можно сказать, что каждый из трех последних русских императоров представил народу свое юбилейное послание, которое было выражено в совокупности вербальных текстов и обрядовых действий, в исполнение которых были втянуты как правящие верхи, так и самые широкие слои общества. Все три юбилея происходили на фоне кризисов между властью и обществом, вызванных разными причинами. Юбилей 1862 г. проходит на фоне кризиса доверия к царю со стороны дворянства вследствие отмены крепостного права и реформ начала 1860-х гг.; юбилей 1888 г. — после убийства Александра II и вызванной этим событием политической нестабильности; юбилей 1913 г. — после поражения в войне и революционной смуты. Имеет смысл сравнить некоторые структурные особенности юбилея 1913 г. с двумя предыдущими, праздновавшимися на государственном уровне ключевыми событиями русской истории — тысячелетия России и девятисотлетия крещения Руси, поскольку они, по сути, решали общую политическую задачу — преодоление кризиса между государственным лидером и его подданными путем экспликации нового мифологического тезиса, на основе которого эти отношения должны быть восстановлены.

Данные празднества сопоставимы по своей семантической доминанте — это юбилеи трех первоначал: начала бытия государства; начала идеологического и цивилизационного бытия русского народа и начала новой, успешной династии, приведшей Россию от лежащего в руинах локального Московского царства к могущественной и обширной Российской империи. Таким образом, для всех трех событий важно сопоставление символического первоначала с настоящим моментом истории: что было — что стало. Каждый из трех юбилеев экстраполирует смысл начального события на современность. Каждый из них происходит в топосе сакрального первоначала: юбилей 1862 г. — в Великом Новгороде, празднование 1888 г. — в Киеве; трехсотлетие династии Романовых выстраивается по сложному маршруту, соединяющему ключевые топосы событий начала XVII века: Нижний Новгород — Кострому — Москву. Каждому из трех юбилеев соответствует свой открываемый памятник, посвященный сакральному событию: тысячелетию России — в Великом Новгороде; гетману Богдану Хмельницкому — в Киеве; закладка памятника трехсотлетия династии Романовых — в Костроме.

Данные юбилеи связывает общая структура — их основной смысловой ряд выстраивается вокруг главного акционального события,

которое можно выразить словами: государь отправляется в путь (во время юбилея 1888 г. роль национального лидера вместо Александра III исполнял главный идеолог эпохи — обер-прокурор К. П. Победоносцев). Этот путь — символическое повторение державного пути его предшественника и первопретка, роль которого действующий царь на себя принимает. Для Александра II — это путь по р. Волхов до Новгорода (по словам императора, «колыбели царства всероссийского»), а затем до Рюрикова городища; для Победоносцева — это путь в Киев; для Николая II — это сложноорганизованный маршрут, кульминацией которого является путешествие по Волге от Нижнего Новгорода к Костроме. Каждое из трех путешествий, совершенных тремя последними императорами, воспроизводит мифологический вариант ключевых исторических событий, но воссоздает их так, чтобы общество, интерпретирующее символический язык юбилейного события, смогло бы его прочесть правильно — в свете актуальных политических проблем.

В рамках празднования тысячелетия России 1862 г. выстраивается его основная семантика — «полобовная сделка» славян с Рюриком, которая экстраполируется на современность и рассматривается как «полобовная сделка подданных с государем»⁶. Согласно юбилейным текстам, разъяснявшим обществу идеологическую подоплеку отмечаемого события, в 1862 г. подводился итог тысячелетия русской государственности, которое завершилось главным, вершинным событием за все тысячелетие существования России — освобождением народа от крепостного права, которое даровал мудрый государь⁷. Насколько нам известно, впервые в пропагандистской риторике государственного юбилея просматривается идея русской истории как поступательного развития, прогресса страны, обеспеченного властью: «19-го февраля 1861 года последовало освобождение крестьян — вот подвиг, за который век будет Бога молить Русская земля за Государя своего Александра II. Избавились мы от рабства татарам, отбились от иноземцев, теперь избавились от домашнего рабства. Кончен расчет с прежним тысячелетием, в которое боролись мы за свободу свою с врагами внешними и внутренними. Добилась Русская земля своей свободы, и в новую жизнь вступает она с новым тысячелетием. Вперед же, братцы, в новую жизнь, на новые мирные гражданские подвиги!»⁸. В юбилейных текстах 1862 г. появляется устойчивая сравнительная формула «что было — что стало»: раньше Россия была отсталая, темная, маленькая,

слабая — теперь стала просвещенная, передовая, сильная, необъятная. Появляется идеологема пути, который проходит народ в своем развитии, и правящей династии как силы, которая ведет свой народ по этому историческому пути к прогрессу по возрастающей от низшей точки к высшей. Этот мотив трудного, но верного пути впоследствии станет одной из доминант юбилейных текстов 1913 г.: «Пройдя свой тернистый путь, она [Россия — *Е.Л.*] под руководством своих царей дома Романовых вышла, наконец, на широкую дорогу к славному будущему, озаряемому, подобно лучам солнца, великой и светлой русской государственной идеей»⁹.

Именно в текстах юбилея 1862 г. в качестве постоянного контрапункта появляется мотив пространственной необъятности страны, символизирующий одно из главных достижений правящей власти. Нам представляется, что эта прогрессистская идеология как юбилейный пропагандистский прием начинает использоваться именно в связи с празднованием 1000-летия России и окончательно утверждается в юбилейной риторике празднования 300-летия династии Романовых. В пропагандистских брошюрах 1913 г. утверждается практика печатать на переднем форзаце карту Московского царства начала XVII в., а на заднем — карту Российской империи 1913 г. в качестве наглядного доказательства достижений династии Романовых¹⁰.

Рассмотрим подробнее символические путешествия императоров в рамках всех трех юбилеев. В 1862 г. центром празднования является Новгород — город Рюрика, где происходит открытие памятника тысячелетия России и совершается главное ритуальное действие: Александр II приплывает по Волхову в Новгород, а затем в Рюриково городище, где его приветствует ожидающий его появления народ¹¹. Путь Александра II по реке Волхов к Новгороду, а затем к Рюрикову городищу представляет собой метафорическое повторение пути Рюрика в Новгород для основания государства. Эта метафора была раскрыта во многих публицистических текстах, описывавших юбилейные события: «И невольно уносились мысль вдаль, к тому времени, когда на эту землю вступил первый князь Рюрик, чтобы править народом»¹². Министр внутренних дел П. А. Валуев, как «режиссер» новгородского ритуального действия, в своих воспоминаниях прямо озвучивает идею царского пути: «Казалось, что благословение Божие нисходило при звуках того пения, на Государя и на его путь и на то державное намерение, с каким путь им был предпринят»¹³. В рамках этого ритуала

«полюбовная сделка» Рюрика с новгородцами рассматривалась как прообраз новой «полюбовной сделки» царя с народом: «В ходе торжества разыгрывалась ситуация прихода правителя к народу»¹⁴. Такое метафорическое воссоздание первоначала государственного устройства представлялось способом консолидации народа вокруг своего монарха и преодоления общественного кризиса.

Юбилей тысячелетия крещения Руси 1888 г., справлявшийся на фоне общественного кризиса после убийства Александра II, воспроизводил ту же структуру, хотя и имел несколько существенных особенностей. Прежде всего, он манифестировался как церковный, а не государственный праздник (хотя государственная идея отчетливо прослеживалась в символическом языке торжеств), осуществлялся, в основном, усилиями церкви, поэтому главным действующим лицом выступал не Александр III (он присутствовал лишь на празднике в Петербурге), а идеологический лидер — глава Священного Синода К. П. Победоносцев, речь которого на торжествах в Киеве содержала ключевые смыслы данного юбилея: «из грубого, рассеянного языка славянского возникло великое государство, выросло народное сознание, собралась земля Русская чрез Киев в Москву [...] И явилась сила Божия в церкви православной, в которую вошел язык наш 900 лет назад [...] Что с нами случилось без этой церкви — страшно и подумать. Она одна помогла нам остаться русскими людьми, собрать свои рассеянные силы... научила рассыпанное стадо собираться около пастыря»¹⁵. Наиболее важная часть юбилейных ритуалов 1888 г. была приурочена к Киеву, и проезд туда главы Синода был путешествием, как он сам выразился, к «колыбели христианского просвещения», «купели нашего крещения», т. е. был символическим возвращением к первоначалу не только религиозному, но и государственному, поскольку, по мысли Победоносцева, только общая вера явилась той идейной основой, которая смогла соединить в один народ и государство «рассеянные силы». Доминантная идея собирания, соединения разрозненных племен «около пастыря» включала мысль о добровольном, мирном характере крещения: «Едва ли где когда столь мирным и бескровным путем вожьд народный приводил людей своих в веру Христову»¹⁶. В самом Киеве двумя маркированными топосами торжеств были памятник Богдану Хмельницкому, открытие которого было специально приурочено к данному юбилею, и памятник князю Владимиру. Особенно интересным представляется идеологический ход, трактованный

основной политической акт Хмельницкого (ср. надпись на памятнике: «Волим под восточного православного царя») в соответствии с доминантной идеей юбилея — собиранием «рассеянного языка славянского» вокруг православного государя: «Праздничной риторикой Богдан Хмельницкий поднимался до уровня древних крестителей Русского государства, которые благодаря единой религии, смогли объединить некогда разобщенные родственные племена»¹⁷. В духе этой же идеи были решены и торжественные церемонии вокруг памятника князю Владимиру. Таким образом, юбилей 900-летия крещения Руси по-своему решал кризис отношений между властью и обществом, возникший в результате убийства Александра II: основа отношений между государственным лидером и народом — общая вера, и на ее основе разобщенный народ добровольно собирается вокруг своего государя.

Юбилей 300-летия династии Романовых по сути воспроизводил тот же самый сценарий, что и предыдущие два имперских юбилея и по-своему пытался разрешить кризис между властью и обществом начала XX в. В основе юбилейных торжеств лежало метафорическое повторение ситуации первоначала, разыгранное в театрализованном действе: путешествия царской семьи по ключевым топосам, связанным с событиями начала XVII в. Праздничное действо 1913 г. оказалось распределено во времени на три неравные части. На февраль приходится официальные празднования в Петербурге, которые прерываются из-за наступившего поста. В мае после Пасхи совершается центральное действо — путешествие по Волге, по ключевым локусам, связанным с окончанием Смуты и призывом на царство Михаила Романова. Путешествие по Волге происходит от Нижнего Новгорода к Костроме, а затем к Москве, т. е. представляет собой возвращение к топосам Московской Руси. Третья часть торжеств приходится на осень, которую императорская семья традиционно проводит в Крыму, и завершается военными маневрами на Черном море.

Собственно метафорический «путь царя» прослеживается в основном фрагменте празднования юбилея (он приходится на май 1913 г.), который целиком представляет собой театрализованное воспроизведение мифа о начале династии Романовых. В нем предусмотрены три основных символических центра: Нижний Новгород как место начала формирования ополчения Минина и Пожарского; Кострома (как первоначальная вотчина Романовых и место, связанное с именем Ивана Сусанина) и особенно Ипатьевский монастырь, в котором укрывался

Михаил Романов и где он принял приглашение на царский престол, и, наконец, Москва, где происходила коронация. Основная мифологема воспроизводит творение новой династии и нового государства из хаоса, оставшегося после старой, пришедшей в негодность династии. Этот постулат призван подчеркнуть ключевую идею: настоящая жизнь России и история России начинаются с воцарением Романовых — все, что предшествовало этому, было только предварительной подготовкой к главному этапу развития страны, который может обеспечить лишь правящая династия.

Сравнивая символический путь Николая II по Волге с путешествием Александра II по Волхову, заметим, что задача Александра II была легче — его «путь» был связан лишь с одним символическим центром — Новгородом, и с одним историческим лицом, с которым он себя соотносил в этом пути — с Рюриком. Собственно театрализация прихода Рюрика на княжение была одноактной пьесой. Николай II оказался перед более сложной задачей, поскольку миф об окончании Смуты и воцарении первого Романова распадается, по крайней мере, на четыре самостоятельных эпизода, в каждом из которых действуют разные лица. Сюда входят: эпизод, связанный с народным ополчением, изгнавшим поляков из Москвы, представленный именами Минина и Пожарского; эпизод в Ипатьевском монастыре, в котором Михаил Романов, послушный воле Божьей, соглашается с предложением взойти на трон; эпизод с подвигом Ивана Сусанина, спасшего от поляков молодого царя; и эпизод в Москве, связанный с коронацией.

Кроме того, в путешествии Александра II по Волхову есть логика, поскольку варяги приплыли «из-за моря», то и Александр плывет, символически повторяя их путь. Николай II с семьей плывет по Волге от Нижнего Новгорода к Костроме, но это не обеспечивается никакими реальными историческими событиями, к которым обращен юбилей, будь то окончание Смуты, изгнание поляков или воцарение первого из Романовых. Сценарий пребывания царской семьи в Нижнем Новгороде оказался лишен смысловой доминанты, поскольку этот топос, связанный с деятельностью Кузьмы Минина по формированию ополчения, не относился непосредственно к заслугам Романовых. Попытка в торжественной речи епископа Иоакима изобразить подвиг Минина как служение «державному вождю», т. е. Михаилу Романову, была откровенной натяжкой и выглядела искусственно¹⁸. Не слишком удачным с точки зрения достижения сверхзадачи юбилея, т. е. преодоления

кризиса доверия к власти с помощью нового мифологического нарратива, было и плавание по Волге. По задуманному сценарию юбилейного действия, в котором царской семье отводилась роль главных действующих лиц, во время плавания должно было происходить единение государя с народом, который выражал немалый энтузиазм по поводу приезда царя: «деревни воздвигали триумфальные арки, декорированные зеленью и надписями: “Боже, Царя храни”. Крестьяне, собравшиеся в лагерях, стояли на берегу и даже заходили в реку по пояс, чтобы увидеть царя»¹⁹. Однако Николай II выказал гораздо меньше энтузиазма, чем его подданные: в частности, царские корабли даже не остановились около деревни Кинеши, жители которой вышли с хлебом-солью на пристань, украшенную царскими вензелями, а царь не вышел к своему народу, хотя эта и подобные ситуации могли быть выгодно использованы для демонстрации единства монарха со своим народом.

Лишь вторая часть этого путешествия, включающая посещение Костромы и Москвы, «работала» на метафорическое воссоздание событий, связанных с приглашением на царство Михаила Романова и подвигом Ивана Сусанина. Приезд в Кострому, первоначальную вотчину Романовых и посещение Ипатьевского монастыря трактовались как возвращение к протособытию, положившему начало царствования Романовых. В Ипатьевском монастыре Николай II встретился с потомками участников Великого посольства 1613 г., в том числе с Шереметевыми и Головиными, а перед воротами монастыря он был благословлен иконой Феодоровской Божьей Матери, которой игуменья Марфа благословила Михаила в 1613 г. Затем Николай вернулся в монастырь, в Троицкий собор на благодарственный молебен и сел на «царское место», подаренное собору Михаилом. Все эти символические действия однозначно прочитывались как принятие на себя Николаем образа первого из Романовых. Утром на следующий день состоялось посещение царской семьей дома Михаила Романова.

Значительная часть костромских торжеств была посвящена «сусанинскому мифу». В частности, на второй день пребывания в Костроме царская семья посетила новый музей Романовых, где был представлен большой портрет Ивана Сусанина. Вечером на пароходе «Царь Михаил Федорович» во время обеда для местного дворянства оркестр играл мелодии из оперы «Жизнь за царя». Приехавшая из Петербурга театральная труппа поставила историю Ивана Сусанина в местном театре. Особо следует отметить обед, устроенный для потомков Ивана

Сусанина и местных старшин, на котором присутствовал и царь. Однако семантической доминантой сюжета о подвиге Сусанина явилась закладка упомянутого выше памятника трехсотлетия Романовых, в центральной части которой располагалась «строительная жертва», принесенная за династию: умирающий Сусанин у ног аллегорической фигуры России²⁰.

Последовавшие за этим торжеством в Москве символически воспроизводили избрание на царство и воцарение первого из Романовых. Передвижения царя включали в себя: торжественный въезд в Москву, движение по Тверскому бульвару к Кремлю, молебны в соборах, посещение могил предков, церемонию поклона царя народу с Красного крыльца. Вся совокупность многочисленных ритуальных действий и символических жестов, из которых состояло празднование юбилея, представляла собой ясно прочитываемый семиотический текст, основной смысл которого можно выразить словами из речи Николая II, произнесенной в Москве: «Своим нынешним величием и могуществом Россия обязана той любви Царей к Родине и народу и той безграничной преданности народа к своим Царям и тому сердечному содействию, которое сыны России оказали своим царям...»²¹.

Как показывает это краткое сопоставление сценариев всех трех имперских юбилеев, в основе каждого из них лежит идея метафорического воспроизведения мифа о первоначальном историческом событии, которому посвящены торжества. Все три юбилея, кроме очевидной цели — прославления ключевых исторических событий русской истории — имели еще и актуальную политическую сверхзадачу: устранения кризиса доверия к власти с помощью демонстрации той или иной версии сюжета о единстве народа и его властителя. Все три сценария каждый по-своему реализуют мотив пути исторического деятеля, вокруг которого формируется миф о протособытии, воспроизводя его в виде реального путешествия государственного лидера. В юбилеях 1862 г. и 1913 г. этот мотив представлен в полной степени, в юбилее 1888 г. выражен гораздо слабее и скорее в обратном виде: здесь не лидер приходит к народу, а рассеянный народ собирается вокруг своего лидера. Структура юбилейного путешествия Николая II в 1913 г., несомненно, имеет ряд общих черт, прежде всего, с путешествием по Волхову Александра II, однако значительно проигрывает последнему и по точности замысла, и по его реализации. Плавание Александра II по Волхову опиралось на реальную канву мифа о «приплытии»

Рюрика, было его буквальной метафорой, тогда как плавание Николая II по Волге было просто способом передвижения из Нижнего Новгорода в Кострому и не несло в себе никакой смысловой нагрузки. Немаловажно и то, что «театральное действо» 1862 г. было «одноактным» и концентрировалось в коротком отрезке времени, что делало очевидным стоящую за ним метафору и легкой интерпретацию ее смысла для общественности. Можно говорить о том, что мотив «полюбовной сделки», предложенный этим юбилеем, был понят и принят обществом. Юбилейный сценарий 1913 г. был «размазан» во времени, разорван пространственно и перегружен огромным числом второстепенных ритуальных действий (встреч с представителями разных социальных слоев, обедов, крестных ходов, посещений сакральных мест и пр.). А, главное, в отличие от двух предыдущих имперских юбилеев, была подменена очевидная логика сюжета о начале царствования Романовых: династия Романовых состоялась потому, что в 1613 г. весь народ своей совокупной волей избрал на царство Михаила, потому что народ является субъектом исторического процесса наравне с царем и Богом. Вместо этого весь юбилейный текст (как вербальный, так и ритуальный) воплощал невнятную и уже не способную быть популярной идею о некоей врожденной преданности русского народа своим царям, что было выражено как в попытках актуализировать «сусанинский миф», так и в московской речи Николая II. Поэтому иллюзивный замысел этого символического послания не был воспринят и прочитан обществом. События ближайших лет показали, что юбилей трехсотлетия династии Романовых как высказывание, обращенное к обществу в надежде устранить кризис доверия и на основе новой мифологемы перезаключить договор царя с народом, потерпел полную коммуникативную неудачу.

Примечания

¹ Цимбаев К.Н. Феномен юбилеямания в российской общественной жизни конца XIX—начала XX в. // Вопросы истории. 2005. № 11. С. 98–108.

² Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. В 2-х тт. М., 2004. Т. 2. От Александра II до отречения Николая II.

³ Корольков К. 300-летие Дома Романовых. Киев, 1913; Шостацкий Е.К. 300-летие царствования Романовых. СПб., 1913. С. 6–8; Филевский И. Слово на 300-летие Царствующего Дома Романовых. Харьков, 1913. С. 2–4.

⁴ Филевский И. Слово на 300-летие Царствующего Дома Романовых. Харьков, 1913. С. 2.

- ⁵ Уортман Р. Сценарии власти. Т. 2. С. 604, 613.
- ⁶ Майорова О. Бессмертный Рюрик. Празднование тысячелетия России в 1862 г. // Новое литературное обозрение. 2000. № 3. С. 141–145.
- ⁷ Буслав А.И. Имперские юбилеи: тысячелетие России (1862 г.) и девятисотлетие крещения Руси (1888 г.): организация, символика, восприятие обществом. Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 2010. С. 15–18.
- ⁸ Беседа у памятника тысячелетия Русской земли // Северная почта. 1862. № 197. 11 сентября. С. 43.
- ⁹ Нива. 1913. 16 февраля. С. 138–140. Цит. по: Уортман Р. Сценарии власти. Т. 2. С. 596.
- ¹⁰ См., в частности: Шостацкий Е.К. 300-летие царствования. С. 106–111.
- ¹¹ Подробнее об этом путешествии см.: Майорова О. Бессмертный Рюрик. С. 140–164.
- ¹² Письмо нашего первого корреспондента // Сын Отечества. 1862. 11 сентября. № 218.
- ¹³ В*** [Валуев П.А.] 8 сентября 1862 года. Из воспоминаний современника // РС. 1888. № 1. С. 3.
- ¹⁴ Майорова О. Бессмертный Рюрик. С. 142.
- ¹⁵ Празднование девятисотлетия крещения русского народа. Киев, 1888. С. 136–137.
- ¹⁶ Там же. С. 138.
- ¹⁷ Буслав А.И. Имперские юбилеи. С. 25–26.
- ¹⁸ Уортман Р. Сценарии власти. С. 631.
- ¹⁹ Там же. С. 635.
- ²⁰ Там же. С. 640.
- ²¹ Цит. по: Уортман Р. Сценарии власти. С. 646.

**Приложение.
Не только
Романовы
в дороге**

Маршруты европейских государей... Типология путешествий XVIII в. на примере поездки герцога Альберта Саксен-Тешенского и эрцгерцогини Марии Кристины

В раннее Новое время именно XVIII столетие стало «веком путешествий». Об этом свидетельствует расцвет жанра «*ars apodemica*» (иногда именуемых аподемиками или аподемеиками) — сочинений, в которых рассматривались способы и планирование путешествий, давались практические советы отправлявшимся в дорогу. В одном из таких пособий, опубликованном в 1795 г., к потенциальным путешественникам причислялись дворянские юноши, садовники, певцы, архитекторы, скульпторы, граверы, художники, филологи, философы, историки, математики, знатоки экономики и естественной истории, врачи, юристы, богословы, солдаты, будущие послы и, наконец, правители и государственные мужи. Иными словами, представители едва ли не всех слоев общества¹. Очень многие путешествовали по деловой необходимости, с практической целью (торговцы, мастеровые, солдаты, чиновники), другие — для собственного удовольствия, желая расширить кругозор (дворянские юноши, художники, студенты). Но большинство в XVIII в. отправлялось в дорогу из любопытства. И среди них мы встречаем монархов, князей, правителей.

С древнейших времен обставленные с роскошью выезды служили для усиления блеска двора и демонстрации власти правителей. Они переезжали с места на место и всякий раз, досконально соблюдая церемониал, торжественно въезжали в новый город в окружении многолюдной придворной свиты. Можно выделить поездки с политическими целями, которые выглядели весьма помпезно и сопровождались немалыми затратами. Это справедливо для королевских и императорских коронаций, посещения сословно-представительских собраний, бракосочетаний членов правящего дома². Для краткосрочных экскурсий выбирались расположенные в провинции дворцы и замки, нередко правители наведывались в гости к подданным-аристократам³.

Особой любовью пользовалась охота в окружении бесчисленных гостей. В XVIII в. среди монархов особую популярность завоевывают путешествия инкогнито, в ходе которых не требовалось жесткого соблюдения церемониала, а небольшой штат придворных в дороге не обходился дорого. Следует добавить, что официальные или строго регламентированные придворные путешествия во второй половине XVIII в. постепенно отходят на второй план, и поездки правителей Нового времени проходят без привычного придворного антуража, они менее строги в отношении соблюдения этикетных норм, приобретают черты деловых вояжей с политическими и дипломатическими целями.

В статье на примере трех монарших путешествий речь пойдет не о том, когда и где побывали их участники, но об отличительных чертах каждой из поездок. О том, чем кардинально различались маршруты и что было общим в вояжах разных европейских монархов. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что во всех трех случаях речь пойдет о «формате», нетипичном для середины XVIII в. — о вояже супружеской четы. Притом такой пары, где жена играла не подчиненную роль и не была лишь сопровождающим лицом, но выступала равноправным спутником, иногда имела более высокий статус и потому часто оказывалась инициатором путешествия. Эта разница объясняется особенностями разного правового и социального положения супругов.

8 апреля 1766 г. герцог Альберт Саксонский (Саксен-Тешенский, 1738–1822) взял в жены эрцгерцогиню Марию Кристину Габсбург-Лотарингскую (1741–1798)⁴. Принадлежность невесты к одному из старейших европейских правящих родов делало этот брак неравным. Четвертый из достигших совершеннолетия сыновей саксонского курфюрста Фридриха Августа II Веттина (1733–1763), избранного в 1734 г. на польский престол под именем Августа III, не располагал ни владениями, ни титулом и сам себя называл «бедным кадетом» (*«le pauvre cadet»*). Перед заключением этого брака, основанного на любви, жениху присвоили различные чины и ранги, чтобы он стал достоин руки австрийской эрцгерцогини. 24 декабря 1765 г. Мария Терезия «временно», до следующего Государственного собрания, на котором предстояло избрать надора (наместника) Венгерского королевства, назначила на эту первейшую должность будущего зятя⁵. Напомним, что страной с 1527 г. правили Габсбурги, но их резиденция находилась за пределами страны, посему главный представитель венгерских сословий, именовавшийся надором или палатином, заботился

об исполнении государевых решений, выступая посредником между сословиями и монархом. В этом качестве герцог председательствовал в Венгерском королевском наместническом совете (высшем органе исполнительной власти, созданном в 1724 г.) и апелляционном суде, именовавшимся Септемвиральным судом или Судом семи⁶. Резиденцией внутри страны для молодой четы избрали Пресбургский замок. Жить им предстояло на доходы от подаренного им герцогства Тешенского в Силезии и имения Мадяровар в Венгерском королевстве. Мария Кристина, Альберт и их потомство обладали наследственным правом на герцогский титул и герб: отныне Альберта называли герцогом Саксен-Тешенским⁷.

Первую длительную совместную поездку супругов можно с полным правом назвать «придворным путешествием». Летом 1766 г. Альберт и Мария Кристина выехали из Пресбурга — тогдашней столицы королевства, и направились в его прежнюю столицу Буду, чтобы присутствовать на летней сессии Септемвирального суда. Ни один из них не был правителем Венгерского королевства, но Альберт, благодаря рангу наместника, становился заместителем государыни, поэтому ему полагалось путешествовать с большой помпой и соблюдением церемониала. Что касается целей, то данная поездка, несомненно, относится к политическим вояжам, когда новый наместник встречался с населением вверенных его управлению территорий и «имел возможность представиться» сословиям королевства. Исключительность этому визиту придает, однако, то обстоятельство, что он впервые путешествовал не один, но с супругой, эрцгерцогиней Марией Кристиной, участие которой невообразимо повысило ранг мероприятия. Стоит упомянуть и другое важное отличие: обычно муж в таких альянсах обладал более высоким рангом, его приветствовали сначала, ему первому сословия оказывали почести. В случае Альберта и Марии Кристины все оказывалось наоборот. Эрцгерцогиня всегда считалась богаче и знатнее герцога, и венский двор неустанно это подчеркивал. Свидетельство тому и изображения гербов супругов. Под польской королевской короной и над гербом герцога Тешенского с правой (по законам геральдики) стороны находился герб эрцгерцогини, с левой — герцога, хотя правильнее было бы наоборот.

Относительно поездки в Буду в 1766 г. следует отметить, что ее организация отличалась от других подобных, принятых при дворе. Не было придворных конференций, которые полагалось проводить

под руководством обер-гофмейстера — руководителя приготовлений, связанных с поездкой⁸. Обычно предварительно обсуждался маршрут, детали церемоний, набор необходимых в дороге предметов, вопросы питания и проживания, число карет и лошадей. Финансированием путешествия (кареты, лошади, дорожные и иные расходы) ведала Венская придворная казенная палата. Придворный военный совет отвечал за безопасность маршрута, эскорты и салюты. Сам маршрут разрабатывали обер-шталмейстер вместе с обер-почтмейстером. Затем они информировали местные власти на всем пути следования о высоких гостях и просили позаботиться о необходимом продовольствии и лошадях⁹. Ничего этого не было сделано в связи с поездкой 1766 г., что, впрочем, не означает, что к путешествию не готовились со всем тщанием. Одной из причин могло быть то, что поездку готовили не центральные венские органы, а власти Венгерского королевства¹⁰. Отказ от обычной в таких случаях помпезности объясняется трауром по почившему отцу молодой супруги — императору Францу Лотарингскому. Детали церемониала были приспособлены к траурному году: в момент отъезда из Пресбурга не палили пушки, а Мария Кристина была одета в платье пепельно-серого цвета¹¹.

Во время передвижения по территории Венгерского королевства соблюдались все обязательные элементы придворного путешествия: традиционные праздничные приветствия, приемы в населенных пунктах по пути следования, процессии сословий и жителей, приветственные речи первых лиц страны и представителей городских советов. Звучали залпы орудий как в момент прибытия, так и при отъезде, перед гостями проходили торжественным маршем расквартированные в городах части регулярной армии и праздничные гвардии горожан при полном параде¹². В честь высокородных гостей в Буде, Гёдёллэ и Ваце возвели деревянные триумфальные арки. По вечерам города украшала иллюминация, и озаряли огни фейерверков. Не было только торжественной церемонии вручения ключей от города: она предназначалась исключительно для монархов¹³. Зато сословия и городские магистраты допускались к целованию руки Марии Кристины (Альберту такая честь не полагалась)¹⁴.

С 18 августа по 30 сентября Альберт до полудня как правило заседал в суде. Послеобеденные часы посвящались традиционному досугу: супруги посещали дома высокопоставленных вельмож, наблюдали за маневрами, охотились, рыбачили¹⁵. О средневековых

корнях придворного церемониала напоминали такие развлечения, как стрельба по мишеням и скачки на лошадях, в которых участвовали представители различных сословий обою пола¹⁶. Победители получили ценные подарки из рук организаторов — первых лиц королевства. Непременным пунктом в программе было посещение воскресных месс, хотя это нельзя считать особенностью данного путешествия: ведь у появлений членов правящего дома на публике были свои писанные правила. В таких выходах чету в строго определенном порядке сопровождали первые лица двора, пажи и телохранители¹⁷. Точно в таком же порядке они передвигались, когда в духе идей Просвещения наносили «обязательные» визиты в социальные и образовательные учреждения: в Пеште это был дом инвалидов, в Ваце — гимназия¹⁸. Вечерняя программа с балами (и даже бал-маскарадами), ужинами и приемами мало чем отличалась от привычного дворцового распорядка¹⁹. Может показаться удивительным, что супруги ни разу не побывали ни на театральном представлении, ни на концерте, но в то время ни в Буде, ни в Пеште не было постоянного театра, а камерные оркестры держали лишь несколько аристократов. Один спектакль в честь гостей разыграли вацкие гимназисты, затем гостей в Гёдёлле развлекали музыканты графа Антала Грашшалковича (1694–1771)²⁰.

В ходе придворных путешествий не было принято, чтобы аристократ или монарх вели дневники — это считалось обязанностью сопровождавшего секретаря. В очень редких случаях до нас дошли путевые заметки кого-то из свиты²¹. Ни Альберт, ни Кристина в поездке 1766 г. не вели дневников, но, согласно предписаниям церемониала, отмечали важные события в специальном придворном протоколе. Отголоски этих записей временами появлялись на страницах прессы, в том же близком ко двору «*Wienerisches Diarium*»²².

Вторая поездка — в 1776 г. в Италию — с точки зрения целей не представляет собой ничего необычного. С давних времен Италия манила к себе путешественников: там непременно стремились побывать дворянские юноши в ходе обучения за границей, совершенствовавшиеся в мастерстве художники, а также ценители и знатоки искусства²³. Можно предположить, что Мария Кристина, с детства проявлявшая интерес и склонности к искусству, тоже хотела побывать в Италии, но, по собственному признанию Альберта, и он с колыбели только и мечтал об этом²⁴. Случай представился, когда Мария Терезия — нарушив

все принятые в XVIII в правила, но при этом оставшись верной себе — «отправила» молодых супругов в Италию, чтобы они навестили старшего брата Марии Кристины — Леопольда* и его детей, а по возвращении обстоятельно рассказали, как живут ее сын и внуки. Путешествие «удлинилось» до самого Неаполя, где находился двор дочери Марии Терезии — Марии Каролины (1768–1814). Не забыли супруги и о Милане, где правил другой брат — эрцгерцог Фердинанд (1754–1806). Время года, выбранное для поездки — зима, кажется более чем странным. В жуткий холод путешественники отправились в Триест, повторив тем самым маршрут Иосифа II, проложенный девятью годами ранее²⁵. Предположительно, супружеская чета хотела успеть к появлению на свет в семье Леопольда очередного ребенка. Им 9 марта 1776 г. оказался мальчик, нареченный Иосифом (1776–1847) — будущий напор Венгерского королевства. В середине лета оправившаяся от родов молодая мать Мария Людовика (1745–1792) с супругом смогли присоединиться к Марии Кристине и Альберту, возвращавшимся в Вену²⁶.

Здесь мы имеем дело с типичным путешествием с целью посещения родственников, но и в нем обнаруживаются черты, несвойственные иным подобным вояжам. Во-первых, свита была столь скромна, что его вряд ли можно причислить к обремененным церемониалом классическим, принятым при дворе «семейным визитам». Какие бы то ни было формальности на всех остановках в пути — у Фердинанда в Ломбардии, у Леопольда в Тоскане, у Марии Каролины в Неаполе — отсутствовали. Несомненно, облегченный церемониал и малочисленная свита были взаимосвязаны. Путешественники передвигались в четырех каретах и в сопровождении груженной повозки. В свите находились граф Макс фон Кавриани — обер-гофмейстер, графиня Штаремберг — обер-гофмейстерина, генерал-майор Милтиц, генерал Янош Кемпелен, кабинет-секретарь, духовник и три придворные дамы²⁷.

Италия с ее богатейшим культурным наследием определила в качестве одной из целей путешествия получение новых знаний, поэтому можно со всеми основаниями говорить о своеобразном запоздалом гранд-туре («*Grand Tour*»)²⁸. В данном случае опять необычно то, что в путь супруги отправились вместе. Подобные «инспекционные визиты» обычно совершали дамы: перед бракосочетанием, после рождения

* Леопольд (1747–1792) — будущий император Леопольд II (1790–1792 гг.), во время описываемых событий великий герцог Тосканский.

ребенка или просто для встречи с родными (в немецком языке есть особый термин — *Fürstinnenreisen*)²⁹. Альберт же и Мария Кристина путешествовали вдвоем, не расставаясь ни на минуту, и в этом они предвосхитили знаменитое турне 1781–1782 гг. российского цесаревича Павла с супругой. Поскольку путь их пролегал к родственникам, то необходимости в инкогнито не было, при встречах они называли друг друга по именам и общались, не обращая внимания на формальности. Отказ от церемоний был особенно ценен в крупных городах, таких как Рим, где супруги развлекались в свое удовольствие. Об интересах высокородных путешественников можно судить по тому, что в первую очередь они осматривали здания, музеи, картинные галереи, коллекции предметов искусства, но не забывали о театральных, оперных и балетных спектаклях, уделяли внимание научным учреждениям (университетам, академиям и пр.)³⁰. Герцог Альберт проявил интерес к организации военного дела: в Ломбардии осмотрел фортификационные сооружения против французов, в Венеции — арсенал и морской флот.

Хотя путешествие Марии Кристины и Альберта было обставлено довольно скромно, их ранг и родственные связи позволяли им посещать высокопоставленных персон и знатные дома. Не говоря о том, что их принимали послы Австрийской монархии, им дал аудиенцию папа римский Пий VI, были представлены первейшие аристократы, чьи имена Мария Кристина педантично заносила в дневник. В Риме список состоял из 21 имени, в Милане из 31, в Неаполе — из 23 имен³¹. Такие личные знакомства относились к важным пунктам программы, служили для обмена информацией, установления политических, дипломатических и культурных связей. Общеизвестно, что герцогская чета именно во время итальянского турне заложила основы будущего знаменитого художественного собрания Альбертины. Графу Джакомо Дураццо была поручена закупка гравюр и рисунков, но, судя по расходным книгам, супруги сами тратили немалые суммы на гравюры и книги (11 191 гульденов 40 крейцеров). Наибольшие траты приходятся на апрель, май и июнь 1776 г. в Неаполе, Тоскане (на обратном пути) и Венеции³².

Весьма необычно то обстоятельство, что в путешествии по Италии Альберт вел дневник, не только для себя, но и для передачи его императрице Марии Терезии³³. Мария Кристина оставила после себя заметки о братьях и сестре, их детях, представленных путешественникам

персонах, и они по стилю отличаются от записей, сделанных мужем. Ей не так важно было записать, где были и что видели, сколько во всех подробностях охарактеризовать внешний и внутренний облик тех, с кем они встречались в Италии, начиная с брата Леопольда и его семьи до римских аристократов, правителей Неаполя и Ломбардии с их вельможами. В заметках на французском языке эрцгерцогиня высказывает личное мнение и суждение, что позволяет современному читателю узнать важные детали о повседневной жизни итальянских правящих дворов³⁴. Помимо этого, супруги оставили более или менее пространственные записи обо всем примечательном, что они увидели, о людях, с которыми им довелось познакомиться.

В отдельной тетрадке были выписаны — в качестве образцов — маршруты, по которым уже проехали в 1769 г. Иосиф II и в 1774 г. эрцгерцог Максимилиан (1756–1801)³⁵. Там же содержалась разнообразная полезная в дороге практическая информация: сколько в какой итальянской провинции следует платить за лошадей, по какому курсу меняются те или иные итальянские деньги. Все это учитывалось при планировании путешествия.

Для *третьего*, тоже необычного по форме, путешествия герцогской четы в 1786 г. была выбрана Франция. Хотя супруги останавливались не только в Париже, здесь мы ограничимся программой их пребывания именно в столице. Помимо торжественных, организованных с размахом официальных выездов и коротких экскурсий в XVIII в. высородные путешественники все охотнее разъезжали инкогнито. Настолько, что Фридрих Карл Мозер в руководстве о придворных нормах и правилах посвятил таким путешествиям несколько глав³⁶. Путешествие *al incognito* было очень модным в XVIII в. явлением, но тому, что монархи и аристократы предпочитали скрывать свой ранг, было, по мнению Мозера, несколько практических объяснений. Во-первых, когда они не хотели соблюдать утомительные предписания придворного церемониала; во-вторых, если желали сэкономить на расходах; в-третьих, если монарху не по душе придворная театральность, когда в присутствии иноземного гостя все начинают вести себя по-другому; наконец, в-четвертых, когда государь на самом деле хотел бы остаться неузнанным³⁷.

Из работы Мозера известно, что выбор вымышленного имени подчинялся своим правилам: прежде всего, рангу полагалось быть скромнее, чем в действительности, а для псевдонима выбиралось имя или

город во владениях высокородного путешественника. Курфюрсты путешествовали как графы, иногда даже как простые дворяне³⁸. Конечно же, настоящее имя гостя ни для кого не составляло секрета — его знали не только придворные, но и публиковали на своих страницах современные газеты³⁹. В XVIII в. многие правители и члены правящих домов посещали другие страны не под своими именами. Самый известный, возможно, пример — молодой царь Петр I, который объездил Западную Европу под именем Петра Михайлова⁴⁰. Отец герцога Альберта — будущий курфюрст Фридрих Август II — в бытность наследником престола путешествовал под именем графа Лаузница. Брат Альберта — курляндский герцог Карл, в 1762 г. направился на воды в Карлсбад, скрываясь под именем графа Барби. Вдова другого брата, Фридриха Кристиана, баварка Мария Антония посещала Берлин как графиня Брена⁴¹. Баварский курфюрст Карл Альберт выбрал псевдоним «граф Траузниц»⁴². Наконец, шведский король Густав III предпочитал, чтобы к нему в поездке обращались как к графу Гагскому⁴³. Это то, что касается монархов, но какой же выбор сделала герцогская чета, отправляясь в 1786 г. в Париж?

Выбор в пользу путешествия *al incognito* можно объяснить целью поездки и неоднократно упомянутой выше разницей в рангах мужа и жены. Цели отчасти совпадали с теми, что преследовались в поездке по Италии: прежде всего, посетить Марию Антонию, более известную как Мария Антуанетта (1755–1793) с семьей в Париже и заодно осмотреть несколько достопримечательностей французской столицы (этакое сочетание гранд-тура с туристической поездкой). Выбор вымышленного имени никак не вписывается в правила, сформулированные Мозером: Альберт и Мария Кристина не были монархами, хотя назначение губернатором и штатгальтером Австрийских Нидерландов в 1780 г. (фактически с 1781 г.) можно считать высоким назначением⁴⁴. Для того, однако, чтобы сделать семейный визит ко двору французского короля и неформально, без соблюдения этикета пообщаться с младшей сестрой, ставшей королевой Франции, следовало укрыться за вымышленными именами. Несмотря на родственные связи, ранг Альберта и Марии Кристины не был достаточно высоким, чтобы их могли достойно принять на официальном уровне. Гостям, соблюдающим инкогнито, не нужно было устраивать торжественный прием при дворе, оказывать воинские почести и пр. Самим путешественникам не нужно было наносить церемониальные визиты и принимать

ответные посещения. Их трапезы проходили вне официальных застолий, селили их также не в королевской резиденции⁴⁵.

Дабы избежать соблюдения утомительного французского этикета, австрийский посол Клод-Флоримунд Мерси-Аржанто, предварительно проконсультировавшись с Марией Антуанеттой — еще в 1784 г. однозначно советовал путешествовать инкогнито⁴⁶. Последовав советам, Мария Кристина и Альберт летом 1786 г. избрали для себя самые скромные псевдонимы: «Месье и мадам Бейе» (французские газеты называли их «*Monsieur et Madame Bely*») по имени одного из своих имений — Бейе на юге Венгрии⁴⁷. Дискуссию о рангах спровоцировало то обстоятельство, что эрцгерцогиня Мария Кристина считалась знатнее, чем некоторые французские герцоги и герцогини. По этикету именно им полагалось первыми посетить саксен-тешенскую герцогскую чету, если же супруги путешествовали под вымышленными именами, то господину и госпоже Бейе полагалось бы первыми (в полном противоречии с их действительным статусом) нанести визиты французским аристократам⁴⁸. Компромиссное решение заключалось — вновь по предложению австрийских дипломатов — в том, что Альберт и Мария Кристина в таких случаях не наносили визиты, а всего лишь осматривали дворцы с их художественными коллекциями⁴⁹.

Формальный повод для путешествия предположительно дало рождение племянницы Софии Беатрисы 9 июля 1786 г. (девочка проживет всего год). Таким образом, Мария Кристина находилась в гостях у Марии Антуанетты в то время, когда малышка была еще в колыбели (по церемониалу, такое не было принято при официальных визитах). Необходимо еще раз подчеркнуть, что Мария Кристина и Альберт путешествовали вдвоем, как супруги, даже если по программе пребывания можно легко определить разные интересы: герцога волновало военное дело, эрцгерцогиня проводила больше времени с сестрой, ее детьми и новорожденной⁵⁰. Местом проживания — по причине инкогнито и более скромного ранга — им были определены не покои в королевском дворце, а одна из столичных гостиниц — «*Hotel du Grand Conseil*», расположенная на Рю-Фий-Сен-Тома. Из-за удаленности Версаля там тоже пришлось снимать отдельное жилье — на постоялом дворе Туше⁵¹.

Судя по дневниковым записям и мемуарам Альберта, инкогнито с его облегченным церемониалом создавало необходимые условия, чтобы гости непринужденно общались с королевской семьей. Вместо

того, чтобы дожидаться, когда вновь прибывшие — как того предписывала бы разница в статусе — отдадут им визит первыми, Мария Антуанетта уже на другой день по приезде отправила за ними и буквально «заставила» прибыть во дворец. Первая встреча проходила не по предписанному сценарию, но так, как встречаются близкие родственники: Мария Кристина и Альберт до 10 часов вечера находились в покоях королевы, и даже сам король Людовик XVI заглянул к ним ненадолго⁵². Есть несколько свидетельств о том, что супруги завтракали и обедали с королевской четой в узком кругу придворных⁵³, что было возможно только в случае близкого родства. Есть распространенное мнение, что молодая, своенравная, вспыльчивая Мария Антуанетта (как и другие братья и сестры) ревновала мать к ее любимице Марии Кристине. В дни парижского визита представилась возможность не только покрасоваться, проявить с высоты своего положения покровительственное гостеприимство, но и очаровать сестру. Однако из переписки, предшествовавшей поездке, и путевых записей складывается совершенно иная картина: сестры обращались друг к другу с любовью и пониманием, и одна немедленно отвергала слухи, ходившие о другой⁵⁴.

Наряду с общими, личными по характеру пунктами семейной программы, супруги как неумолимые туристы, обошли едва ли не весь Париж и окрестности. О пребывании их в столице историкам известно из двух источников: во-первых, сохранился путевой дневник на немецком языке, и, во-вторых, Альберт включил его перевод на французский язык в свои мемуары⁵⁵. Перед отъездом герцог составил список достопримечательностей, которые предстояло осмотреть, и как настоящий турист затем отмечал там галочками выполненные пункты программы⁵⁶.

В этом списке памятники культуры группировались в отдельные категории. Одну из них составляли храмы (в аббатстве Сен-Дени супруги провели полдня), другую — дворцы и здания общественного назначения (арсенал, военная школа, монетный двор)⁵⁷. Подобно студентам и ученым, супруги уделили немало времени осмотру коллекций: естественнонаучное собрание, королевская библиотека и коллекция монет, собрание гравюр и рисунков, собрание раковин государственного министра Шарля Александра Калонна (1734–1802)⁵⁸. О любви к искусству говорят визиты в Лувр и Пале-Рояль, к герцогам Конде и Пралену и осмотр их богатейших коллекций живописи и скульптуры. Альберт, судя по всему, был весьма осведомленным зрителем:

в дневнике то тут, то там встречаются названия полотен, имена великих мастеров⁵⁹. Французская экономика славилась предприятиями, производившими предметы роскоши: Севрская фарфоровая мануфактура, мануфактуры, производившие мыло и гобелены. К сожалению, посмотреть, как производится стекло или холст, гостям не удалось⁶⁰.

Все это были пункты из программы визита Иосифа II в 1777 г., когда император Священной Римской империи и соправитель своей матери во владениях Австрийского дома посетил Французское королевство с ознакомительными целями⁶¹. Как в свое время Иосиф, супруги проявляли интерес к социальным учреждениям: посетили воспитательный дом для девочек Сен-Сир и знаменитую парижскую больницу Отель-Дье⁶². Отдельную категорию составляли столичные парки и дворцовые сады (на это время приходилось строительство их впоследствии знаменитого дворцового сада в Брюсселе), променады, склады и хранилища и особенно пригородные королевские дворцы и угодья. Важное место в программе занимали церемониальные события при французском дворе, такие как утренний выход короля (*Lever*), в котором принимал участие и Альберт. Он также принимал участие в пышных и долгих, занимавших целый день, королевских охотах⁶³. Вечерняя программа отражает бурное многоцветье столичной жизни, где никому не было дела до строгого соблюдения церемониальных норм: гости неоднократно ходили в театр, в оперу и на балет, и не всегда вдвоем. Покинув Париж 28 августа, они еще целый месяц колесили по Франции, побывали в Нормандии, сделав в общей сложности остановки на 234 почтовых станциях, прежде чем 26 сентября вернулись в Австрийские Нидерланды⁶⁴.

С точки зрения расходов на все три рассмотренные поездки обнаруживаются серьезные расхождения. Конечно, на суммы затрат влияли длительность и протяженность поездки, но определяющим фактором оказывались все-таки цели и формы. В 1766 г. в поездке в Венгрию бремя расходов взяли на себя сословия, в 1776 и 1786 гг. немалые суммы на дорогу, лошадей, проживание и пр. герцогской чете приходилось оплачивать из своего кармана. В 1776 г. только за почтовых лошадей пришлось отдать 20 577 гульденов 42 крейцера. Самой большой статьей расходов оставались подарки, которые Альберт и Мария Кристина «в обязательном порядке» вручали (инкогнито или как герцогская супружеская пара) хозяину во время визитов, посещений или просто осмотра частной коллекции⁶⁵. Это можно считать практикой, которая

не наблюдалась в ходе более ранних путешествий, когда было заведено удивлять подарками самих путешественников. Например, в Италию супруги везли с собой помимо драгоценных колец 31 табакерку, 38 часов, 25 больших и 15 малых медалей общей стоимостью около 100 тыс. гульденов. Далее, к затратам не первой необходимости можно отнести раздачу милостыни (3 тыс. гульденов), покупку шелковых тканей на 12 097 гульденов, не говоря о том, что подарок новорожденному стоил в 17 484 гульденов. Стоит отметить, что заказ портретов в рамках обошелся супругам в 54 400 гульденов, и можно предположить, что речь идет о знаменитом портрете Марии Кристины кисти Иоганна Цонффани (1733–1810).

Выбранные для анализа поездки герцогской четы не дают полной картины их путешествий. За рамками данного исследования осталась поездка 1781 г. в Австрийские Нидерланды, которую было бы крайне интересно сравнить с визитом 1766 г. в Венгрию. Цели в обоих случаях были сходными, предписания церемониала считались обязательными, но тогда чета отправилась в путь в качестве супругов-штатгальтеров, потому что Мария Кристина — подобно другим эрцгерцогиням Габсбургского дома — тоже получила это высокое назначение. Дальнейшее пристальное изучение их путешествий открывает возможности сопоставления с маршрутами братьев и сестер Марии Кристины, причем не только находившегося в постоянных разъездах Иосифа II, но и эрцгерцога Максимилиана⁶⁶. В заключение необходимо подчеркнуть роль Марии Кристины как женщины-путешественницы, что заслуживает дальнейшего сравнительного анализа с поездками ее сестер Марии Каролины и Марии Антуанетты. Наиболее важным представляется вопрос о том, как они распорядились свободным временем в дороге.

Перевод с венг. О. В. Хавановой

Примечания

¹ *Posselt F.* Apodemik oder die Kunst zu reisen. Ein systematischer Versuch zum Gebrauch junger Reisenden aus dem gebildeten Ständen überhaupt und angehender Gelehrten und Künstler insbesondere. Leipzig, 1795. Bd. I. Ср.: *Elkar R. S.* Reisen bildet. Überlegungen zur Sozial- und Bildungsgeschichte des Reisens während des 18. und 19. Jahrhunderts // *Reisen und Reisebeschreibungen im 18. und 19. Jahrhundert als Quellen der Kulturbeziehungs-forschung* / Hrsg. von B. I. Krasnobaev, G. Robel, H. Zemann. Berlin, 1980. S. 55. (Studien zur Geschichte der Kulturbeziehungen in Mittel- und Osteuropa. N 6.)

² *Zellmann (Kollreider) M.* Hofreisen Maria Theresias. Phil. Diss. Wien. 1965. S. 3.

³ *Ibid.* 9–10.

⁴ Из новейших работ о герцогской чете см.: *Kulcsár K.* Der Statthalter des Königreichs Ungarn // Die Gründung der Albertina. Herzog Albert und seine Zeit / Hrsg. von Ch. Benedik, K. A. Schröder. Wien; Ostfildern, 2014. S. 99–105; *Hertel S.* Marie Christine. Die «Maitresse en titre» der Kaiserin // Die Gründung der Albertina. S. 35–53.

⁵ MNL OL. Magyar kancelláriai levéltár. Magyar Királyi Kancellária regisztratrúrája. A 57. Libri regii. 47. k. 363–364. old.; Ibid. Helytartótanácsi Levéltár. Magyar Királyi Helytartótanács. C 13. Benigna mandata. 24.XII.1765. Диплом, изготовленный для герцога см.: Ibid, Regnicolaris levéltár. Archivum palatinae. N 13. Archivum locumtenentiale Alberti Ducis Saxoniae. Lad. 67. Fasc. 1. N 3.

⁶ MNL OL. A 57. 47. k. 402. old. См. в мемуарах герцога Альберта: MNL OL. A Habsburg család magyaróvári levéltára. P. 298. Albert herceg iratai. Nr. 2. Mémoires de ma vie. A. II. 12/2. Fol. 2v. Об отношениях между Венгрией и Габсбургами в XVIII в. см.: *H. Balázs É.* Hungary and the Habsburgs, 1765–1800. An Experiment in Enlightened Absolutism. Budapest, 1997.

⁷ Копию брачного договора (6.IV.1766) герцога Альберта и эрцгерцогини Марии Кристины, изготовленную 24.IX.1825, см.: Ibid. P1490. A család egyeteme. N 4.

⁸ *Žolger I., Ritter von.* Der Hofstaat des Hauses Österreich. Wien; Leipzig, 1917. S. 68. (Wiener Staatswissenschaftliche Studien. N 14.) *Menčík F.* Beiträge zur Geschichte der kaiserlichen Hofämter // Archiv für österreichische Geschichte. Wien, 1899. Bd. 87. N 2. S. 447–563.

⁹ О придворных конференциях см.: *Zellmann M.* Hofreisen. S. 29–39, 104–105.

¹⁰ MNL OL. Magyar kancelláriai levéltár. Magyar Királyi Kancellária regisztratrúrája. A 35. Conceptus expeditionum. 1766.VII. N 115–116, 121, 165.

¹¹ ÖStA. HHStA. Hofarchive. Obersthofmeisteramt. Hofzeremonialdepartement. ÄZA. Kt. 72. Akten, die Vermählung der Ehgin Marie Christine mit dem Prinzen Albrecht v. Sachsen betreffend. 5.II–26.X.1766. Fol. 202r.

¹² Ibid. Fol. 194v–199r, 202r–206v.

¹³ О торжественных въездах см.: *Dotzauer W.* Die Ankunft des Herrschers. Der fürstliche «Einzug» in die Stadt (bis zum Ende des Alten Reichs) // Archiv für Kulturgeschichte. 1973. Bd. 55. S. 245–288.

¹⁴ ÖStA. HHStA. ÄZA Kt. 72. Fol. 204r, 205r, 206v, 216v–217r.

¹⁵ Ibid. Fol. 202r–208v, 185r–200v, 210r–221v. passim.

¹⁶ Ibid. Fol. 199v, 211r–212r, 213r–215v.

¹⁷ Ibid. Fol. 185r, 186v, 187r.

¹⁸ Ibid. Fol. 187r, 198r.

¹⁹ Ibid. Fol. 189v, 192r–v, 193r–194v, 210v.

²⁰ Ibid. Fol. 191v, 198v, 200v.

²¹ Ср.: *Denník princa Leopolda.* Z cesty do stredoslovenských banských miest roku 1764. Das Tagebuch des Erzherzogs Leopold von der Reise in die mittelslowakischen Bergstädte / Ed. J. Vozár. Osveta, 1990.

²² Об отправлении в путь см.: WD. 23.VIII.1766. N 68. О прибытии в Пешт см.: WD. 3.IX.1766. N 70. S. 4.

²³ *Maurer M.* Italienreisen — Kunst und Konfession // Reisekultur von der Pilgerfahrt zum Tourismus / Hrsg. von H. Bausinger, K. Beyrer, G. Korff. München, 1991. S. 221–229.

²⁴ Герцог Альберт — курфюрстине Марии Антонии, Вена, 18.XII.1775. См.: HHStA Dresden. 12528. Fürstennachlass Maria Antonia, Kurfürstin von Sachsen.

²⁵ Об отъезде 28.XII.1775 см.: WD. 1775.30.XII. N 104; о прибытии 11 января 1776 г. во Флоренцию см.: WD. 1776.24.I. N 7.

²⁶ ÖStA. HHStA. Hofarchiv. Obersthofmeisteramt. Hofzeremonielldepartement. Zeremonialprotokolle, 1774–1780. Bd. 35. Fol. 157r. 13.VII.1776.

²⁷ MNL OL. P 298. N 17. A. I. 62/9. Fol. 11r.

²⁸ См., например: *Mead W.E.* The Grand Tour in the Eighteenth Century. New York, 1914; *Black J.* The British abroad. The Grand Tour in the Eighteenth Century. Phoenix Mill; Thrupp; Stroud, 1997.

²⁹ *Raschke B.* Fürstinnenreisen im 18. Jahrhundert. Ein Problemaufriß am Beispiel der Rußlandreise Karolines von Hessen-Darmstadt 1773 // *Europareisen politisch-sozialer Eliten im 18. Jahrhundert. Theoretische Neuorientierung – kommunikative Praxis – Kultur- und Wissenstransfer* / Hrsg. von J. Rees, W. Siebers, H. Tilgner. Berlin, 2002, S. 183–207. (Aufklärung und Europa. N 6.)

³⁰ MNL OL. P 298. N 2. A II. 12/2. Fol. 55v–85v. Описание путешествия см.: *Wolf A. Marie Christine, Erzherzogin von Oesterreich.* Wien, 1863. Bd. 1. S. 83–146.

³¹ MNL OL. P 298. N 16. A. I. 62/3. Noms de différentes Personnes vues dans le Voyage d'Italie.

³² Ibid. N 17. A. I. 62/9. Fol. 14r.

³³ Ibid. N 15. Mémoire sur un Voyage fait en Italie en 1776. Эта часть была позднее также скопирована в мемуары.

³⁴ Ibid. Habsburg család magyaróvári levéltára. P 1538. Udvartartási és udvari hivatalok. Franz Malcher hagyatéka. N 1. A. II. 10/1.

³⁵ Ibid. P 298. N 16. A. I. 62/8.

³⁶ *Moser F.C., von.* Teutsches Hof-Recht, in zwölf Bücher: 2 Bde. Franckfurt; Leipzig, 1754–1755. Bd. I. S. 265–269. Ср.: *Conrads N.* Das Incognito. Standesreisen ohne Konventionen // Beihefte der Francia. 2005. Bd. 60. S. 591–607.

³⁷ *Moser F.C., von.* Hof-Recht. Bd. I. S. 265.

³⁸ Ibid. S. 266. Ср.: *Holenstein A.* Huldigung und Herrschaftszeremoniell im Zeitalter des Absolutismus und der Aufklärung // Zum Wandel von Zeremoniell und Gesellschaftsritualen in der Zeit der Aufklärung / Hrsg. von K. Gerteis. Hamburg, 1992; Aufklärung. 1991. Bd. 6. N 2. S. 21–46.

³⁹ См., например, сообщения в газетах о путешествии в 1777 г. Иосифа II под именем графа Фалькенштайна во Францию: WD. 30.IV.1777. N 35. В последующих публикациях он упоминается уже только под вымышленным именем.

⁴⁰ *Moser F.C., von.* Hof-Recht. Bd. I. S. 272–273.

⁴¹ SHStA Dresden. Hofbehörden. 10006. Oberhofmarschallamt, I (Reisen) Akte 165. Fol. 28; Ibid. Akte 164. Fol. 167.

⁴² *Moser F.C., von.* Hof-Recht. Bd. I. S. 270; Bd. II. S. 30.

⁴³ *Wandruszka A.* Leopold II. Erzherzog von Österreich, Großherzog von Toskana, König von Ungarn und Böhmen, Römischer Kaiser: 2 Bde. Wien; München, 1965. Bd. 2. S. 69.

⁴⁴ Современные газеты тоже делали на этом акцент. См.: WD. 30.VIII.1786. N 69.

⁴⁵ *Moser F.C., von.* Hof-Recht. Bd. I. S. 266.

⁴⁶ MNL OL. P 298. N 26/a. A. II. 50/13. Fol. 152r–153r.

⁴⁷ WD. 1786.19.VIII. N 66. Под этим именем они отправятся в 1790 г. на коронацию Леопольда II во Франкфурт. См.: *Wandruszka A.* Leopold II. Bd. 2. S. 303.

⁴⁸ Сходные дискуссии о рангах сопровождали в 1774 г. поездку в Париж эрцгерцога Максимилиана: герцоги Орлеанский, Конде и Конти требовали от путешествовавшего инкогнито Максимилиана, чтобы он, в соответствии с правилами, изложенными Ф. К. Мозером, нанес им визит первым. Ср.: *Braubach M.* Maria Theresias jüngster Sohn Max Franz. Letzter Kurfürst von Köln und Fürstbischof von Münster. Wien; München, 1961. S. 31.

⁴⁹ В конце концов, был составлен список из 177 персон, которым следовало нанести визиты. См.: MNL OL. P 298. N 26/a. A. II. 50/6. Verzeichnis der Visiten.

⁵⁰ Ibid. A. II. 50/10. Fol. 111r.

⁵¹ Ibid. Fol. 107v.

⁵² Ibid. Fol. 108r–v.

⁵³ См. там же записи от 6.VIII.1786 (Fol. 114r), 10.VIII.1786 (Fol. 116v) и особенно от 25.VIII.1786 (Fol. 124v).

⁵⁴ Заметки графа Й. Г. Шлика о беседе, которую посол граф К.-Ф. Мерси имел с французской королевой см.: Ibid. A. II. 50/13. Fol. 151v. Ср. с мемуарами Альберта: Ibid. N 2. A. II. 12/3. Fol. 58r–v.

⁵⁵ Ibid. A. II. 50/1. Чистовик копии в мемуарах см.: Ibid. N 2. 26/a. A. II. 12/3. Fol. 55v–85v.

⁵⁶ Ibid. 50/4. Verzeichnis der Sehenswürdigkeiten in Paris und in der Umgebung.

⁵⁷ Ibid. A. II. 50/1. Fol. 112v, 119r.

⁵⁸ Ibid. Fol. 117v–118v, 119v.

⁵⁹ Ibid. Fol. 113v, 122v.

⁶⁰ Ibid. Fol. 122r.

⁶¹ *Wagner H.* Die Reise Josephs II. nach Frankreich 1777 und die Reformen in Österreich // Österreich und Europa. Festgabe für Hugo Hantsch zum 70. Geburtstag. Graz; Wien; Köln, 1965. S. 221–246.

⁶² MNL OL. P 298. N 26/a. A. II. 50/1. Fol. 117r, 115r.

⁶³ Ibid. Fol. 115r, 122v, 123v.

⁶⁴ WD. 1786.13.IX. N 73. Маршрут см.: MNL OL. P 298. N 26/a. A. II. 50/9. Itineraire pour le Voyage des Mr. Les Comtes de Bélye.

⁶⁵ Для сравнения информации о подарках см.: Ibid. N 16. A. I. 62/7. Fol. 3r–4v.

⁶⁶ *Kulcsár K.* II. József utazásai Magyarországon, Erdélyben, Szlavóniában és a Temesi Bánságban, 1768–1773. Budapest, 2004; *Eadem.* Die Quellen zu den Hofreisen im Habsburg-Lothringischen Familienarchiv aus den Jahren 1766 bis 1788 // Quellenkunde der Habsburgermonarchie (16.–18. Jahrhundert). Ein exemplarisches Handbuch / Hrsg. von J. Pauser, M. Scheutz, Th. Winkelbauer. Wien; München, 2004. S. 108–119. (MIÖG. Ergänzungsband 44); *Braubach M.* Maria Theresias jüngster Sohn. S. 28–38; *Feneşan C.* Maximilian Franz von Habsburg: Jurnal de călătorie prin Banat (1777) // Studii și materiale de istorie medie. 1997. Vol. XV. P. 215–233.

К. Клевинг, М. Джокич

Монаршие путешествия как путешествия власти: эмпирический опыт о владениях Иосифа II и Франца II (I) Габсбургов, 1768–1835

К 1800 г. окончательно сложилась традиция (древняя, хотя не всегда соблюдавшаяся), в соответствии с которой императору Священной Римской империи предписывалось добрую часть своего правления проводить в дороге. Неизвестно, однако, было ли осведомлены о ней те императоры, о которых пойдет речь в статье — Иосиф II (1765/1780–1790) и Франц II (I)* (1792–1835). «Управление в пути», которое из-за отсутствия постоянной резиденции превалировало на первых порах существования средневековой имперской административной системы, бытовало долго, как минимум до XV в. В раннее Новое время, однако, эта практика изжила себя¹. Впоследствии, особенно в эпоху барокко, путешествия императоров, — в соответствии с практикой западноевропейских правящих домов, совершались с целью властной репрезентации. В типологии путешествий Габсбургов с XVI до середины XVIII вв. особое место занимают ритуальные коронационные поездки в качестве римских королей во Франкфурт (последним в этом ряду был Франц II в 1792 г.) и сравнительно реже — в качестве королей Богемии и Венгрии, соответственно, в Прагу и Пресбург. Эти путешествия, организованные торжественно и пышно, демонстрировали достоинство и всесилие монарха². Административные поездки с инспекционными целями, которые совершали Иосиф и Франц, в раннее Новое время не предпринимались. Мария Терезия — мать Иосифа II — будучи всего лишь супругой (с 1765 г. — вдовой) императора, фактически правила владениями Австрийского дома с 1745 до 1780 гг., а также

* В историографии этот император известен как Франц II (I), поскольку в 1792 г. вступил на престол Священной Римской империи как Франц II, а в 1804 г., преобразовав владения Австрийского дома в «Австрийскую империю», провозгласил себя ее императором Францем I. — *Прим. перев.*

носила королевские короны Чехии* (с 1740 г.) и Венгрии (с 1741 г.). В путь она пускалась довольно редко, хотя служебные поездки ее придворного окружения казались уже в порядке вещей³. Государыня не могла понять (о чем недвусмысленно давала понять не раз⁴), почему сын, ставший в 1765 г. ее соправителем, находился в постоянных разъездах по Габсбургским владениям. Однако противиться этому она тоже не считала нужным.

Очевидно, что путешествия играли важную роль в управлении государством не только при Иосифе II, но и при его племяннике Франце, вступившем на императорский престол через два года после смерти дяди. Оба «управляли в пути», отправляясь в дорогу столь же часто, как и императоры Священной Римской империи в первые века ее существования. В то же время, в отличие от средневековых императоров, переезжавших из имения в имение, из замка в замок, они также «управляли из дворца»⁵. Однако причины, пробуждавшие в них охоту к перемене мест, с точки зрения организации и сопровождения поездок были принципиально иными.

Перечислим их тезисно. Оба императора в своем домене — Габсбургской монархии — стояли на вершине абсолютистско-бюрократического аппарата, конфигурацию которого они сами в значительной мере определяли и создавали. Превратности наполеоновской эпохи, напомним, не стерли это государственное образование с карты континента: Франц II с 1804 г. и в 1806 г., когда Священная Римская империя прекратила свое существование, оставался австрийским императором. Присутствие государства в самых разных сферах тогдашнего общества постоянно расширялось, и поэтому контуры этой системы управления не были очерчены раз и навсегда. Увеличение числа государственных и государевых резолюций и решений неизбежно порождали неэффективность и рост затрат на содержание системы, где все политические решения концентрировались на самом верху. Именно здесь коренились причины неповоротливости габсбургской администрации, которая будет подвергаться критике современников в так называемый предмартовский период — годы между Венским конгрессом (1815) и началом революции 1848 г.

* Под Чехией в данном случае понимаются земли Чешской короны, в то время как «Богемия» употребляется ниже в качестве обозначения одной из провинций этого королевства. — *Прим. перев.*

Во времена просвещенного бюрократического позднего абсолютизма главные действующие лица искали решение проблемы, позволявшее повысить эффективность управления в рамках существующей системы. Соответствующие изменения в практики власти проводились в Габсбургской монархии прежде всего на самом верху, в сфере методов управления, избираемых монархом. Эти изменения были направлены на последовательную рационализацию принятия собственных административных решений, на контроль над нижестоящими управленцами и новую легитимацию монархического волеизъявления. На самом деле, оба монарха пытались с помощью путешествий — в противовес иным методам управления — повысить свою информированность и компетентность. Их частые, а иногда и неоправданно частые, разъезды по стране позволяли им — в результате осознанного стремления к новому опыту и знаниям — добиваться большей рационализации существующей системы без кардинальных изменений, даже если саму систему со всей очевидностью в прежнем виде спасти было нельзя.

Так или иначе, у обоих императоров через некоторое время накопилось много личных впечатлений об отдельных областях и структурах всей монархии. В случае необходимости они, принимая решения, могли опираться на эти уникальные знания в противовес мнению подчиненных им венских центральных органов управления. В конце концов, оба монарха оказывались единственными жителями собственной империи, которые не понаслышке знали о самых ее отдаленных уголках. Их чиновникам тоже приходилось посредством регулярных перемещений по стране накапливать и осмыслять впечатления об отдельных частях. Правда, с точки зрения географии их карьерные пути обычно не пересекали линию разграничения Австро-Чешских наследственных провинций от Венгерского королевства, и, кроме того, их поездки совершались в ограниченное число регионов и областей⁶. Чтобы по достоинству оценить накопленные императорами знания и впечатления, не следует забывать, что в начале XIX в. статистически достоверные страноведческие данные имелись далеко не обо всех частях монархии⁷.

Оба императора в дороге. Кропотливая работа многих историков позволяет судить о том, насколько постоянные разъезды определяли способ правления и будни обоих монархов. Подсчитано, что из 8 928 дней, которые Иосиф II провел на троне как соправитель

и единоличный правитель с 12 сентября 1765 до самой смерти 20 февраля 1790 г., государь провел вне имперской столицы и своей резиденции Вены как минимум 2 683 дня. Здесь учтены его поездки к театрам военных действий и путешествия за границу (в Италию, Францию и дважды — в 1780 и 1787 гг. — к Екатерине II, причем второй раз — в Крым⁸). Однако большую часть времени император проводил в поездках по своей монархии⁹. Еще выразительнее статистика путешествий Франца I: историк Элеоноре Хартманн в своей диссертации педантично подсчитала, что с 1816 г. до последнего путешествия в 1834 г. (император скончался 2 марта 1835 г.) он провел в Вене всего 4 105 дней, и 2 835 дней находился в поездках¹⁰. Франц после войн с наполеоновской Францией практически не вел войн, за границей бывал крайне редко. Выходит, что он, как и его предшественник и дядя, явно предпочитал путешествия по стране, не отказывая себе, впрочем, в частых посещениях имений близ Вены. Таким образом, Франц возвел сложившуюся в раннее Новое время систему монарших путешествий и практику управления с опорой на опыт, накопленный в поездках, до своей высшей точки.

Крайне несправедливо, хотя и весьма симптоматично, что историческая наука еще не оценила по достоинству Франца I и о нем, как о его предке Иосифе II, до сих пор не ведут речь как о «путешествующем императоре»¹¹. Франц II (I) часто безосновательно считается скучным и неинтересным для историков¹². Совершенно по-иному дело обстоит с императором-реформатором Иосифом II, о котором создано немало научных, высококлассных биографических исследований, и прежде всего — фундаментальный двухтомник британца Д. Билза¹³. Отношение Иосифа к так называемому «йозефинизму» является предметом дискуссий уже не одно десятилетие, истоки его реформ пытаются обнаружить в периоде правления его матери Марии Терезии (иногда, на наш взгляд, искусственно акцентируя внимание на этом вопросе), да и правомерность самого понятия с недавнего времени ставится под сомнение¹⁴. Существование этого термина и его распространение в исторической науке говорят, однако, в пользу того, что Иосиф, давший имя йозефинизму, остается достойным объектом научных исследований.

О путешествиях Иосифа и их функциях в рамках его системы управления нам известно несравнимо больше, чем о путешествиях императора Франца. В этой области особенно многого добилась

Кристина Кульчар, чья статья также представлена в данном сборнике¹⁵. Однако справедливости ради следует напомнить, что более сорока лет назад Матиас Бернат, проанализировав язык эпохи, назвал Иосифа «императором-путешественником» (*Reisekaiser*)¹⁶. В масштабной биографии Дерека Билза эти вопросы детально рассмотрены в первом томе, посвященном периоду до превращения Иосифа в единоличного правителя¹⁷. О более поздних годах правления Билз точно подметил: «Ему наверняка нравилось уезжать подальше от Вены, но он всегда путешествовал с какой-то конкретной целью. Теперь, став полновластным государем, он как никогда ранее был убежден в необходимости знания, полученного на местах, о своих владениях и об администрации, и он не жалел себя, чтобы преуспеть в этом. Ему нравилось приезжать неожиданно для чиновников и подданных, чтобы заставить их всех врасплох»¹⁸.

При всей справедливости этой оценки она нуждается в поправке (и об этом ранее писала К. Кульчар): вопреки широко распространенным представлениям, Иосиф II далеко не всегда и отнюдь не «как правило» путешествовал инкогнито. Действительно, в дороге он назывался «графом Фалькенштейном» (в том числе во время обеих поездок в Россию), иногда ему удавалось сохранить инкогнито, но чаще всего — нет, и тогда возникал немалый переполох. В целом путешествия *al incognito* европейской аристократии и правящих государей в XVIII в. были широко распространены, что объяснялось прежде всего желанием уменьшить репрезентативные расходы¹⁹. В собственных же владениях Иосиф II никогда не путешествовал под вымышленным именем, но вплоть до 1780 г. отправлялся в дорогу совершенно официально как император и сопроводитель своей матери, а затем как единолично царствующий монарх²⁰.

Важно подчеркнуть, что поездки императора по стране никогда не принимали форму пышных придворных или монарших путешествий. Быть в дороге значило для него только одно — работать²¹. Поездки ставили целью инспектирование различных земель Габсбургской монархии. Иными словами, главным было не личное удовольствие, но расширение политических и управленческих знаний, контроль над эффективностью собственных бюрократов, осуществление своей монаршей воли и, естественно, несмотря на внешнюю скромность, демонстрация исключительной роли государя перед элитой и народом. Для этой, последней цели путешествия осознанно инсценировались

особым образом. Одним из самых примечательных и предположительно самых действенных примеров может служить эпизод 19 августа 1769 г., когда — проезжая мимо чешской деревни Славиковице — император отобрал у крестьянина плуг и пропахал одну или две борозды на поле. Порыв императора впоследствии должен был быть увековечен в получивших широкое хождение изображениях²².

В 1765 г., вскоре после того как Иосиф стал соправителем, в меморандуме о состоянии Австрийской империи он начертил программу преобразований, не забыв упомянуть об обязанности государя объезжать свои владения и лично знакомиться с подданными: «Что касается путешествий, они представляются мне крайне необходимыми для любого монарха. Моей главной целью и заботой является сбор военных и политических сведений, но так, чтобы не обременить свое государство ни расходами, ни знаками внимания»²³.

Эти правила соблюдались в течение 25 лет во время всех путешествий Иосифа II. Подтверждение слов Д. Билза находим в следующих рассуждениях: «Собственный анализ положения в различных землях его монархии казался ему наиболее важным и разумным. С этим перекликались деспотически-бюрократические представления Иосифа о государстве как большой машине, рычагами которой, чтобы она исправно работала, может управлять только один человек»²⁴. В своем стремлении к максимальной эффективности Иосиф по всей стране запретил сословиям, комитатам и магистратам оказывать себе торжественный прием с залпами салюта и другими церемониальными действиями. По всему пути следования разрешались только ежегодные плановые ремонтные работы на дорогах и мостах, любые чрезвычайные мероприятия запрещались. Император избегал путешествовать с многочисленной свитой — непременным атрибутом любого другого барочного придворного путешествия. Особое значение он придавал тому, чтобы его сопровождали лишь те люди, чьим профессиональным знаниям он полностью доверял²⁵. Его особо интересовали мероприятия военного и социального характера. Он посещал мануфактуры, учреждения культуры, исправительные дома, больницы и сиротские приюты, где непременно желал лично убедиться, чем кормят заключенных, пациентов и сирот. Он радикально изменил представления о том, что значило быть монархом.

Маршруты Иосифа II, нанесенные на географическую карту, свидетельствуют, что к концу жизни он посетил все земли своих владений,

вплоть до отдаленнейших уголков страны. Не было такой области, о которой бы он забыл, хотя, конечно, чаще всего его перемещения совершались в пространстве между Прагой и северной Богемией, югом Моравии с ее столицей Брюнном и Венгрией с Будой и Пештом²⁶. До сих пор, кстати, бытует не вполне справедливое представление о том, что Иосиф (как некогда русский царь Петр Великий) привозил идеи своих многочисленных преобразований главным образом из-за границы²⁷. Поездки по стране, однако, не реже пробуждали в императоре страсть к нововведениям. Меморандум, датированный 1771 г., красноречиво свидетельствует: впечатления от поездки в Богемию и Моравию нашли свое отражение в программе реформ²⁸. Другое дело, что сформулированные по свежим следам предложения не получали применения в политической практике при жизни его матери Марии Терезии (нередко под ее же давлением)²⁹. В то же время, как убедительно показала Марта Фата, впечатления от первой поездки в Банат в 1768 г. можно назвать ключом к пониманию многих реформаторских устремлений Иосифа в последующие десятилетия³⁰.

В случае Франца I говорить о «реформаторских устремлениях» не приходится, хотя и он сделал немало для преобразования административного аппарата. Только недостаточной изученностью темы можно объяснить то обстоятельство, что о прямом влиянии его поездок на политику нам известно непростительно мало. В любом случае уже не подлежит сомнению, что в отдельных случаях, когда император не был согласен с решениями, предложениями центральных ведомств, в разговорах с чиновниками он аргументировал свою позицию информированностью о ситуации, опираясь при этом на опыт поездок. Кроме того, он нередко принимал решения по важным вопросам местного управления непосредственно на месте³¹.

Документооборот и проект публикации источников. Для фундированного сравнения властных практик Иосифа II и Франца I, в особенности в области значимости путешествий, необходимо, наряду с более общими исследованиями о Франце I, уделить пристальное внимание научному осмыслению огромного числа путевых заметок, которые он вел с еще большим рвением, чем его дядя. Однако если разъезды Иосифа отражены в многочисленных и добротных публикациях источников (достаточно сослаться на новое, образцовое издание трансильванского дневника 1773 г. под редакцией Илеаны Бозац и Теодора Павела³²), ничего подобного по материалам путешествий Франца I пока сделано

не было³³. На устранение этой диспропорции направлен проект публикации источников, осуществляемый в Институте изучения Восточной и Юго-Восточной Европы в Регенсбурге (Германия). Предполагается подготовить фрагменты текстов Иосифа II и Франца I об административных центрах различных провинций монархии, поскольку эти зарисовки мест, в которых побывали оба государя, также служат важными источниками по локальной, институциональной и административной истории Габсбургских земель на рубеже XVIII–XIX вв.

Проект «Репрезентация и реализация монархической власти: императорские путешествия Иосифа II и Франца I»³⁴ сфокусирован на анализе императорских наблюдений и впечатлений о степени развития тех или иных областей, этнографических и религиозных различиях и порождаемой ими социальной напряженности, о личных и коллективных лояльностях, городских ландшафтах, институциях (таких как тюрьмы или больницы), урбанистической высокой культуре. Проект предполагает транскрипцию и анализ (часто довольно пространных) отрывков из путевых заметок о 16 населенных пунктах. Перечислим их в алфавитном порядке: Буда, Венеция, Грац, Задар, Загреб, Зальцбург, Инсбрук, Лайбах, Лемберг, Милан, Пешт, Прага, Пресбург, Темешвар, Триест, Черновцы. Относительно Трансильвании авторы еще не определились, будет это Херманштадт или Клаузенбург. Электронную версию издания предполагается разместить в сети Интернет.

В заключение необходимо подробнее охарактеризовать архивный фонд, являющийся для проекта центральным. Он образовался в процессе путешествий обоих императоров и в правление императора Франца I был сведен воедино в его личном рукописном наследии³⁵, что еще раз актуализирует проблему слабой изученности императорской преемственности. Кто-то из архивистов последующих эпох дал этому фонду, хранящемуся в Архиве династии, двора и государства Австрийского государственного архива, не вполне точное название «Придворные путешествия» (*Hofreisen*). В действительности собранные в нем документы относятся не к придворным путешествиям с репрезентативными целями, а в подавляющем своем большинстве посвящены инспекционным поездкам государей. Речь идет об актах с 1766 по 1834 гг.; в 11-ти коробках хранятся отчеты о поездках Иосифа, в 50-ти коробках — Франца I. Записки обоих государей (в большинстве своем в оригинале, но есть и в современных копиях) весьма объемны

(всего около 50 тыс. страниц) и не имеют единой, сквозной структуры. Иосиф писал в жанре дорожного дневника, предназначенного для соправительницы и матери Марии Терезии, Франц же делал записи для себя самого, для памяти, отчасти в форме дневника, отчасти в виде тематических зарисовок о месте пребывания, его административном аппарате и различных учреждениях.

До начала поездки оба императора изучали различные отчеты, казавшиеся земель, которые предстояло посетить. Если Иосиф II каждый вечер диктовал свои впечатления и наблюдения, то Франц I в конце каждого дня пути делал собственноручные записи. Так возникли отчасти записанные самим Иосифом, отчасти надиктованные секретарю «дорожные журналы», которые дополняются донесениями и петициями, заметками, написанными сопровождавшими его чиновниками, и черновиками отчетов императора Марии Терезии³⁶. Журналы Иосифа гораздо лаконичнее тех, что вел император Франц. Зато он излагал на бумаге только наблюдения и практически никогда не делился собственными размышлениями о том, чему стал свидетелем.

Следует отметить, что в фонде «Придворные путешествия» — за двумя исключениями — нет записок, сделанных Иосифом II во время единоличного правления. Эти временные рамки можно объяснить его собственным пониманием миссии соправителя. Ему полагалось в свободное от исполнения основных функций время объезжать земли и подавать отчеты императрице. С кончиной Марии Терезии необходимость в этом отпала, и Иосиф отказался не от путешествий как таковых, но от написания трудоемких отчетов о них³⁷.

На основании записей можно реконструировать не только расписание дня, но и определить, что привлекало внимание государя. В программе обоих монархов были визиты в военные и гражданские органы управления, образовательные и иные учреждения. Упоминаются вопросы экономики, сельского хозяйства, финансов, торговли. Иосиф II часто критически отзывался о государственном устройстве и порядке, высказывал собственные или заимствовал чужие предложения об их улучшении. Оба монарха живо интересовались мерами в сфере церковной политики³⁸. Иосиф не проявлял интереса к истории искусств, скорее это можно сказать о Франце, который больше, чем дядя, писал о посещении театров, концертов, музеев. Сделанные Иосифом личные наблюдения говорят о проницательности и восприимчивости, что позволяет разглядеть за ними обширные познания

(чего нельзя сказать о Франце³⁹) в области управления землями, личные мнения и предпочтения.

Большая часть фонда «Придворные путешествия» (50 коробок) содержит, как сказано выше, документы, относящиеся к поездкам именно Франца. Колоссальным объемом материала, а, возможно — слабой изученностью данной эпохи в целом, можно объяснить то, что эти документы, не привлекая (за редкими исключениями) внимания историков, пылятся в архиве. Племянник Иосифа II был, однако, хорошим учеником и неутомимым бюрократом. От каждой его поездки сохранился путевой журнал. Бесчисленные приложения, изготовленные перед путешествием или переданные императору в ходе визита, хранятся там же⁴⁰. Повторим, что помимо педантичных описаний органов управления и экономики там говорится о живописных ландшафтах и городской архитектуре. Поэтому публикация и анализ этих материалов представляют несомненную ценность.

Перевод с нем. О. В. Хавановой

Примечания

¹ *Stieldorf A. Reichsherrschaft und Residenz im frühen und hohen Mittelalter // Historisches Jahrbuch. 200. Jg. 129. S. 147–178, здесь S. 148–150. Ср. со средневековыми практиками: Ohler N. Reisen im Mittelalter. Darmstadt, 2004. S. 234–269.*

² Ср.: *Das italienische Reisetagebuch Kaiser Franz. von Österreich aus dem Jahre 1819. Eine kritische Edition / Hrsg. von Th. Kuster. Münster, 2008. S. 8.*

³ *Kulcsár K. Die Reisen Joseph II. im ehemaligen Ungarn (1768–1773). Vorbereitung für die Alleinherrschaft. Ms. Abschlussarbeit Eötvös Loránd Tudományegyetem. 1995. S. 7.*

⁴ *Ibid. S. 8–9.*

⁵ Для сравнения парных понятий «управление в пути» и «управление из дворца» в средние века ср.: *Stieldorf A. Reichsherrschaft. S. 147 passim.*

⁶ Ср. картографическое представление карьерного пути двух высокопоставленных чиновников в период правления Франца I (и в последующий период вплоть до 1848 г.) в книге В. Хайндль: *Heindl W. Gehorsame Rebellen. Bürokratie und Beamte in Österreich (1780–1848). Wien; Köln; Graz, 2013². (Можно обратиться и к первому изданию книги 1990 г., которое практически идентично второму.)*

⁷ Дважды другими важнейшими функциями путешествия были, во-первых, прямой контроль со стороны монарха над служащими за пределами имперской столицы чиновниками и, во-вторых, укрепление лояльности со стороны чиновничества и населения путем предоставления возможности лицезреть монарха и даже общаться с ним. Однако оба этих пункта в нашем анализе отступают на задний план по сравнению с таким аспектом, как управление посредством накопления практического опыта.

⁸ Живое и развлекательное (а в случае характеристик, данных Иосифу II, излишне саркастическое) описание этих двух путешествий, столь важных для русско-австрийского альянса в связи с войной с османами, приведены у С. Себаг-Монтефьоре

(авторы статьи воспользовались немецким переводом его книги). См.: *Sebag Montefiore S. Katharina die Große und Fürst Potemkin. Eine kaiserliche Affäre. Frankfurt am Main, 2009. S. 323–330, 531–549.* (На английском языке см.: *Sebag Montefiore S. Prince of Princes. The Life of Potemkin. London, 2000.*)

⁹ См.: *Kulcsár K. II. József utazásai Magyarországon, Erdélyben, Szlavóniában és a Temesi Bánságban, 1780–1773. Bp., 2004. 570. old.* (ср.: аннотация на немецком языке: 569–580. old., на английском: 559–568. old.).

¹⁰ *Hartmann E. Die Hofreisen Kaiser Franz I. Diss. Univ. Wien. 1968. S. 256.*

¹¹ Для более точного представления и близкого знакомства с весьма скромным списком литературы см.: *Clewing K. Roher Diamant Dalmatien. Die habsburgische Verwaltung, ihre Probleme und das Land, wie beschrieben von seinem Gouverneur Lilienberg für Kaiser Franz I. (1834). München u.a., 2015. S. 24–26.* Электронная версия доступна по адресу: <http://www.kubon-sagner.de/opac.html?record=8062E> (дата последнего посещения 1.III.2015).

¹² Ср. в дополнение к приведенным выше данным также каталог, подготовленный под руководством Готфрида и Хенрике Мраз, а также Готфрида Штанглера: *Kaisertum Österreich, 1804–1848. Ausstellung Schallaburg 27. April bis 27. Oktober 1996. Bad Vöslau, 1996 (447 с.).* Прежде всего, на стр. 104 см. список (предположительно составленный Г. Мразом) различных нововведений периода правления императора Франца, действующих в Австрии по сей день. Представляется, что такой принципиально важный элемент, как путешествия, не получил на страницах каталога никакого освещения.

¹³ *Beales D. Joseph II. Bd. 1: In the Shadow of Maria Theresia, 1741–1780; Bd. 2: Against the World, 1780–1790. Cambridge et al. 1987–2009.* Интересен (и весьма информативен для сравнения историографических подходов) большой и роскошно изданный «йозефинистский» каталог выставки — еще более объемный и роскошный, чем тот, что посвящен Францу и предмартовскому периоду. Там опубликован ряд статей о путешествиях Иосифа, см.: *Österreich zur Zeit Kaiser Josephs II: Mitregent Kaiserin Maria Theresias, Kaiser und Landesfürst. Stift Melk, 29. März – 2. November 1980 / Hrsg. von K. Gutkas. Wien 1980 (718 с., иллюстрации).*

¹⁴ Ср. критический подход к йозефинизму, в том числе в статьях обоих редакторов: *Josephinismus zwischen den Regimen. Eduard Winter, Fritz Valjavec und die zentraleuropäischen Historiographien im 20. Jahrhundert / Hrsg. von F. L. Fillafer, Th. Wallnig. Wien; Köln; Weimar, 2015.* Аффирмативный подход реализован в сборнике: *Josephinismus als Aufgeklärter Absolutismus / Hrsg. von H. Reinalter. Wien; Köln; Weimar, 2008.* В качестве дополнения и примера грамотной, точной и понятной дискуссии по поводу историко-историографической попытки терминологического анализа также см.: *Bernath M. Habsburg und die Anfänge der rumänischen Nationsbildung. Leiden, 1972. S. 171–179.*

¹⁵ Помимо работ, названных в сносках 3 и 10, ср. в особенности: *Kulcsár K. Die Quellen zu den Hofreisen im Habsburg-Lothringischen Familienarchiv aus dem Jahren 1766 bis 1788 // Quellenkunde der Habsburgermonarchie (16–18. Jahrhundert). Ein exemplarisches Handbuch / Hrsg. von J. Pauser, M. Scheutz, Th. Winkelbauer. Wien; München, 2004. S. 108–119 (Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. Ergänzungsband 44); *Eadem. Reformwürfe von Joseph II. anlässlich seiner Reisen in Ungarn, Siebenbürgen, Slawonien und im Temescher Banat, 1768–1773 // Ungarn-Jahrbuch: Zeitschrift für interdisziplinäre Hungarologie. München, 2007. Bd. 28. Jg. 2005–2007. S. 413–422.**

¹⁶ *Bernath M. Die Anfänge. S. 205.* На стр. 203–204 дается общая оценка путешествий Иосифа.

¹⁷ *Beales D.* Joseph II. Bd. 1. См., прежде всего: Гл. 8 («Первые поездки: Банат и Италия, 1768–1769»), Гл. 11 («Богемия: путешествия и реформы, 1769–1777») и Гл. 12 («Более поздние поездки: восточные провинции и Франция, 1773–1779»).

¹⁸ *Ibid.* Bd. 2. S. 140.

¹⁹ *Grand Tour – Adeliges Reisen und europäische Kultur vom 14. bis zum 18. Jahrhundert* / Hrsg. von R. Babel, W. Paravicini. Stuttgart, 2005. (Beihefte der Francia. Bd. 60).

²⁰ *Kulcsár K.* Die Quellen zu den Hofreisen. S. 109–110. Ср. с ошибочными утверждениями: *May W.* Die Reisen Josephs II // Österreich zur Zeit Kaiser Josephs II. S. 82–83.

²¹ *Kulcsár K.* Reformentwürfe von Joseph II. S. 413; *Mutschlechner M.* Die Reisen des Grafen von Falkenstein. Текст доступен по адресу: <http://www.habsburger.net/de/kapitel/die-reisen-des-grafen-von-falkenstein?language=en> (дата последнего посещения 31.III.2015).

²² *Zemek M.* Joseph II. und Slavikovice // Österreich zur Zeit Kaiser Josephs II. S. 291–292.

²³ *Pillich W.* Kaiser Joseph II. in Linz // Historisches Jahrbuch der Stadt Linz. Bd. 1963. S. 129–150, здесь: S. 129.

²⁴ *Schmidt D.* Der Wissensdurst des «Grafen Falkenstein» – Der reisende Kaiser // Damals. Das Magazin für Geschichte. 2013. Heft 1. S. 34–39, здесь: S. 35.

²⁵ *Kulcsár K.* Die Quellen zu den Hofreisen, S. 110.

²⁶ Карту «Путешествия императора Иосифа II по Австрийской монархии» см.: Österreich zur Zeit Kaiser Josephs II. S. 714–715.

²⁷ Такая точка зрения до сих пор широко распространена, хотя в целом является ошибочной, основанной на опыте только одной поездки во Францию. См. в этой связи, например: *Wagner H.* Die Reise Josephs II. nach Frankreich 1777 // Österreich zur Zeit Kaiser Josephs II. S. 100–102. В популярной литературе такие представления бытуют и поныне.

²⁸ *Schmidt D.* Der reisende Kaiser. S. 39.

²⁹ В этой связи ср.: *Feneşan C.* Die zweite Reise Kaiser Josephs II. ins Temeswarer Banat (1770) // Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs. 1997. Bd. 45. S. 234.

³⁰ *Fata M.* Migration im kameralistischen Staat Josephs II. Theorie und Praxis der Ansiedlungspolitik in Ungarn, Siebenbürgen, Galizien und der Bukowina von 1768 bis 1790. Münster 2014. Besonders см. Главы С. II и С. III.

³¹ *Clewing K.* Staatlichkeit und nationale Identitätsbildung. Dalmatien in Vormärz und Revolution. München 2001. S. 133, 137–138.

³² Том содержит перепечатку немецкого оригинала и многочисленные источники, относящиеся к путешествию: *Călătoria Împăratului Iosif al II-lea în Transilvania la 1773. Die Reise Kaiser Josephs II. durch Siebenbürgen im Jahre 1773* / Hrsg. von I. Bozac, T. Pavel. Cluj-Napoca / Klausenburg 2006–2011. 2 Bde. (Во 2-м томе речь идет о последствиях путешествия, вплоть до 1780 г.)

³³ Одна основательная публикация источника, в котором речь идет о поездке за границу, является исключением из «правила путешествий», поскольку посвящена зарубежному вояжу, а не административно-инспекционной поездке. См.: *Das italienische Reisetagebuch Kaiser Franz I. von Österreich.* Напротив, многостраничный перевод на хорватский язык части путевых заметок, в которых речь идет хорватском участке пути, трудно назвать критическим изданием. См.: *Car Franjo I. u Hrvatskoj 1818* / Vyd. Lj. Krmpotić. Hannover; Čakovec, 2002. 2 Bde.

³⁴ Проект осуществляется под руководством К. Клевинга совместно с Л. Вульфом (Нью-Йорк).

³⁵ Ср.: *Kulcsár K.* Die Quellen zu den Hofreisen. S. 108–109.

³⁶ *Pillich W.* Kaiser Joseph II. in Linz. S. 130.

³⁷ *Kulcsár K.* Die Quellen zu den Hofreisen. S. 112.

³⁸ *Ibid.* S. 113.

³⁹ *Kulcsár K.* Reformentwürfe von Joseph II. S. 414 passim.

⁴⁰ *Kulcsár K.* Die Quellen zu den Hofreisen. S. 118.

Сведения об авторах, редакторах, рецензентах

Беспалая Елена Васильевна — аспирант кафедры отечественной истории Московского городского педагогического университета, учитель истории ГБОУ «Школа № 117» (Москва).

Болотина Наталья Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории российской государственности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва).

Джокич Мария (Đokić, Marija) — докторант Мюнхенского университета им. Людвига Максимилиана (Мюнхен/Белград).

Ибнеева Гузель Вазыховна — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и стран ближнего зарубежья Казанского федерального университета (Казань).

Каштанова Ольга Сергеевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва).

Кирилина Любовь Алексеевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва).

Клопова Мария Эдуардовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва).

Клевинг Конрад (Slewing, Konrad) — доктор наук (*PhD*), научный сотрудник Института по изучению Восточной и Юго-Восточной Европы (Регенсбург).

Кузьмичева Людмила Васильевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории южных и западных славян исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва).

Кульчар Кристина (Kulcsár Krisztina) — доктор наук (*PhD*), научный сотрудник Государственного архива Венгерского национального архива (Будапешт)

Левкиевская Елена Евгеньевна — доктор филологических наук, профессор Центра типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета (Москва)

Лескинен Мария Войттовна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва).

Лукашова Светлана Станиславовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва).

Марасинова Елена Нигметовна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва).

Мелентьев Федор Ильич — аспирант кафедры истории России XIX — начала XX вв. исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва).

Меркулов Иван Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры исторического регионоведения Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург).

Соколовская Ольга Владимировна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва).

Струнина-Бородина Наталия Григорьевна — младший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва).

Топычканов Андрей Владимирович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры истории и теории политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва).

Тотфалушин Виктор Петрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии Института истории и международных отношений Национального исследовательского Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского (Саратов).

Филатова Наталия Маратовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва).

Хаванова Ольга Владимировна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва).

Шварц Искра (Schwarcz, Iskra) — доктор наук (*PhD*), доцент Института восточноевропейских исследований Венского университета (Вена).

Штеппан Кристиан (Steppan, Christian) — доктор наук (*PhD*), ассоциированный исследователь Института славяноведения РАН (Москва/Инсбрук).

Список упоминаемых в тексте исторических географических названий

Бейе — совр. Билье в Хорватии

Бреслау — совр. Вроцлав в Польше

Брест-Литовский — совр. Брест в Беларуси

Брюнн — совр. Брно в Чехии

Гапсаль — совр. Хаапсалу в Эстонии

Гёрц — совр. Гориция в Италии (в словенской традиции Горица)

Клаузенбург — совр. Клуж-Напока в Румынии (в венгерской традиции
Коложвар)

Ковно — совр. Каунас в Литве

Лайбах — совр. Любляна в Словении

Лемберг — совр. Львов на Украине

Либава — совр. Лиепая в Латвии

Пресбург — совр. Братислава в Словакии (в венгерской традиции
Пожонь)

Темешвар — совр. Тимишоара в Румынии

Тропшау — совр. Опава в Чехии

Херманштадт — совр. Сибиу в Румынии (в венгерской традиции
(Надь-)Себен)

Штомфа — совр. Ступава в Словакии

Список сокращений

АВП РИ	Архив внешней политики Российской империи, Москва
АС	Архив Србије, Белград
БАОНМЦГ	Библиотечно-архивско одјеленье Народног музеја Црне Горе, Цетинье
ГА РФ	Государственный архив Российской Федерации, Москва
ДК	Дворска Канцеларија
ЖМЮ	Журнал Министерства юстиции
КС	Киевская старина
НИОР РГБ	Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Москва
МГПИ	Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина
ОПИ ГИМ	Отдел письменных источников Государственного исторического музея
ОР РНБ	Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург
ПСЗ РИ	Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. в 50 т. СПб., 1830–1859
РА	Русский архив
РВ	Русский вестник
РГИА	Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург
РС	Русская старина
РГАДА	Российский государственный архив древних актов, Москва

РО ИРЛИ	Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом), Санкт-Петербург
Сб. РИО	Сборник [императорского] русского исторического общества: в 148 т. СПб., 1867–1916.
ЧОИДР	Чтения общества истории и древностей российских
АНК	Alte Hofkammer
ÄZA	Ältere Zeremonialakten
ФНКА	Verwaltungs-, Finanz- und Hofkammerarchiv, Wien
HFÖ	Hoffinanz Österreich
HHStA	Haus-, Hof- und Staatsarchiv, Wien
MNL OL	Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára, Budapest
ÖC	Österreichisches Camerale
ÖStA	Österreichisches Staatsarchiv, Wien
RU	Russland
SHStA Dresden	Sächsisches Hauptstaatsarchiv Dresden
StA	Staatenabteilung
WD	Wienerisches Diarium
WZ	Wiener Zeitung

Все книги издательства «Нестор-История»

можно приобрести по адресу:

Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7, тел. +7(965)048-04-28

Москва, ул. 1-я Брестская, д. 62, 3-й этаж, тел. +7(499)755-96-25

(100 м от станции метро «Белорусская-Кольцевая»)

или заказать:

www.nestorbook.ru

По вопросам оптовой торговли обращайтесь:

Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7, тел. 8-965-048-04-28

ТД «Гуманитарная Академия», тел. (812)430-99-21, www.humak.ru

Издательство «Нестор-История» с 2003 года на рынке интеллектуальной литературы

Мы осуществляем весь цикл предпечатной подготовки:

- Набор текста
- Литературное редактирование
- Корректра
- Изготовление оригинал-макета любой степени сложности

**Наличие собственной типографии
позволяет минимизировать затраты на изготовление тиража книги**

**Издательство помогает своим авторам
реализовать тираж через книготорговые организации**

Наши партнеры в Санкт-Петербурге:

- Санкт-Петербургский государственный университет
- Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
- Социологический институт Российской Академии наук
- Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской Академии наук (Санкт-Петербургский филиал)
- Санкт-Петербургский экономико-математический институт Российской Академии наук
- Санкт-Петербургский институт истории Российской Академии наук
- Институт восточных рукописей Российской Академии наук
- Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук
- Институт лингвистических исследований Российской Академии наук
- Институт русской литературы Российской Академии наук (Пушкинский Дом)
- Санкт-Петербургский научный центр Российской Академии наук
- Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ
- Санкт-Петербургский Институт океанологии им. П.П. Ширшова Российской Академии наук (СПбФ ИО РАН)
- Академический университет – научно-образовательный центр нанотехнологий Российской Академии наук
- Международный банковский институт (АНО ВПО «МБИ») и другие организации

Наши партнеры в Москве:

- Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
- Государственный центральный театральный музей им. А.А. Бахрушина
- Государственный музей А.С. Пушкина
- Политехнический музей
- Институт славяноведения Российской Академии наук
- Институт археологии Российской Академии наук
- Институт проблем рынка Российской Академии наук
- Институт экономики Российской Академии наук
- Институт общей генетики Российской Академии наук
- Институт Европы Российской Академии наук
- Институт российской истории Российской Академии наук
- Институт географии Российской Академии наук
- Институт содержания и методов обучения Российской академии образования
- Психологический институт Российской академии образования
- Государственный институт искусствознания
- Государственный музыкально-педагогический институт им. М.М. Ипполитова-Иванова
- Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства Российской академии архитектуры и строительных наук
- Московский государственный университет тонких химических технологий им. М.В. Ломоносова
- Академия сферы социальных отношений и другие организации

Обращайтесь к нам по телефонам:

Санкт-Петербург
+ 7(812)235 15 86
Москва
+7 (499)755 96 25
или

через форму обратной связи на нашем сайте nestorbook.ru

Научное издание

РОМАНОВЫ В ДОРОГЕ
Путешествия и поездки членов царской семьи
по России и за границу

Выпускающий редактор *Е. Ф. Качанова*
Корректор *А. М. Никитина*
Оригинал-макет *Л. Е. Голод*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 12.11.2015. Формат 60×90^{1/16}
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 20
Тираж 800 экз. Заказ № 150

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)622-01-23